

Виктор ТРУШКОВ

ПРОЛЕТАРИАТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.В. Трушков

**ПРОЛЕТАРИАТ
СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Москва
2012

Приложение к журналу «Политическое просвещение».

Трушков В.В. Рабочий класс современной России. — М., 2012. — 320 с.

В работе политического обозревателя газеты «Правда», профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора философских наук В.В. Трушкова на богатом статистическом и социологическом материале убедительно обосновывается актуальность классического марксистско-ленинского положения о том, что основным противоречием современной российской действительности является антагонизм между трудом и капиталом. Следовательно, основными классами нынешнего российского общества являются буржуазия и пролетариат. Автор аргументированно, с цифрами в руках опровергает распространённые ныне утверждения об отсутствии в современной России рабочего класса. Учёный показывает, как шёл процесс его становления и развития, осмысливает общество реставрации капитализма, в котором мы живём, облик пролетариата, порождённого реанимацией буржуазного жизнеустройства, эксплуататорскую сущность основных составляющих нынешнего режима. Всей логикой исследования читатель подводится к выводу, что борьба за социализм снова стоит в повестке дня современной России.

Книга рассчитана на актив КПРФ, партийных пропагандистов, формирующихся лидеров рабочего движения, на читателей, всерьёз интересующихся социологическим, политологическим и социально-философским осмыслением современной эпохи и роли в ней класса наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда.

**На обложке: фрагмент картины Гелия Коржева
«Поднимающий знамя».**

«Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжёлых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

*В.И. Ленин.
«Очередные задачи Советской власти».*

Содержание

Предисловие.	5
Социализм снова на повестке дня (вместо введения).	10
<i>Глава первая</i> Становление и развитие пролетариата (актуальные проблемы).	24
<i>Глава вторая</i> Общество, в котором мы живём.	49
<i>Глава третья</i> Класс, заинтересованный в социализме.	84
<i>Глава четвёртая</i> Современный облик рабочего класса.	125
<i>Глава пятая</i> Эксплуатация наёмного труда.	159
<i>Глава шестая</i> Режим реставрации капитализма против пролетариата.	200
<i>Глава седьмая</i> Модернизация России и интересы рабочего класса.	250
<i>Глава восьмая</i> «Будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата». . .	275
Послесловие.	318

Предисловие

Эта работа приурочена ко II Всероссийскому съезду представителей трудовых коллективов. Но не потому, что таким значительным событиям приятно делать подарки. У автора куда более прозаичная задача: помочь, насколько в его силах, предстоящему съезду создать массовое рабочее движение. Для этого съезду потребуется осмыслить положение в стране, чётко сформулировать коренные интересы российского современного пролетариата, осознать его общественно-политические настроения и уровень его реальной организованности. Нет, у автора нет самонадеянных претензий на решение поставленных вопросов. Более того, решать их придётся самим наёмным работникам физического и умственного труда. Но для их решения нужна проверенная историческим опытом методология, то есть принципы и способы осмысления возникающих проблем, разрешения существующих противоречий. Автор берёт на себя труд лишь подсказать, где можно найти строго научные ответы об эффективных принципах и методах осмысления своего угнетённого положения и борьбы за его коренное улучшение. А найти их можно (и нужно!) прежде всего в великих произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина.

Работа, которую вы держите в руках, предполагала первоначально только рассказ о марксистско-ленинской теории, посвящённой роли рабочего класса в современную эпоху и классовой борьбе пролетариата с буржуазией. Чтобы книга не казалась умозрительной, далёкой от жизни, марксистско-ленинские выкладки подтверждены статистическими данными. Их можно найти не только в регулярно публикуемых «Российских статистических ежегодниках» и официальных изданиях Росстата, посвящённых проблемам труда, занятости, экономическому положению населения РФ и т. п., но и в «Статистических бюллетенях», в которых содержится богатая информация о специализированных обследованиях, которые проводят учёные-статистики. Более того, на основе статистических данных в последние годы проведены серьёзные изыскания Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН. В этой книге автор не раз ссылается на интересные работы его ныне покойного директора профессора А.Ю. Шевякова.

К процессу работы над книжкой автору очень повезло: в печати появился аналитический доклад о фундаментальном исследовании «Двадцать лет реформ глазами россиян», которое было проведено в 2011 году Институтом социологии Российской академии наук (ИС РАН) под руководством члена-корреспондента РАН М.К. Горшкова*. Эта работа сразу привлекла внимание тех, кому интересно современное состояние российского общества, — причём не только в нашей стране, но и за рубежом. В опубликованном отчёте содержится огромный эмпирический материал. Что касается оценок и осмысления конкретно-социологических данных, то здесь с авторами можно по очень многим вопросам дискутировать, потому что они смотрят на современный мир глазами модного ныне в буржуазных кругах позитивизма. Но автор поступил иначе: он переосмыслил опубликованные учёными академического института материалы с позиций марксистско-ленинской методологии. От этого они, думается, стали интереснее и ценнее, — по крайней мере, рабочему классу и его сторонникам.

Следующей удачей для автора, взявшегося писать о рабочем классе, стала публикация аналитического доклада «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности». Доклад выполнен кандидатами исторических наук С.В. Патрушевым (руководитель исследования), Т.В. Павловой, Г.А. Цисиной и О.А. Мирясовой**. Не замечать это исследование ИС РАН было бы несправедливо, хотя надо всё время помнить, что оно носило заказной характер. В этом отношении примечательна аннотация исследования, которая начинается так: «Центральный совет Горно-металлургического профсоюза России представляет очередной, четвёртый по счёту, аналитический доклад, подготовленный специалистами Института социологии Российской академии наук при содействии территориальных органов и профкомов первичных организаций ГМПР. Ранее аналитические работы выполнялись в 1999, 2003 и 2007 годах, т. е. накануне очередных съездов ГМПР».

Какая богатая информация в нескольких строчках. Во-первых, поскольку исследование касалось членов профсоюза, то нам представлен социальный портрет **наёмных работников** отрасли. Во-вторых,

* См.: Двадцать лет реформ глазами россиян. (Опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. Институт социологии РАН. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта. — М.: ИС РАН. 2011. http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Predislovie.pdf Все последующие ссылки на результаты исследования ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» приводятся по этому источнику.

** См.: http://www.isras.ru/files/File/Publication/ad_gmpr_2011_2.pdf Все последующие ссылки на результаты исследования ИС РАН «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности» приводятся по этому источнику.

по данным этого исследования можно судить о положении индустриального пролетариата одной из самых благополучных отраслей современной российской экономики, где уровень противоречий между наёмными работниками и работодателями не острее, чем в целом по Российской Федерации. Это позволит избежать завышенных оценок классового сознания нынешних наёмных работников физического и умственного труда. В-третьих, поскольку исследование проводится по похожей методике в четвёртый раз, то оно позволяет **выявлять тенденции** социального положения и настроений класса наёмных работников. В-четвёртых, изучение проводилось специалистами ИС РАН, отличающимися профессиональной добросовестностью, позволяющей доверять приводимым ими эмпирическим данным.

С другой стороны, приведённая выше фраза из аннотации к исследованию предупреждает о возможных «подводных камнях». В докладе, например, нет сопоставительных данных, позволяющих сравнивать объективное положение и субъективные мнения рабочих и инженерно-технических работников, хотя доля тех и иных в выборке примерно одинакова. Серьёзное влияние на доклад оказывает и мировоззренческая позиция современных официальных профсоюзов, входящих в ФНПР. Федерация, как известно, исходит в своей деятельности из принципа классового сотрудничества «волков и овец». Всё это заставило серьёзно переосмыслить с позиций марксистско-ленинской классовой методологии богатый эмпирический материал, который содержался в опубликованном докладе.

Убеждён, что эта информация о «технической» стороне предлагаемой работы очень важна для читателя, так как она позволяет ему судить, насколько можно доверять автору, можно ли верить тем фактам и цифрам, на которые он ссылается. Наконец, это поможет читателю решить, стоит ли вообще иметь дело с предлагаемой книжкой. Но сразу хотелось бы предупредить, что кроме «технической» стороны у этой работы есть и идеологическая составляющая. А поскольку идеология является отражением действительности через призму интересов больших социальных групп, то автор стремился постоянно отражать современную действительность (её сущностью является реставрация капитализма в России) сквозь призму пролетарских интересов.

В основе этой работы лежат статьи, публиковавшиеся в «Правде»: обостряющееся классовое противостояние требует оперативного осмысления процессов, происходящих как в современном российском пролетариате, так и в обществе в целом. Правда, эта особенность работы привела к тому, что некоторые существенные положения нередко повторяются в разных главах книжки.

Поворотный характер бегущего дня связан с экономическим кризисом — мировым по масштабу и одновременно российским в силу специфики, порождённой реставрацией капитализма в нашей стране. При этом кризис не изолирован от всей совокупности гос-

подстывающих общественно-политических процессов, присущих современной России. Наоборот, он в них включается, в чём-то ускоряя их, а в чём-то — замедляя.

Реставрация капитализма, если её измерять не по эталону индивидуальной человеческой жизни, а по масштабу истории — период краткосрочный и быстротечный. И дело даже не в аналогиях с реставрациями английских Стюартов и французских Бурбонов, а в нарастающем «ускорении» истории. Её современный динамизм зримо проявляется в истории двух последних десятилетий. Два года — от августа 1991-го до сентября-октября 1993-го — потребовались победителям контрреволюции на погром социалистического жизнеустройства и советской государственности. Шесть лет, с 1994-го по 1999-й, сохранялось состояние постоянно сдвигавшегося вправо «неустойчивого равновесия», когда ещё у народных масс была возможность прервать агрессивный захват командных высот в экономике и политике «новой буржуазией». И всего восемь лет досталось «победителям» на этап симуляции буржуазного процветания, опиравшегося на хищническую распродажу невозобновляемых природных богатств России западному транснациональному капиталу.

Надо признать, что ресурсы подобной симуляции экономических успехов ещё не были исчерпаны, но вмешалась беспощадная диктатура мирового и национального системного кризиса. После кризиса вернуться в иллюзорное благополучие без реструктуризации экономики России, управляемой хапучим классом нуворишей, уже не удастся. Но крупный капитал страны и обслуживающий его правящий режим заинтересованы в сохранении её прежней структуры, в основе которой остаются лишь экспортно-сырьевой и банковско-спекулятивный секторы.

Поворот от этапа укрепления (отчасти реального, отчасти виртуального) позиций буржуазной контрреволюции к кризису не только отечественной экономики, но и всей системы капиталистической реставрации — такова сущность момента, переживаемого нашим обществом. Впереди — неизбежный подъём народного протеста. В такой момент особенно важна и злободневна методология ленинского анализа. Владимир Ильич не раз подчеркивал: «Самая трудная задача при крутых переходах и изменениях общественной жизни — это задача учесть своеобразие всякого перехода» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 104). Он предупреждал: «Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниёт, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия» (там же. Т. 11. С. 367).

Перед КПРФ стоит насущная задача подготовиться к авангардной роли в грядущем массовом сопротивлении трудящихся всевластию крупного капитала и антинародной политике правящего режима. Это В.И. Ленин снова напоминает нам, что длительная работа по воспита-

нию и организации масс выдвигается на первый план. Чтобы выйти «на дорогу», «каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс», т. е. непременно идти туда, куда идёт масса, и стараться на каждом шагу толкать её сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело **классового** сплочения, завоёвывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях» (там же. Т. 17. С. 363—364).

После любого временного отступления социалистических сил в повестку дня неизбежно встаёт подготовка к новому подъёму массового протеста, ибо капитализм неизбежно после экономического всплеска попадает в полосу кризиса, выход из которого всегда ищет за счёт трудящихся.

В подготовке сил народного протеста к грядущим решительным выступлениям немалая роль принадлежит парламентской работе партии. «Использование думской трибуны, — настаивал В.И. Ленин, — входит ... необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки» (там же. Т. 17. С. 361). Но при этом партии необходимо добиться, «чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике её шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии» (там же. Т. 17. С. 362).

В.И. Ленин выражает несомненную уверенность в победе пролетарского дела: «Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало» (там же. Т. 17. С. 365).

Такая уверенность, подкреплённая делом, не может не войти прочно в арсенал сегодняшних коммунистов. Тогда будет обеспечен и авторитет со стороны широчайших рабочих, пролетарских масс. Без надёжной пролетарской поддержки Коммунистическая партия будет не в состоянии решить свои программные задачи. Но без тесного взаимодействия с коммунистами и рабочее движение не сумеет обеспечить осуществления своих коренных интересов.

Социализм снова на повестке дня (вместо введения)

Отношение к желаемому общественному устройству всегда является следствием окружающих реалий. А они таковы, что мало у кого могут вызывать симпатии к системе реставрированного капитализма. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, в Российской Федерации неравенство доходов граждан все последние 20 лет росло и продолжает расти. Даже в «тучные 2000-е» **социальная поляризация не уменьшалась, а продолжала нарастать**. Причина — в форсированном росте самых высоких доходов владельцев бизнеса и заработной платы наиболее высокооплачиваемых работников.

Об этом убедительно свидетельствует децильный коэффициент, рассчитываемый как соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Если в 1992 году он был равен 8,0, в 2000-м достиг 13,9, то в 2007—2010 годах он стабильно держится на отметке 16,7—16,8. Таковы официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстата). В то же время, по расчётам ИСЭПН РАН, реальное неравенство почти в полтора раза выше. Разрыв в доходах крайних 10-процентных групп достигает 23—24-кратного размера. Среди стран с высоким и средним уровнем экономического развития такая имущественная поляризация зафиксирована только в Мексике (25,8), в Турции децильный коэффициент равен 17,3, в США разрыв 16-кратный, в других странах этой группы он ещё ниже.

Если за годы либеральных «реформ» в РФ реальные доходы 20% самых обеспеченных граждан выросли почти на 25%, то объём реальных доходов 20% наименее обеспеченных россиян снизился (не вырос, а снизился!) почти на 18%.

В 1990 году в России, по данным профессора А.Ю. Шевякова, граница относительной бедности (в странах Европейского союза за границу относительной бедности принимается доход, равный 60% среднего, то есть медианного, уровня доходов населения страны) пролегла между среднедушевыми доходами 3-й и 4-й децильных групп. Это значит, что зарплата, пенсии или пособия не достигали 60% среднестатистических доходов граждан СССР у 30% населения. В 2000-е годы относительная граница бедности приблизилась

к среднему душевому доходу 6-й децильной группе. Это значит, что сейчас в РФ более половины населения имеет доходы, не достигающие 60% от среднего размера дохода на душу населения. **Относительная граница бедности неуклонно повышается вместе с ростом неравенства** (см.: *Шевяков А. Ю.* Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики. — М.: ИСПН РАН, 2010. С. 7—9).

Почему же в такой ситуации россияне слабо протестуют против нарастания не только относительной, но и абсолютной бедности большинства населения страны? Почему нет забастовок, нет массовых демонстраций и митингов протеста против такого жизнеустойства, которое сделало бедняками половину граждан РФ?

Не будем забывать известный вывод социальной философии о том, что общественное сознание отстаёт от общественного бытия. В стране после мощного, хотя и во многом иррационального резкого подъёма общественной активности рубежа 80-х и 90-х годов прошлого века наступил шок (на русский язык **шок** переводится как **удар**) общественно-политического сознания. Он был вызван не только «шоковой терапией» в экономике, но и социально-политическими событиями — запретом 6 ноября 1991 года Коммунистической партии, ликвидацией Союза ССР в декабре того же года, нараставшим конфликтом между исполнительной и законодательной властью России, разгоном Съезда и Верховного Совета РФ в сентябре 1993 года, расстрелом защитников Советской Конституции 3—4 октября 1993 года и т. д. Причём общественно-политическая атмосфера оставалась грозовой и в середине 90-х. В интервью «Комсомольской правде» в марте 2011 года бывший «ельцинский» министр внутренних дел генерал армии А. Куликов весьма подробно рассказал, как президент Б. Ельцин намеревался разогнать едва приступившую к работе Государственную думу второго созыва и запретить КПРФ в марте 1996 года.

Сегодня общество сбрасывает пелену страха, в которую его плотно запаковал «ельцинско-путинский» режим реставрации капитализма. Здесь важно иметь в виду одну специфическую черту отечественного протестного (революционного) движения. Наш народ вновь, как и в начале XX века перед Первой русской революцией, как и перед Февральской и Октябрьской революциями, не сосредоточивается на экономической форме борьбы.

Дело здесь не только в национальном характере (менталитете) народа, сформировавшемся в условиях частой необходимости «затягивать пояса», но и в том, что Россия не была вышколена длительной школой капитализма, который приучает наёмных ра-

ботников торговаться с работодателями о цене своего главного товара — рабочей силы. Давно подмечено, что русские вообще плохо умеют торговаться и к этому занятию относятся без почтения, без пиетета. Поэтому их легко вытесняют из сферы торговли иммигранты, у которых более развиты раннекапиталистические традиции торговли.

Медленное преодоление массовым сознанием сильного шока 90-х годов привело к тому, что в основе протестных форм трудящихся масс часто становятся буржуазные и мелкобуржуазные ценности — национализм и социал-реформизм. В ходе своего исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян» учёные Института социологии (ИС) РАН установили следующий расклад политических предпочтений респондентов (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Динамика идейно-политических
предпочтений россиян, %**

Идейные позиции	2001	2011
Относят себя к либералам, сторонникам рыночной экономики	7	5
К сторонникам коммунистов	12	12
К сторонникам обновлённого, реформированного социализма (например, к социал-демократам)	4	6
К приверженцам самостоятельного русского пути развития	6	6
Стоят за сочетание различных идей, избегая крайних и радикальных	16	17
Не являются сторонниками никаких идейных течений	39	41
Затруднились ответить	16	13

При этом социологи отмечают, с одной стороны, что «более половины россиян в настоящее время вообще не придерживаются каких-то определённых идейных позиций либо пытается сочетать элементы самых разных социально-политических доктрин, избегая при этом слишком „крайних“ точек зрения». С другой стороны, **среди людей, идентифицирующих себя с каким-то определённым идейным течением, социалистических убеждений придерживается каждый второй. При этом общая доля «социалистов» в российском идейно-политическом спектре примерно в 3 раза превышает долю как либералов, так и националистов, исходя-**

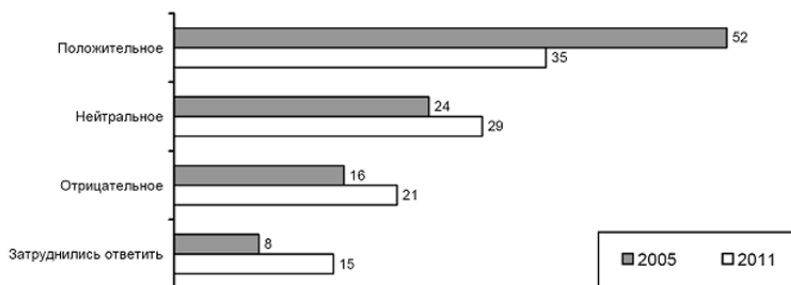
щих из веры в уникальность русского пути развития». Если рассматривать ситуацию под углом зрения перспектив борьбы за коренные интересы трудящихся, то она достаточно противоречива. В ней можно отметить такие плюсы, как, во-первых, реализация потребности прохождения массами школы гражданской активности, в которой практика борьбы за классовые интересы побуждает к повышению политической зрелости её участников. Во-вторых, сопричастность сограждан к политическому процессу ведёт их к осознанию несоответствия нынешнего жизнеустройства интересам наёмных работников физического и умственного труда.

Даже в нынешних незрелых формах протест масс направлен прежде всего против всевластия частной собственности. В ходе исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян» социологи ИС РАН пришли к заключению, что «по сравнению с 2005 г. поддержка населением введения в России частной собственности снизилась. Тогда более половины россиян высказывали положительное отношение к частной собственности, в то время как доля тех, кто относился к этому факту отрицательно, составляла только 16%». В 2011 году картина существенно изменилась. По данным исследования, нынче положительно относятся к превращению частной собственности в ведущий фактор экономики лишь 35% опрошенных. С иллюзиями насчёт продуктивности частной собственности в жизни России расстались 17% респондентов, то есть третья часть сторонников частной собственности пересмотрела свои взгляды по важнейшему общественно-политическому вопросу. Ещё более значительные изменения произошли в доле тех, кто относится отрицательно к легализации частной собственности. Их доля почти удвоилась, поднявшись с 16 до 29% (см. рисунок 1).

На основании такой динамики социологи приходят к выводу, что **«среди населения возрастает не только запрос на ведущую роль государства в экономике, но и недовольство наличием частной собственности, распределение которой представляется нелегитимным и приводит к росту негативного отношения к частной собственности вообще»** (выделено мной. — В.Т.). Исследователи ИС РАН отмечают, что «такие выводы подтверждаются, в частности, и динамикой отношения россиян к людям, которые разбогатели за последнее время».

Во-вторых, не только коммунистическая идеология, но и современные российские социал-реформистские и националистические позиции направлены, пусть и в неодинаковой степени, против компрадорского характера крупного капитала. Об этом свидетельствуют результаты исследования «Двадцать лет реформ глазами росси-

**Динамика отношения россиян
к введению в стране частной собственности,
2005 и 2011 годы, %**

ян»: «Если до конца 90-х гг. мнение «там, где больше нравится» несколько преобладало над точкой зрения «Родина у человека одна, нехорошо её покидать», то на протяжении последних 10—12 лет, «патриотическая» установка в данном вопросе имела стабильную поддержку 53—55% опрошенных».

В то же время социологи отмечают, что «космополитическая» альтернатива сохраняет заметное влияние в наиболее обеспеченных слоях населения и среди части молодёжи. В этих социально-демографических группах старую традицию «раньше думать о Родине» поддерживают 45% опрошенных, а хотели бы жить там, где больше нравится, 54—55%. Если точка зрения молодёжи является следствием недостаточной социальной зрелости и либеральной пропаганды, то у «наиболее обеспеченных слоёв населения», то есть у буржуазии, она определяется классовыми интересами. Будучи по своему социальному статусу в России временщиками и осознавая неприятие большинством соотечественников, а также — главное — бесперспективность реставрации капитализма, представители этого класса ориентируются на необходимость «запасного аэродрома» — эмиграцию за границу.

Однако на современной стадии общественно-политического развития России из-за экономического кризиса, повлекшего за собой сверхэксплуатации труда капиталом, и обострения антагонизма между классовыми полюсами общества вследствие усиления имущественной поляризации происходит перераспределение иде-

ологических позиций россиян в сторону большей конкретности и определённости. Поэтому в условиях динамичных процессов в общественном сознании приверженность к социал-реформизму во многих случаях можно рассматривать как переходную ступень на пути части трудящихся к социалистическим (коммунистическим) взглядам. Надо иметь в виду, что у социал-демократии европейского типа в современной РФ нет социальной базы, которой за рубежом обычно выступает, по терминологии западных социологов, «средний класс», а в нашей стране более половины населения, по данным ИСЭПН РАН, составляют бедняки.

Что касается генетических корней национализма, то они у него те же, что и у либерализма, ибо это — два крыла буржуазной идеологии. Однако в условиях современной России надо учитывать одну особенность капитала: он носит компрадорский характер. В условиях глобализации могут быть национально ориентированные предприниматели, но национально ориентированный капитал невозможен. В этих условиях национализм частично включает в себя антикомпрадорские, то есть антикапиталистические настроения.

Социологи ИС РАН отмечают, что в массовом сознании наиболее заметные изменения связаны с отношением россиян к Западу: «Так, в 1995 году примерно каждый восьмой гражданин России связывал будущее страны с её вхождением в общеевропейский дом, тогда как противостояние Западу рассматривал в качестве национальной идеи едва ли один человек из пятидесяти. Но затем эти индикаторы как бы поменялись местами. И в 2001, и в 2011 гг. каждый восьмой россиянин выразил готовность консолидироваться на почве антизападных ценностей». Перспективу сближения с Западом в 2001 году поддерживало около 15% опрошенных. Однако к настоящему времени данная цифра уменьшилась минимум вдвое.

Одновременно учёные ИС РАН обращают внимание на то, что «хотя общее количество людей, получивших в своё время „советское“ воспитание, естественным образом сокращается, доля респондентов, выступающих за консолидацию общества на почве социалистических ценностей, возрастает. Так, по сравнению с 2001 годом их доля увеличилась примерно в 1,5 раза, а по сравнению с 1995 годом — вдвое. Это значит, что **распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще.**

Судя по данным проведённого опроса, в настоящее время социалистических взглядов придерживается примерно каждый пятый

россиянин. Это, конечно, не большинство населения, но тем не менее весьма значимое меньшинство».

Заслуживает серьёзного внимания отмеченный исследователями ИС РАН новый факт: опрос показал, что более половины сторонников социализма не только не являются членами КПРФ или «Справедливой России», представляющей, по мнению социологов, «обновлённый, реформированный социализм» западного образца, но и не входят в электорат этих партий (среди электората «эсеров» насчитывается только 23—24% сторонников социализма). Таким образом, они зафиксировали, что **социализм, который в пору идейного шока использовался либералами как пугало масс, вновь превращается в популярную общественно-политическую ценность.**

К сожалению, сами учёные ИС РАН, похоже, не поняли этого нового явления. В докладе «Двадцать лет реформ глазами россиян» они даже писали: «За реальное осуществление социалистической идеи высказалось менее половины (49%) сторонников компартии». Можно, конечно, объясняя эти данные опроса, указать на недостаточное внесение социалистического сознания не только в широкие массы трудящихся, но и в партийную среду. Но главное объяснение результатов опроса, которые были использованы для спекулятивных оценок, другое. Многие члены КПРФ считают, что нельзя перед обществом ставить ориентиры, которые в данный момент неосуществимы, что ещё не пришло время говорить о социализме. Это — заблуждение, социализм не является таким лозунгом, который можно в «нужный момент» достать из шляпы на манер фокусника.

Но всё же в этом факте проявилась не безыдейность части членов КПРФ. Да, это тоже «обычное» отставание общественного сознания от общественного бытия, но его особенность состоит только в том, что партийцы не успели своевременно заметить изменение отношения масс к социализму.

И всё же в исследовании важнее не опрометчивые выводы учёных о мировоззрении членов КПРФ и их сторонников, а их указание на ширящуюся поддержку социалистических взглядов у непартийных масс. Это нашло отражение в динамике ценностных ориентаций наших соотечественников (см. *рисунки 2*).

Социологи отмечают: «Как известно, и в отечественных, и в зарубежных публикациях, посвящённых особенностям российского менталитета, бытует расхожее мнение, согласно которому одной из главных его черт является ярко выраженное пристрастие к „уравниловке“. Это, однако, никак не подтверждается данными социологических исследований. Несомненно, наши сограждане очень чувст-

Динамика ценностных ориентаций россиян, %

вительны к проблеме справедливости, и... разочарование в ходе рыночных реформ привело к определённому подъёму эгалитаристских умонастроений — начиная с середины 90-х гг. их уровень увеличивается по сравнению с началом десятилетия примерно в 1,5 раза».

Думается, фраза о «подъёме эгалитаристских настроений» — не более чем дань стереотипам, распространённым среди части гуманитарной интеллигенции. Уравниловка не относилась к числу ценностей советского социализма, в обществе максимально реализовывался принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Но при этом децильный коэффициент не превышал 4,5.

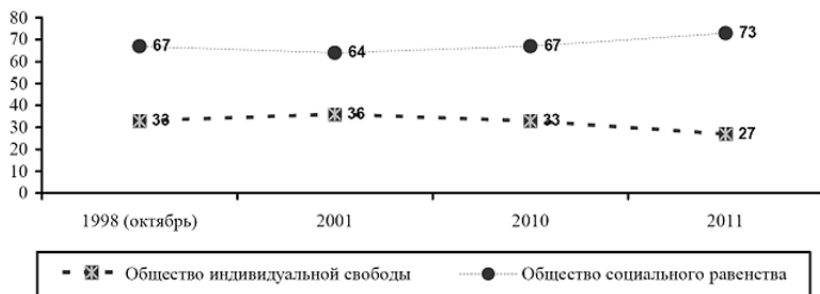
Легенду об уравниловке сочинили либеральные мечтатели об общественном сепараторе, который позволяет немногим сконцентрировать почти всё богатство России, а большинство лишит необходимого. Когда, по подсчётам академика РАН Р.И. Нигматулина, 0,2% семей сосредоточили в своих руках 70% национального богатства (см.: Рекомендации по модернизации экономики России. Труды, вып. 1. — М., 2010. С. 87), то советский 5-кратный разрыв между доходами 10% самых обеспеченных граждан страны и 10% наименее имущих приверженцам реставрации капитализма кажется приверженцам нынешнего жизнеустройства уравниловкой. Авторы доклада справедливо отмечают, что в обществе растёт запрос на более активные действия государства в социальной сфере, на меньшее социальное неравенство, но при этом не на «уравниловку» по всем возможным жизненным параметрам.

Посмотрим теперь, как менялось распределение ответов россиян при выборе между «обществом индивидуальной свободы» (капи-

тализмом) и «обществом социального равенства» (социализмом) в годы реставрации капитализма (см. *рисунок 3*).

Рисунок 3.

Выбор в дилемме «общество индивидуальной свободы — общество социального равенства», 1998–2011 годы, % от определившихся с позицией в этом вопросе

Исследователи ИС РАН отмечают, что «картина распределения ответов россиян в этом вопросе достаточно устойчива. Среди определившихся с ответом доля сторонников общества социального равенства (социализма. — *В.Т.*) стабильно составляет более двух третей населения, а за последний год произошел её рост с 67% до 73%». Получается, что часть наших сограждан ещё не преодолела аллергии на слово «социализм», но вполне приемлет социалистические ценности, сущность «товарищеского способа производства».

При выборе альтернативы, отмечают социологи, значительно дифференцировались ответы в зависимости от того, сумели ли респонденты адаптироваться к обществу реставрации капитализма. Но даже среди тех россиян, кто считает, что в настоящий момент их жизнь складывается хорошо, лишь 26% предпочли общество индивидуальной свободы (капитализм), тогда как 44% — общество социального равенства (социализм). В то же время среди тех, кто считал, что их жизнь складывается плохо, эти доли составили 8% и 67% соответственно. Таким образом, запрос на характерное для социализма общественное равенство предъявляют прежде всего те, кто не удовлетворён социальной поляризацией современного российского общества, сделавшей жизнь несносной.

В ходе социологического исследования выяснялось, какова, по мнению населения, должна быть роль государства в экономической

сфере жизни общества. Большинство россиян убеждены, что государство должно играть в экономике ключевую роль. Опрос ИС РАН показал, что **«среди россиян наибольшую поддержку получила такая модель экономической жизни общества, при которой будет восстановлен государственный сектор, при этом экономические возможности для населения будут не только сохранены, но и расширены. Классическая рыночная экономика, при которой вмешательство государства сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным лицам, практически не поддерживается россиянами»** (выделено мной. — В.Т.). За последние 10 лет доля выбирающих капиталистическую модель не превышала 10% (см. таблицу 2). Примечательно, что примерно такую долю россиян составляют представители крупного и среднего капитала, топ-менеджеры и прочая ближайшая обслуга капиталистов.

Таблица 2.

**Тип государства по отношению к экономике,
в наибольшей степени отвечающий интересам России, %**

Типы государства	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль за ценами	16	18	28
Государство, которое сведёт своё вмешательство в экономику к минимуму, предоставив максимальную свободу частной собственности	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения, стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Как видно из приведённых данных, **«модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определённый консен-**

суе». При этом 28% россиян выступают за плановую экономику с централизованным регулированием и контролем над ценами, а 41% населения поддерживает экономику, основанную на государственной собственности, но с элементами рыночной экономики. В первом случае опрошенные считают, что за образец общественно-го жизнеустройства целесообразно принять в основном модель советского социализма, во втором — респонденты осознанно или интуитивно учитывают, что в ближайшей перспективе в повестку дня может стать реализация не социалистической модели в её зрелых формах, а модели переходного периода от капитализма к социализму. Очевидно, что после прерывания капиталистической реставрации в обществе социалистического созидания экономика в течение достаточно длительного периода будет многоукладной, и рыночные механизмы в ней будут играть заметную роль.

Итак, представление большинства россиян об устраивающей их модели государства вполне соответствует образу строящегося социализма. Опрос, проведённый учёными ИС РАН, ещё раз подтвердил, что маятник общественный настроений заметно качнулся в сторону социализма.

Следующим показателем серьёзного изменения умонастроений сограждан в пользу социалистического жизнеустройства является отношение к труду. В. Маяковский, пожалуй, точно определил глубинный смысл общества, ориентирующегося на социальное равенство: «Социализм — свободный труд свободно собравшихся людей». Однако социологи вопрос качественно упростили: они интересовались отношением к работе. Понятно, что на это отношение серьёзно влияют социально-экономические отношения, при которых выполняется работа. А они характеризуются низким жизненным уровнем россиян. Половина работающих получает «на руки» зарплату, не превышающую 15 тыс. руб., то есть на каждого члена семьи из трёх (всего лишь трёх!) человек приходится доход ниже установленного правительством РФ прожиточного (физиологического) минимума. В целом по стране, по данным ИСЭПН РАН, заработная плата 80% занятого населения ниже стоимости их рабочей силы.

В таких условиях логично ожидать, что большинство россиян, занятых проблемой выживания, будет рассматривать свою работу в основном как источник выживания. Однако социологи получили куда более «социалистические результаты». По их данным, в 2000-е годы 42% населения действительно ориентируется на то, что «главное — это сколько за работу платят». Наряду с эти во время опросов и 2001, и 2011 годов 57% отвечавших подчеркнули, что для них главное — выполнять интересную работу. Таким образом, респон-

дентов, ориентирующихся на буржуазный подход к труду (не забудем: опрос проводился в буржуазном обществе) в 1,35 раза меньше тех, кто по-прежнему исповедует социалистическое отношение к труду и работе.

Для определения отношения респондентов к социалистическому жизнеустройству принципиальное значение имеет их восприятие коллективистских и индивидуалистских начал. Не забудем, что эта дилемма была значимой и в условиях советского социализма. Более того, авангардом буржуазной контрреволюции 1991—1993 годов были прежде всего «теневики» и создатели кооперативов нового (буржуазного) типа, то есть приверженцы индивидуализма. Ослабление коллективизма в миропонимании советских людей, усиленно навязываемое в годы «перестройки», серьёзно способствовало отказу от активной защиты социалистических начал.

В исследовании «Двадцать лет реформ глазами россиян» гражданам была предложена альтернатива: им предлагалось выбрать, что для них важнее — «инициатива, предприимчивость, готовность к риску оказаться в меньшинстве» или «уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством». Можно, пожалуй, упрекать социологов в неточности формулировок, но в целом ясно, что опрашиваемым предлагалось выбирать между индивидуализмом и коллективизмом.

Постоянно облучаемые буржуазными стереотипами, россияне, конечно же, стали значительно чаще отдавать предпочтение индивидуализму, чем это было в советскую эпоху. Тем не менее в опросе 2001 года небольшой (в 3%) перевес был у тех, кому важнее коллективистские начала. Однако за последнее десятилетие картина заметно изменилась. Уважение к традициям и обычаям, следование принятому большинством предпочли уже 57% опрошенных, тогда как сторонниками индивидуалистских ценностей себя заявили 42%. Бросается в глаза, что социологи получили те же цифры, что и при выяснении основных ценностей в работе.

Таким образом, есть все основания утверждать, что тенденция к положительному восприятию ценностей социализма проявляется не точно, а всеохватно, во всех наиболее значимых сферах общежития и общественных отношений. Социологи явно зафиксировали этот процесс в осмыслении отношений собственности, роли и образа государства, в отношении к труду и работе, в приверженности коллективизму.

Во время исследования ИС РАН была предпринята попытка выяснить связь между отношением респондентов к индивидуализму и атомизации членов общества в зависимости от их идеологических позиций. Наиболее склонны к индивидуализму оказались сторон-

ники «Единой России». Среди них 48% заявили, что для них главное — это инициатива, предприимчивость, готовность к риску остаться в меньшинстве. Вполне логично, что для приверженцев буржуазной партии характерно буржуазное мировосприятие.

Обнаружилось, что очень близки к «единороссам» сторонники мелкобуржуазных партий. Между сторонниками ЛДПР и «Справедливой России» не обнаружилось практически никаких мировоззренческих различий. 40—41% опрошенных их поклонников заявили, что им ближе индивидуализм, 58—59% отметили важность для себя уважения к сложившимся традициям и обычаям, следование принятому большинством.

Резко отличаются от них по своим мировоззренческим установкам те, кто уже сегодня осознанно исповедует верность социалистическому жизнеустройству. 75% тех, кто поддерживает КПРФ, отвергают индивидуализм и атомизацию общества. Вероятно, и остальные 25% сторонников Компартии не вдумались в содержание предложенного социологами противопоставления и обманулись на том, что в жизни и работе ценят инициативу и инициативных единомышленников.

Но и без такого уточнения ясно, что Коммунистическая партия Российской Федерации — это партия социалистического мировоззрения, социалистического движения, борьбы за социалистическое переустройство общества. В то же время результаты опроса заставляют обратить внимание на уровень идейной подготовки молодого пополнения партии. Без серьёзного освоения марксистско-ленинской теории юной энергии может оказаться недостаточно, чтобы успешно решить программную задачу КПРФ — каждодневное внесение социалистического сознания в широкие массы трудящихся.

Ещё более важной является забота о формировании классового сознания современного пролетариата, то есть наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда, живущих на свою зарплату. В конце концов, основу молодого поколения КПРФ составляют представители именно пролетарских слоёв населения. Вступление в ряды коммунистов представителей малого бизнеса означает публичное заявление их о своём принципиальном переходе на пролетарские классовые позиции.

Разрабатывая в 1896 году первый проект программы Российской социал-демократической партии, Ленин в одном из её первых пунктов писал: «Но доводя до высшей степени гнёт капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни..., соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабоче-

го люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами, и среди них появляется усиленное стремление к объединению... Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации. Она может закончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса...» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 83—84).

В приложенном к проекту документа «Объяснении программы» Ленин раскрывал задачи партии в пролетарской борьбе: «...Стремления социализма, стремления устранить вечную эксплуатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое порождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами.

Деятельность партии должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинять из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести... эта помощь должна состоять, во-1-х, в развитии классового самосознания рабочих... Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить своё положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов... самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс...» (там же. С. 101—102).

С первых своих шагов ленинская партия ставила своей целью движение к социализму, ибо только такая цель соответствовала интересам рабочего класса и всех трудящихся.

Становление и развитие пролетариата

(актуальные проблемы)

Создавая «Манифест Коммунистической партии», К. Маркс и Ф. Энгельс прежде всего доказывали, что капиталистическое общество, доминантой которого выступает всевластие частной собственности, явилось естественным и логичным следствием всей предшествующей истории. Они отмечали: «Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента...

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 425—426).

Но класс, сосредоточивший в своих руках основные средства производства и большую часть общественного богатства, не в состоянии сам, своими руками производить постоянно увеличивающееся количество товаров. Он не мог сам создавать необходимые для их изготовления орудия труда, а также морской и сухопутный транспорт, вооружение, необходимое для сохранения открытых (европейцами и для европейцев) стран в колониальной зависимости. Так буржуазия породила необходимое условие своего существования — пролетариат.

В «Манифесте Коммунистической партии» подчёркивается: «В

той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят её лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка» (там же. С. 14. С. 430).

К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали естественно-исторический характер не только появления капитализма, но и бытия буржуазии и пролетариата как основных классов капитализма. Этот вывод поставил социалистическую (коммунистическую) идею, связанную с многовековой мечтой человечества о социальном равенстве, на прочный фундамент науки. Нет, родоначальники теории научного коммунизма не увели, не упрятали проблемы отношений между буржуазией и пролетариатом в профессорские кабинеты. Наоборот, они вооружили теорией многомиллионные массы пролетариев. Эта теория способна помочь классу эксплуатируемой наёмной рабочей силы осознать себя, стать «классом для себя», так как в ней ясно очерчены границы и пролетариата, и его антипода — буржуазии.

В примечании к английскому изданию «Манифеста», вышедшему в 1888 году, Фридрих Энгельс чеканно писал: **«Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наёмный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наёмных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу»** (там же. Т. 4. С. 424; примечание. Выделено мной. — В. Т.).

Итак, сущность пролетариата в том, что это, во-первых, класс наёмных работников, во-вторых, это класс, который, продав свою рабочую силу, создаёт буржуазии её капитал, то есть является эксплуатируемым классом. Его эксплуатация состоит не в личной зависимости от хозяина, а в зависимости экономической. Пролетарий лично свободен и потому сам идёт на рынок труда, чтобы продать себя для эксплуатации капиталу. Работодатель получает прибыль не за организацию работы, не за экономические риски — дивиденды ему идут потому и только потому, что он, купив рабочую силу, оплачивает только её стоимость, а не всю стоимость труда, затраченного нанятым работником для производства созданного им товара.

Что касается характера и содержания труда пролетария, то он может меняться и меняется с развитием материально-технической

базы общества. В XIX веке абсолютное большинство пролетариата составляли рабочие. Все другие привлекаемые капиталистами слои для обеспечения производства примыкали к буржуазии. Их было мало, из-за чего капиталист не мог ограничивать оплату их труда только стоимостью рабочей силы. Поэтому они оказывались вне сферы его эксплуатации, благодаря чему сами помогали эксплуатировать рабочих. Сегодня такая же картина с топ-менеджерами: формально они наняты предпринимателем, но он вынужден и заинтересован оплачивать их труд иначе, чем современным пролетариям. Более того, собственник стремится, чтобы управленцы высшего звена владели акциями его бизнеса и получали прибыль за соучастие в эксплуатации пролетариев.

Иное дело — представители современных массовых видов умственного труда: их работодатель нанимает, выплачивает им стоимость их рабочей силы (и то не всегда) и эксплуатирует их, как и остальных наёмных работников. Следовательно, они тоже стали пролетариями. Ф. Энгельс зорко подметил их появление ещё в конце XIX века. Участником состоявшегося в 1993 году в Женеве Международного конгресса студентов-социалистов он направил приветствие (непосредственно участвовать в конгрессе, как они его приглашали, Энгельс не смог), в котором были такие примечательные строки: «Пусть ваши усилия приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот **пролетариат умственного труда** (выделено мной. — В. Т.), который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими ... сыграть значительную роль в надвигающейся революции» (там же. Т. 22. С. 432).

Чтобы завершить характеристику сущности пролетариата, надо обратиться к ключевому положению «Манифеста Коммунистической партии», ради которого, в конечном счёте, и создавалась эта гениальная работа. Речь идёт об исторической роли пролетариата. Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «Производительные силы ... не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство всё буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности...»

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против неё это оружие, — современных рабочих, пролетариев» (там же. Т. 4. С. 430).

Как у буржуазии были свои исторические предшественники (ростовщики, ремесленники, купцы), так они были и у пролетариата капиталистической формации. Да и термин этот появился задолго до победы капитализма.

В Древнем Риме этим словом (оно латинского происхождения) обозначали слой неимущих, безземельное свободное население. Как отмечает А.Н. Родионов, принадлежащие к этому слою люди не платили налогов, не имели ни возможности, ни права приобретать оружие для военной службы (см.: Новая философская энциклопедия в четырёх томах. Том третий. — М.: Мысль, 2001. С. 365). В западноевропейской литературе понятие «пролетариат» стало широко использоваться в первой трети XIX века в значении, близком современному: люди, занятые наёмным трудом, одна из сторон противоречия между трудом и капиталом.

Однако между эпохой Античного рабовладения и буржуазным XIX веком существовали промежуточные стадии, связанные со становлением пролетариата, который тогда полностью отождествлялся с рабочим классом. Подлинная история рабочего класса началась с XVI столетия, когда Англия вступила в эпоху первоначального накопления капитала, позже этот класс стал бурно расти в западноевропейских странах, где тоже начали складываться капиталистические отношения. Этот процесс охватил период с XVI по XVIII столетие, когда основной экономической базой капитала выступало мануфактурное производство. Рабочий класс этой поры вошёл в историю как **мануфактурный пролетариат**, или **предпролетариат**.

Современным капиталистическим классом пролетариат стал в конце XVIII — середине XIX века. Материальной предпосылкой его становления явилось машинное производство. При этом к середине позапрошлого столетия пролетариат, во-первых, занял позицию одного из основных классов буржуазного общества Западной Европы, во-вторых, перестал быть и рассматриваться частью третьего сословия, в-третьих, стал осознавать свои особые классовые интересы, противоположные буржуазии.

Надо иметь в виду, что не К. Маркс и Ф. Энгельс по своей воле навязали рабочему классу революционное материалистическое понимание истории, в соответствии с которым пролетариату принадлежит роль могильщика капитализма. Это рабочие организации пригласили этих великих теоретиков осмыслить и обобщить классовые интересы пролетариата и основные способы его борьбы с буржуазией за свои интересы. Это-то и дало Марксу основание утверждать: «Подобно тому как философия находит в пролетариате своё **материальное** оружие, так и пролетариат находит в

философии своё **духовное** оружие...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 428).

Осмысливая опыт становления революционного движения в России, В.И. Ленин пришёл к важнейшему выводу, сохраняющему актуальность и в наши дни: «Отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влияющими на действительную жизнь; рабочее движение оставалось мелочным, раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что всё сильнее и сильнее проявлялось стремление **слить** социализм и рабочее движение в единое **социал-демократическое** движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в **сознательную борьбу пролетариата** за своё освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: **самостоятельная рабочая социал-демократическая партия**. Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 244—245).

В написанной в 1900 году работе В.И. Ленин ссылается на опыт европейского рабочего движения. И это понятно: становление российского рабочего класса произошло позднее, чем в Западной Европе. В России элементы мануфактурной организации производства складывались сначала в монастырях, где функцию рабочей силы выполняли иноки. Мануфактуры за воротами монастырей создавало тоже не третье сословие, а государство. Таков, например, Пушкарский приказ, где применялись основы мануфактурной организации труда пушкарей, металлургов, залейников (литейщиков) и т. д.

В стране только в петровскую эпоху стало бурно развиваться мануфактурное производство. Но и тогда рассадником мануфактур в России выступало государство. Их спешное строительство было связано с напряжённой Северной войной (в 1700—1721 годах Россия в союзе с Данией, Саксонией и Речью Посполитой вела войну против Швеции). В это время создавалась сильная армия, строился морской флот. Подсчитано, что на оснащение одного корабля затрачивалось 1800 метров парусного полотна и 13 тысяч метров канатов. Появлялись мануфактуры, которые снабжали армию и флот артиллерией, ружьями, порохом, сукном, ремнями, пуговицами и т. д.

Приступив к строительству Петербурга, Пётр I стимулировал создание лесопилен, смолокурен, кузниц и других мануфактурных производств. Самой крупной мануфактурой в России стала Адмиралтейская верфь в Петербурге. В Москве крупнейшей мануфактурой был Суконный двор.

Некоторые мануфактуры, построенные государством, передавались на выгодных условиях купцам, которые часто использовали опять-таки не свободную рабочую силу, а труд крепостных. Так, в 1702 году Невьянский металлургический завод на Урале правительство передало купцу Никите Демидову. Эта приватизация положила начало колоссальному богатству Демидовых. Помещики не отпускали своих крепостных на мануфактуры. Не случайно один из указов правительства предписывал отправлять присуждённых к каторге женщин на парусно-полотняные предприятия. В петровские времена условия труда на каторге и мануфактурах были сопоставимыми. Что касается заработной платы (например, на Суконном дворе), то она не превышала затрат на содержание арестантов в тюрьмах. Одновременно правительство передавало часть крепостных крестьян владельцам мануфактур, а в 1721 году оно разрешило им покупать крепостных.

Иначе говоря, на мануфактурах Демидовых, Строгановых и других заводчиков рабочей силой сплошь и рядом выступали представители эксплуатируемого класса феодального общества. Но мануфактурный характер производства, как правило, требовал применения к ним оброчной системы. В результате работные люди (на Урале их называли ещё **заводскими**) оказывались в двойственном положении: их отношения с заводчиками были фактически феодальными, в основе своей внеэкономическими. При этом создаваемый ими продукт владелец получал нередко в натуральном виде. Но будучи оброчными, они при выполнении отдельных ремёсел могли выступать субъектами торговых отношений. К 1820 году вольнонаёмные рабочие составляли немногим более половины российских мануфактур и заводов. Даже в канун отмены крепостного права в 1860 году каждый седьмой труженик таких предприятий был крепостным (см. Большая Советская Энциклопедия / 3-е изд. Т. 21. — М.: Советская Энциклопедия, 1975. С. 314).

Прекрасную иллюстрацию бытия российского предпролетариата создал в сказах о Даниле-мастере замечательный уральский писатель П.П. Бажов.

Особенность России состоит, однако, в том, что и первые фабрики здесь появились тоже ещё до отмены крепостного права. Реформы 1861 года пришлись на период, когда европейский пролетариат уже осознал себя самостоятельным фабрично-заводским классом

капиталистического общества и начал вести активную борьбу за свои классовые интересы. Не будем забывать, что основные компоненты социальной системы общества являются не только субъектами утверждения или изменения тех или иных общественных отношений, но и выступают неотъемлемой частью производительных сил. А в структуре производительных сил они образуют их личностную составляющую, которая не может не взаимодействовать с вещной составляющей производительных сил — в частности со средствами производства.

Мануфактурное производство породило в качестве эмбрионов социальных классов буржуазию и предпролетариат, которые, с одной стороны, оставались частями единого третьего сословия, а с другой — обнаруживались противоречия между их социальными интересами. Разделение производственного процесса на мелкие операции позволило владельцу необходимых для их выполнения орудий труда нанимать работников без профессиональных навыков, а значит, и не владеющих никакими орудиями труда. Мануфактурный рабочий (предпролетарий) тем и отличался от ремесленников, кустарей и крестьян, что он был свободен от орудий и средств производства, а владел только своей рабочей силой, которую продавал владельцу средств производства. Владелец мануфактуры платил нанятому работнику только за то, что покупал, — за рабочую силу.

Машинное производство, следствием которого стала фабрично-заводская система его организации, привело к формированию буржуазии и пролетариата как самостоятельных классов, не способных существовать друг без друга, но и противостоящих друг другу как антагонисты. Машина привела, с одной стороны, к дальнейшему разделению труда и увеличению числа профессий, с другой — она требовала определённых навыков для своего обслуживания. Не забудем, что при машинном производстве рабочий был необходимой составной частью технологического процесса. Он наряду с машиной выполнял часть операций этого процесса.

Это делало рабочего при осуществлении технологического процесса придатком машины, но одновременно предполагало наличие у него хотя бы минимальных профессиональных навыков. В результате, отмечал Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», «рабочий класс впервые действительно стал устойчивым классом населения» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 257*).

Но тут же Энгельс добавлял, что, как правило, «теперь тот, кто родился рабочим, не имеет иных перспектив, как остаться им навсегда» (там же). Оплата его труда, обеспечивающая воспроизводство способности трудиться, фактически не оставляла ему средств для

приобретения такой массы орудий труда, которая когда-либо могла бы позволить ему самому нанимать чужую рабочую силу. А тем более иметь завод или фабрику. Как утверждает народная мудрость, «от трудов праведных не наживёшь палат каменных». В буржуазной системе, сложившейся после промышленной революции, лифт для перемещения из пролетариев в капиталисты был не предусмотрен.

Владелец ремесленной мастерской и даже небольшой мануфактуры рассматривал работника как конкурента, так как подмастерье сам мечтал стать владельцем такой же мастерской. У индустриального пролетария не оставалось ни возможности, ни даже иллюзии для подобного социального перемещения. «Вот почему только теперь пролетариат в состоянии создать своё самостоятельное движение» (там же). Сопротивление рабочего класса эксплуатации первоначально проявлялось в стихийных актах типа движения луддистов, участники которого направляли свою протестную энергию на разрушение машин.

Поскольку машинный труд уменьшал физические нагрузки наёмного работника, то фабриканты стремились увеличить продолжительность рабочего дня и недели. Примечательно, что в условиях реставрации капитализма, которая имеет некоторые общие черты с периодом, последовавшим за промышленной революцией рубежа XVIII—XIX столетий, нынешняя российская крупная буржуазия стремится, как и 200 лет назад её предшественница, довести продолжительность рабочей недели пролетариев до 60 часов. Таково не только личное мнение долларового миллионера М. Прохорова, но и позиция Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей).

По мере усиления эксплуатации пролетариата росла и ответная сила его сопротивления. Тем более что машины стирали различия между отдельными видами труда, что способствовало сплочению рабочего класса. Пока в России ещё только шли разговоры об отмене крепостного права, в капиталистической Европе всё чаще наблюдалось открытое возмущение против господствующего класса. В Великобритании в 30—50 годы XIX века сформировалось влиятельное чартистское движение, объединявшее рабочих. В этот же период произошли Лионские восстания во Франции в 1831 и 1834 годах и восстание силезских ткачей в Германии в 1844 году.

Во второй половине 40-х годов позапрошлого столетия появляются первые политические организации рабочих. По поручению одной из таких организаций — «Союза коммунистов» — в 1848 году был создан «Манифест Коммунистической партии».

Одновременно шёл процесс интернационализации пролетарско-

го движения. В его основе лежали объективные процессы. Превращение машинной техники в материально-техническую базу капитализма делало технологически однотипным промышленное производство независимо от страны, в которой оно находилось. В то же время индустриальное развитие разных стран шло неодинаково. К тому же с 1825 года начались регулярные экономические кризисы в капиталистических странах, но степень их остроты и время протекания имели свои отличия. Таким образом, были и возможность, и необходимость миграции рабочей силы из одной европейской страны в другую (на рубеже XIX и XX веков к ним добавились Северо-Американские Соединённые Штаты). Это серьёзно способствовало консолидации рабочего класса в международном масштабе и формированию его революционных настроений.

Поскольку быстрое развитие европейского капитализма обостряло межклассовые противоречия, превратившиеся в антагонизмы, а рабочее движение приобретало ясно выраженные организационные формы, то появилась возможность и необходимость создания Международного товарищества рабочих — I Интернационала. Революционный характер эпохи 60—70-х годов в Европе убедительно подтвердила Парижская Коммуна (1871 год). Это была первая революционная победа пролетариата, приведшая к установлению рабочего правительства. Оно просуществовало 72 дня.

Поражение Парижской Коммуны стало началом спада революционного подъёма. Европейский капитализм смог преодолеть свой первый системный кризис. Буржуазная система постепенно переходила в стадию своего, по выражению В.И. Ленина, «гузевого», то есть «мирного» развития. В 1876 году I Интернационал был распущен.

Поскольку защита интересов трудящихся парламентскими методами осуществлялась в рамках отдельных государств, то начался активный процесс создания социал-демократических партий в рамках этих государств на базе секций распущенного Интернационала (Германия, Франция, Италия, Испания, Швейцария и т. д.). Но концентрация рабочего движения в национальных границах государств неизбежно привела к заметной реанимации мелкобуржуазных течений — от «уравнительного социализма» Прудона, сектантского радикализма Бланки до анархизма Бакунина.

Традиции интернационализма, теоретически обоснованные Марксом и Энгельсом, социал-демократиями отдельных стран начали постепенно подвергаться выхолащиванию. Более того, во второй половине XIX столетия зарождавшийся оппортунизм в рабочем движении «приобрёл» свою социальную базу. Вслед за Великобританией в странах Западной Европы и в Северо-Американских Соединённых Штатах

(САСШ) внутри рабочего класса складывался социальный слой рабочей аристократии. Она и стала одним из источников тред-юнионизма, потеснившего боевые профсоюзы, и социал-реформизма, разрушавшего политические партии рабочего класса.

Создание II Интернационала в 1889 году, ставшее следствием появления массовых социал-демократических партий и быстрого распространения учения Маркса вширь, не выкорчевало правый оппортунизм в рабочем движении и зародыши в нём национализма, но привело к их затуханию, к переводу в «дремотное состояние».

Заслугой же II Интернационала явилось обобщение и распространение опыта пролетарской борьбы в условиях буржуазной системы. Это одинаково относится ко всем формам протеста трудящихся. Крепкая организованность рабочего класса Германии и её соседей обеспечивала относительно стабильное материальное положение рабочих благодаря стачечной борьбе с преимущественно экономическими требованиями, активной парламентской деятельности избранных рабочего класса и тем реформам, которые вынуждены были проводить власти европейских государств под напором парламентских и непарламентских форм протестных действий.

В России становление пролетариата как класса происходило в весьма отличающихся от Европы условиях. После отмены крепостного права начался период промышленного (домонополистического) капитализма. В области экономики он привёл к становлению системы крупного индустриального производства. К концу 1870-х годов в крупной обрабатывающей промышленности большая часть продукции производилась на базе машинной техники. Так, в металлообрабатывающей промышленности предприятия с паровыми двигателями составляли лишь четвертую часть всех «хозяйствующих субъектов» отрасли, но они производили 86,3% её продукции, и на них было занято 77,5% рабочих этой отрасли. В текстильной промышленности на долю крупных фабрик приходилось только 16,4% предприятий отрасли. Но именно они определяли её характер: на них было занято 68,8% всех рабочих и производилось 75,7% продукции.

Высокая концентрация производства приводила к быстрому росту организованности рабочих. Царская власть и тесно сотрудничавшая с нею крупная буржуазия вскоре после отмены крепостного права установили режим, не склонный к классовому сотрудничеству с сформировавшимся пролетариатом. Царизм был куда больше обеспокоен решением земельной проблемы, которая после 1861 года оказалась не только не решённой, а скорее даже обострилась: примерно третья часть крестьян оставалась «временно обязанными» вплоть до Первой русской революции, они были обязаны выку-

пить у помещиков свой земельный надел без права от него отказаться. При этом размер среднего надела на мужскую душу сократился с 4,8 десятины в 1861 году до 2,6 десятины в 1900 году. В то же время 155 земельных магнатов владели 16,2 млн. десятин, то есть более третьей части всего частного земельного фонда.

Одновременно с ростом промышленности и взаимосвязано с ним в этот период в социальной сфере шло складывание основных классов буржуазного общества. За 1865—1890 годы численность рабочего класса Европейской России увеличилась в 3 раза, тогда как численность всего населения страны выросла только в 1,5 раза. В обрабатывающей, горнозаводской промышленности и на железных дорогах Европейской России в 1865 году было занято 706 тыс. человек, в 1879-м — 1189 тыс., в 1890-м — 1432 тыс. и в 1900 — 2,2 млн. человек.

При этом в российской промышленности преобладала экстенсивная форма эксплуатации пролетариата. До конца XIX столетия в стране не существовало легальных структур, нацеленных на защиту интересов рабочих. Надо иметь в виду и отсутствие в России всякого парламентаризма.

Тяжёлое положение быстро растущего рабочего класса вызывало у него протест и делало его восприимчивым к усвоению революционных идей. Отечественный пролетариат очень быстро освоил такие эффективные формы классовой борьбы, как маёвка, митинг, стачка. Так, в первой половине 80-х годов зафиксировано около 100 забастовок и свыше 50 волнений, во второй половине того же десятилетия произошло около 160 стачек и свыше 140 волнений. Показателем роста классовой солидарности и политической сознательности пролетариата стало празднование 1 Мая. Решение о его праздновании первый конгресс II Интернационала принял летом 1889 года, а уже в следующем году День международной солидарности трудящихся отмечали рабочие Варшавы, входившей в Российскую империю. 1 Мая 1890 года также вышли на демонстрацию рабочие Петербурга.

Классовая зрелость рабочих России росла скачкообразно. Об этом свидетельствует вся история Первой русской революции. Достаточно вспомнить, что 9 (22 января по новому стилю) 1905 года рабочие шли с иконами и царскими портретами к Его Императорскому Величеству, а в декабре того же года рабочий класс Москвы героически сражался с царскими войсками.

Уникальность Первой русской революции состоит в том, что в ней, решавшей буржуазные задачи, гегемоном выступал пролетариат. В ходе её творчество рабочего класса породило новую форму власти — Советы. Не менее важно, что в ходе революции

1905—1907 годов впервые в мире в нашей стране сложился революционный союз рабочего класса и крестьянства.

Поражение Первой русской революции, в отличие от поражения Парижской Коммуны, не привело к мирному этапу развития российского капитализма. Российский парламентаризм 1905—1914 годов оказался не более чем способом набрасывания вуали на мурло реакции. Впрочем, диалектика и здесь проявила себя в полной мере: царская Государственная дума, имевшая фактически лишь совещательные функции, не дала оснований для того, чтобы рабочий класс в массе своей заболел парламентаризмом. Наоборот, он сохранил свой революционный характер и не приобрёл почтения к антинародным институтам буржуазно-помещичьей государственной власти.

Здесь уместно заметить, что только применение материалистической диалектики позволяет осмысливать не односторонне, а объёмно социально-экономические и общественно-политические процессы. Например, хорошо известно, что Первая мировая война привела к подавлению протестного движения во всём мире, в том числе в Германии, где рабочий класс был весьма многочисленным и имел богатые традиции сопротивления капиталу. Но буржуазное германское государство рассеяло его, используя потребности войны и социал-шовинизм вождей германской социал-демократии.

Иначе сложилась ситуация в России, где рабочий класс оставался немногочисленным (составлял примерно 10% населения страны). Именно его немногочисленность обеспечила его «бронёй»: гарантировала сохранение значительной его части на прежних рабочих местах из-за необходимости выполнения заводами военных заказов. В результате в индустриальных центрах страны сохранилось и даже расширилось то его ядро, которое приобрело в 1905 году опыт революционной борьбы (см.: Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. — М.: «Экономическая демократия», 2001. С. 54—56). В Первой русской революции пролетариат занимал наиболее радикальный фланг и сохранил свою классовую позицию в годы Первой мировой войны. Чем очевиднее становились его противоречия с буржуазией, обостряемые империалистической войной, тем активнее он искал политическую выразительницу своих интересов среди наиболее левых партий. Он нашёл её в позиции большевиков. Благодаря всей совокупности обстоятельств он, в отличие от европейских братьев по классу, не впал в социал-шовинизм.

В литературе полно раскрыта выдающаяся роль В.И. Ленина в перерастании Февральской буржуазно-демократической революции в Октябрьскую социалистическую революцию (например, см.:

Логинов В.Т. *Неизвестный Ленин.* — М., 2010). К тому же российский рабочий класс хорошо помнил: в Первой русской революции, тоже буржуазно-демократической, он уже выполнял роль гегемона, то есть прошёл «подготовительный класс» для того, чтобы революцию буржуазии превратить в революцию пролетариата.

И ещё об одном уроке, который даёт материалистическая диалектика. Он касается позиции европейского рабочего класса в послеоктябрьских революционных битвах, охвативших Европу. В 1918 году под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции прокатывается волна революционных выступлений трудящихся масс по Европе — пролетарская революция в Финляндии (январь 1918 года), Ноябрьская революция 1918 года в Германии, установление власти Советов в Баварии, Венгрии, Словакии, захват предприятий рабочими Италии и т. д.

Мечта рабочих масс о победе социализма в мировом масштабе, кажется, была способна стать реальностью. По крайней мере, наличие общий кризис капитализма (позже придётся уточнить: первый этап этого кризиса). Логично, что в новой ситуации встаёт вопрос о тесной координации антикапиталистических сил, готовых к пролетарской революции. В Москве в 1919 году основан III Коммунистический Интернационал. Он ориентируется на поддержку почти 40 миллионов организованных рабочих в странах капитала. К тому же в большинстве их у пролетариев имелся опыт борьбы со своим классовым противником в пору деятельности II Интернационала.

Однако этот опыт весьма противоречив: оказалось, что буржуазный парламентаризм способен развращать не только самих парламентариев, но и значительные слои рабочего класса. Участие пролетариата в буржуазном парламенте безусловно необходимо, но столь же необходимо точно осознавать, что оно таит возможность буржуазного перерождения выдвиженцев рабочей партии, особенно если они лично вышли не из рабочих, не прошли рабочей школы, слабо связаны с рабочей массой.

К сожалению, за оппортунизм даже ушедших политиков, если он вовремя не был осуждён, приходится расплачиваться не только их преемникам, но и широким народным массам, не проявившим своевременной бдительности, не заботившимся о чистоте марксистско-ленинской идеологии. Следствием может стать деформация классового мировоззрения самого рабочего класса. У него появляется иллюзия, будто путём реформ можно постепенно добиться всего того, что в революции приходится оплачивать чрезвычайным напряжением сил, а порой и кровью. Оппортунизм способен поражать революционный организм своей отравой даже тогда, когда его внешние про-

явления отсутствуют. Думается, именно поэтому в 1918—1919 годах пролетарский авангард Европы потерпел поражение.

Выступая в первую годовщину III Интернационала на заседании Московского Совета 6 марта 1920 года, В.И. Ленин трезво отмечал, что, во-первых, «революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 203*).

Во-вторых, он прямо указывал на ответственность деятелей II Интернационала за эти поражения: «Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружён народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным» (там же. С. 204).

В-третьих, Ленин подчёркивает роль революционного опыта рабочих масс: «...Приходится проделывать весь путь развития, который нам удалось начать ещё до первой революции, до 1905 года, и только благодаря тому, что больше десяти лет прошло до 1917 года, мы оказались способными руководить пролетариатом» (там же).

У российского рабочего класса в первую половину XX столетия иммунитет против оппортунизма оказался эффективным в значительной степени потому, что его меньше поразили такие недуги западноевропейской социал-демократии, как «экономизм» и реформизм, социал-шовинизм, переходящие в социал-соглашательство и иные модификации оппортунизма. Огромную услугу российскому рабочему классу оказала гигантская теоретическая работа В.И. Ленина, полностью сохраняющая своё методологическое значение до сих пор. Ленинизм стал марксизмом революционной эпохи перехода от капитализма к социализму, и до тех пор, пока мир живёт на этой стадии своего исторического развития, значение марксистско-ленинской теории остаётся неколебимым (см.: *Трушков В.В. Ленинизм — это марксизм революционной эпохи перехода от капитализма к социализму. Приложение к журналу «Политическое просвещение»*. — М. 2010).

Здесь необходимо отметить, что в задачу этой главы не входит осмысление исторического пути отечественного рабочего класса. Делается попытка остановиться только на тех эпизодах этого пути, которые представляются актуальными современному российскому классу наёмных эксплуатируемых работников физического и умственного труда. Нет здесь необходимости повторять и факторы,

приведшие, на взгляд автора, к реставрации капитализма в России (см.: *Трушков В.В.* Реставрация капитализма в России. — М. 2003). В то же время, думается, целесообразно остановиться на двух ключевых вопросах истории рабочего класса советской эпохи, которые остаются актуальными сегодня и наверняка сохраняют свою остроту в ближайшие десятилетия.

Первый из них поначалу кажется «вопросом о словах». Впрочем, проблемы категориального аппарата марксистско-ленинской теории всегда содержательны. Тем более вопрос о пролетариате и рабочем классе.

Выше уже обращалось внимание на то, что базовой категорией для обозначения класса наёмных эксплуатируемых работников для Карла Маркса и Фридриха Энгельса было понятие «пролетариат», который противостоит другому основному классу капиталистического общества — буржуазии. При этом понятие «рабочий класс» использовалось как равноценный синоним. Упоминалось и о том, что Энгельс в последние годы своей жизни, говоря о пролетариате, обращал внимание на то, что в его состав наряду с рабочим классом могут входить «пролетарии умственного труда». Никаких понятийных проблем в этой сфере до победы Великой Октябрьской социалистической революции в историческом материализме и теории научного коммунизма не было.

Но уже в 1919 году, на исходе не только гражданской войны, но и периода «военного коммунизма», В.И. Ленин пишет ставшую широко известной работу «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». В ней он ставит принципиальный вопрос социалистической революции о коренном отличии пролетариата, приступающего к социалистическому строительству, от пролетариата капиталистической общественно-экономической формации. Ленин подчёркивает: «Пролетариат был при капитализме классом угнетённым, классом, лишённым всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противопоставлен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, **господствующим** классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществлёнными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Всё это — **особые** задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить» (там же. Т. 39. С. 279—280).

Главное отличие здесь указано очень ясно: пролетариат из эксплуатируемого стал господствующим классом, распоряжающимся

обобществлёнными средствами производства. Но это означает, что он перестал быть пролетариатом. Как написал бы Гегель, победивший пролетариат отрицает угнетённый пролетариат, то есть переходит в новое качество. И Ленин, и другие политики и теоретики советской эпохи использовали вместо понятия «пролетариат» понятие «рабочий класс». И чем успешнее продвигалось общество по пути социалистического созидания, тем очевиднее была неадекватность термина «пролетариат» для обозначения рабочего класса.

На это обратил внимание И.В. Сталин в докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года «О проекте Конституции Союза ССР». Указав, что эксплуататорские классы в стране ликвидированы и отметив, что в советском обществе остались рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, он продолжал: «Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не пертерпели за это время никаких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма.

Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишённый орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс. Стало быть, наш рабочий класс не только не лишён орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет вместе со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя... Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма» (*Сталин И.В. Соч. Т. 14. — М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 123*).

Новые качества, приобретённые рабочим классом СССР в процессе социалистического созидания, серьёзно исследовались советскими учёными. Здесь нет необходимости останавливаться на результатах их изысканий.

Однако соотношение понятий «пролетариат» и «рабочий класс»,

их диалектика на этом не исчерпывается, даже когда речь идёт о советской эпохе. Ведь классовая борьба против капитализма не только продолжалась после победы Великой Октябрьской социалистической революции, но и значительно обострилась. Поскольку это была антикапиталистическая, антиэксплуататорская борьба, то её основным субъектом выступал пролетариат. Более того, понятие «рабочий класс» по мере научно-технического прогресса не исчерпывало пролетариат, включавший в свой состав также «пролетариев умственного труда». Но это только одна сторона явления. Другая его сторона состоит в том, что советский рабочий класс являлся неотъемлемой частью международного революционного движения. И его классовая позиция была пролетарской.

Надо, правда, заметить, что в документах международных совещаний коммунистических и рабочих партий мировое пролетарское движение редко рассматривалось как субъект международной классовой борьбы. Но причина здесь не в том, что такого субъекта в реальности не было, а в том, что после взятия курса на мирное сосуществование было принято рассматривать субъекты международного антиимпериалистического движения — мировая система социализма, рабочее движение капиталистических стран и национально-освободительное движение стран «третьего мира».

В качестве антиподов империалистической политики мирового капитала такой подход справедлив. Но в рамках революционной эпохи перехода от капитализма к социализму — а именно такова сущность современной эпохи, что, кстати, никогда не ставилось под сомнение международным коммунистическим движением — не выделять революционный пролетариат в качестве его субъекта, думается, нелогично. Да и национально-освободительное движение едва ли правомерно рассматривать в этом ряду.

Революционное содержание национально-освободительного движения обычно не связано с движением к социализму. Оно может лишь перерасти при определённых условиях из национально-освободительной борьбы в борьбу за социализм, но это будет уже другое движение с другим содержанием. Как справедливо отмечалось в советской литературе, национально-освободительное движение всегда развивалось при активном участии рабочего класса, однако гегемонию в нём обычно сохраняла национальная буржуазия.

Если в 60-е годы ещё были надежды на социалистическую ориентацию многих государств, освободившихся от колониальной зависимости, то в настоящее время ясно, что эти надежды оказались в основном иллюзорными. В так называемых государствах социалистической ориентации капиталистические отношения взяли верх

значительно раньше, чем вынужден был отступить советский социализм. Последние полвека убедительно показали, что национально-освободительная борьба по своему классовому содержанию носит буржуазный характер. Социализм становится целью борьбы только тогда, когда она является пролетарской по своей сущности, когда гегемоном в ней выступает рабочий класс.

Однако проблема соотношения понятий «пролетариат» и «рабочий класс» стала вновь актуальной после реставрации капитализма в России и появления «новых государств» на пространстве СССР и Восточной и Центральной Европы. Марксизм-ленинизм исходит из того, что победа буржуазной контрреволюции приводит к реставрации сущностных компонентов всей социально-экономической и общественно-политической системы общества. Следовательно, происходит реставрация и социальной структуры общества — она становится капиталистической. В условиях реставрации господствующим классом вновь становится буржуазия, существование которой невозможно без эксплуатируемого ею пролетариата.

Что касается современного рабочего класса, то он является доминирующей составной частью современного пролетариата. В этой работе речь идёт прежде всего о рабочем классе, составляющем костяк нынешнего отечественного пролетариата, в который также входят пролетарии умственного труда. В последние годы всё чаще стали говорить об «офисном планктоне» как основе «конторского пролетариата». Но о нём в этой работе речь идёт ровно настолько, насколько он связан с рабочим классом.

Серьёзной теоретической и политической проблемой стал вопрос о **диктатуре пролетариата**.

В СССР до 1961 года всё представлялось ясным в вопросе о диктатуре пролетариата. Положение К. Маркса, высказанное в «Критике Готской программы» не подвергалось сомнениям: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как **революционной диктатурой пролетариата**» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27).

Более того, отношение к диктатуре пролетариата было и в мировом коммунистическом движении тем основным водоразделом, который отделял марксистов от оппортунистов в рабочем движении. Созданный для очищения рабочего движения от ржавчины оппортунизма III Коммунистический Интернационал ставил именно признание диктатуры пролетариата в качестве критерия при формировании своих рядов. В статье «О задачах III Интернационала» В.И. Ленин ре-

шитительно утверждал: «...Диктатура пролетариата есть власть **одного** класса, берущего в свои руки **весь** аппарат новой государственности, **побеждающего** буржуазию и **нейтрализующего** всю мелкую буржуазию, крестьянство, обывательщину, интеллигенцию...

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берёт власть, становится **господствующим** классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет **все** попытки **всех** других классов вернуться к капитализму, даёт **настоящую** свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при **отмене** частной собственности на средства производства), даёт им не «права» только, а **реальное** пользование тем, **что отнято у буржуазии**» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 108—109).

Победившая Советская власть ни минуты не стеснялась признавать себя диктатурой пролетариата. Это положение было закреплено и в первой Конституции РСФСР, принятой в 1918 году, и в первой Конституции СССР, утверждённой в 1924 году. А выступая с докладом на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов «О проекте Конституции Союза ССР», Сталин неоднократно обращался к вопросу о диктатуре пролетариата. Опровергая утверждения критиков, будто Конституция СССР является пустым обещанием и «потёмкинской деревней», он прежде всего указал на то, что «в 1917 году народы СССР свергли буржуазию и установили диктатуру пролетариата, установили Советскую власть. Это факт, а не обещание» (Сталин И.В. Соч. Т. 14. — М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 133).

Ещё более важным для понимания роли диктатуры пролетариата в социалистическом строительстве является другой фрагмент из этого доклада: «...Группа критиков, атакуя проект новой Конституции, характеризует его как “сдвиг вправо”, как “отказ от диктатуры пролетариата”, как “ликвидацию большевистского режима”...

Если расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом трактуется ими не как усиление диктатуры рабочего класса, а как её ослабление или даже как отказ от неё, то позволительно спросить: а знают ли вообще эти господа, что такое диктатура рабочего класса?» (там же. С. 135).

Уже во 2-й статье Сталинской Конституции было записано: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».

Однако на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущёв выступил с радикальной инициативой, которая, если подходить к ситуации формально, бы-

ла антиконституционной. Впрочем, тогда она воспринималась как новаторская, даже как творческое развитие марксизма-ленинизма. Хрущёв заявил о перерастании диктатуры пролетариата в общенародное государство. Он декларировал, что «общенародное государство — это новый этап в развитии социалистического государства, важнейшая веха на пути перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление» (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. — М.: Политиздат, 1961. Т. 1. С. 209).

«Логика» хрущёвской идеи состояла в том, что социализм в нашей стране якобы «победил полностью и окончательно» и советское общество переходит «к развёрнутому строительству коммунизма». Идея безусловно была наполнена историческим оптимизмом и потому встречена с воодушевлением. Однако и делегаты съезда, и тем более обществоведы-учёные тогда прошли мимо явных несуразностей хрущёвского представления о развёрнутом строительстве коммунизма. А они касались ключевых проблем — отношений собственности и материально-технической базы общества.

Касаясь преобразований колхозно-кооперативной формы собственности в общенародную, Хрущёв оторвал эту проблему от уровня развития сельскохозяйственного производства и степени его обобществления. А ведь именно в это время получила широкую официальную поддержку звеньевая организация аграрного труда как наиболее эффективная и адекватная существовавшему состоянию сельского хозяйства. Это означало, что реальный уровень обобществления в аграрном секторе остаётся даже ниже того, который предполагали укрупнённые колхозы и совхозы. Значит, для «повышения» уровня их собственности не было объективных предпосылок. Правда, этот переход под руководством Хрущёва реализовывался как смена вывески «колхоз» на конторе предприятия на новую — «совхоз».

В то же время в докладе Н.С. Хрущёв справедливо говорил: «Мы выполнили **первую часть** (выделено мной. — В.Т.) ленинского кооперативного плана — повернули крестьянство на путь колхозов, создали широкую сеть совхозов, укрепили колхозы и совхозы. Теперь нам предстоит сделать новый решительный шаг вперёд — обеспечить расцвет всех колхозов и совхозов...» (там же. С. 178). Иначе говоря, выполнить вторую часть ленинского кооперативного плана, являвшегося неотъемлемой составляющей переходного периода от капитализма к социализму, только предстояло. О развёрнутом строительстве коммунизма говорить было преждевременно.

Странно понималось Хрущёвым и его единомышленниками и создание материально-технической базы коммунизма. Оно отожде-

ствлялось с достижением уровня экономического развития, существовавшего в США. Но, исходя из логики марксизма-ленинизма, следует признать, что материально-техническая база даже самой высокоразвитой капиталистической страны может соответствовать только переходному периоду от капитализма к социализму. Не случайно и в 1957 году, и позже в письмах к съезду, дискутируя с Н.С. Хрущёвым, В.М. Молотов настаивал, что главная задача переживаемого этапа — завершить социалистическое строительство, то есть переходный период от капитализма к социализму.

В том споре Молотов проиграл, так как, во-первых, победила привычка поддерживать того, кто стоит во главе власти, во-вторых, — и это главное, — как отмечалось на XIX съезде КПСС, уровень марксистско-ленинской подготовки членов партии резко снизился, вместо изучения классиков марксизма-ленинизма политическое просвещение ограничивалось популярно-примитивными брошюрами «о текущем моменте» (см.: Девятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 1. — М.: Издательство «Правда», 1952. С. 86).

Получалось, что Хрущёв и его единомышленники предлагали отказаться от диктатуры пролетариата в условиях незавершённого переходного периода от капитализма к социализму. Без конца повторяя о верности марксизму-ленинизму, о возвращении к ленинским нормам партийной жизни, они фактически отказались от ключевого тезиса В.И. Ленина: «Марксист лишь тот, кто **распространяет** признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата**. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать **действительное** понимание и признание марксизма» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34*).

В ленинских высказываниях о диктатуре пролетариата Хрущёв и его единомышленники обращали внимание только на те из них, в которых говорилось, что «научное понятие диктатуры пролетариата означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть. **Не что иное, как это**, означает понятие “диктатура”...» (там же. Т. 12. С. 320). Но это был взгляд ещё из 1906 года.

Всякое более развёрнутое, более глубокое объяснение диктатуры рабочего класса Хрущёвым в расчёт не бралось. «По простоте душевной» он так и говорил делегатам, что диктатура пролетариата — это «такая власть, которая способна подавить сопротивление эксплуататоров, закрепить победу революции, своевременно пре-

дотворить попытки реставрации власти буржуазии, обеспечить оборону от агрессивных действий международной реакции». В диктатуре рабочего класса этот политик не хотел видеть ничего, кроме одной её грани — насилия. Докладчик ни словом не обмолвился о созидательном характере диктатуры рабочего класса.

Провозглашённое на XXII партсъезде положение о перерастании диктатуры рабочего класса в общенародное государство было сугубо конъюнктурным. Хрущёв хотел связать критикуемый (порой справедливо, а часто — огульно и лживо) культ Сталина с диктатурой рабочего класса. Чтобы убедить партию в необходимости «ниспровержения» и очернения И.В. Сталина, Хрущёв утверждал, что диктатура рабочего класса себя изжила.

Между тем многие её созидательные задачи продолжали оставаться актуальными, а то и не решёнными. И здесь нам придётся всерьёз обратиться к характеристике диктатуры пролетариата, которую ей давал В.И. Ленин.

Он действительно не раз указывал на функцию подавления путём насилия, исконно присущую диктатуре рабочего класса. И было бы преступно по отношению к интересам трудящихся, если бы коммунисты-большевики были не марксистами, а толстовцами, придерживающимися проповеди «непротивления злу насилием». Наоборот, они были убеждены, что революция только тогда чего-либо стоит, когда она умеет защищаться.

Забвение этого ключевого положения Коммунистической партии (не перевёртышем М. Горбачёвым и его камарильей, а именно партией) дорого обходится трудовому народу, о чём убедительно говорят приведённые во введении данные исследований Института социально-экономических проблем народонаселения и Института социологии РАН.

Но сущность диктатуры рабочего класса искажает всякий, кто сводит её только к насилию, считая тем самым её нелегитимной. На I конгрессе Коммунистического Интернационала В.И. Ленин подчёркивал: «...Диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии...» (там же. Т. 37. С. 498). А та проявляет себя не только в борьбе за удержание власти эксплуататорского класса. Она мешает созданию нового общества. В этом созидательном процессе ведущая роль принадлежит рабочему классу, ибо машинный характер производства, в которое он включён, сделал его носителем не только трудовой, но и социальной дисциплины и организации.

В обращённой к широким трудящимся массам работе «Великий почин» В.И. Ленин так расшифровывает диктатуру пролетариата: «Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определённый класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (там же. Т. 39. С. 14).

В деле созидания особое значение имеет решение экономических задач — и потому, что обеспечивает трудящихся и всё население средствами существования, и потому, что создаёт условия для развития отечественной экономики, и, наконец, потому, что выступает основой устойчивости политической власти в интересах рабочего класса и его союзников.

В той же работе Ленин обращает внимание на то, что «диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной победы коммунизма» (там же. Т. 39. С. 13).

О том, какое значение имеет дисциплина труда, производства, взаимоотношений между различными структурами общества в социалистическом созидании, говорит уже то, что Ленин считал формирование новой дисциплины, основанной не на диктатуре голода, а на сознании трудящихся, одной из основных форм классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата. А во время мирной передышки, предоставленной «похабным Брестом», он говорил на заседании ВЦИК: «...Наша диктатура пролетариата есть обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учёта и контроля, пролетарской Советской власти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя ... вот чему мы не научили, вот что нужно рабочим, вот почему хорошо им показывать зеркало, в котором все эти недочёты явственно видны» (там же. Т. 36. С. 261).

Постоянно подчёркивая, что Советская власть — это найденная самими рабочими форма диктатуры пролетариата, В.И. Ленин в знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти» писал, что диктатура пролетариата является самым надёжным, самым

действенным способом формирования социалистической демократии, демократии более широкой по сравнению с самой демократической буржуазной республикой:

«...Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своём опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надёжнейшего вождя» (там же. Т. 36. С. 196).

Диктатура рабочего класса не противоречит самым широким дискуссиям в среде трудящихся. Наоборот, обсуждения и дискуссии выступают не только способом искать оптимальные решения сложнейших проблем, но средством включения трудовых масс в политическую жизнь. Это буржуазия заинтересована в минимальном участии трудовых слоёв общества в политических процессах. Ленин видел в обсуждениях и дискуссиях средство воспитания в массах политической активности. Он замечал: «Когда народ перешёл к новым экономическим условиям, он бросился обсуждать, что из этого выйдет и как это надо по-новому построить. Не пройдя через общие обсуждения, нельзя было ничего начинать, потому что народ держали десятки и сотни лет под запретом что-нибудь обсуждать, а революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования по всем вопросам» (там же. Т. 44. С. 165—166).

Диктатура рабочего класса — это ещё и формирование нового типа личности, «это дело переработки самих нравов, надолго загрязненных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с тем всей той атмосферой грезни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсигивания, которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь — мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников...» (там же. Т. 41. С. 107—108).

Положение об исчерпании диктатуры рабочего класса не соответствует действительности — и потому, что не был завершён переходный период от капитализма к социализму, и потому, что сохранялась актуальность задач, решение которых предполагало диктатуру рабочего класса. Отступление социализма с завоеванных позиций на рубеже 1980—1990 годов, как и «20 потерянных лет» периода реставрации капитализма служат наилучшим подтверждением опрометчивости решений XXII съезда КПСС. Это тем более важно признать, так как хрущёвское отрицание диктатуры рабочего класса остаётся не пересмотренным коммунистами.

Кто-то решит, что не стоит «рыться в хронологической пыли бытописания Земли». Но ведь не в слишком далёкой перспективе предстоит прерывание капиталистической реставрации в России. И снова в повестку дня встанут «проклятые вопросы» об инструментах сохранения власти, которую возьмёт в свои руки класс сегодняшних наёмных работников физического и умственного труда. Так не разумнее ли сейчас, пока у партии нет сложнейших проблем, которые будут связаны с восстановлением отечественного хозяйства, которое снова станет народным, обсудить, осмыслить, по возможности решить вопросы завтрашнего дня? Конечно, найти их решения можно ровно настолько, насколько в сегодняшних противоречиях уже выявилась их ведущая сторона. Иначе занятие будет похоже на гадание на кофейной гуще. Но ведь антагонизм между трудом и капиталом налицо. И разве кому-то не ясно, что разрешать это противоречие предстоит труду?! Тот, кто думает иначе, становится (вернее: ложится) на точку зрения реакционного американского мыслителя Ф. Фукиями о конце истории, о том, что человечество за пределы капитализма никуда не сдвинется. Но приверженцам марксизма-ленинизма такая точка зрения (и связанное с нею «вечное лежбище») неприемлема.

Значит, нарастающее с каждым днём антагонистическое противоречие должно быть разрешено. И делать это придётся современному пролетариату, стержнем которого является рабочий класс. Разрешение основного противоречия эпохи требует победы класса наёмных работников физического и умственного труда, в которой первую скрипку будет (вынужден) играть рабочий класс.

Обратимся вновь к ленинскому «Великому почину». В нём нам нетрудно найти путеводную нить: «Чтобы победить, чтобы создать и упорочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь её, организовать её, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с её стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» (там же. Т. 39. С. 17).

Общество, в котором мы живём

Есть люди, которые и сегодня продолжают утверждать, что на дворе такая криминальная система, которая не уместится ни в какие рамки капитализма. Глубинная суть рассуждений таких горе-мыслителей весьма проста: действительность им не нравится, однако в глубине души они готовы мириться с капитализмом, но только обязательно правильным, «белым и пушистым», не беспокоящим их своими острыми углами. Об этой категории толкователей общественных процессов К. Маркс и Ф. Энгельс писали ещё в «Манифесте Коммунистической партии», писали едко, с сарказмом: «Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 454). Глупо отрицать, будто в сегодняшней России нет подобных «буржуа-социалистов».

Ещё нам серьёзно мешают стереотипы, десятилетиями провозглашавшие социальную непогрешимость рабочих, их готовность в любую минуту пойти на баррикады классовых боёв и т. п.

Но самой большой помехой стало невнимание к марксистско-ленинской теории, неумение применить её к реалиям бегущего дня.

Общество представляет собою сложную развивающуюся систему. В ней можно выделить несколько социальных структур. Но сегодня представляют широкий интерес изменения, которые носят социально значимый характер. Потому предметом внимания и зарубежных, и отечественных исследователей становятся, как правило, те социальные группы, которые формируются под воздействием базисных и надстроечных отношений.

Общественные отношения складываются по поводу некоторых реалий: отношений собственности; различия в языках, обычаях, социальной психологии; изменения возможностей человека осуществлять трудовую и общественную деятельность в зависимости от возраста, пола и т. д. Группы, порождаемые определёнными общественными отношениями, становятся их основными носителями.

Это и приводит к их иерархизации и возможности их ранжирования.

Производственные отношения (они представляют собой базис любого общества), порождающие неравенство в отношениях собственности, приводят к формированию социальных классов (термин «класс» широко используется не только в обществоведении; из школьного курса, скажем, ботаники мы знаем о классах растений; это понятие вошло в категориальный аппарат и многих других естественных наук). Субъектами социально-демографических отношений являются такие группы, как молодёжь, ветераны, «люди зрелого возраста»; социально-этнических — нации, народности, племена; религиозных — конфессиональные объединения...

Классы занимают ведущее положение среди всех типов социальных групп не потому, что так утверждали историки Великой французской революции, а потом К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и другие мыслители, а потому, что они порождены базисными отношениями, определяющими характер всей системы надстроечных отношений. Основные типы социальных групп оказываются объективно вовлечёнными в той или иной степени в отношения собственности, а значит, классовые отношения оказывают на них кардинальное влияние.

Как только начался разговор об отношениях между элементами системы, так фактически речь зашла о структуре этой системы. Выяснение только элементного состава общества ещё не даёт её характеристики. Чтобы познать систему, надо выяснить, как взаимодействуют её элементы, то есть знать социальную структуру.

Правда, как отмечал член-корреспондент РАН М.Н. Руткевич, «понятие структуры подчас употребляется в расширительном смысле, как бы «заменяя» собой понятие системы, то есть под структурой попросту подразумевают ту или иную **организацию**. Например, банды уголовников, вообще организованные преступные группы сплошь и рядом именуют криминальными структурами; органы правопорядка, имеющие оружие и право его применять, — силовыми структурами; органы управления — управленческими структурами и т. д.» (Руткевич М.Н. Социальная структура. — М.: Альфа-М, 2004. С. 50—51). Но здесь подмена в основном вербальная, так как структура обязательно характеризует наличие системы и её организацию.

Более того, в обществоведении их обособленное рассмотрение, как правило, не продуктивно и в познавательном отношении не интересно. Что касается терминологии, то «подобное словоупотребление во многом обусловлено влиянием структурализма как философского течения, склонного абсолютизировать познание связей в системе в ущерб познанию материального субстрата, из которого состоят элементы этой системы» (там же. С. 51).

И социальная система, и её структура не находятся в покое. Они функционируют, изменяясь. **«Функционирование общественного организма в ходе истории всё более сближается с развитием.** Но это не должно означать, конечно, пренебрежения к изучению механизмов функционирования» (там же. С. 55).

Качественный скачок (как революция, так и контрреволюция) в развитии общества (социальной системы) означает коренное изменение её элементного состава, и, следовательно, её структуры. Более того, социальную структуру общества можно рассматривать как явление, сущностью которого выступает характер системы общества. Сущностные изменения, вызванные контрреволюционным переворотом 1991 года, связаны не со сменой политических персон, а с качественным изменением отношений собственности. В то же время антисоциалистические силы на рубеже 1980—1990-х годов при позиционировании своих действий и программных установок либо замалчивали вопрос об отношениях собственности, либо характеризовали его как малосущественный. Для этого они переводили экономическую характеристику общества в социально-психологическую. Вопрос о «хозяине»-собственнике подменялся вопросом о «хозяйском отношении к делу», то есть лукаво использовалась формула, которая не просто широко бытовала в советские времена, но и практически на всех этапах строительства советского социализма вносилась в массовое сознание.

Такое уклонение антисоциалистических сил всех мастей (от «радикалов» типа Попова, Афанасьева, Собчака до «умеренного» антикоммуниста генсека КПСС Горбачёва) проявлялось в том, что все они ставили вопрос не о переходе от социализма к капитализму, а от социализма к рынку. Подобный эвфемизм сохранялся до второй половины 1990-х годов. Например, глава правительства Российской Федерации В. Черномырдин утверждал, что «мы не будем строить ни социализма, ни капитализма».

Этот обман отражал ситуацию неустойчивого равновесия, в которой можно выделить два этапа: первый — до политической победы контрреволюции в 1993 году, второй — с 1993-го по 1999 год. Массовое сознание, с одной стороны, продолжало во многом исходить из советских ценностей. Отражением этой стороны общественных реалий были и итоги Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года о судьбе СССР (в РСФСР в референдуме приняли участие 75,4% избирателей; из них за сохранение Советского Союза проголосовал 71%), и результаты выборов в Государственную думу II созыва, после которых фракция КПРФ оказалась крупнейшей в нижней палате Федерального собрания РФ, и создание правительства Примакова—Маслюкова—Геращенко в августе 1998 года.

Ровно через 21 год после «ельцинского» государственного переворота, в номере от 21—22 августа 2012 года «Правда» под заголовком «Кузбасс: шахтёрское терпение кончается» опубликовала обращение исполкома возрождённого незадолго до этого Совета рабочих комитетов Кузбасса к гражданам России. Его подписали люди, которые защищали интересы угольщиков Кемеровской области ещё на рубеже 80—90-х годов. Те события в шахтёрских районах большой страны, похоже, до сих пор отзываются у большинства их участников не столько гордостью, сколько горечью.

Авторы обращения с этой мысли его и начинают: «В последнее время к нам, бывшим руководителям рабочих комитетов Кузбасса, поступают многочисленные обращения пенсионеров, работников бюджетных организаций, промышленных предприятий (особенно угольной промышленности).

Мы помним, как в 1989 году поднялся весь Кузбасс, видя экономическую и политическую несостоятельность страны, выступив за реформы, справедливость, лучшую жизнь...».

В этих вступительных словах обращения привлекают достоинство и ответственность. Наверное, не просто было брать их на себя, зная, что участников тех давних забастовок порою называют «отбойными молотками ельцинской контрреволюции». Для рабочего человека такие слова должны быть обидными, потому что в них много несправедливости. Ведь проблемы, которые ставили шахтёры, не были ими высосаны из пальца. «Тогда, когда людям уже некуда деваться, и когда они испробовали всё и, по три-четыре раза обращаясь в самые верхние эшелоны власти, не могут ничего сделать, я не вижу другого выхода с их стороны, как бастовать» (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 2. С. 240). Эти слова были произнесены с трибуны XXVIII съезда КПСС посланцем кемеровских коммунистов, который не был ни поклонником Горбачёва—Яковлева, ни приверженцем Ельцина—Собчака и К^о.

Ему вторил представлявший коммунистов Донбасса горнорабочий очистного забоя из объединения «Донецкуголь»: «В сложившейся социально-экономической и политической ситуации в стране труженики любой отрасли народного хозяйства имеют не меньше оснований для такого выражения своих требований и претензий» (там же. Т. 1. С. 283).

Делегат коммунистов Среднего Урала с той же трибуны говорил: «Во многих выступлениях на нашей областной партийной конференции прозвучали требования признать работу руководящих органов партии как неудовлетворительную. А партконференции таких

крупных организаций, как «Уралмашзавод», «Электротяжмаш»... выразили недоверие ЦК и Политбюро» (там же. Т. 1. С. 625). Причину такой позиции чётко объяснял на партсъезде электросварщик из Иркутска: «Решения XXVII съезда в большинстве своём остались невыполненными. Исходя из этого, считаю, что неудовлетворительная оценка будет реально отражать деятельность ЦК и Политбюро за отчётный период» (там же. Т. 1. С. 535).

Да их партийное руководство и не собиралось выполнять. Делегат из Латвии, возмущаясь, рассказывал съезду: «Сразу после визита Александра Николаевича (Яковлева. — В. Т.) к нам в Прибалтику началась расправа с коммунистами, которые предупреждали об опасности Народных фронтов. Почему от партийных организаций требовали, ссылаясь на указания товарища Яковлева, начать активную работу коммунистов по созданию первичных организаций Народных фронтов на предприятиях и в организациях? И требовали даже отчётности по линии партийных органов о создании таких организаций и количестве членов в этих организациях...» (там же. Т. 1. С. 624).

Вот политическая обстановка, в которой шахтёры Кузбасса предъявляли суровые претензии к КПСС. Антикоммунистами были не рабочие, защищавшие свои права и интересы, а горбачёвско-яковлевское руководство, предавшее партию и её коммунистические идеи. Это признаёт в работе «Политические уроки рабочего движения Кузбасса» и историк из Кемерово Л.Н. Лопатин, которого трудно заподозрить в симпатиях к сторонникам социализма: «Основой единства демократов того времени был антикоммунизм. Однако считать антикоммунизм идеологией шахтёрского движения было бы преувеличением. Чёткого оформления идейных взглядов не произошло. Антикоммунизм основной массы людей был лишь отрицанием низкого уровня жизни. После путча августа 1991 г. идейный антикоммунизм лидеров вылился в конструктивную поддержку реформаторов, а обыденный антикоммунизм рядовых шахтёров постепенно превратился в движение против реформ» (Лопатин Л. Рабочее движение Кузбасса // leonidlopatin.ru/index.php?option=com_content&view... 02.08.2012).

Пожалуй, ещё определённое оценили идеологическую позицию кузбассовцев авторы другого исследования, посвящённого противостоянию в регионе в 1989—1991 годах. Они писали: «Поддерживающая часть шахтёров поддерживала советский строй, который, хотя и медленно, но до поры до времени обеспечивал повышение жизненного уровня» (Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 36).

Они подчёркивали, что ухудшение благосостояния шахтёров произошло в основном в годы «перестройки» (но при этом не закрывали глаза на то, что в пору интенсивного развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса внимание государства к шахтёрам заметно уменьшилось). Кстати, об этом же говорил на Первом съезде народных депутатов СССР (1989 г.) и шахтёр из Междуреченска В.М. Гвоздев: «Сегодня уровень жизни, особенно шахтёров Кузбасса, здорово снижается. И нельзя тут судить только по заработной плате, ибо она уже не в полной мере определяет уровень жизни. На свои заработанные деньги шахтёры не могут приобрести простых вещей: валенок, полушубков, тёплой одежды, обуви, которые необходимы в Сибири. Огромным дефицитом являются холодильники, стиральные машины, телевизоры» (Правда. 1989. № 117). Между тем, как отмечают историки, «в предыдущие годы всё было иначе. Ещё в середине 80-х годов редко кто из шахтёров брал положенное ему хозяйственное мыло в шахтёрских мойках: предпочитали покупать в магазинах. Широкий выбор был в шахтёрских буфетах и столовых: колбаса 2—3 наименований, сало, ветчина, горячие пирожки 3—4 наименований, молоко, кефир, творожники. Можно было свободно купить одежду и товары культурно-бытового назначения» (Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989—1991 гг. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 48—49).

Эти оценки подтверждаются и результатами обследования благосостояния горожан, проведённого учёными Института экономики и организации промышленного производства и экспертами ЦСУ. В 1982 году потребление мяса и мясопродуктов в Кузбассе было выше среднероссийского. Причём покупались эти продукты в государственной торговле по весьма низким ценам (см.: там же. С. 13).

Принципиально иную картину дали социологические исследования, проведённые в 1989 году. Теперь только 2% горожан считали экономическое положение благоприятным, 38% — неблагоприятным, а 55% респондентов были убеждены, что оно критическое. 86% опрошенных считали, что за последние 2—3 года положение изменилось в худшую сторону прежде всего в снабжении продовольствием и промышленными товарами, 63% — в работе торговли, 36% — в медицинском обслуживании. Исследование выявило недоверие и скептицизм большинства трудящихся по отношению к реформам, проводимым горбачёвским руководством (см.: там же. С. 39).

Однако процессы целенаправленного разрушения социалистической системы Горбачёвым и его сторонниками-ренегатами, пожалуй,

прежде всего в Кузбассе привели к нелогичным последствиям: протест оказался направлен не на действия «прорабов перестройки», а на атаки против советского социализма. В первую очередь шахтёры Кузбасса оказались в роли «отбойных молотков», разрушавших социалистический строй. Один из наиболее авторитетных руководителей угольной отрасли Кузбасса М.И. Найдов дал краткую и точную оценку роли рабочего движения региона: «Их использовали точно так же, как Мао Цзэдун использовал хунвейбинов. Рабочие комитеты и были хунвейбинами для Ельцина» (см.: там же. С. 75).

Первая причина была, очевидно, в том, что справедливым недовольтством угольщиков воспользовались антисоциалистические силы, находившиеся далеко от шахтёрского края. Профессор А.М. Ерёмин свидетельствовал: «Ещё в начале 1991 года Союз кооператоров СССР через какую-то «партию свободного труда» подбросил в забастовочный фонд шахтёров 100 млн. рублей, чтобы оживить их забастовку с требованиями разгосударствления. Им помогло и движение «Демократическая Россия», которое выражает интересы „новых предпринимателей“. Шахтёров Воркуты подстрекали к забастовке председатель Союза кооператоров В. Тихонов (ныне один из советников Б. Ельцина) и его заместитель, первый легальный «советский» миллионер А. Тарасов. Разумеется, их интересовали не шахтёры, а ликвидация социализма» (Ерёмин А.М. Об экономической идеологии рабочего движения. // ...Изм. 1992. № 1. С. 57).

Именно эти силы указывали на Коммунистическую партию в качестве мишени для шахтёрской атаки. Между тем значительную, во многом определяющую роль в жизни региона играли хозяйственные руководители. Об этом свидетельствуют признания одного из самых авторитетных «угольных генералов» В.П. Романова: «Сейчас многие считают, что партийные работники были хозяевами жизни. Они определяли всё и вся. Глубокое заблуждение! Всё и вся определяли хозяйственники. Они сидели в партийных бюро и партийных комитетах, в советских органах и контролировали, определяли ситуацию. Если первый секретарь „выпрыгался“, он лишался должности на первом же очередном или внеочередном пленуме, который в любой момент мог превратиться в „организационный“» (Рабочий класс и рабочее движение в условиях радикальных трансформаций. Материалы Всероссийской научной конференции. — Томск, 2009. С. 183, 184).

Необходимо отметить, что определённую роль в создании критического положения в регионе сыграла и региональная элита. Об этом откровенно сказал уже упоминавшийся М.И. Найдов: «...Мы не будем объективны, если анализ причин забастовки закончим рассмотрением претензий к центру. Пусть, в несколько меньшей мере, но вялая по

результативности, а не по форме, работа областных, городских и хозяйственных руководителей сказалась на росте недоверия к ним».

Нельзя не обратить внимание и на особенности социального состава рабочих Кузбасса. Они как класс в течение нескольких десятилетий не могли выйти из стадии становления, оставаясь «классом в себе». Осознавая неудовлетворённость повседневными потребностями, они не сумели осознать коренные классовые интересы.

Во-первых, в малых шахтёрских городах практически не было потомственных рабочих. Коренные горожане составляло лишь 7% их населения. 55% жителей таких городов родились в сельской местности. Здесь в значительной степени сохранился деревенский образ жизни. Так, по данным на 1 сентября 1983 года, в 12 890 индивидуальных хозяйствах г. Прокопьевска содержалось 2 545 голов крупного рогатого скота, 19 179 свиней, 790 овец, 555 коз, 61 лошадь (см.: *Андреев В.П., Воронин В.П.* Кузбасс в пространстве XX века. Томск. 2009. С. 83). Спавшая прежде мелкобуржуазность мелкого хозяйчика проснулась под воздействием, с одной стороны, ухудшения благосостояния, с другой — под влиянием массовой антисоциалистической пропаганды.

Во-вторых, в населении Кузбасса немалую долю составляли лица, сосланные из европейской части страны во время коллективизации и раскулачивания. Часть из них не только сохранила обиду на Советскую власть, но и передала её детям. Надо признать, что у некоторых представителей этой категории населения осталось живучим и классовое неприятие Советской власти.

В-третьих, негативно повлияла на обстановку перенасыщенность угольного края исправительно-трудовыми учреждениями. В результате здесь ежегодно оседали до 10 тысяч заключённых после освобождения. Они формировали сложную криминогенную обстановку, оказывали влияние на традиции, образ жизни, культуру поведения, потребности и запросы граждан (см.: *Лопатин Л.Н.* История рабочего движения Кузбасса. 1989–1991. — Кемерово. 1995. С. 18). У многих из бывших заключённых был опыт организации забастовок в зоне заключения. Часть из них оказалась членами забастовочных комитетов (см.: *Андреев В.П., Воронин Д.В.* Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989—1991 гг. 2002. С. 80—82).

Кузбасс оказался в клубке разных социальных противоречий. Но время и здесь оказалось сильным лекарем. Ещё раз сошлёмся на кемеровских историков: «Существенно повлияв на ситуацию в стране, шахтёры не добились сколько-нибудь заметного улучшения своего положения, в конечном счёте, оказались разменной монетой в руках политиков» (там же. С. 3).

За два десятилетия, которые оказались для России и её народа потерянными, коренным образом изменилась не только ситуация в стране, но и миропонимание шахтёров. И это нашло яркое отражение в их обращении: «В результате проведённых реформ мы сегодня получили немыслимую коррупцию, наглое разворовывание государственной собственности, произвол власти, господство «Единой России». Закрыты и обанкрочены многие шахты и предприятия других отраслей промышленности. В одном Кемерове закрыты 8 заводов. Уничтожается профессионально подготовленный рабочий класс, разогнаны профсоюзы, а те, которые остались, не являются защитниками рабочих.

Мы долго терпели, надеясь, что переживаем временные трудности переходного периода. К тому же наша область длительное время считалась регионом стабильности, во многом благодаря усилиям губернатора. Но применяемые его командой методы обмана, кнута и пряника дают сбой. Уже не секрет, что в Кузбассе подавляющее большинство руководителей городов и районов заменены „по собственному желанию“ за коррупцию. Заменён начальник ГУВД области, прокурор области ушёл на пенсию. Все прекрасно понимают, на кого работают силовые структуры, как иезуитски проводятся выборы в органы власти. Такое положение устраивает лишь тех немногих, которые присосались к бюджетной кормушке, к богатым кузбасским недрам, вывозя всю прибыль за границу. Эти силы пытаются сохранить существующее положение любыми способами, имея большинство в Государственной думе, принимая драконовские законы в своих интересах и призывая нас жить по этим законам» (Правда, 21—22 августа 2012 г.).

Картина, нарисованная в обращении исполкома Совета рабочих комитетов, точна и выразительна. Ведь страна не забыла трагедию на «Распадской», случившуюся 9 мая 2010 года, в светлый День Победы, трагедию, в которой погибло около 70 угольщиков. По мнению одного из шахтёров, этому способствовала вся обстановка не только на шахте, где произошёл взрыв, но и во всей угольной промышленности, в России в целом:

«Авария на шахте “Распадской” стала катастрофой не только потому, что погибло много людей. Это не самая большая авария была в Кузбассе за последние годы... Но авария на “Распадской” была катастрофой в том смысле, что кругом говорят, говорят, говорят, а всё это не приводит ни к чему. Ситуация никак не меняется, и продолжают аварии с человеческими жертвами. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с безответственным поведением собственника, мы имеем дело с системой, при которой собственник не заинтересован в со-

хранении жизни работников, поскольку работников можно всегда заменить. И обратите внимание, что сейчас, когда выплачиваются деньги семьям погибших, в первую очередь выплачиваются деньги государством. Потом уже, после того как начались скандалы, после того как начали давить на власти и власти начали давить на собственников, были выделены деньги со стороны собственников. Нет законодательной базы, которая сделала бы для собственников разорительно невыгодной гибель или ранение работника» (см.: Бизюков Л.В. Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. — М.: Центр социально-трудовых прав, 2011. С. 39—40).

Но характер законов уже 10 лет определяет «Единая Россия», которая, как и правительство, и Кремль, где квартирует **наследник** Ельцина, служат классу собственников, которым интересы наёмных работников совершенно безразличны.

Набатом звучат заключительные слова обращения к гражданам России: «Общество раскололась на две части — власть не слышит свой народ и его чаяния... Мы заявляем о возобновлении деятельности Совета рабочих комитетов и призываем всех рабочих, всех порядочных, честных, патриотически настроенных людей присоединиться к нашему движению... Мы не позволим никакой власти впредь издеваться над нами. Мы убеждены, что нас поддержат не только в Кузбассе, но и в других регионах Российской Федерации. Запас терпения исчерпан» (Правда, 21—22 августа 2012 г.).

Вот уже 21 год нам тычут в нос, что ни коммунисты, ни рабочий класс не вышли защищать свою партию, свои парткомы от одичавшей и опьяневшей от полученной вольницы буржуазно-мещанской толпы, которую в те короткие дни выверено вели кукловоды по точно выбранным маршрутам. Эти обвинения висят клеймом позора на каждом из нас, кто остался верен коммунистической мечте, кто не изменил марксистско-ленинской теории, не свернул с пути их воплощения в практику.

Вспомним строки Александра Твардовского, заявлявшего от имени павших под Ржевом:

*И у мёртвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она спасена.
 Нам свои боевые
 Не носить ордена.
Вам всё это, живые,
Нам отрада одна:*

*Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна.*

Это было слово всех павших — 27 миллионов! — за нашу Советскую Родину. Среди них — более трёх миллионов коммунистов, положивших свои жизни в боях и битвах Великой Отечественной войны за великую коммунистическую идею.

Но 6 августа 1991 года председатель Центральной контрольной комиссии КП РСФСР Н. Столяров опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Стоит ли начинать всё сначала?». В ней он бросил вызов всем, кто погибал за страну, кто поднимал её из руин, кто по-прежнему был искренне верен их заветам (тогда о них издевательски говорили: «ортодоксальная часть партии»). Да не только им. Это теперь господа буржуи, их власть и их трубадуры не стесняются говорить, что им достался не тот народ, а тогда это было ещё в диковинку. Так вот сей деятель вещал: «В списке тех, кто сегодня отказывает нам, коммунистам, и нашей партии в признании, на первом месте, как это ни прискорбно, стоит Его Величество Народ. Задумаемся, почему это происходит... Партии нужно использовать шанс на демократическое обновление. Едва ли не последний».

Задуматься, почему народ отворачивался от партии Горбачёва — Яковлева — ... — Столярова, сей пустозвон был не в состоянии. Его не интересовало, хочет ли народ навязываемой ему «демократии» чистогана. Но он лихо вещал об обновлении, которое в народе называют перелицовкой.

Так случилось, что в тот же день за действия, направленные против социализма, президиум ЦКК КП РСФСР попытался исключить из партии своего председателя. За ренегатство. Не получилось. Потом он сбежал из Компартии сам. В августовские трагические дни был на стороне антисоциалистического переворота ельциноидов, летал вместе с Руцким в Форос «освобождать» Горбачёва... За предательство ему вскоре были пожалованы генеральские голубые лампасы. Но сейчас не об этом, а о том, что ещё за две недели до ГКЧП партийная ЦКК оказалась уже не в состоянии исключить из партии перевертыша-антикоммуниста, демонстративно нарушавшего Устав и ещё действовавшую Программу КПСС. Правда, на

XXVIII партсъезде член Президиума ЦК КПСС горбачёвец И.Т. Фролов предлагал от неё отказаться, ограничившись Программным заявлением съезда, на что всегда спокойный и уравновешенный В.А. Ивашко возмущенно бросил: «Партии без Программы не бывает!».

Кстати, возвышение Столярова в видные деятели партии очень смахивает на анекдот, демонстрирующий степень разложения КПСС её оппортунистической верхушкой во главе с Горбачёвым. Безвестный старший преподаватель этики Военно-воздушной академии имени Гагарина благодаря чётко управляемым клакерам из столичной делегации (на XXVIII партсъезде они не раз делали погоду) получил трибуну и произнёс пустопорожнюю, но трескучую речь. Это позволило ему (пустозвонство на том форуме часто оказывалось в высокой цене) стать членом ЦК КПСС, а на втором этапе Учредительного съезда КП РСФСР занять пост председателя ЦКК. И вот снова получив трибуну, этот профессиональный блюститель нравственности (этика — наука о нравственности) настаивал на том, чтобы съезд избрал заместителем председателя ЦКК... его приятеля, все достоинства которого ограничивались тем, что он был другом Столярова. Дикое предложение не прошло, но самого Столярова на пост «совести партии» избрали.

Вообще XXVIII съезд был самым длинным оглашением смертного приговора, а привели его в исполнение, запретив Коммунистическую партию, августовские триумфаторы. Партия перестала быть руководящей силой общества не потому, что была отменена 6-я статья Конституции СССР. Её разрушили ренегаты, они вынули из неё марксистско-ленинский ум и коммунистическую душу.

Горбачёвско-яковлевское руководство делало всё мыслимое и немислимое, чтобы вытолкнуть партию из государственных структур. XXVIII партсъезд отлучил партию от руководства государством. Впервые за советскую историю глава правительства и руководитель высшего органа Советской власти не были избраны в Политбюро ЦК. Из Политбюро были выведены все члены Совета Министров и председатели палат «советского парламента», которые прежде входили в него.

Съезд не только вывел партию из руководства государством, но и способствовал разрушению её единства, что ярко проявилось при голосовании резолюций. Невозможно забыть, например, принципиальную дискуссию по поводу экономического курса КПСС. На второй день съезда от микрофона выступил делегат Ю.В. Абрамов из Красногорска Московской области: «Постановка вопроса о принятии резолюции «О переходе к регулируемой рыночной экономике» некорректна в части выбора названия. Ибо предполагается, что съезд уже признал, даже не обсуждая, однозначность и неоспори-

мость этого пути развития экономики... Поэтому предлагаю резолюцию о проблеме хозяйственного развития назвать так: «О политике КПСС в проведении экономической реформы и принятии неотложных мер по стабилизации социализма в стране» (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 1. С. 257—258). Предложение было принято 3745 голосами, то есть его поддержали почти 85% делегатов. Однако через неделю эта резолюция после небольших редакционных изменений была принята под названием «О политике КПСС в проведении экономической реформы, переходе на рыночные отношения». Горбачёву и его поделщикам-«перестройщикам», покинувшим (или дезертировавшим?) теперь Политбюро, было очень надо, чтобы своим названием съездовская резолюция не ориентировала на социализм, но обязывала партию молиться рынку. Под рынком же фактически понимался капитализм. А лукавая терминологическая подмена была введена в политическую практику по рекомендации австро-американского экономиста Ф. фон Хайека. Он объяснял, что капитализм всегда увязывается обществом с острыми социальными конфликтами и классовой борьбой, а на рынок ходят все, и это слово людей не раздражает. В «перестроечном» руководстве КПСС у либерала Хайека нашлись усердные и послушные ученики.

Что касается организационного единства КПСС, то вместо монолитного строения партии оппортунисты навязали федерализацию. Чрезвычайно показательна дискуссия, развернувшаяся на XXVIII партсъезде вокруг 22-го параграфа Устава, определявшего место компартий союзных республик в структуре партии. В редакции, предложенной возглавляемой генсеком редакционной комиссией, предусматривалось её федеративное устройство. Когда эстонский коммунист Л.Э. Аннус напомнил, что «превращение партии Ленина в союз компартий» несёт угрозу раскола (см.: там же. Т. 2. С. 435), слово тут же взял М. Горбачёв. Он демагогически убеждал съезд, что следует отказаться от требований, чтобы коммунистические партии союзных республик опирались на Программу и Устав КПСС. Делегаты более чем двумя третями голосов отвергли его позицию.

Это было на утреннем заседании съезда 12 июля 1990 года. Однако едва началось вечернее заседание, Горбачёв снова берёт слово: «В Уставе КПСС есть раздел о компартиях союзных республик... Давайте вернёмся, обсудим. В преамбуле есть последний абзац: «КПСС строит свою работу на основе Программы и Устава партии, её организации действуют в рамках Конституции» и так далее. Думаю, можно записать: «КПСС, все её организации строят свою работу на основе Программы и Устава, действуют в рамках Конститу-

ции СССР, конституций союзных, автономных республик, советских законов». Это позволит 22-й параграф и раздел о компартиях, который специально включён в Устав для учёта новых реальностей в развитии страны, общества и КПСС, не трогать, оставить в том виде, как его предложила комиссия» (там же. С. 458). В общем, не мытьём, так катаньем.

Однако выступавшие делегаты чаще всего отвергали закладываемые Горбачёвым предпосылки разрушения КПСС. Например, делегат из Подмосковья председатель народного суда Солнечногорского района Ю.М. Слободкин сказал: «Михаил Сергеевич, я категорически возражаю против той тактики, которую Вы избрали. Эта тактика, а с ней я уже знаком по работе первого Съезда народных депутатов Российской Федерации, напоминает мне, что Вы занимаетесь не просто выкручиванием рук, а откручиванием голов. Я должен сказать, что та редакция, на которой Вы настаиваете (параграф 22 проекта Устава КПСС), ведёт к сепаратизму, к федералистскому принципу построения нашей Коммунистической партии. И делегат из Грузии это отчётливо выразил: до каких пор мы будем пятиться назад. Мы постоянно сдаём одну позицию за другой тем, кто хочет разрушить единство партии. Я предлагаю поддержать товарищей из Латвии, из Эстонии, всех, кто стоит за сохранение единства партии» (там же. С. 463).

А вот позиция рабочего — водителя Клайпедского морского торгового порта (Литовская ССР) А.Н. Исаченко: «Наша компартия разделилась на две части в республике, но своего влияния не увеличила, то есть мы утратили свой авторитет в народе. На выборах, это было показано наяву, проиграли. Если бы мы остались монолитной партией и сохранили единство, то мы бы и выборы в республике не проиграли, и не имели бы того печального результата, который сейчас у нас в республике. Поэтому я призываю вас голосовать за поправку, а не за предложение комиссии. Чтобы сохранить единство нашей партии» (там же. С. 464).

Подвёл черту под дискуссией председательствовавший на заседании А.И. Лукьянов: «Товарищи, я хочу просто вам напомнить, что 22-й пункт сейчас записан в той редакции, которая получила большинство голосов... Голосовать не за что, эта формулировка принята».

Впрочем, уши федерализма в том Уставе остались. Например, в нём предусматривалось, что в Политбюро ЦК КПСС входят все первые секретари компартий союзных республик по должности (см.: Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат. С. 120). В результате в 1991 году в его составе одновременно были два первых секретаря расколовшейся КП Эстонии.

Конечно, в КПСС осталось немало людей, которые сопротивлялись сползанию партии к буржуазному соглашательству и отказу от марксистско-ленинской идеологии и социалистических ценностей. Появились клубы марксистов-ленинцев. Первый секретарь ЦК КП РСФСР И.К. Полозков на Пленуме ЦК в декабре 1990 года призвал к созданию комитетов общественного спасения. Позже он обвинил «демократов» в стремлении превратить державу в сырьевой придаток транснационального капитала. 27 июля 1991 года 11 общественных деятелей (в том числе писатели Ю. Бондарев, А. Проханов, В. Распутин, секретарь ЦК КП РСФСР Г. Зюганов, генерал В. Варенников, представитель ВПК А. Тизяков, аграрий А. Стародубцев и другие) обратились со «Словом к народу». В нём они призвали к созданию народно-патриотического движения, «чтобы остановить цепную реакцию губительного распада государства, экономики, личности». В апреле 1991 года на Пленуме ЦК КПСС группа его членов попыталась сместить Горбачёва с поста генсека. Но она осталась в меньшинстве.

В 1989—1990 годах горбачёвцы активно обновляли руководителей республиканских, краевых и областных организаций. В компартиях РСФСР, Украины и Белоруссии из 109 первых секретарей остались только четыре, которые были избраны до «перестройки». К августовским событиям 80% руководителей региональных комитетов этих республик имели опыт работы на занимаемых должностях менее двух лет (см.: Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): Историко-биографический справочник / Сост. Горячев Ю.В. — М.: Парад, 2005. С. 447—491). Троцкистский лозунг «Огонь по штабам!» Горбачёвым и К^о был осуществлён на практике.

После XXVIII партсъезда в своей идеологии и практической политике руководители КПСС энергично сдвигали общество вправо. Начал действовать сонм буржуазных и мелкобуржуазных партий — от Республиканской, выросшей на почве «Демократической платформы» в КПСС, до «Демократического союза», страдавшего не только агрессивным антикоммунизмом, но и патологической русофобией. Появилась даже сионистская организация «Бейтар».

Знаменем антисоциалистических и антисоветских сил выступал Б.Н. Ельцин, который демонстративно выложил свой партбилет после выступления на одном из заседаний XXVIII съезда КПСС. Правда, гроссмейстер популизма решил на всякий случай подстелить соломки. Он оправдывал свой выход из партии не столько идеологическими и политическими мотивами, сколько необходимостью на посту президента РСФСР представлять интересы всех граждан республики. Однако по мере наступления контрреволюционных сил он всё активнее выражал интересы нарождавшейся компрадорской

буржуазии (неслучайно в первые дни августовских событий Ельцин готовился искать убежище в находившемся по соседству со зданием Верховного Совета РСФСР посольстве США).

Выступая 9 марта 1991 года в Доме кино, Б. Ельцин заявил: «Нам пора идти в наступление... Да, пришла пора на базе демократических сил, на базе «Демократической России» создавать мощную организованную партию. Я долго не был убеждён, что это нужно было делать, но после того, как мы видим, как на глазах организуется КПСС, мы должны понять: они идут организованным фронтом... Нам не нужен Союз в таком виде, в каком существует сейчас. Нам не нужны министерства, нам не нужна эта бюрократическая крупная машина, которая жёстко всё диктует сверху вниз уже 70 с лишним лет. Мы должны от этого избавиться» (*Ельцин Б.Н.* Нам пора идти в наступление // В кн.: *Ельцин — Хасбулатов: единство, компромисс, борьба.* — М.: «Терра», 1994. С. 67—68).

Конечно, можно было бы по поводу этой циничной речи вспомнить, что в «ельцинской» РФ, которая по экономическим и людским ресурсам составляет половину Советского Союза, госчиновников стало в два раза больше, чем было во всём СССР. К месту было бы напомнить, что степень бюрократизма после августовской буржуазной контрреволюции выросла катастрофически. Можно было бы обоснованно отметить очень многое. Но сейчас не об этом речь. За 163 дня до ГКЧП, когда будущие гэкачеписты ещё не были уверены в необходимости своей акции, их главный оппонент уже определил цели, к которым рвалась «новая буржуазия» России. А речь шла именно об её интересах, так как в основу политической системы, которую обрисовал Ельцин, была положена «Демократическая Россия», в буржуазном характере которой никто никогда не сомневался. За 163 дня до ГКЧП Ельцин нагло объявил: олицетворяемые им политические силы решили, что от существующего Союза Советских Социалистических Республик «должны избавиться». Программа контрреволюции была изложена откровенно.

Впрочем, вектор действий возглавляемых М. Горбачёвым антикоммунистических сил внутри КПСС принципиально не отличался от курса ельциноидов.

Динамику ренегатства точно описал ещё в 1992 году доктор экономических наук профессор А.М. Ерёмин: «Разговоры о развитии, обновлении социализма, „перестройке“ социалистической экономики выродились в сомнительные кампании «полного хозрасчёта» (самостоятельности, самофинансирования предприятий), ускоренного развития кооперативов, которые, мол, быстро наполнят прилавки. В начале 1987 года была провозглашена новая экономическая реформа с уверениями в быстром (1—2 года) успехе. Тогда же

заговорили о региональном (республиканском) хозрасчёте. В начале 1990 года был провозглашён курс на рынок. Появились лозунги „разгосударствления“ и „приватизации“. Между тем экономическое положение закономерно катилось вниз, нарастали дефициты и инфляция, которая уже в 1990 году достигла 20 процентов. Впервые, по итогам 1990 года, советская страна в мирное время получила падение промышленного производства и общественной производительности труда. Развивался экономический хаос. В 1991 году падение объёмов производства достигло 8—10 процентов. Экономика страны откатилась назад на 15—20 лет, её материальные потери сравнимы с потерями от гитлеровского нашествия. Уже в 1989 году становилось ясно, что перестройка ведёт к обнищанию народа» (Ерёмин А. М. Об экономической идеологии рабочего движения. // ...Изм. 1992. № 1. С. 54).

Осенью 1990 года правительство СССР для разработки дальнейших реформ пригласило 80 экспертов Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и других капиталистических структур. «Они, естественно, „доказывали“ бесперспективность планового хозяйства, полезность „либерализации торговли“, „приватизации мелких и средних торговых предприятий“ и перевод крупных на коммерческую основу, „либерализации цен“ для перехода к рынку» (там же. С. 56). Тогдашний член президентского совета и член ЦК КПСС С. Шаталин ездил в США за одобрением рыночных программ «500 дней» и «Основные направления».

Главная официальная газета государства «Известия Советов народных депутатов СССР» настойчиво пропагандировала «свободную куплю-продажу рабочей силы». С её же страниц вскоре после XXVIII съезда КПСС академик Т. Заславская проповедовала: «Пора осознать: речь идёт о создании в стране нового социального класса — класса собственников» (Известия. 1990. № 297).

Не случайно киевский рабочий В. Гриценко со страниц «Правды» бил в набат: «Стыдно и обидно за руководство КПСС, призывающее нас, рядовых коммунистов к рыночным отношениям, а сказать напрямик — к отходу от социализма. Все газетные речи пестрят теперь истерическими призывами к свободе предпринимательства да коммерции. А ведь если вдуматься, то это не что иное, как отказ от нашей коммунистической идеологии» (Правда. 1990. № 227). Кстати, в предыдущем номере партийной газеты член Президиума ЦК, первый секретарь МГК КПСС Ю. Прокофьев признавал, что «в ходе перестройки меньше всех приобрели именно рабочие» (Правда. 1990. № 226). А как показал социологический опрос, 45% делегатов XXVIII съезда КПСС выражали беспокойство, что «в обществе

появились силы, толкающие к буржуазному строю, и они имеют шансы на успех» (Правда. 1990. № 194). Это идеологическое наступление сторонников реставрации капитализма целенаправленно подкреплялось политическими действиями антикоммунистической направленности.

В партии было сформировано «Демократическое движение коммунистов», которое возглавили члены ЦК, избранные XXVIII партсъездом (например, первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист» О. Лацис). Вслед за этим в начале 1991 года в РСФСР по инициативе А. Руцкого появились «Коммунисты за демократию», которые заявили о выходе из КП РСФСР. За полтора месяца до августовских событий, в июле 1991 года, они образовали «Демократическую партию коммунистов России» с буржуазной программой.

В это же время под руководством А. Яковлева, Э. Шеварднадзе, Г. Попова, А. Собчака и т. п. создаётся «Движение демократических реформ», провозгласившее либеральную антикоммунистическую идеологию. Его первые лица, бывшие члены Политбюро ЦК КПСС горбачёвского призыва Яковлев и Шеварднадзе, заявляют о своём выходе из Компартии и разрыве с марксистско-ленинской идеологией. Пресс-центр ЦК КПСС в ответ выступает с заявлением о... готовности партии сотрудничать с новым буржуазным движением.

23 июля был опубликован проект новой горбачёвско-яковлевской Программы КПСС. Выбранный ренегатами способ обнародования программного документа подчёркивал всякое отсутствие его преемственности с документами ленинской партии. Для публикации проекта была использована откровенно антисоциалистическая и антисоветская «Независимая газета» (тогда она была органом Моссовета, который возглавлял антисоветчик Г. Попов). Этот шаг был явно демонстративным: ведь «Правдой» в ту пору руководил верный горбачёвец И. Фролов, причастный к разработке оппортунистического документа. Представление обществу проекта Программы через буржуазную газету было призвано подчеркнуть его буржуазную сущность.

Через день под давлением Горбачёва Пленум ЦК КПСС, не оправившийся от неудачной апрельской попытки снять генсека, проголосовал за решение созвать XXIX съезд партии и принять на нём подсовываемую ренегатами новую Программу.

Наряду с семимильными шагами в сторону замены идеологии трудящихся идеологией капитала важную роль играли практические шаги в области экономики. Верховный Совет СССР законодательно отказался от понятия «общенародная собственность», «бе-

зобидно» объявив её государственной. Этим «невинным актом» были устранены юридические барьеры для намечавшейся приватизации. Дело в том, что если собственность общенародная, то чтобы её продать, надо спрашивать разрешения у её хозяина-народа, то есть проводить всесоюзный референдум, а госсобственностью вольно распоряжаться по своему усмотрению правительство. В декабре 1990 года в Российской Федерации была узаконена частная собственность.

Горбачёвская группировка тоже готовилась к буржуазной контрреволюции, хотя, судя по всему, представляла её по чехословацкому образцу — «бархатной». В то же время в печати стали появляться призывы к насильственному свержению существующего строя. Вскоре после XXVIII съезда КПСС был задержан и вскоре отпущен под подписку о невыезде некто Д. Баринов, распространявший листовки с призывом к вооружённому восстанию. Объясняя этот антиконституционный призыв, он заявил, что акция была «экспериментом для проверки реакции массового сознания». Правда, не ясно, кто экспериментировал. В конце мая 1991 года за аналогичные призывы была арестована В. Новодворская.

Весной и летом 1991 года в буржуазных СМИ стали заурядным явлением рассуждения о предстоящем государственном перевороте. Намекалось, что совершать его будут антисоветские силы. Но чаще политоракулы обещали «реакционный» переворот. Это очень походило либо на подсказку, либо на откровения по поводу собственных желаний. На этом фоне выделяется заявление всё того же А. Яковлева после объявления о своём выходе из КПСС. 16 августа он обнародовал документ, в котором утверждалось, что «партийное руководство... ведёт подготовку к социалистическому рывку, к партийному и государственному перевороту». Это было не гадание на кофейной гуще, присущее журналистам, не прозорливый прогноз. Это была точная информация человека, знающего реалии и сознательно адресующего её определённым силам.

Здесь кстати напомнить, что Яковлев, по многократным заявлениям Горбачёва, оставался его ближайшим соратником, и генсек всегда с ним советовался. Уже 30 августа, то есть после и этого заявления, и «ельцинского» государственного переворота, Горбачёв на заседании ещё не разогнанного Верховного Совета СССР предлагал создать Совет безопасности, включив в него наряду с главами союзных республик, участвовавшими в Новоогарёвском процессе, А. Яковлева и Э. Шеварднадзе. При таких отношениях Яковлев должен был знать о готовящемся ГКЧП. Как вспоминает бывший член Политбюро Ю. Прокофьев, обсуждение концепции документов

ГКЧП было ещё в апреле 1991 года. Причём проводил его М. Горбачёв, а внимал ему костяк будущих гэкачепистов. О том, что Горбачёв был организатором ГКЧП, говорили А.И. Лукьянов и Г.И. Янаев в беседе с автором этих строк.

Надо обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Заявление о грядущем «партийном и государственном перевороте» было сделано А. Яковлевым в день публикации проекта Союзного договора, подписание которого было назначено на 20 августа. Как вспоминают все члены ГКЧП, именно в этот день они пришли к выводу, что ждать больше нельзя.

Логично предположить, что заявление Яковлева о намечаемом перевороте было адресовано обеим противоборствующим сторонам. Янаеву, Крючкову и их единомышленникам он напоминал, что время для действий, на которые они получили согласие Горбачёва, истекает. С другой стороны, это был сигнал антисоциалистическим силам, чтобы повысить их готовность. В отличие от Горбачёва Яковлев занимал более радикальную позицию. Он рассматривал действия, порученные Крючкову, Язову, Янаеву и их команде, как повод и для смены системы, и для обязательного запрета любой КПСС. Горбачёв же надеялся, что останется во главе перелицованной партии, отказавшейся от рабоче-крестьянской социальной базы, от марксистско-ленинской идеологии и социалистического курса — КПСС с некоммунистической программой, а потом, придёт время, и с другим названием.

Объективная заинтересованность антисоциалистических сил в «экстриме», в чём-то похожем на ГКЧП, сомнений не вызывает. Дело в том, что «подготовительный период» контрреволюции был практически завершён. Выяснялась и исчерпанность легальных способов смены общественно-политической системы. Требовался хотя бы повод для антисоциалистического государственного переворота. Его контрреволюционные силы ждали, как манну небесную.

На фоне этого политиканства и несмотря на него массовое сознание советских людей было критическим по отношению к окружающей действительности, которая под напором коммуномутантов-перевёртышей из горбачёвско-яковлевского руководства страны ускоренно утрачивала социалистические признаки, но не было радикально антисоциалистическим.

Советские образцы поведения существовали в единстве с «пропнувшимися» и агрессивно навязываемыми буржуазными ценностями. Более того, такое единство противоположностей, которое образовывало массовое сознание большинства сограждан, уже на старте десятилетия неустойчивого равновесия представляло при-

митивный вариант конвергенции социализма и капитализма. Эта его особенность ярко проявилась в результатах исследования уральских социологов, проведённого в 1989 году — «За что мы голосуем. Почтовый опрос избирателей 25-го Свердловского национально-территориального округа». Заметим, что этот округ вбирал в себя население почти 5-миллионного Среднего Урала. Вот наиболее типичные мнения той поры, высказывавшиеся респондентами:

«Совершенствовать политическую систему общества так, чтобы мы жили так же, как при капитализме».

«Побольше открыть мини-спортзалов, на 2—3 дома, с душевой и комнатой отдыха, как, говорят, в Канаде. Чтобы заходить после работы 2—3 раза в неделю»;

«Повысить уровень системы обслуживания по примеру Запада»;

«Чтоб в магазинах было всё, как за границей»;

«Снижение цен! Любую мизерную радость для народа. Народ стал злой»;

«Взять за эталон власть и правительственное устройство в Швеции (кроме короля)»;

«Пригласить из Америки, Японии, ФРГ специалистов по экономическим вопросам» (За что мы голосуем. (Почтовый опрос избирателей 25-го Свердловского национально-территориального округа). Свердловск. 1989. С. 75—85).

Примечателен тот образ капитализма, который тогда наличествовал в сознании участников опроса. В конце 80-х годов он был несомненно «розовым». Им респонденты мечтали вылечить болячки социализма. Ни в одном ответе уральцев не ставился вопрос о смене отношений собственности, не высказывалось желание гнуть спину на капиталиста. В то же время массовое сознание начавшегося периода трансформации социализма в капитализм уже фактически усомнилось в безоговорочных преимуществах социалистической общественно-политической системы перед тем образом капитализма, который в то время существовал у части общества. Ясно, что это был результат не столько «стихий» общественного мнения времён брежневско-горбачёвских дефицитов (анекдот той поры гласил, что все магазинные полки пустые, а полки домашних холодильников у всех забыты), сколько целенаправленного воздействия буржуазного мировосприятия на сознание трудящихся СССР.

Тогдашний размытый, «розовый» набор ценностей, заполонивший общество, обезоруживал коммунистические организации и партийные комитеты страны. Привычный политический лозунг «Народ и партия — едины!» превращался из мобилизующего в демобилизующий и деморализующий. К тому же испытанная временем дихотомия

— полярность конкурирующих социально-экономических систем — в деформированном массовом сознании перестала работать. А если помнить об идейно-политической позиции горбачёвско-яковлевского руководства КПСС, то на практике переставала работать не только привычная и апробированная десятилетиями идеологическая модель, но и шёл развал всей идеологической работы КПСС. А лукавый призыв «верхов» отказаться Компартии от хозяйственного руководства, сосредоточившись на идеологической работе, на практике оказывался призывом в лучшем случае к симуляции, а в худшем — к отказу от идеологической работы коммунистических организаций и местных и региональных партийных комитетов.

Всё, что делали коммунисты во имя поддержания социалистического мировоззрения в тех условиях, было воистину деятельностью не «благодаря целенаправленному курсу партийного руководства», а ему вопреки. Но этого противодействия капиталистической реставрации было недостаточно. Смена социально-экономической и общественно-политической системы была одновременно и сменой социальной структуры, которая присуща этой системе. Неслучайно тип общества в значительной степени определяется характером и составом правящего класса. Следовательно, анализ социальной структуры для объяснения ситуации особенно важен.

Правящим классом в Российской Федерации является «новая буржуазия». Социально-экономическая и общественно-политическая база для формирования этого класса энергично формировалась под опекой президента СССР М.С. Горбачёва в 1988—1991 годах. Переход же этого класса из эмбрионального состояния в реальное с ускорением шёл после августовской трагедии 1991 года (см.: *Трушков В.В.* Реставрация капитализма в России. — М., 2003). Заново появившееся буржуазное государство нуждалось в создании своей надёжной социальной базы, которую очень точно определил А.Б. Чубайс, — «класс стратегических собственников».

Но поскольку капитализм в России 90-х годов формировался не «естественным способом», а насаждался, то новой власти во имя своего укрепления пришлось разрушать производительные силы, созданные в СССР: ей позарез надо было снизить достигнутый уровень обобществления производства. К тому же узурпаторам государственной власти предстояло создать «класс стратегических собственников» из наличных претендентов в капиталисты. Попятное движение в производственных отношениях требовало попятного движения и в производительных силах.

Самым простым способом решения возникшей задачи оказалось дробление предприятий перед их приватизацией. Как свидетельст-

вуют данные Федеральной службы государственной статистики, только за один 1994 год в стране появилось почти 3,5 тыс. новых предприятий в результате дробления действующих (см.: Российский статистический ежегодник. 2000. — М.: Госкомстат РФ, 2000. С. 295). За 1995 и 1996 годы государство передало в частные руки 2 955 промышленных объектов. У него должно было бы остаться 3 758, а Госкомстат утверждает, что их было 4 611, то есть почти на тысячу больше (см.: там же. С. 308). Это тоже был результат дробления, отпочкования и прочих форм деления хозяйствующих субъектов.

Ориентируясь на экономически слабого соискателя бывшего общенародного имущества, правительство Ельцина-Черномырдина-Чубайса пошло на продажу государственной собственности по бросовым ценам. Об этом наглядно свидетельствует, например, история распродажи тюменских нефтяных месторождений. Нефть, добываемая одним из тюменских объединений, давала свыше 11 млрд. долл. в год, а добывающие предприятия были распроданы за 1,3 млрд. долларов.

А вот данные по чёрной металлургии Среднего Урала. Знаменитый Верх-Исетский металлургический завод, основательно модернизированный в 70-е годы, Госкомимущество выставило на продажу за 1 465 тыс. долларов. Если разделить эту сумму на количество работающих, то одно рабочее место оценивалось в 198,35 долл., то есть чуть больше средней месячной номинальной заработной платы работника предприятия в начале 90-х годов XX века. Одно рабочее место на Качканарском горно-обогатительном комбинате, занятом не только добычей руды, но и производством железо-ванадиевого концентрата, ведомство Чубайса оценило в 189,7 доллара. Такая же картина наблюдалась на Верхне-Салдинском металлургическом, Первоуральском Новотрубном и других предприятиях отрасли.

Однако идеологи и творцы приватизации предварительно позаботились о том, чтобы никакой «заначки», даже в размере месячной зарплаты, у трудящихся не было. В 1990 году в СССР было 220 млн. вкладчиков Сбербанка (см.: Народное хозяйство СССР в 1990 году. — М., 1991). Даже если исходить из данных первой половины 1991 года, когда наряду с государственным был введен «коммерческий» курс доллара (10 рублей), то и в этом случае почти у каждого труженика в Сбербанке лежала «цена» его рабочего места. Но «шоковая терапия» обратила все эти вклады в пыль. Так были созданы условия для приобретения государственной собственности кучкой нуворишей (дословный перевод: новый богатый).

Итак, для того чтобы осуществить приватизацию предприятий

советской индустрии, в которой был достигнут высокий уровень обобществления производства, их дробили на несколько мелких (тем самым разрушались необходимые технологические цепочки) и оценивали по дешёвке. Это привело к тому, что к началу 1995 года в промышленности России в частной собственности находилось свыше 99 тыс. промышленных объектов (72,3%), а в начале 1998-го — уже 140 тыс. (88,2%) (см.: Российский статистический ежегодник. 2000. С. 308). Однако класс новых собственников крупнотоварного производства оказался неспособным осуществлять управление своим имуществом, полученным в результате приватизации. Сотни предприятий ежегодно после приватизации исчезали в никуда. Новые хозяева их настолько разрушали, что приходилось их исключать из единого государственного регистра предприятий и организаций (см.: там же. С. 295).

По итогам приватизации в 1994 году только что сменивший А. Чубайса в должности председателя Госкомимущества В. Полеванов направил председателю правительства В. Черномырдину официальную «Записку» (после этой «Записки» он был уволен из правительства). В ней указывалось:

«Быстрый передел собственности преследовал в первую очередь не экономические, а политические цели. Акционеры не стали и не могли стать эффективными собственниками...

Собственность на акции экономически реализуется тремя путями:

- а) участием в управлении акционерным обществом;
- б) получением дивидендов;
- в) продажей акций.

Участие в управлении акционерным обществом для рядовых держателей акций невозможно, так как для управления АО необходим если не контрольный, то крупный (более 10 процентов) пакет акций. Последовавшая спустя некоторое время концентрация собственности путем скупки акций администрациями предприятий, «теневиками» и прочими подобными структурами делает участие в управлении АО для основной массы работающих нереальным... Не более 5—10 процентов предприятий работают прибыльно, и только такое количество акционеров может рассчитывать на прибыль. Аналогичная ситуация сложилась и для акционеров ЧИФов. Лишь 136 чековых инвестиционных фондов из 646 по итогам деятельности во втором квартале 1994 года начислили дивиденды своим акционерам в размере от 50—70 до 100 процентов... Следовательно, слой массовых собственников существует формально. На деле распоряжается и эффективно владеет собственностью незначительная часть населения...

Реализованная модель приватизации дала за два года в бюдже-

ты всех уровней лишь 1 трлн. рублей доходов, что в два раза меньше, чем доходы Венгрии от приватизации...

Стремление к монополизации любой ценой во многом разрушило агропромышленный комплекс, разорвало технологические линии и межхозяйственные связи, что особенно сказалось на лесной промышленности и металлургии».

В этом примечательном документе обращалось внимание ещё на одну особенность поведения новых владельцев «заводов, газет, пароходов». В. Полеванов указывал на рост преступности, связанной с приватизацией:

«Наиболее типичными преступлениями были: взятки, криминализация на рынке жилья, скупка акций наиболее рентабельных отраслей народного хозяйства различными иностранными компаниями и фирмами с нарушениями законодательства.

Как правило, не декларировался источник доходов при скупке крупных и гигантских пакетов акций физическими лицами. Например, Василий Юрьевич Тимофеев (Тюменская область) купил 210 млн. акций «Газпрома», заплатив 2 млрд. 100 млн. рублей. 51 процент акций завода «Уралмаш» скуплен одним физическим лицом — К. Бендукидзе...

Общая номинальная величина ваучерного фонда изначально была в 20 раз меньше стоимости основных фондов. Рыночная стоимость ваучеров в период с октября 1992 года по октябрь 1994 года составила в среднем 12,5 тыс. рублей. Скупая и перепродавая крупные партии ваучеров, чековые инвестиционные фонды фактически обеспечили передачу государственной собственности новым реальным владельцам за бесценки...

В одном из последних бюллетеней английского консультационного агентства «Независимая стратегия» («Индепендент стрейтеджи») говорится: «Большая часть основных производственных фондов России была продана в процессе приватизации за какие-то 5 млрд. долл. Даже если считать, что в России стоимость основных производственных фондов равна валовому внутреннему продукту — а в ведущих странах Запада фонды превышают ВВП в 2,4—2,8 раза, — то для экономики с ВВП порядка 300—400 млрд. долл. сумма, вырученная при приватизации, просто ничтожна» (12 сентября 1994 г., стр. 8). В связи с этим агентство рекомендует английским инвесторам не упустить шанс и принять участие в покупке акций российских предприятий, что «обещает немалую выгоду». 500 крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 млрд. долларов были фактически проданы за бесценки — около 7,2 млрд. долларов США.

Так, одно из крупнейших предприятий страны — завод имени Лихачева (г. Москва) со стоимостью основных фондов не менее 1 млрд. долларов был продан за 4 млн. долларов. Здания и сооружения Московского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности ориентировочной стоимостью в 100 млн. долларов проданы всего за 8 млн. рублей. Подобные факты многочисленны».

О противоправном характере приватизации свидетельствовала и криминальная статистика. В 1993 году из 15,3 тыс. должностных преступлений 4,5 тыс. (29,4%) приходилось на доказанные факты взяточничества. В 1994 году 4,9 тыс. взяточников входили в число 16,5 тыс. лиц, обвинённых в должностных преступлениях (29,7%). Чем дальше продвигалась реставрация капитализма, тем чаще давала о себе знать коррупция. В 1999 году обвинения во взяточничестве предъявлены 6,8 тыс. человек, в 2000 — 7,0 тыс. Только доказанные судами факты коррупции в возросшей массе должностных преступлений возросли до 31—33% (см.: Экономика и жизнь. 1996. № 5; Социально-экономическое положение в России. 2000 год. — М., 2001. С. 240).

Масштабами экономической преступности были озабочены некоторые члены правительства. Первый заместитель председателя правительства РФ О. Сосковец писал в «Российской газете»: «Бешеные темпы (приватизации. — В. Т.) породили ошибки. Самая главная, считаю, — это продажа предприятий по остаточной стоимости, которую давно не пересматривали. Вот и случилось, что предприятия зачастую уходили по цене, сопоставимой со стоимостью новой престижной квартиры. Вторая ошибка — образование на базе приватизируемых предприятий акционерных обществ закрытого типа, хотя создавались они за счет общенародных средств... В число заложенных (государством в 1995 году крупнейшим банкам. — В. Т.) попали акции пяти крупнейших нефтяных компаний. А ведь по перечню, утверждённому правительством, акции нефтяных компаний досрочной продаже не подлежат...» (Правда, 25 января 1995 г.).

Процесс становления класса «стратегических собственников» позволяет понять, что его представители не могли быть заинтересованы в создании информационно-коммуникативных и других наукоёмких технологий. Для них была создана возможность получать прибыль, не вкладывая средства в новые производственные фонды, тем более в ресурсоёмкие производства по созданию информационно-коммуникативных технологий и их внедрению.

Но это только одна сторона проблемы. Другой её стороной было

качественное изменение социально-экономического положения рабочего класса. **Приватизация не только лишала его причастности к собственности на средства производства, которая прежде была общенародной, но и превращала его в пролетариат — класс наёмных работников физического труда, создающих прибавочную стоимость, которая потекла в карман нунуришей.**

Завершение процесса становления класса «стратегических собственников» не изменило социально-экономической цели этого буржуазного класса — она осталась той же, что и в XIX—XX столетиях. Однако капитализм на всех стадиях своего бытия развивается неравномерно. Эта его особенность была глубоко проанализирована В.И. Лениным в таких обстоятельных его трудах, как «Развитие капитализма в России» и «Империализм как высшая стадия капитализма». Минувшие десятилетия не отменили действия объективных закономерностей, выявленных великим мыслителем. Неравномерность развития капитализма присуща не только разным странам, но и разным регионам внутри страны.

На экономической карте Российской Федерации и сегодня сохраняются огромные проплешины: с неё исчезли целые отрасли «народного» хозяйства. Практически уничтожены станкостроение и авиационная промышленность, приборостроение и текстильная индустрия... Жертвой этого разрушения стала не только вещностная составляющая производительных сил, но не в меньшей степени главная производительная сила общества — люди. Пострадал прежде всего рабочий класс, составлявший основную массу совокупного работника российского общества: коренным образом изменилось его положение в обществе, в котором шёл насильно осуществляемый процесс реставрации капитализма.

Но крупный капитал в своей погоне за наживой ищет такие экономические ниши, которые способны давать ему не просто прибыль, а сверхприбыль. В октябре 2008 года экономические журналы «Финанс» и «Эксперт» опубликовали списки крупнейших компаний России по итогам предкризисного 2007 года. Среди 500 компаний 35 предприятий машиностроения и автомобилестроения, 43 организации строительства и стройиндустрии, 6 фирм электронной и электротехнической промышленности, 22 компании, производящие продукты питания.

Данные о том, что более ста промышленных объединений входит в число 500 крупнейших российских компаний, заставляют усомниться в торопливом выводе некоторых исследователей и политических деятелей об исчезновении рабочего класса в России. Тем

более не дают оснований для такого скоропалительного вывода материалы государственной статистики. При этом надо помнить, что существование пролетариата определяется не характером и содержанием труда, а сущностью производственных отношений — прежде всего отношениями собственности, наличием эксплуатации человека человеком, превращением рабочей силы в товар.

Анализ общества предполагает изучение имеющихся статистических материалов, касающихся как господствующего класса, так и его антагониста-пролетариата. Значительную информацию предоставляет статистический сборник «Экономическая активность населения России» (такие «официальные издания» Росстата уже в день выхода становятся библиографической редкостью: тираж не превышает 500 экземпляров на всю страну; но это не основание не обращать на них внимания). Начнём хотя бы с таблицы «Распределение численности занятых в экономике по месту основной работы». Здесь не приводятся данные о классовом составе населения: теперь это стало не модно и, главное, опасно для тех, кто реально контролирует государственную власть. Но статистический справочник сообщает, что в «тучные 2000-е» 84% занятого населения российской Федерации работали на предприятиях и в организациях со статусом юридического лица. Сюда вошли и работодатели, и наёмные работники. Заглянув в соседнюю таблицу, узнаём, что работодатели составляют всего 1,4%. Это — крупная и средняя буржуазия. На 947 тысяч работодателей приходится 64 миллиона 560 тысяч наёмных работников. Вот первая и самая существенная характеристика общества, в котором живём. В среднем на одного хозяина работает 65 пролетариев (см.: Экономическая активность населения России. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 53—56).

Что отсюда вытекает, посмотрим в «Манифесте Коммунистической партии». Во-первых, подтверждается, что буржуазия не может существовать без армии наёмных работников, она, пока существует, всегда порождает пролетариат. Во-вторых, «в той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят её лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал». Кто-нибудь рискнёт утверждать, что эта формула Маркса-Энгельса устарела? Вторая половина XX века внесла в неё лишь одно дополнение: ряды пролетариата пополнили наёмные работники умственного труда, тоже «вынужденные продавать себя поштучно». Наряду с рабочими физического труда они «представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем slučajностям конкуренции, всем колебаниям рынка» (*Маркс К., Эн-*

гельс Ф. Соч. Т. 4. С. 430). Мы сознательно повторяем уже приводившиеся в предыдущей главе положения классиков исторического материализма, чтобы подчеркнуть справедливость их выводов, опираясь на новейшие статистические данные

В общем, с какого боку ни зайти к современному российскому обществу, его основу составляют предприниматели и горбатящиеся на них наёмные работники. Следовательно, главным противоречием остаётся антагонизм между капиталом и наёмным трудом.

Теперь рассмотрим пристальнее в рабочий класс. Традиционно под ним понимается совокупность работников преимущественно физического исполнительского труда. Бесспорно, что это — типичный класс капиталистического общества. Каждый его представитель продаёт свою рабочую силу как рыночный товар. От других сей товар отличается только тем, что оплачивается не полностью и благодаря этому создаёт прибыль работодателю. Реставрация капитализма ещё раз подтвердила, что рабочий — это такой товаровладелец, который неизбежно подвергается эксплуатации. Без этой его особенности не было бы прибыли у собственников средств производства. А значит, в современной России не появлялись бы лисины, прохоровы, вексельберги, потанины, абрамовичи, алиперовы, фридманы и прочие долларовые и рублёвые миллиардеры и миллионеры.

Чем отличается современный рабочий класс от того, который век назад совершал Первую русскую революцию и победоносный Великий Октябрь? С точки зрения места в системе общественного производства — ничем. Он подвергается той же эксплуатации владельцами «заводов, газет, пароходов», у него тот же антагонист.

Однако при диалектико-материалистическом анализе рабочего класса нельзя забывать, что его положение в обществе не исчерпывается отношением только с эксплуатирующим его классом капиталистов. Действительно, развитие крупной промышленности привело к существенному уменьшению численности крестьян, ремесленников и других отрядов мелкой буржуазии (этот процесс начался до победы Советской власти и независимо от неё; она лишь придала этому процессу социально иную, чем при капитализме, направленность), и рабочий класс в ходе социалистической индустриализации вобрал в себя выходцев из этих социальных слоёв. Но сегодня в связи с разрушением производительных сил реставрацией капитализма общество стало свидетелем противоположного процесса. Теперь вчерашние рабочие вынуждены пополнять ряды мелкой буржуазии города. Но при любой направленности подобной межклассовой миграции надо иметь в виду, что рабочий класс тысячами нитей связан со всеми трудовыми слоями современного общества.

В процессе этого взаимодействия происходит и взаимовлияние на мировоззренческом уровне. На его характер в немалой степени влияют господствующие в обществе социально-экономические процессы. Сегодня пролетаризация общества и массового сознания сосуществуют с его обуржуазиванием. По сравнению с доминирующей направленностью подобных процессов в дооктябрьскую пору в условиях реставрации капитализма, на начальных её стадиях, темпы пролетаризации общественного сознания несколько снижаются.

Необходимо видеть некоторые серьёзные различия и в других признаках рабочего класса. Так, на рубеже XX и XXI столетий возрастает роль той социальной группы, которую американский теоретик П. Дракер определил как «интеллектуальные работники». Причём она возрастает как в глобальном, так и национальном масштабе. В развитии современных производительных сил заметно повышается значение автоматизации и компьютеризации производства и информационных технологий.

Ясно, что и в этой сфере последние 20 лет были тоже в основном потерянными. Характер сформировавшегося в начале 90-х годов класса «стратегических собственников» сказывается на функционировании отечественной экономики до сих пор. В 2011 году журнал «Финанс» опубликовал очередной список самых богатых российских предпринимателей. Выяснилось, что из первых ста крупнейших бизнесменов около 65% получили свои состояния в ходе приватизации 90-х годов.

Господствовавшая в 1990-е годы тенденция к дроблению предприятий, организаций и учреждений не помешала сокращению числа конструкторских бюро, проектных и проектно-исследовательских организаций, промышленных предприятий, выполняющих исследования и разработки. Произошла деградация «четвертичного сектора экономики»: резко снизилось как число организаций, выполняющих исследования и разработки и численность осуществляющего их персонала (прежде всего в области технических, естественных и сельскохозяйственных наук), так и финансирование науки, её результативность и т. п. (см.: Российский статистический ежегодник. Официальное издание. — М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 2000. С. 479, 481, 486—488; Российский статистический ежегодник. Официальное издание. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009. С. 541, 543, 545, 553—555). Сегодня только 6—7% из 500 крупнейших компаний РФ заняты информационными технологиями, НИОКР, точным машиностроением, авиастроением, судостроением, производством электроники и

электротехники (см.: Финанс. 2010. № 35). Между тем без этих отраслей сохранение современного уровня производительных сил общества немыслимо.

В последние два десятилетия приоритетными направлениями экономики РФ оказались экспортно-сырьевые отрасли и обслуживающая их банковско-кредитная инфраструктура. На них в последние годы приходится более трети совокупной добавленной стоимости. Кроме этого, ещё 30% приходится на торговлю и операции с недвижимостью, а на отрасли, связанные с переоснащением материально-технической базы общества, — в сумме чуть больше 5% совокупной добавленной стоимости (см.: Российский статистический ежегодник. 2009. Официальное издание. — М.: Государственная служба государственной статистики. 2009. С. 312—313).

Такая структура характерна для экономики периферийного типа. В ней заинтересованы основные отряды крупного капитала современной РФ. Между тем интересы класса наёмных работников физического и умственного труда предполагают возрождение высокотехнологичной индустрии. Без неё не только иллюзорны надежды на модернизацию общества, но её разрушение ведёт и к сужению возможностей сохранения и увеличения численности «интеллектуальных работников» и рабочих-интеллигентов.

«Интеллектуальные работники» трудятся в определённых «командах». Отечественные традиции таковы, что они сосредоточены в организациях, выполняющих исследования и разработки. Интеллектуальным штабом по праву считается Российская академия наук, хотя численность её научных подразделений за последние 20 лет заметно сократилась. Кроме РАН продолжают сохраняться академические институты отраслевых академий и научно-исследовательские учреждения прикладного и проектного характера. В 1970-е годы под влиянием научно-технической революции были созданы научные подразделения в крупных производственных объединениях (например, научно-исследовательский институт при Уралмашзаводе, в штате которого трудились три академика АН СССР). Изменение отношений собственности привело к вымыванию подобных научных учреждений из экономической системы. Их количество сокращалось в основном в 2000-е годы (см. таблицу 3).

Неизбежным следствием стало сокращение кадров этих категорий работников (см. таблицу 4). Границы этой социальной группы достаточно размыты. В её состав было бы правомерно включать, например, авторов, подавших рационализаторские предложения и заявки на предполагаемые изобретения (в том числе из рабочей среды). А их, по данным Госкомитета СССР по статистике,

Таблица 3.

**Число организаций, выполняющих исследования
и разработки**

	1995	2000	2005	2009
Число организаций — всего	4059	4099	3566	3536
в том числе:				
Научно-исследовательские организации	2284	2686	2115	1879
Конструкторские бюро	548	318	489	377
Проектные и проектно-изыскательские организации	207	85	61	36
Опытные заводы	23	33	30	57
Высшие учебные заведения	395	390	406	506
Научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в организациях	325	284	231	228
Прочие	277	303	234	454

в 1986 году было 4,7 млн. человек (см.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1987. С. 67). Это в 4,5 раза больше численности лиц, профессионально занятых исследованиями и разработками. Однако официальная статистика исключает участников самостоятельного научно-технического творчества из отряда интеллектуальных работников (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. Официальное издание. — М.: Государственная служба государственной статистики, 2010. С. 543).

Таблица 4.

**Численность персонала,
занятого исследованиями и разработками**

	1995	2000	2005	2009
Численность персонала, тыс. чел.	1061,0	887,7	813,2	761,3
Исследователи	518,7	436,0	391,1	375,8
Техники	101,4	75,2	66,0	60,2
Вспомогательный персонал	274,9	240,5	215,6	194,8
Прочий персонал	166,1	146,1	140,5	130,5

Научно-технический прогресс ещё в третьей четверти XX века из-решетил ту Великую китайскую стену, которая социально, технологически и даже психологически разделяла работников умственного и физического труда. Одновременный и взаимообусловленный скачок в науке и технике, начавшийся в середине прошлого столетия, сделал необратимым существенное сближение производственно-технологического содержания труда тех, кто **непосредственно** производит «вещностный» продукт на умных машинах (операторы прокатных станов и электростанций, токарь возле станка с числовым программным управлением, пилот авиалайнера и т. п. — «тот список длинен»), и тех, кто занят производством интеллектуального продукта. Эту социальную группу советские социологи называли «рабочими-интеллигентами», поскольку они совмещали в себе признаки обеих социальных групп.

М.Н. Руткевич указал две причины роста численности пограничной группы между рабочими и ИТР: «Во-первых, по мере внедрения достижений научно-технического прогресса в наукоёмких отраслях многие специальности требовали наличия у рабочего не только эмпирических навыков, но и серьёзной научной подготовки. Такова общая тенденция индустрии высоких технологий. В последние годы существования СССР именно в этих областях обозначилось отставание от наиболее передовых стран. Но на многих предприятиях военной промышленности, электроники, химии, металлургии, машиностроения и т. д. численность и квалификация данного слоя быстро возрастали... К середине 80-х годов этот слой среди рабочих в современных по технологии отраслях промышленности составлял 10—20%. Их труд с равным успехом мог быть причислен к физическому и умственному.

Во-вторых, на протяжении четверти века (1960—1985) быстро набирал силу процесс повышения общего образовательного уровня всего населения, прежде всего молодёжи... Если в 1939 г. неполное среднее и выше образование среди рабочих имели 9%, среди колхозников 2%, то в 1986 г. соответственно 85 и 74%, а среди лиц умственного труда практически все» (Руткевич М.Н. Социальная структура. — М.: Альфа-М, 2004. С. 155—156).

Итак, пока производительные силы советского общества развивались успешно, расширялись пограничные слои «рабочих-интеллигентов» и «интеллигентов-рабочих». **В сумме это — совокупная рабочая сила «постиндустриального» общества конца XX века. Тем более ей будет принадлежать главная роль при компьютерной материально-технической базе XXI века.**

Производственно-технические предпосылки возрождения и

расширения такой рабочей силы в России сохраняются, но временно разрушены социальные условия. Капиталистическая реставрация оказалась не в состоянии ни справиться с доставшими ей от советского социализма производительными силами, ни идти в ногу с мировым научно-техническим прогрессом. При этом наиболее пострадали те производства, где и были сконцентрированы пограничные слои рабочего класса. В результате у страны резко ослаб как вещностный, так и личностный потенциал, необходимый для перехода к стадии восстановления отечественной экономики.

В последнее время получила распространение идея, будто социальной базой дальнейшего развития общества (в частности перехода к «информационному обществу») является «средний класс». О.В. Назаров и И.А. Туманов так обосновывают эту точку зрения: «Главным социальным аспектом необходимой модернизации является формирование широкого “нового среднего класса” как продукта социального развития индустриальной эпохи и, одновременно, социальной основы для будущего постиндустриального экономического уклада» (*Назаров О.В., Туманов И.А. Класс для «среднего класса»*. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 116).

Однако такое обоснование малоубедительно. Во-первых, сами авторы признают, что «в настоящее время “новый средний класс” в России существует не в реальной жизни, а виде потенциала развития отдельных сегментов социальной структуры, ориентированных, как правило, на западные стандарты потребления» (там же. С. 116). Иначе говоря, реально его нет. А в качестве творца информационно-коммуникативных технологий и созидательных, творческих факторов приближения будущего и не предвидится. Бог «среднего класса», по признанию авторов, — потребление.

Во-вторых, понятие «средний класс» является скорее умозрительной конструкцией, чем категорией, выражающей сущностные признаки социальной группы, порождённой объективно существующими общественными отношениями. Его границы не определены даже конвенционально, не говоря уже об указании реальных существенных социальных признаках. Его основой провозглашаются то интеллигенция, то мелкая буржуазия, то даже квалифицированная часть рабочего класса (см.: *Трофимов М.И., Трушков В.В. Средний класс: мифы и реальность* // Политическое просвещение. 2011. № 2). Такое аморфное образование несерьёзно выдавать за основу социальной структуры будущего информационного общества.

В-третьих, авторы выдают за «новый средний класс» типичную

мелкую буржуазию. Не случайно они утверждают, что «средний класс, в идеале, сочетает оба ресурса — он владеет и средствами производства, и собственным трудовым ресурсом, достаточным для востребованного рынком производства малых и средних масштабов» (там же. С. 109). Это отождествление, очевидно, точно отражает авторскую позицию. Дело в том, что они прославляют конформизм «среднего класса», ориентируясь на социальное поведение слабого малого предпринимательства.

Редактировавший книгу предприниматель и политик из «Единой России» А.Г. Назаров в предисловии к монографии утверждает: «В силу своей социальной стабилизирующей и экономически динамичной природы “средний класс” не станет антагонистом ни для крупного капитала, ни для трудящихся масс, ни для государства. Эта политически стабилизирующая роль “среднего класса” доказана на практике современных развитых обществ» (там же. С. 7). Но анализ ведущих зарубежных и отечественных учёных обнаружил другую тенденцию в «практике современных развитых обществ»: «Рост поляризации доходов в развитых странах, начавшийся в 80-е годы XX века... выражается в одновременном росте и численности высоко- и малообеспеченных слоёв населения, а также в росте разрыва между их доходами. При этом часть представителей среднего класса перемещается в верхний и нижний края распределения доходов и, тем самым, средний класс размывается. Процессы поляризации доходов, которые охватили не только развитые, но и развивающиеся страны, и страны с переходной экономикой, опровергают широко распространённое представление о роли среднего класса в социально-экономическом развитии (см.: *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. — М.: М-Студио, 2009. С. 28).

В целом же анализ современного российского общества даёт основания утверждать: **его основным противоречием является характерное для капитализма антагонистическое противоречие между трудом и капиталом, а важнейшей тенденцией становления его социальной структуры, порождённой реставрацией капитализма, является сохранение за рабочим классом положения самого многочисленной социальной группы среди экономически активного населения Российской Федерации.**

Класс, заинтересованный в социализме

Как не раз справедливо отмечалось в марксистско-ленинском обществоведении, в самих условиях существования пролетариата заложено отрицание капиталистической эксплуатации. Причём пролетариат отрицает не только капиталистическую, но любую эксплуатацию человека человеком. Антиэксплуататорская сущность пролетариата объективно совпадает с прогрессивной направленностью развития человечества. Прежде всего это относится к развитию производительных сил, которое ведёт к обобществлению средств производства. Эта объективная историческая тенденция в определённую эпоху вступает в противоречие с господством частной собственности на средства производства. Такая эпоха наступила в XX столетии. Об этом свидетельствует три этапа общего кризиса капитализма, мощно заявившие о себе в прошлом веке.

Великая Октябрьская социалистическая революция, которая явилась началом первого этапа общего кризиса частнособственнического способа производства и поступательного движения к товарищескому способу производства, была результатом революционного творчества прежде всего пролетариата. В работе «О голоде», написанной в 1918 году, В.И. Ленин, обращаясь к питерским рабочим, отмечал важнейшие достоинства революционных пролетариев, состоящие в том, что они наиболее твёрдые, наименее податливые на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 361).

Великий Октябрь продемонстрировал миру, что «в критические минуты жизни народов ... даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнём революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги» (там же). Эта высокая оценка относится, в первую очередь, к рабочему классу России. Она сохраняет своё непреходящее значение и сегодня, когда советскому социализму пришлось глубоко отступить.

Пролетариат является таким классом, который обладает удивительной способностью в решающие исторические периоды к органи-

зации и дисциплине, к развитию классового самосознания. Эти качества являются следствием крупного производства, которое требует концентрации рабочей силы, которое невозможно без высокой организованности и дисциплины труда. Условия труда стимулируют воспитание у пролетариев коллективизма и солидарности. Благодаря этим качествам рабочий класс не только заинтересован в социалистическом жизнеустройстве, но и способен вопреки всем препонам осуществлять социалистическое строительство. Для решения этой стратегической задачи он создал Коммунистическую партию.

У Коммунистической партии не может быть другой главной цели, кроме борьбы за социализм. Это утверждение — не плод кабинетных умозаключений: такова природа Коммунистической партии. В Программе КПРФ записано, что одной из её главных целей является «социализм в его обновлённых формах, отвечающих современному уровню производительных сил, экологической безопасности, характеру стоящих перед человечеством задач; коммунизм как историческое будущее человечества». Однако партия не может в одиночку добиться смены общественно-политического строя. Значит, принципиальный вопрос состоит в том, чтобы выяснить, какие общественные силы в современном российском обществе заинтересованы в социализме.

К.Маркс доказал, что капитализм сам, наращивая обобществление производства, создаёт предпосылки для скачка в мир социалистического созидания. Таков объективный закон истории. Однако историю делают люди, в ней вообще нет никого и ничего, кроме людей, вступающих в общественные отношения в процессе своей деятельности. Это — азбука марксизма-ленинизма.

Среди таких же основополагающих положений учения Маркса является признание, что люди, занимающие одинаковое положение в общественном производстве (материальном и духовном) имеют более-менее общие коренные интересы. Именно место в общественном производстве, в системе отношений собственности, в которые включены реальные люди, а не вымышленные иными теоретиками манекены, приводит к образованию классов. Борьба за коренные интересы этих социальных групп и есть классовая борьба.

Это краеугольное положение марксистско-ленинской теории решительно отстаивало большинство партийцев во время обсуждения проекта Программы КПРФ перед XIII партсъездом, о чём убедительно свидетельствовала читательская почта газеты «Правда». Так, московский читатель центрального органа КПРФ И.В. Грузинов писал: «В наш жестокий XXI век нельзя размывать сущность рабоче-

го класса как ведущего отряда, гегемона общества, которое стремится к социализму. Есть такое выражение: «кесарю — кесареву». Не менее важно понимать пролетарскую формулу: рабочему — рабочее. Его роль должна быть расширена до марксова понимания. Обратите внимание, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не происходили из рабочей семьи. Но как они глубоко понимали нужды и устремления рабочих! В.И. Ленин в своей революционной деятельности ориентировался тоже на рабочий класс. Для него интересы рабочих постоянно являлись первостепенной задачей марксистской партии, она должна твердо следовать их курсу».

Эти мысли развивал другой читатель «Правды» — П.А. Чередниченко из г. Курчатова Курской области: «Говоря о современном рабочем классе, его месте и роли среди других социальных слоёв общества, следует подчеркнуть, что в условиях усложнения техники неизбежно идёт и рост квалификации, общего уровня подготовки рабочих, в перспективе приближающей их к инженерам. С другой стороны, с ростом производительных сил, разделением труда, специализации появились новые, неведомые монополистическому капитализму социальные слои наёмных работников в сфере услуг, образования, науки, культуры, здравоохранения, принципиально новых отраслей производства. Они дополняют ряды пролетариата высококвалифицированными работниками. Процесс пролетаризации трудящихся в условиях реставрации капитализма в современной России нарастает. Неотложная задача коммунистов: объединить разрозненные слои наёмных работников в высокоорганизованный, политически зрелый класс пролетариата России, способный не только защищать свои насущные интересы в повседневной борьбе с буржуазией, но и добиться победы в борьбе за политическую власть в стране».

В последние два десятилетия организаторы и адепты буржуазной контрреволюции 1991 года усердно стараются вытравить и социализм, и социалистическую революцию Великого Октября 1917 года из наших душ. Помните мэрские призывы Г. Попова и А. Собчака в первую после августовского контрреволюционного переворота октябрьскую годовщину использовать «случайно» оставшийся по наследству «выходной» 7 ноября для мытья окон?! А мы, сторонники социалистического жизнеустройства, в ответ собрались на столичной Октябрьской площади возле памятника В.И. Ленину и двинулись к Красной площади. Они тогда решили нас унизить, установив демонстрации маршрут по каким-то узеньким улочкам, и — крепко просчитались. 150-тысячеголовая, она по тем улочкам вытянулась на несколько километров.

А ведь это было всего через два с половиной месяца после августовской узурпации власти Ельциным и его поделщиками, которую они велеречиво объявили «победой демократических сил», вылившейся в официальную антикоммунистическую патологию. Нет, мечту о социализме и об этом празднике, ставшем символом этой светлой мечты, у трудящихся не отнять! С ними народ соединён своей пуповиной. Мы выходим отмечать Октябрьскую годовщину и сейчас, когда они украли у трудового люда 7 ноября как государственный праздник.

Чем нам сегодня светит социалистическая идея? Ведь молодое поколение уже с трудом различает героев строительства товарищеского способа производства. Мысленно перебираю его лозунги и обещания — многое не сбылось, что-то у нас украли, иное сами из рук выпустили... Но в конце концов бесспорной и действенной была выкованная Великим Октябрём формула социализма: «Мы — не рабы! Рабы — не мы!». Вот она — баррикада, тогдашняя и сегодняшняя. По одну её сторону те, кого уже окрестили «быдлом», кто явно согнулся, но не сломен духом, не сдался на милость рабскому всеядству. По другую сторону баррикады те, кто накидывает на собственный народ аркан холопства, кто уже давно продал душу в рабство Жёлтому дьяволу.

Ту баррикаду неимоверным трудом по созиданию социализма мы вроде бы разобрали. Ан нет, снова взгромоздилась, искорежив родную страну. Восстают против рабства сейчас прежде всего наёмные работники физического и умственного труда, отданные августовской контрреволюцией в эксплуатацию нуворишам. А холопствуют новые толстосумы, их политическая и пропагандистская услуга.

Крайне выразительные характеристики некоторым наиболее активным представителям этой популяции даны в пропитанном антикоммунизмом и антисоветизмом справочнике «Кто есть кто в России и бывшем СССР», переведённом с английского языка. Именно характеризуемые заморскими хозяевами персонажи усердствовали в разрушении основ советского социализма и насаждении «рынка» в России по западным образцам:

Г. Бурбулис — «ключевая фигура в захвате Россией финансовых институтов Советского Союза».

А. Козырев — «во время августовских событий 1991 г. встречался с госсекретарем США Бейкером и другими министрами НАТО».

Б. Федотов — «наш человек в Сити».

А. Чубайс — «министр приватизации в правительстве РФ».

Г. Явлинский — «создатель плана "500 дней", первой попытки оторвать советскую экономику от социалистического фундамента, и

автор второй попытки — “Плана большой сделки”, разработанной с помощью правительственной школы им. Джона Кеннеди при Гарвардском университете, США» (см.: *Вронская Д., Чугаев В.* Кто есть кто в России и бывшем СССР. Выдающиеся личности Советского Союза, России и эмиграции / Пер. с англ. — М.: «Терра»—«Terra», 1994)...

А разве не холопство источают нынешние правители РФ, инициируя очередной этап приватизации, когда торопятся продать акции государственных компаний стратегического характера, включая ведущие предприятия оборонно-промышленного комплекса, иностранцам, чтобы при любых политических катаклизмах они не достались... трудовому народу своей страны? Впрочем, облечения раболопием не выдерживает и часть тех, кого новые господа окрестили «быдлом». Как предупреждал поэт, увы, «люди холопского звания — сущие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господа». Словно в насмешку назвавшаяся «Независимой» федерация профсоюзов России, подкармливаемая прикарманившими общенародное достояние боссами, так изуродована мутацией, что срослась сиаменскими близнецами с... предпринимателями, в противостоянии с которыми предназначена защищать интересы наёмных работников физического и умственного труда. Но не НФПР — суть и соль рабочего класса.

Вспомнилась картинка с натуры «лихих 90-х».

Длиннющая субботняя очередь возле молоковоза, который через день осчастлививляет наш микрорайон. Ручейки разговоров на житейские темы плещутся то в одном её месте, то в другом. Вот они неожиданно слились в жёсткую политическую дискуссию «на счёт былой и новой власти». В её центре здоровенный крепыш лет тридцати. Ему пытаются что-то возражать — неуверенно, но злобно — неказистый старичок-пенсионер. Здоровяк наседает:

— Советская власть меня выучила и дала интересную работу...

— И ты при ней богатым стал.

— Богатым не был, но жил нормально, не то, что сейчас.

— У меня сосед-шофёр столько лет работал, а своей машины не было. А теперь целых три.

Крепыш взрывается:

— А ты спроси у водителя молоковоза: он при нынешней хорошей-то власти заимел какой-нибудь “мерседес”?

Шофёр тут же откликается:

— Раньше человеком жил, а теперь не знаю, как концы с концами свести. Только эта выручка от молока и идёт всему ещё не разогнанному колхозу на зарплату.

На защитника нынешних прелестей начинают наседать другие:

— Отец, а твой шофёр по-прежнему баранку крутит?
— Ну нет. Но раньше шофёром работал.
— Ясно, он теперь “новый русский”...
— Если теперь все живут богато, то отчего это больше сотни людей в этой очереди торчит? Чтобы на литре молока копейки сэкономить. Да не припирай нужда, я б этот час лучше с детьми побыла.
— А ты сам-то машину при этой власти купил? — поинтересовался пожилой мужчина.

— На что? У меня обычная пенсия.
Инициативу снова перехватил молодой здоровяк:
— Без Советской власти мы войну с фашистами не выиграли бы, — теперь он обращался к очереди. — Ну что теперь идти защищать? У меня Родину-то — Советский Союз — отобрали...

Очередь согласно кивает. Люди стали вспоминать, как они не боялись за завтрашний день, о своих бывших маленьких радостях стали другу другу рассказывать. Они как-то сблизились на общем понимании ценностей, которые в пору социализма были обыденностью. Добрые воспоминания изредка перебивались гневом за распродажу Отечества.

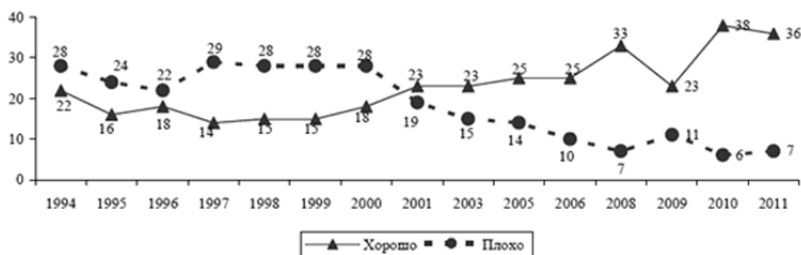
Нет, мы — не рабы! Рабы — не мы!

Но те, кто отнял у страны октябрьский свет, пытаются, чтобы превратить в рабов, сделать нас полунищими и полуголодными. Чтобы советскую гордость забыли. Чтобы от социалистических ценностей отвернулись. Чтобы покорными стали. В 1990 году соотечественники в среднем потребляли по 57 килограммов мяса, а в 1995 году — по 39. Лишь 20% ныне жирующих есть хуже не стали. Больше всего пострадали те, кто живёт ниже прожиточного — физиологического — минимума.

Реставрация капитализма оказалась чревата угрозой обыкновенного голода. В 1990 годы доля тех, кто оценивал своё питание как «плохое», вплотную приближалась к 30%. Плохо питается и сейчас почти десятая часть россиян — тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума. Социальная поляризация общества в пору реставрации капитализма остаётся самым стабильным явлением в России, достигая масштабов социального апартеида. Вот данные масштабного исследования, проведённого в 2011 году Институтом социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» (см. *рисунок 4*).

Нас обкрадывают не только материально. Духовный грабёж ещё опаснее. Вспомните, как буржуйский агитпроп ругал социалистическую власть за то, что она якобы скрывала от народа труды выдающегося русского историка С.М. Соловьёва. В 1988 году начали издавать 18-томное, практически полное собрание сочинений учёного, 200-тысячным тиражом. До 1991 года таким тиражом вышло 8 томов. На сле-

Оценки своей ситуации с питанием как «хорошей» или «плохой», %

дующих два года издание было заморожено, а 9-й том вышел уполовиненным тиражом. У меня в руках последний том, выпущенный в 1998 году. 20 тыс. экз., десятая часть первоначального тиража. И чем дальше мы отдаляемся от социалистического жизнеустройства, тем эта тенденция проявляет себя всё более нагло. В 2006 году вышла общественно значимая, глубоко научная, серьёзно аргументированная книга директора Института статистики Росстата профессора В.М. Симчеры «Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды» тиражом в... 1000 экземпляров. Идёт сознательное обескультуривание общества. И так в любой сфере: целенаправленно насаждаемый упадок. Его сверхзадача — обращение трудового люда в холопство. Как тут не обратить взор к социализму!

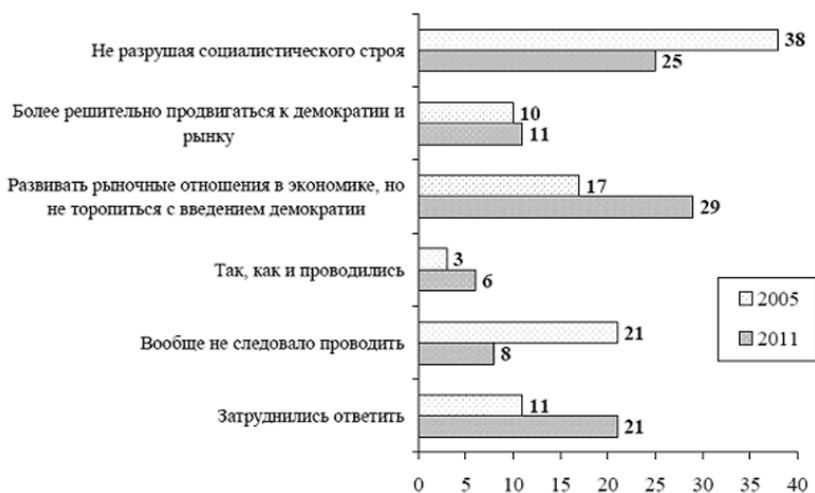
Для выяснения социально-политических симпатий соотечественников учёными ИС РАН выяснялось отношение наших сограждан к запрету КПСС, последовавшему после победы августовской контрреволюции 1991 года. Несмотря на не стихающую антикоммунистическую истерию, среди людей, которые считают не оправданным запрет Коммунистической партии, больше сторонников советского социализма, который, по их мнению, пытались сохранить члены ГКЧП и их соратники. К тому же о симпатии к КПСС (КПРФ — её идейная правопреемница) россияне сейчас стали говорить чаще, чем об антипатиях. Сегодня высоко оценивают историческую роль Компартии почти на четверть респондентов больше, чем отвергают её положительную роль в развитии нашего общества.

В этом отношении интересны рассуждения авторов доклада, настойчиво стремящихся дистанцироваться от коммунистических

идей. Они отмечают, что «хотя история не знает сослагательного наклонения, тем не менее, в обществе всё ещё обсуждается вопрос о том, были ли альтернативы осуществлённым реформам, можно ли было выбрать другие методы их проведения в жизнь. Среди возможных альтернатив “гайдаровским реформам” россияне называют прежде всего развитие рыночных отношений, но без политической демократии (часто этот вариант характеризуют как „китайский“ или „чилийский“, он набирает 29%), а также реформирование общества с сохранением основ социалистического строя, без масштабной приватизации и рыночной либерализации (25%)... Ещё одним важным вектором является существенное сокращение доли тех, кто считает, что реформы вообще не следовало проводить (с 21% до 8%). Правда, снижение этого протестного варианта компенсируется примерно соответствующим ему увеличением числа респондентов, затруднившихся с ответом (с 11% до 21%). Доля россиян, которые считают, что реформы были проведены именно так, как их и следовало проводить, по-прежнему исключительно мала (6%)» (см. *рисунки 5*).

Рисунок 5.

Оценка россиянами возможных альтернатив проведения экономических и политических реформ, 2005 и 2011 гг., %

Примечательно, что за 20 лет антикоммунистической истерии, которая в последнее время приобретает всё более агрессивный, неприглядный характер (чего стоит только поддержанная президентом, теперь председателем правительства РФ Д.А. Медведевым кампания по «десталинизации» российского общества!), идеи социализма для нашего народа остаются куда предпочтительнее бесцеремонно навязываемых либеральных идей. Только 11% респондентов заявили, что «необходимо более решительно продвигаться к демократии и рынку». Здесь надо обратить внимание на содержание, вкладываемое в эти понятия. Под влиянием пропаганды времён горбачёвской перестройки и последовавшей за ней реставрации капитализма в современной России под «демократией» понимается буржуазное жизнеустройство, а под «рынком» – всевластие частной собственности. Учёные ИС РАН установили, что приверженцев социалистического пути развития в сегодняшней России втрое больше, чем сторонников капитализма. 25% респондентов убеждены, что не следовало разрушать социалистического строя, ещё 8% россиян уверены, что вообще не надо было проводить экономические и политические реформы (философ А.А. Зиновьев называл их «катастройкой»).

Авторы аналитического доклада комментируют полученные результаты чуть иначе, но отличия, по большому счёту, касаются лишь частных деталей. Они справедливо подмечают, что отношение к реформам обусловлено во многом идейно-политическими симпатиями респондентов. Сторонники либеральных взглядов чаще других отмечают целесообразность синхронизации экономических и политических реформ, одновременное движение и к рынку, и к демократии (30% при 11% в среднем по массиву). Большинство сторонников коммунистических взглядов полагают, что при реформировании экономики не следовало разрушать социалистический строй (51% при 25% по массиву).

Не можем не заметить, что последние цифры вызывают сомнения, иначе придётся с горечью признать, что почти половина тех, кто выдаёт себя за сторонников коммунистических идей, неизлечимо заражена горбачёвщиной. Среди приверженцев коммунистического мировидения, конечно же, могут быть разные представления о месте и масштабах использования рыночных механизмов на завершающем этапе социалистического строительства (именно на нём до начала «перестройки» находился Советский Союз). Но представить, что могут быть коммунисты, которые допускают целесообразность разрушения социализма, невозможно. Если всё же такие люди в выборке оказались, то мы имеем дело либо с карьеристами-приспособленцами, которые скрывают свою буржуазную суть за коммунистической фразой, либо с антисоветчиками-троцкистами,

которым, кстати, нет ни малейшего дела до «мировой революции». В том и другом случае речь идёт об оппортунистах в политике и мещанах-филистерах в повседневной жизни.

Но вернёмся к выводам авторов аналитического доклада. Они считают: «Единственное, в чём сходятся практически все опрошенные, так это в том, что командой Б. Ельцина был осуществлён наихудший вариант реформирования экономики и всех других сфер жизни общества. Лишь 6% согласились с суждением, что “реформы следовало проводить именно так, как они проводились”. Даже среди либералов этого утверждения придерживаются всего 11%. В результате ошибок, неверно выбранной модели экономического и социального реформирования или по каким-то иным причинам в 90-е гг., по мнению россиян, произошло ухудшение практически во всех основных сферах жизни общества и государства».

Учёные Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, опираясь не на изучение общественного мнения, а на осмысление статистических данных, пришли к выводу: «Рост доходов в стране происходит неравномерно. Если за годы реформ реальные доходы 20% самых обеспеченных граждан выросли почти на 25%, то объём реальных доходов 20% наименее обеспеченных россиян снизился (не вырос, а снизился) почти на 18%. В результате реформ в России выиграли только 20% населения, составляющего категорию наиболее обеспеченных. Что касается населения со средними (близкими к медиане) доходами, то оно не только не разбогатело, но и не восстановило уровень благосостояния, который имело в 1990 году. А группы населения с самыми низкими доходами оказались за чертой абсолютной бедности» (*Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики. — М.: ИСЭПН РАН, 2010. С. 5).*

В аналитическом докладе ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» эти опирающиеся на статистику выводы находят убедительное подтверждение. Исследование выявило, что «негативная динамика характерна прежде всего для уровня жизни населения (77% опрошенных фиксируют ухудшение), морального состояния общества (76%), экономики страны в целом (73%), социальной сферы — здравоохранения, образования, культуры (71%), межнациональных отношений (70%). Пожалуй, единственным направлением, где опрошенные отмечают не только минусы, но и плюсы, стала ситуация в области прав и свобод, развития демократии; в этом направлении 28% респондентов фиксируют улучшение, а 34% — ухудшение».

Социологи отмечают, что «реформы», начавшиеся более 20 лет назад, кардинально изменили образ жизни и устои большинства насе-

ления страны. Поэтому авторы аналитического доклада считают «крайне важным оценить достижения или неудачи реформ не только с точки зрения общественного блага, но и интересов отдельных людей. Ведь очень часто в истории России реформы осуществлялись без учёта, а иногда вопреки воле и желанию её граждан, во имя неких “высших” общественных интересов. Судя по результатам настоящего исследования, реформы 90-х также были весьма конфликтны».

Действительно, на вопрос о том, что можно считать самым большим «приобретением реформ», респонденты фиксируют практически по всем показателям большее положительное влияние преобразований на общества в целом, чем для себя лично и таких людей, как они. Не исключено, что это результат воздействия СМИ. Так, телевидение постоянно говорит об успехах, которые никак не проявляются в повседневной жизни большинства зрителей. Например, в иерархии значимых достижений «реформ» лидирующие позиции занимают насыщение рынка товарами: 52% опрошенных считают это важным для общества в целом, но только 40% для себя лично. Свободу выезда за рубеж как достижение для общества указали 32%, а для себя — лишь 27%. Прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе признали общественным достижением 24% опрошенных, но только 13% отметили, что это значимо и лично для них. Пожалуй, только однажды респонденты оценили «выигрыш для себя» выше выигрыша для общества. Это — возможность зарабатывать без ограничений (то есть вкалывать «по 24 часа в сутки») — 25% и 28% соответственно (см. *рисунок 2* на стр. 17).

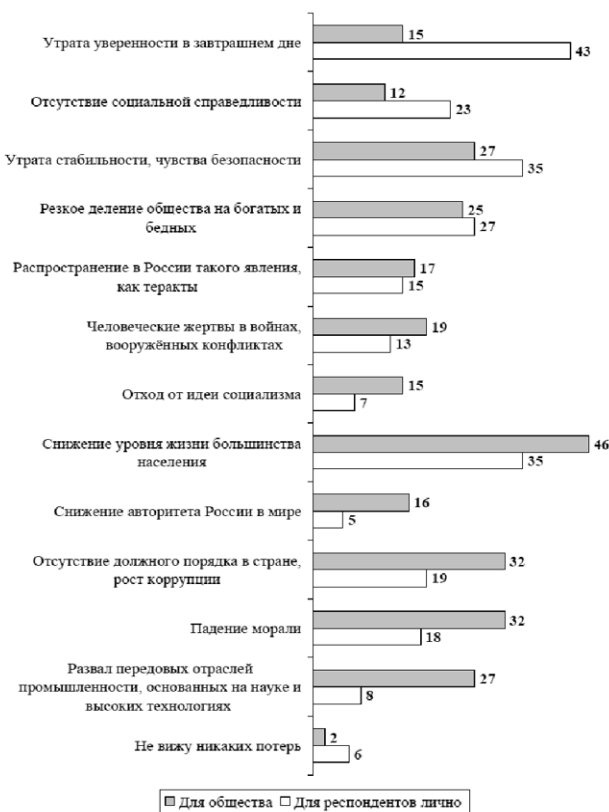
В то же время, отмечают социологи ИС РАН, весьма скромно россиянами оценены ликвидация «железного занавеса», сближение с Западом, появление возможности для личного самовыражения, в том числе и в сфере политики и — что особенно важно — легализация частной собственности. Говоря о потерях от «реформ», социологи подметили, что их список заметно шире, чем список приобретений и достижений. Если по оценкам достижений «реформ» рейтинги «для общества в целом» и «лично для себя» хотя и не совпадали, но имели общий вектор, то по оценкам потерь исследователи получили два заметно различающихся рейтинга.

Наиболее значимыми потерями **для общества** опрошенные считают снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, развал передовых отраслей промышленности, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных. Каждая из этих позиций названа минимум 25% опрошенных. В рейтинг потерь **для себя лично** россияне включили не только утрату

уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату чувства стабильности и безопасности, но и резкое деление общества на богатых и бедных (27%), отсутствие социальной справедливости (23%). Рейтинг личных потерь носит фактически ярко выраженный общественный характер. Даже социальную поляризацию общества россияне рассматривают не только как потерю общества, а ещё чаще как личную потерю (см. рисунок 6).

Рисунок 6.

Мнение россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом и лично для каждого (не более 3-х ответов), %

Для лечения тех социально-экономических язв, которыми страдает современное российское общество и которые беспокоят наших сограждан сегодня, требуется политическая воля трудящихся — без неё победа немыслима. Не меньшая потребность в ясной позиции руководителей протестных сил страны. Если мы не рабы, то, следовательно, должны отвергнуть общественное устройство, в котором человек труда объявляется «быдлом». Потому и накапливается второе дыхание у социализма.

Мы — не рабы, на чужое не заримся. Мы отстаиваем то, что у нас было, что у народа под шумок умыкнули.

Однако участвовавший в обсуждении проекта Программы КПрФ питерский читатель «Правды» Н.И. Викторов справедливо обращал внимание на то, что «клика противников социализма прилагает все силы для того, чтобы вызвать у большинства населения России при словах “социализм”, “Советы”, “Октябрьская революция” ассоциации с репрессиями, с “пустыми полками” в магазинах, с отсутствием свободы личности. Эта клика усердствует, добиваясь, чтобы наши соотечественники слово “коммунист” отождествляли со словом “фашист”. И пока мы, коммунисты, не объясним народу правду о клеветниках на советский социализм, не растолкуем, кто являлся истинным виновником уничтожения СССР, бесполезно ожидать каких-либо переломных изменений в настроениях людей, в том числе на выборах».

Автор одновременно считает необходимым не закрывать глаза на допущенные за годы Советской власти недоделки, ошибки и даже преступления, чтобы «выбить “kozyри” из рук радетелей капитализма».

Одновременно человеку труда присуще стремление попытаться выработать, представить себе образ социализма, который будет созидаться народными усилиями после преодоления реставрации капитализма. Этот интерес к социализму у соотечественников возникает не только из-за футурологического любопытства. Формирование образа общества социальной справедливости и «товарищеского способа производства» нам нужно для того, чтобы предотвратить возможные промахи, когда рабочий класс вновь возьмёт государственную власть в свои руки.

Не будем делать вид, будто нам неведомы претенденты в новые «собственные платоны», которые утверждают, что Маркс устарел, что требуется поиск идей, способных объединить все классы и слои буржуазного общества. Этих деятелей уже не пугает, что В.И. Ленин советовал помещать их в клетки, чтобы показывать наравне с диковинными кенгуру. Между тем речь идёт не о непримиримых противниках социализма, а о его вроде бы сторонниках.

Так, вроде бы нет оснований сомневаться в искренности социалистических позиций автора очередного письма в «Правду» из Москвы. Но его видение социальных последствий научно-технического прогресса очень напоминает воззрения откровенно буржуазных социологов типа Р. Арона, Д. Белла, У. Ростоу, С. Хантингтона и их единомышленников. Однако, во-первых, они начали разрабатывать свои концепции ещё полвека назад, то есть то, что выдаёт за новые идеи некто А.В. Блинов, является обыкновенным повторением задов буржуазной идеологии. Во-вторых, буржуазные теоретики целенаправленно вели бескомпромиссную борьбу с социализмом. И вдруг повтор этой идеологической ветоши предлагается взять на вооружение КПРФ...

Вот что пишет этот автор: «Классовое общество перешло рубеж своего завершения, и это очень важно понять. Если в период цивилизации классовые антагонизмы разрешались взрывами насилия, и иначе это быть не могло, то новое время уже показывает новые возможности снятия антагонизма между трудом и капиталом в развитых капиталистических странах. Там рост благосостояния превратил пролетариев в так называемый средний класс, который утратил свою революционность и провозгласил “партнерство” предпринимателей и рабочих.

Что это — временная тенденция? Если учесть устойчивый рост благосостояния в развитых капиталистических странах, то этого сказать нельзя. Значит, это новая возможность снятия антагонизма, которую открывает новое время. Капитализм переходит в противоположность, которая сглаживается и исчезает вместе с развитием. Однако следует подчеркнуть, что пока противоположность остаётся, борьба эксплуатируемых и эксплуататоров продолжается до исчезновения эксплуатации, но она исключает прямое насилие и формы её со временем смягчаются...

Распределение по потребностям мы можем наблюдать уже сегодня. Социальный бюджет государства призван удовлетворять потребности граждан. Для образования во многих странах предоставляются нуждающимся гранты или кредиты в банке с последующим возвращением его при поступлении на работу. В богатых странах широко распространён коммерческий кредит, что тоже можно считать распределением из общественных фондов по потребностям...

Желая уничтожить эксплуатацию, коммунисты прежде уничтожали эксплуататорские классы, чем раскрывали диалектику естественного развития и получали за это, как говорили тогда, „все мерзости прошлого“. КПРФ в своей Программе и теперь делает ставку на антагонизм труда и капитала, не понимая, что буржуазия также играет свою незаменимую роль. Правильно определить отношения

с буржуазией — это одно из основных условий успешной политики коммунистов в современном мире».

Если верить сему «теоретику», то при социальных изменениях в обществе, вызванных научно-технической революцией, у нас не должно быть классов, которые были бы заинтересованы в замене нынешних эксплуататорских капиталистических порядков социализмом. Более того, получается, что без социализма решается его важнейшая стратегическая задача — успешно преодолеваются классовые различия. Не случайно западные буржуазные идеологи когда-то считали подобные рассуждения наиболее сильным аргументом в борьбе не только с марксизмом-ленинизмом, но и любой антикапиталистической теорией.

Отвергнув миф об отмирании классов на современном этапе развития общества, тем более при капитализме, мы решили только ползадачи. Не менее важна её вторая половина. Во время общепартийного обсуждения проекта Программы КПРФ в «Правду» пришло письмо из г. Каменск-Шахтинский Ростовской области. Его автор В.В. Попов сообщал, что разработал «план и схему построения ментального российского коммунизма». При этом он определил первый этап как «модернизированный социализм с элементами государственного и рыночного капитализма». Конкретными шагами на пути его реализации автор считал, во-первых, «выработку профессиограмм для элиты», во-вторых, «выработку профессиограмм для остальных госслужащих».

Что ж, профессиограммы так профессиограммы. Но изумляет третий пункт «рекомендаций». В нём предлагается лозунг со знакомой первой частью: «от каждого по способностям», но поражает вторая часть лозунга: «для элиты — по потребностям, для остальных — рыночно (прибыль, зарплата)». Второму этапу — собственно «российскому ментальному коммунизму» — должно быть присуще «динамическое удовлетворение всех разумных потребностей каждого члена общества».

Классические представления о социализме здесь и вправду «модернизированы». На первом его этапе сохранение прибыли и зарплаты как способов распределения означает сохранение классов пролетариев (наёмных эксплуатируемых работников физического и умственного труда, продажа которого вознаграждается зарплатой, компенсирующей только стоимость рабочей силы) и капиталистов, прибыль которых является не чем иным, как результатом эксплуатации наёмного труда. Но такая эксплуатация возможна только при сохранении капиталистической частной собственности на средства производства. Однако предлагаемое сохранение капиталистичес-

кой поляризации общества сей автор дополняет ещё одним неравенством, которое отсутствует даже при капитализма: для некой «элиты» предлагается установить «распределение по потребностям». Здесь уже воспроизводится «феодальный социализм», который К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли беспощадной критике ещё в «Манифесте Коммунистической партии».

Можно было бы не обращать внимания на подобные самодеятельные «модели социализма», если бы они были присущи только индивидуальному сознанию безразмерных фантазёров или невежд. Но беда в том, что, что рассуждения о некоем особом («ментальном») «русском коммунизме» встречаются в левой печати. Вероятно, их авторы забыли, что предлагают заурядный плагиат: слегка перелицованные идеи, которые в 1970-е годы проповедовали еврокоммунисты. Итог: Европа об этих идеях забыла, а оставшиеся в политике еврокоммунисты сползли на позиции поддержки интеграции Западной и Центральной Европы на основе капитализма.

Мелкобуржуазные элементы в видении социализма сегодня совсем не редки. Находят они иногда отражение и в почте «Правды». Так, А. Кузнецов, с одной стороны, призывает максимально использовать «дооктябрьский опыт большевиков в работе партии, направленной на расширение протестного движения», с другой — рекомендует «ради мотивации к повышению производительности труда» наряду с зарплатой выплачивать работникам... дивиденды в зависимости от имеющихся у них акций. Похоже, здесь с социализмом перепутана обманка — так называемый народный капитализм.

В этом же ряду стоят и предложения о том, что «России нужен естественный социализм». Своё письмо А.М. Кутепов начинает утверждением: «Искусственный социализм был в СССР». Далее предлагается «естественная в нынешних условиях структура собственности», которая «станет экономической основой естественного социализма в России». Она, по мнению автора, такова: «В настоящее время большинству россиян нужно, чтобы 40—45% принадлежало экономике всей страны, 30% отдать трудовым коллективам (кооперативам, акционерным обществам и т. п.), 25—30% — частникам, каждый из которых мог бы нанимать до 20 работников без найма управленцев».

Никаких аргументов, что такое соотношение экономических укладов якобы оптимально для социализма, в письме нет. В Западной Европе есть страны с похожей структурой собственности, относящиеся к «золотому миллиарду». Правда, несмотря на торчащие капиталистические уши всех Австрий и Швеций, мелкий буржуа (в том числе из числа политиков, прежде всего из «Справедливой России») часто принимает их за эталон социализма.

Чтобы создать аргументированный образ социализма, необходимо опираться на фундамент марксистско-ленинского учения. Именно так и поступил В.Г. Радостин из с. Анненково (Республика Мордовия). С первых строк автор, как говорится, берёт быка за рога: «Вопрос о власти и в XXI веке остаётся главным в общественной жизни. Лакмусовая бумажка его решения — в чьих руках находятся средства производства».

Определив основной критерий общества, он стремится выяснить, почему социализм в нашей стране вынужден был отступить: «В СССР существовало фактически пять общественно-экономических укладов. Особенно важно иметь в виду мелкую частную (а не личную) собственность. Именно она сумела опрокинуть социализм. Опыт показал, что её существование должно быть под контролем государства при доминировании общенародной собственности. Тем более надо понимать, что мелкая частная собственность не может быть основой развития и при борьбе за социализм, и при строительстве социализма... Этот вывод показывает ошибочность любой попытки пренебрежения рабочим движением, в частности попытки заменить рабочее движение движением белых воротничков. Нужен серьезный анализ современного рабочего движения и выработка лозунгов, которые способны поднять его активность и обеспечить рабочим поддержку со стороны всего народа».

А читательница главной коммунистической газеты из Челябинска А.Г. Батракова на своем жизненном примере рассказала, что в социализме были заинтересованы именно те, кого угнетал, эксплуатирова, капитализм. 80-летняя учительница вспоминает своих родителей: «Отец, бывший батрак, слесарь локомотивного депо станции Челябинск, активный член Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Мать — рижанка-беженка. На Урал сбежала из Латвии в 1918 году с ребёнком. Муж её погиб в 1914 году в немецком плену. В Риге работы не было. Мама рассказывала мне, что если бы она там осталась, у неё была одна дорога: ребенка — в приют, а самой — в дом терпимости. Образования у мамы не было, училась всего полтора года. Больше не могла: за учёбу даже в начальной школе надо было платить. Уже потом, в Челябинске, мама училась в вечерней школе — только социализм мог создать такую возможность для простого человека».

Фальшивые кумиры «перестройки»-катастрофы агрессивно врали, внушая, будто рабочему безразлично, на капиталиста он работает или на Советскую власть, социалистическая собственность господствует в стране или установлено всевластие частной собст-

венности. Теперь-то тот блуд опровергается на каждом шагу. Росстат опубликовал результаты обследования, в ходе которого выяснялись цели сбережений россиян. Перечень получился довольно скромный: лечение, покупка недвижимости, расходы на образование, сбережения на ремонт жилья, отдых и т. п. Отдельный пункт — сбережения на старость и на «чёрный день». Наконец, последней строчкой — «помощь родным и близким».

Запинаешься на первой же строке: сбережения с целью лечения. В силу далеко не юного возраста легко вспомнил походы на приём к врачу в советскую пору. Скажем, к стоматологу. Когда приходилось сидеть в очереди (а такое, несмотря на предварительную запись, бывало), вспоминал порой весь пантеон святых. Но не было заботы: а вдруг не хватит денег?! Социалистическое государство обеспечивало охрану здоровья бесплатно. Сегодня же из всех сбережений самым затратным россияне считают лечение. На него предназначается почти 30% сбережений.

Не меньше покорило наличие такой цели сбережений, как образование (включая образование детей). В канун лета опрошенные предназначали для этой цели 15,3% сбережений. Сперва подумалось: речь идёт о расходах на приобретение школьной одежды к новому учебному году, на путёвки в оздоровительные школьные лагеря и т. п. Но сразу вспомнил, что лагерь стал редкостью, скоро буржуазная власть ликвидирует его как явление: за годы «нового порядка» было закрыто 55% детских загородных лагерей (см.: Российский статистический ежегодник. 2010 Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 220).

Смущала также соседняя цифра. Зимой респонденты тоже предназначали на образование 14% своих сбережений. Я вспомнил расходы, связанные с давней заочной учёбой в университете. Железнодорожный плацкартный билет до областного центра на зимнюю экзаменационную сессию — 12 рублей в оба конца. Плюс расходы на питание и жильё. Но если сессия сдавалась успешно (хотя бы на «тройки»), то и проезд, и место в общежитии оплачивались полностью. Да ещё сохранялась зарплата.

Впрочем, о том, что представляет собой нынешнее образование, тоже знаю не понаслышке. Буржуазный закон освободил работодателя от оплаты за учёбу работников. Расходы работодателей на образование, по данным Росстата, составляют 0,1% общих затрат, связанных с оплатой труда (см.: Статистический бюллетень. 2010. № 6), в 50 раз меньше, чем даже в 1995 году. Но это не самое кардинальное изменение. Нынче 55% студентов принимаются на дневные отделения на платной основе. Аппетиты в разных вузах разные, но если

взять «по кругу», то надо выложить не менее трети средней зарплаты ежемесячно. Напомню: она, если верить Росстату, сегодня перевалила за 25 тыс. руб., но у половины работающих начисленная номинальная (но не реальная!) зарплата ниже 15 тыс. рублей.

Вот она, принципиальная разница в том, какие господствуют отношения собственности и кто владеет средствами производства — Советская власть или буржуй-толстосум.

Достаю с полки статистический ежегодник «Народное хозяйство РСФСР» за 1988 год (М.: Финансы и статистика, 1989) (за 1989 и 1990 гг. ельцинская «демократическая» власть уже не считала нужным издавать статистические ежегодники). В нём — результаты аналогичного статистического обследования 23-летней давности. Пересчитал цифры так, чтобы они были сопоставимы с нынешними. Ясно, что расходам ни на лечение, ни на образование в структуре сбережений 1987 года места не было. Но и другие строчки наполнены принципиально иным социальным смыслом.

Сегодня второй по размерам сбережений целью стала покупка недвижимости — на неё предназначается четвёртая часть откладываемых россиянами средств. Похожая статья расходов была и в советскую пору. Госкомстат РСФСР относил их к «предполагаемым крупным расходам». Как показало обследование 1987 года, такие расходы были целью около 20% сбережений. Сюда входили покупка, строительство или ремонт домов и дач, приобретение мебели, автомобилей, одежды. В общих сбережениях доля средств, предназначавшихся на «недвижимость», не превышала 10%.

Объяснение простое. В том году за счёт государственных капитальных вложений было построено и бесплатно передано трудящимся 1 миллион 56 тысяч квартир. 43% из них были трёх- и четырёхкомнатные и 36% — двухкомнатные. Что касается жилья, построенного за счёт средств жилищно-строительных кооперативов, то есть на деньги трудящихся, то в РСФСР на него приходилось 92 тыс. квартир. Это 8,7% от масштабов жилья, возведённого государством и бесплатно переданного рабочим и служащим. В 2010 году была построена 701 тыс. квартир — почти на треть меньше, чем в 1987 году. Но переданы владельцам бесплатно лишь 34 тыс. квартир — 4,85% введённого в строй жилья. Его получили ветераны Великой Отечественной, избранные молодые семьи и крайне редкие счастливчики-очередники. Зато вдвое больше жилья пустует: нет платёжеспособных покупателей.

А вот и сбережения на отдых. В 1987 году гражданами России на него предназначалось 12,8% сбережений, а в 2010 году почти

в полтора раза больше — 18%. Может, отдых теперь стал более массовым? Ничуть. По сообщениям социологов, в 2010 году планировало отдохнуть в санаториях, домах отдыха и туристических поездках вдвое меньше, чем в 2007 году. Да и чему удивляться: кризис!

Вот кризису и надо удивляться: в советской социалистической экономике такого явления не было. Что? На рубеже 70—80-х годов XX века был застой? Даже если это лукавое определение принять за чистую монету, то надо заметить, что тот «застой» не привёл хотя бы к малейшему снижению количественных и качественных показателей отдыха трудящихся.

Чтобы не быть голословными, ещё раз обратимся к данным Росстата. На рубеже 90-х годов в санаториях, санаториях-профилакториях, пансионатах и санаторно-курортных организациях насчитывалось 2 млн. 144 тыс. коек. Их осталось 1 млн. 230 тысяч. Сокращение составило 43%! Не лучше ситуация с домами и базами отдыха. Вместо былых 583,6 тыс. мест сейчас принимают отдыхающих только 334,6 тысячи. Потери опять-таки 43%. Значит, 21,5 млн. человек лишены возможности отдохнуть в санаторно-курортных организациях и организациях отдыха России.

Кто-то возразит: теперь граждане РФ ездят отдыхать за границу. Ездят. И даже по несколько раз в год. В основном те 1,5% россиян, которые, по данным ВЦИОМ, владеют 50% национального богатства России. А остальные... Перед началом сезона отпусков Росстат провёл опрос, намерены ли россияне пользоваться услугами фирм по организации отдыха. 34,7% опрошенных сообщили, что они «не испытывают потребностей», подразумевая, что всё равно придётся довольствоваться дачным участком. 60% прямо заявляют, что у них на отдых нет средств. И только 5,7% выразили готовность приобрести услуги. Но и у них зарубежные турпоездки занимают далеко не первое место.

А теперь обратимся к наиболее ресурсоёмким прежде целям народных сбережений. Выясняется, что в 12 раз сократилась доля сбережений, предназначенных для поддержки детей и родственников. А как не сократиться, если существенно ухудшилось материальное положение большинства трудящихся. Кроме этого, сказалась сознательно навязываемая атомизация общества. Современные идеологи «нового порядка» ничего нового не изобрели, а повторяют то, что идеологи буржуазии предложили 250—300 лет назад. Но из старых идей ими выбирается самая звериная: человек человеку — волк. В результате изнанка буржуазного жизнеустройства проявляет себя на каждом шагу. И характер целей сбережений наших сограждан — тому убедительный пример.

А вот одна из главных целей сбережений в любое время. Четверть века назад государственная статистика её определяла так: «сбережения на поддержание сложившегося жизненного уровня после ухода на пенсию». Эта формулировка даёт чёткое понимание логики поведения людей. В 1987 году средняя заработная плата в народном хозяйстве РСФСР составляла 235,3 руб., а средняя пенсия — 89,1 рубля. Иначе говоря, государство обеспечивало ветеранам поддержку сложившегося до пенсии жизненного уровня как минимум на 38%.

Не забудем, что каждый четвёртый из них получал пенсию в размере 120 и более рублей. Это более половины средней зарплаты. Значит, идеальный вариант — иметь сбережения, которые компенсировали бы около половины прежней заработной платы (не забудем, что с выходом на пенсию у ветерана сокращаются затраты на удовлетворение некоторых потребностей, обязательных для работающего человека). Надо признать, что в жизни положение было скромнее. Хотя стоит иметь в виду, что средняя пенсия советской поры равнялась, при пересчёте на нынешние цены, двум современным прожиточным минимумам. А нынче, даже по официальным данным, зарплата 30% наёмных работников не превышает этой планки.

В государственной статистике 2010 года цель самых понятных сбережений определена несколько иначе, чем четверть века назад, — «сбережения на старость, на чёрный день». Такое объединение ежа с ужом, конечно же, лукаво. В статистике 1987 года имелась отдельная строка — «непредвиденные расходы на другие цели». На неё приходилось 37,4% всех сбережений, что втрое больше, чем «на старость». Эти расходы предназначались не только на «чёрный день», но и на светлый — на свадьбу, юбилей, рождения детей и внуков и т. п. Сегодня такой статьи в сбережениях просто нет.

А если согласиться, что у человека реальный выход на пенсию — непременно «чёрный день», то сбережения на старость сегодня составляют около 11% всей их суммы. Это меньше, чем четверть века назад, хотя потребность в средствах на эту цель явно выше. Вот официальные данные Росстата. Средняя пенсия в РФ сейчас составляет 21% средней заработной платы. В советскую пору это соотношение было почти вдвое привлекательнее. Я уж не говорю о 25% «привилегированных» пенсионеров, получавших более 120 рублей. Сегодня тоже есть категория привилегированных. В «Российском статистическом ежегоднике» она определена так: «государственные служащие, получающие пенсии по старости (или инвалидности) и за выслугу лет». Размер такой пенсии в 1,7 раза превышает среднюю пенсию (7 842,2 руб. и 4 546,3 руб. соответственно). Но нынче привилегированные государственные платежи (пен-

сия в переводе с латинского — платёж) получают 0,1% ветеранов. Один из тысячи!

Нет, не случайно статистика изменила содержание целей, во имя которых делаются сбережения. При сегодняшнем соотношении зарплаты и пенсии выход «на заслуженный отдых» трудно назвать иначе, как «чёрным днём». Поэтому именовать сбережения на старость «поддержанием привычного жизненного уровня после выхода на пенсию» было бы большим святотатством.

За каждым изменением и слов, и денежных пропорций стоит принципиальное изменение жизнеустройства общества. Два полярных мира отражаются не только в политических декларациях, но и в бытовой повседневности. Казалось бы, как далеки от политики цели, ради которых гражданин делает сбережения. Но стоит приглядеться и вдуматься — и обнаруживается, что политика снова настигла нас.

В 90-е годы Россию силком загнали в мир звериных буржуазных правил. Их цену мы познали «своим горбом и всей спиной». Значит, пришла пора менять волчьи правила, нормы и ценности общественного жизнеустройства на человеческие, где главную роль должны играть труд, народовластие, социализм.

Итак, отношения потребления убедительно свидетельствуют о том, что капиталистическое жизнеустройство противоречит интересам рабочего человека. Однако для соотечественника, продающего свою рабочую силу владельцу средств производства, ещё важнее его место в общественном производстве. Во время традиционного ежеквартального опроса Росстат попросил занятое население (примерно половина его приходится на рабочий класс, а в целом на наёмных работников физического и умственного труда среди занятого населения приходится более 77%) оценить произошедшие за год изменения в отечественной экономике. Пессимизм господствует во всех возрастных группах — от «пионеров» до пенсионеров. Среди опрошенных в возрасте от 16 до 29 лет отрицательные оценки произошедшим экономическим изменениям дали на 3% больше, чем положительные. В более взрослых возрастных группах настроение радикальнее. Среди лиц зрелого возраста «неуды» экономике выставили на 6% обследованных чаще, чем удовлетворительные оценки. Среди россиян старше 50 лет (а им есть с чем сравнивать, так как посчастливилось жить в советскую пору) нынешнюю ситуацию в отечественной экономике считают плохой на 9% больше, чем не вызывающей серьёзных нареканий.

Вроде бы результаты — как по заказу. На первый взгляд, обследование Росстата отразило миф о стандартном оптимизме моло-

дых и «брюзжании» тех, кто приближается к старости. От этого мифа память и сегодня хранит цинично-самоуверенные заявления Е. Гайдара, И Хакамады и их поделщиков в начале 90-х годов о неизбежном наступлении счастливой жизни после того, как либералов избавит от земного соседства последний пенсионер. Но обнаружилось, что дело не в стереотипном мировидении «толпы». Наоборот, данные государственной статистики убеждают, что либеральные стереотипы не соответствуют действительности.

Сотрудники Росстата заинтересовались, как опрошенные оценивают ожидаемые изменения экономики. Повсюду господствовал, конечно же, отрицательный ответ. Но пирамида соотношения мнений перевернулась. В старшей группе экономические перспективы оценивались неудовлетворительно на 3% чаще, чем удовлетворительно. В средней возрастной группе большинство недовольных ожидаемыми изменениями поднялось до 4%, а среди молодых самой многочисленной была группа тех, кто считал экономические перспективы беспросветными (её преимущество среди опрошенных достигло 7%). Иначе говоря, безрадостное будущее наиболее сильно чувствуют в первую очередь молодые.

За этими оценками стоит прежде всего трезвое понимание тенденций на российском рынке труда периода капиталистической реставрации. Самая высокая доля безработных — среди молодёжи. В «армию лишних людей» среди лиц моложе 30 лет «призвано» примерно 42%, тогда как среди занятого населения молодёжь не составляет и четвёртой части.

Картина становится совсем безрадостной, когда выясняется, что около 35% безработных никогда не имели работы. Такая горькая судьба выпала в первую голову на тех, кто моложе 30 лет. Едва ли случайно, что доля молодых, так и не сумевших в своей жизни обзавестись трудовой книжкой, совпадает с долей ищущих работу свыше одного года — более трети опрошенных. Особенно же безрадостно, что с каждым годом увеличиваются оба этих горьких показателя. По данным Росстата, доля тех, кто не работал ни дня, среди безработных в 1995 году составляла 16,9%, в 2000-м — 19,1%, в 2005-м — 26%, а в 2009 году она приближалась к трети «бойцов» армии лишних людей. Не лучше тенденция и при анализе продолжительности поиска работы. В 1995 году на долю безработных, которые искали её более года, приходилось 29%, а в 2009 году — их более 35% (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 144).

Иная картина среди опытных работников. Доля безработных в возрастной группе 50—54 лет в последнее пятилетие остаётся ста-

бильной и колеблется около 9%, в возрастной группе 55—59 лет она в последние годы составляла примерно 4% и заметно возросла лишь с началом кризиса. Ещё ниже она среди ветеранов (менее 2,5%), так как среди них работодатели держат, как правило, только высококвалифицированных работников (см.: там же. С. 148). Из-за разрушения либералами профессионально-технического образования в более молодых возрастных группах квалифицированных рабочих практически уже нет. Что касается работников средней квалификации, то они ведут себя перед работодателем наиболее покладисто: не возражают против сверхурочной работы, соглашаются на снижение оплаты труда, терпят ухудшение охраны труда и т. п.

Пирамида оценок снова перевернулась, когда Росстат стал интересоваться потребительской уверенностью россиян. Их ответы оказались очень далеки от их же представлений о перспективах экономической жизни страны. Создаётся впечатление некоего парадокса: потребительская уверенность сограждан совсем не определяется оценками экономических перспектив России, которые были даны теми же опрошенными. И всё же зависимость есть, но она — обратно пропорциональная.

Молодёжь, нашедшая работу, часто надеется, что её потребительские ожидания обязательно сбудутся. Поэтому даже в условиях кризиса оказалось, что у лиц в возрасте до 30 лет негативные потребительские ожидания встречаются лишь на 2% чаще позитивных. Но у лиц среднего возраста этот разрыв увеличивается и достигает уже 7%, а среди тех, кому за пятьдесят, он поднялся до 9%.

И всё же надо признать, что никаких парадоксов нет, если речь идёт об ожиданиях, о личных оценках. Парадоксы укоренились не в субъективном восприятии соотечественников, а в объективной реальности. В современной России наличие рабочего места не гарантирует достойного уровня жизни. Как свидетельствуют данные даже официальной статистики, около 10% наёмных работников получают заработную плату ниже установленного правительством прожиточного минимума (см.: Социальное положение и уровень жизни населения. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 134), а по данным учёных, их доля вдвое больше. И чем старше и опытнее человек, тем он полнее осознаёт противоестественную логику капиталистического жизнеустройства.

Обследование потребительских ожиданий, проведённое Росстатом, даёт основания для серьёзных общественно-политических выводов. Субъективные оценки россиян очень логичны и рациональны, разумны. Их можно и нужно понять умом. А поняв, умно организовать коммунистическое влияние на миллионы наёмных работни-

ков. При этом, конечно же, придётся учитывать и возраст, и житейский опыт людей, и их неодинаковую классовую зрелость. Данные Росстата убедительно подтверждают: социальная база классового протеста наёмных работников физического и умственного труда против капиталистического жизнеустройства за социалистический способ производства носит массовый характер. Пролетариат объективно заинтересован в победе отношений, обеспечивающих социальную справедливость. Более того, исследование ИС РАН убеждает, что среди трудящихся ценность движения к социальному равенству доминирует.

Мотивами, побуждающими рабочий класс вновь массово обращаться к социалистическим ценностям, являются не только их личные интересы. В пользу преимуществ социалистического жизнеустройства «голосует» и состояние современной российской экономики.

Возьмём такую близкую каждому сфере хозяйства, от которой зависит жизнеобеспечение страны и её граждан, как производство, передача и распределение электроэнергии. Показатели этой отрасли в канун экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, по данным Росстата РФ, достигли почти заоблачной величины — прирост 18% по сравнению с показателями предыдущего года. Похуже с производством, передачей и распределением пара и горячей воды, то есть тепловой энергии. Но и здесь показатели за год поднялись на 11,8%. Всюду они приводились в стоимостном (денежном) выражении. Но в этом-то как раз всё дело!

Как только тот же Росстат начинает считать в натуральных показателях, так картина мгновенно мрачнеет, превращаясь из радужной в серую, а то и чёрную. Оказывается, производство, передача и распределение электроэнергии топчется практически на одном месте. Если считать не в рублях, а в киловатт-часах, то всё-то увеличение в наиболее успешном 2007 году составило чуть более 1%. Ну а производство тепловой энергии, измеряемое в гикалориях, упало обвально — на 6,1%. Данные государственной статистики убедительно подтверждают горькие жалобы населения замерзающих городов и посёлков.

В общем, двойная бухгалтерия. Очень лукавая. Однако это — не две разных статистики. Это скорее два полярных мировидения. Трудовое большинство общества предпочитает оценивать состояние экономики в тоннах цемента и мяса, в сотнях тысяч произведённых костюмов и тракторов, в километрах шоссейных дорог, железнодорожных магистралей и линий электропередачи (песня про то, что «ЛЭП-500 — непростая линия», забыта не только из-за замены коллективистской романтики индивидуалистским чистоганом,

но прежде всего из-за того, что Россия забыла, когда она последний раз возводила такую мощную линию электропередачи)...

Конкретные, предметные показатели производства — это не только единица гордости народа-созидателя. Это ещё и реальная оценка повседневных экономических отношений — производства, обмена, распределения, потребления. Хотя бы потому, что потреблять можно только то, что произведено — в этих самых «примитивных» тоннах, кубометрах, километрах...

Иной счёт у тех, кто молится единственному богу — прибыли. Если производство 500 тонн стали способно обеспечить (скажем, за счёт повышения цены) не меньшую прибыль, чем 1000 тонн такой же стали, то капиталист наверняка ограничится производством 500 тонн продукции. В начале путинского правления только что занявший должность председателя Ассоциации российских банков Г. Тосунян цинично утверждал: «Новое поколение не витает в облаках, не рисует абстракции и не живёт старыми(?) представлениями, вроде того, что банки должны поднимать промышленность. Банки должны получать прибыль!.. Если банкам, наоборот, выгодно разрушать промышленность для получения прибыли, то они будут её разрушать» (Независимая газета, 28 мая 2002 г.). И такова природа любого капитала.

Чтобы пар недовольства подобным цинизмом не уходил в свисток, трудящимся надо знать глубинные экономические причины неизбежного противостояния труда и капитала.

И народный счёт, и счёт буржуазии и её власти (в том числе в лице Росстата) в целом не грешат против истины. Потому что истина диалектична. К. Маркс это доказал удивительно талантливо и ясно.

Возьмем ту же электроэнергию. ГРЭС (ГЭС или АЭС) производят этот продукт для того, чтобы бежали электрички, вращались электромоторы, горели лампочки Ильича. Иначе говоря, создаётся потребительная стоимость. Её ценность в том, что продукт полезен, необходим, способен решать насущные задачи очень многих людей. В ней истинный смысл любого производства! И поэтому такое производство измеряется в тоннах, кубометрах, гикалориях...

Но поскольку продукт полезен, то с появлением частной собственности появилась возможность (и необходимость!) его производить для продажи. А при продаже потребительная стоимость с её тоннами и кубометрами уступает приоритетные позиции меновой стоимости. А она измеряется в рублях, долларах, евро. Так происходит всегда, когда разные люди производят разные изделия (сохраняется общественное разделение труда) и производители экономически обособлены (каждый озабочен содержимым прежде всего своего кошелька).

Капитализм не способен обеспечить соответствие потребительной и меновой стоимости, различие же между ними он доводит до предела, а то и до абсурда. Меньшинство, которое определяет правила экономической жизни и, следовательно, государственной политики, заинтересовано только в меновой стоимости. Капиталисты молятся только «жёлтому дьяволу», они ценят прежде всего деньги, которые получают от продажи изготовленных на их предприятиях изделий. Они вообще наплевали бы на потребительную стоимость, им и сейчас безразлично, что производится на принадлежащих им предприятиях. Но покупатель-то приходит на рынок за конкретными изделиями-товарами. Капиталистов интересуют не станки, производимые заводскими рабочими и специалистами, не конкретные продовольственные продукты, не суда, способные пересекать экватор. Им нужна прибыль и только прибыль. Поэтому алюминиевый магнат О. Дерипаска будет столь же удовлетворен, если его вскоре назовут автомобильным или никелевым магнатом.

Почему современная государственная статистика упирает прежде всего на стоимостные показатели, то есть на меновые стоимости? Потому что она служит буржуазному классу и обслуживающему его интересы государству. А они оценивают свою деятельность масштабами дохода, размером прибыли.

А теперь заглянем в статистические справочники эпохи советского социализма. Там практически всюду обращалось внимание на натуральные показатели. Государственная статистика тогда служила, как и всё государство, прежде всего человеку труда. А его, человека труда, как и общество в целом, интересовала произведенная продукция, которая измеряется в тоннах, километрах, гикакалориях, то есть потребительные стоимости.

Капитализм — любой, не только российский, который с гуманитарной точки зрения страдает чрезвычайной уродливостью, — извращает суть хозяйственной деятельности человека. Он оценивает богатство общества, ориентируясь прежде всего на размеры кошельков толстосумов. В них — прибыль, получаемая благодаря эксплуатации наёмных работников физического и умственного труда. Остальное ему — «до лампочки».

Вот из-за чего складывается «зазеркальная» картина практически во всех отраслях современной российской экономики. Об энергетике мы уже вели речь. Но похожие картины и в других производствах.

По данным официальной статистики, добыча каждого вида полезных ископаемых в России обеспечила прирост выручки в докризисном 2007 году от 20 до 25%. Однако как только мы переходим от добычи денег к добыче реальных ископаемых, благодатная картина тут

же улетучивается. Природный газ обеспечивает федеральный бюджет более чем на четверть. Но при этом его добыча в 2010 году снова упала — теперь на 1%. Добыча бурого угля снизилась на 6,4%.

Все последние годы страна сокращает добычу металлических руд. В прошлом году из металлических руд Россия снова снизила добычу бокситов (сырья для «летучего металла») на 5,9%. Добыча золота сократилась (который год!) на 2,4%, цинка — на 2,5%, молибдена — на треть и т. д. (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 388—389).

Если же обратиться к статистике производства пищевых продуктов, то картина ещё безрадостнее. Каждый год падает производство говядины (в 2007-м — на 7,6%), жиров, рыбы, икры, морепродуктов, рыбных консервов и т. п. Изготовление каждого третьего вида изделий текстильного и швейного производства в минувшем году опять пошло на убыль. Похожая картина почти во всех сферах отечественного «народного» хозяйства: выручка и прибыль собственников увеличиваются (в том числе за счёт необузданного роста цен), а реальное производство падает.

Социализм становится объективной необходимостью не только потому, что обеспечивает удовлетворение первичных потребностей трудящихся классов и слоёв российского общества. Его требует и функционирование экономики. И это — не совпадение, а проявление экономических закономерностей: ведь трудящиеся являются главной производительной силой общества. Высокий уровень общественного производства предполагает и требует **коллективного присвоения совокупного общественного продукта**. Производительные силы советского социализма (а они качественно не отличались от производительных сил современных капиталистических стран) давали возможность широко и разнообразно обеспечивать коллективное присвоение создаваемого обществом продукта. Насильственное внедрение буржуазного жизнеустройства даёт удивительно зримые примеры такой коллективности. Для этого достаточно обратиться к советской системе жилищно-коммунального хозяйства.

После ельцинско-гайдаровской шокотерапии и чубайсовской приватизации-ваучеризации навязываемая стране «реформа» ЖКХ является, по мнению многих аналитиков, третьим этапом наступления капитализма на Россию. Его смысл отнюдь не в улучшении обслуживания населения, а в навязывании частной собственности. Для тех, кто заинтересован во всевластии крупного частного капитала, это принципиально важно. Сейчас россиянин как бы раздваивается. На работе его принуждают жить по законам беспощадной частной собственности, а в быту он остаётся во многом в условиях

социалистического жизнеустройства: общая система отопления, водоснабжения, канализации, энергоснабжения... Даже телевизионная антенна, с помощью которой принимается сигнал телепередач, насаждающих махровый индивидуализм, и та коммунальная. Хозяева нынешней жизни с помощью жилищно-коммунальной реформы намереваются насильственно перевести россиян в принципиально иной быт, основанный на безоговорочном господстве частной собственности.

В этот новый быт нас заманивают вроде бы привлекательными калачами: обещают улучшение обслуживания благодаря конкуренции частнособственнических коммунальных структур. Рисуемая либералами идиллия такова: каждый владелец жилья ищет себе на свободном рынке партнёра, готового быстро и качественно выполнить его заказ. Лепота! Правда, если нет индивидуального заказчика, коммунальщик-собственник не ударит палец о палец.

Но давайте в эту воображаемую картину вдохнём хотя бы виртуальную жизнь. Начнём с поры повсеместного включения отопительных систем. Скажем, в стояке образовалась воздушная пробка. В результате практически в каждой из 17 квартир (возьмём для примера типовой 17-этажный дом) в одной из комнат нет тепла. Жилец с первого этажа первым не выдержал холода. Явившись по вызову и ликвидировав пробку, коммунальщик продал услугу одному покупателю и тем самым... лишил себя еще 16 покупателей. По нормам «цивилизованного» рынка это неправильно, несправедливо. Коммунальщик здесь поступил традиционно по-советски. Чтобы соответствовать строго буржуазному жизнеустройству, он должен научиться эту пробку... перегонять в каждую из 17 квартир.

В странах образцового капитализма нет единой коммунальной системы. Там каждый покупает себе мазут и расходует его по своему усмотрению в собственном радиаторе, отапливающем только его квартиру. Вот это — по-капиталистически. Но чтобы перейти к такому капитализму в жилищно-коммунальном хозяйстве, надо эту отрасль, созданную усилиями советского социализма, уничтожить. Только такое варварство обеспечит царство частной собственности в отечественном жилищно-коммунальном хозяйстве.

Для внедрения капитализма в наш быт надо точно так же индивидуализировать подачу горячей и холодной воды, электричества и всех иных коммунальных услуг. А это разорительно и для каждого из нас, и для общества, и для государства. Но только сделав полностью индивидуальными все коммунальные услуги, можно требовать от граждан их полной индивидуальной оплаты. Иначе либерально-рыночных отношений не будет, так как на капиталистическом рынке

не положено, не позволительно ни цента, ни копейки платить за соседа.

Созданное в нашей стране жилищно-коммунальное хозяйство решительно противится частной собственности. Это и сегодня видно невооружённым глазом. Возьмём для примера приватизацию квартир. Очень занимательная картина! По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, только чуть больше половины сограждан приватизировали своё жильё. Прямо скажем, не велик показатель. Россияне не побежали, задрав штаны, за показанной властью «морковкой» отчасти в знак протеста против наглого навязывания частнособственнического жизнеустройства. Отчасти — за... ненужностью. Оформили полученные при Советской власти квартиры в частную собственность лишь те, кто либо имеет для этого вполне конкретный житейский интерес, либо сознательно рвался включиться в насаждение капитализма (плюс не устоявшие под давлением телеоболванивания).

Однако давайте задумаемся, является ли приватизированная квартира действительно частной собственностью. Отнюдь. Приобретены только стены, пол и потолок (кстати, почти половина стен вашей квартиры является собственностью также ваших соседей-смежников, причём, как правило, не одного, а нескольких. Но современная квартира — это не столько стены, сколько ограниченные стенами коммунальные блага. А с их владельцем сплошная неразбериха. Ни батареи, ни трубы вам никто сегодня бесплатно менять не будет. Но это совсем не означает, что вы их собственник. Ими реально распоряжается не вы, а коммунальное предприятие. Оно даёт (или не даёт) тепло, холодную воду, горячую воду, регулирует систему канализации... И если коммунальное предприятие продадут в частные руки, в этом смысле положение ничуть не изменится.

Выходит, приватизированная квартира находится в частной собственности лишь отчасти. А если посмотреть платёжку, то обнаружится, что у тех, кто не оформил собственность на жильё, плата за наём в минувшем августе составила... 1,2% месячной цены жилищно-коммунальных услуг (без электроэнергии). Выходит, частная собственность жилья в многоквартирных домах очень условна. Ей, частной собственности, сопротивляется само современное отечественное жилищно-коммунальное хозяйство. Кстати, условность проведённой в 90-е годы приватизации жилья признаёт и нынешняя власть. Не случайно законом о местном самоуправлении фактически допускается возможность его вторичной приватизации. Рьяные приверженцы капитализма хотели бы видеть в частной собственности не квартиры, а целиком дома, а то и микрорайоны. Тогда их владельцам могли бы принадле-

жать и предприятия ЖКХ, обслуживающие такие районы. Правда, это смахивает на маниловщину, так как коммунальная служба при современном уровне жизни российского населения в принципе не способна обеспечивать хотя бы среднюю норму прибыли. А нувориши соригентированы только на сверхприбыль.

Главное же в том, что созданное при Советской власти жилищно-коммунальное хозяйство не приспособлено даже к такому варианту собственности. Невживляемость чисто либеральных моделей в отечественный ЖКХ отчасти вынуждены признавать и сами либералы. Идеологи всевластия капитала фактически признают, что созданное советским социализмом коммунальное хозяйство и частная собственность не совместимы.

Таким образом, социализм становится не только необходимым в результате высокого уровня обобществления, достигаемого капитализмом. Он сам создаёт новый уровень обобществления производства (не путать с юридическими формами обобществления предприятий и других производственных структур), что ведёт к резкому обострению как экономических, так и социальных и политических противоречий в процессе капиталистической реставрации, сокращая и без того её исторически ограниченный срок.

Противоестественность капиталистических стандартов жизнеобеспечения в реальных условиях нашей страны нашла достаточно полное отражение в аналитическом докладе ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян». При этом стоит обратить внимание на то, что это исследование, весьма точно отражая структуру российского общества, оказалось изучением общественного мнения прежде всего работников наёмного труда, то есть современного российского пролетариата. Только 3% респондентов назвали основным источником дохода предпринимательскую деятельность. Ещё 4% опрошенных указали, что живут на доходы от собственности и сдачи недвижимости в аренду. Конечно, эти цифры не следовало бы суммировать, так как получать доходы от предпринимательства может лишь тот, кто владеет средствами производства. К тому же, по данным Росстата, в стране всего около 1 млн. работодателей, то есть менее 1,5% экономически активного населения. К тому же респонденты, отвечая на этот вопрос, могли указывать не одну, а несколько позиций. Но даже если всего этого не принимать во внимание, то всё равно 93% сограждан, будучи, как правило, наёмными работниками, оценивают влияние кризиса на свою жизнь совсем иначе, чем предприниматели и рантье.

Оценка жизни людьми труда тех явлений и процессов, которые связаны с кризисом, куда понятнее, содержательнее, человечнее.

Опираясь на данные исследования ИС РАН, можно с полным основанием утверждать, что ключевой проблемой для наших сограждан является низкий уровень жизни большинства населения. Именно на него указал в 2011 году каждый второй опрошенный. Неудивительно, что при низком уровне жизни россиян крайне волнует всё, что усугубляет экономическое положение абсолютного большинства наших людей. Социологи особенно подчёркивают, что **«безусловным лидером среди тревожащих россиян явлений в жизни российского общества выступает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей**, непосредственно затрагивающие абсолютно всех граждан страны, имеющих постоянное место жительства». Недовольство ростом жилищно-коммунальных платежей содержится в 57% ответов.

На повседневное бытие россиян негативно влияют, снижая уровень жизни, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, коррупция и засилье бюрократии, рост цен на товары и услуги, рост алкоголизма и наркомании. При этом исследователи ИС РАН отмечают высокий уровень озабоченности наших граждан не только личными проблемами и неурядицами, но и положением в обществе. Обращают внимание на то, что сейчас на социальные чувства, испытываемыми россиянами, гораздо сильнее, чем несколько лет назад, влияет тревога по поводу развития в стране негативных процессов, чем их личное положение. Более того, учёные считают такие изменения закономерными.

Исследователи также отмечают, что низкий уровень жизни значительной части населения беспокоит граждан с самыми разными доходами. Социологи обнаружили, что в разных имущественных группах наблюдается примерно одинаковая тревога в связи с высоким уровнем безработицы, ростом преступности, вымиранием населения. К сожалению, они не стали объяснять причины таких совпадений. Думается, здесь надо иметь в виду как сохранившиеся в массовом сознании элементы советского коллективизма, так и... полярные интересы разных сегодняшних социальных групп. Низкий уровень жизни и безработица тревожат малоимущих потому, что существенно ухудшают их положение. У обеспеченных слоев эти же явления вызывают беспокойство тем, что могут привести к социальной нестабильности, которая способна создать угрозу их благополучию.

Серьёзного внимания заслуживает фиксация заметных изменений общественного сознания, происходящих под влиянием современного кризиса (см. *таблицу 5*).

Таблица 5.

**Процессы в жизни страны,
вызывающие у россиян наибольшую тревогу, %
(допускалось до 5-ти ответов)**

Явления и процессы	2008	2011
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	46	57
Низкий уровень жизни значительной части населения	42	50
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	36	45
Коррупция, засилье бюрократии	24	44
Рост цен на товары и услуги	63	40
Рост алкоголизма, наркомании	47	34
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	46	30
Быстрое вымирание населения России	23	29
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	13	24
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	19	16
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	13	14
Возможность новых терактов	15	14
Наличие межнациональных противоречий в обществе	13	9
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	24	9
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	12	7
Сохранение напряжённой ситуации в Чечне и вокруг неё	8	6
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	2	4
Охлаждение отношений России с Западом	17	3

По сравнению с предкризисным периодом выросла тревога россиян в связи со снижением уровня жизни населения. В повседневной действительности это связано с ростом жилищно-коммунальных платежей (доля обеспокоенных увеличилась на 11%) и сокращением доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению

(на 9%). Остаются крайне высокой (40%) неудовлетворённость ростом цен. Шлейф инфляции постоянно сопровождает экономическую политику российской буржуазной власти. В «спокойные» периоды ценовые скачки вызывают даже большую тревогу, чем в пору кризиса, когда раздражающих факторов становится значительно больше: инфляция во время экономического кризиса кажется более понятной, чем в «тучные годы». Думается, по этой же причине в 2011 году граждане выражали меньше, чем в 2008-м, недовольства наступлением алкоголизма и наркомании, ростом числа детей-сирот, увеличением числа беспризорных и безнадзорных детей.

Заслуживает внимания почти шестикратное снижение тревоги по поводу охлаждения отношений России с Западом. Сейчас этим обеспокоены лишь 3% россиян. Объяснение, думается, на поверхности: одни поверили, что кризис «пришёл с Запада», другие не забыли, как Запад усердствовал, чтобы заменить не болевший подобной хворью социализм капитализмом, хронически страдающим кризисами подобного типа, третьи увидели, что инициированная Америкой «перезагрузка» не принесла никаких благ ни им, ни России.

Социологи дают несколько иное объяснение изменениям в общественном мнении: «Относительно меньшую значимость для россиян стали иметь проблемы, с которыми большинство из них сталкивается не столько на собственном жизненном опыте (за исключением роста цен), сколько в виртуальном пространстве, во многом формируемом повесткой дня СМИ. Выросла же в их глазах значимость проблем, которые отчасти являются результатом их собственного повседневного опыта (рост жилищно-коммунальных платежей, низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению), а отчасти — результатом смены повестки дня в СМИ (как, например, быстрое вымирание населения России)».

Конечно, влияние «серого ящика» огромно, тем не менее абсолютизировать роль СМИ не следует. Опрос показал, что большинство россиян и до кризиса, и сейчас практически не обращают внимания на «ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ». И неудивительно: доминирующие либеральные средства массовой информации слишком мало озабочены бедами «простого» народа либо откровенно спекулируют на них.

Социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян» показало, что в пору кризиса наиболее заметно выросла тревога наших граждан **«коррупцией и засильем бюрократии, с одной стороны, и низкая правовая культура людей, их неумение бороться за свои права — с другой. Рост тревожности по**

этим позициям, во многом являющимся двумя сторонами одной медали, всего за три года был практически двукратным» (выделено в исследовательском докладе. — В.Т.).

Однако едва ли эти два тревожных процесса целесообразно рассматривать в единстве, как «стороны одной медали». Каждая из этих позиций сама представляет двустороннюю медаль. Начнём с того, что ни коррупцию нельзя свести к засилью бюрократии, ни засилье бюрократии к коррупции. Сливать их в один сосуд можно только при условии, когда основным социальным противоречием рассматривается противоречие между государством и гражданским обществом. Но современная Россия, как и почти весь остальной мир, живёт под знаком антагонизма труда и капитала. Осуществлять «перепутаницу» из этих противоречий нецелесообразно, да и непозволительно.

Как отмечают социологи, «есть лишь несколько позиций, по которым среди тревог-лидеров наблюдается очень существенная групповая разница. Это, прежде всего, отношение к коррупции и засилью бюрократии. Хотя, казалось бы, сильнее страдать от них должны низкодоходные слои, у которых нет денег на взятки, но беспокоит коррупция в большей степени как раз благополучные слои населения». Беспокойство по поводу коррупции и засилья бюрократии высказали соответственно 36% и 54%, то есть разрыв полуторакратный.

Эти различия имеют классовую природу. «Низкодоходные слои» — это прежде всего наёмные работники, пролетарии (напомним: 77% опрошенных живёт на заработную плату), а «благополучные слои населения» в основе своей буржуазны. Ясно, что пролетариям приходится иметь дело с чиновниками, которые побуждали бы давать взятки, куда реже, чем любым дельцам и их обслуге. Но принципиальное значение имеет другой фактор: наёмный работник на своей шкуре познал, что его основным супостатом является капиталист-работодатель, для него засилье бюрократии является продолжением засилья нуворишей. Немудрено, что «благополучные слои» такую позицию не разделяют.

Тем более странно, когда оказываются «в одном флаконе» низкая гражданская и правовая культура людей и неумение бороться за свои права. Очевидно, что дефицит правовой культуры проявляется при общении предпринимателей и ведущих менеджеров между собой и государством, а борьба за свои права — это, в первую очередь, сфера отношений между трудом и капиталом. Исследователи ИС РАН признают, что в отношении респондентов и к «коррупции, засилью бюрократии», и к «низкой гражданской и правовой культу-

ре людей, неумению бороться за свои права» проявляются «мировоззренческие особенности» (говорить о классовом положении авторы доклада явно «стесняются»).

В то же время надо согласиться с исследователями, что «среди факторов, влияющих на степень обеспокоенности обеими этими проблемами, помимо мировоззренческих особенностей респондентов», следует учитывать и другие факторы, в частности «ключевую роль играет регион проживания». При этом социологи признают, что «регионы с „пиковыми“ показателями по ним не совпадают между собой».

Региональный аспект тревожности по поводу безразмерного масштаба коррупции несомненно представляет большой общественный интерес. По степени обеспокоенности респондентов высокой коррупцией лидерами являются Ростовская область (64% включили эту проблему в пятерку своих основных тревог), Москва (60%) и Рязанская область (58%). Кстати, исследователи отнесли эти регионы к числу лидеров плохого социально-психологического состояния населения. «Аутсайдерами» же по озабоченности коррупцией являются Хабаровский край (24%) и Новосибирская область (29%).

Думается, разгадка в таком региональном раскладе очень связана со степенью засилья «Единой России» в том или ином регионе. Москва и Ростовская область давно превратились в вотчину «партии власти», в последние годы к их числу активно присоединилась и Рязанская область. А в Хабаровском крае и Новосибирской области «единороссов» частенько одергивают коммунисты, имеющие в этих регионах заметное влияние.

После выяснения отношения россиян к проблемам страны социологи перевели стрелку на личные проблемы граждан. Они спросили, что делает их жизнь неустроенной. Оказалось, что она становится таковой из-за обострившихся проблем страны. Респонденты особенно часто называли плохое материальное положение (38%), отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности (31%), отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы (19%), проблемы с жильём (19%). Но все эти проблемы имеют общую природу: несправедливые распределительные отношения в обществе. У 20% россиян делают неустроенной жизнь проблемы, связанные с работой. В основе таких проблем обычно лежат отношения, порождаемые общественной организацией труда, а то и непосредственно отношения собственности на средства производства. Иначе говоря, все перечисленные проблемы зависят от производственных отношений, являющихся базисом общественного жизнеустройства. 19% опрошенных ут-

верждают, что неустроенной их жизнь делает незащищённость от насилия. Но это — тоже проблема общественных отношений. Правда, она порождается не только базисом, но и надстройкой.

Проблемы, которые носят действительно личный характер, то есть мало зависят от типа общественных отношений, куда реже делают жизнь россиян неустроенной. Действительно значимыми оказались для россиян проблемы, связанные со здоровьем (при нынешней платной медицине они тоже всё чаще приобретают общественный характер). У 15% опрошенных жизнь делают неустроенной семейные проблемы, у 7% — вредные привычки, у 5% — одиночество, у 4% — отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями (впрочем, зачастую оно прямо связано с непомерными транспортными тарифами). И ещё 4% респондентов считают, что их жизнь сделало неустроенной отсутствие внимания со стороны других людей.

Социологи попросили респондентов выставить оценки различным аспектам своей жизни и определить разницу между хорошими и плохими оценками. Выяснилось, что негативные отзывы преобладают только в вопросе об общей материальной обеспеченности, возможности отдыха в период отпуска и уровне личной безопасности, то есть в сферах определяемых характером социально-экономического и политического жизнеустройства общества. Наиболее распространёнными (во всех сферах, кроме сферы семьи) остаются оценки «удовлетворительно»: их выставляет более половины населения. Но при этом по всем позициям, за исключением оценок ситуации в семье, картина за прошедший год ухудшилась. Сотрудники ИС РАН сочли такое положение парадоксальным: «объективно 2010 г. можно охарактеризовать как вполне успешный с точки зрения окончания наиболее острой фазы глобального экономического кризиса и роста доходов населения».

Однако ухудшились не только оценки населением отдельных сфер бытия, но и своей жизни в целом. Доля считающих, что жизнь у них складывается хорошо, в марте 2011 года составляла менее 30%. Втрое выросла и разница положительных и отрицательных оценок россиянами своего материального положения. Ухудшились также оценки ситуации с питанием и одеждой.

Учёные справедливо делают нерадостный вывод: произошла **«утрата россиянами надежд на то, что выход страны из кризиса принесёт с собой качественный перелом ситуации, повлекшая за собой и общий рост их неудовлетворённости»**. Видимо, в начале кризиса россияне рассчитывали, что... он коснётся всех в более-менее в равной степени. Однако, **когда, по мнению насе-**

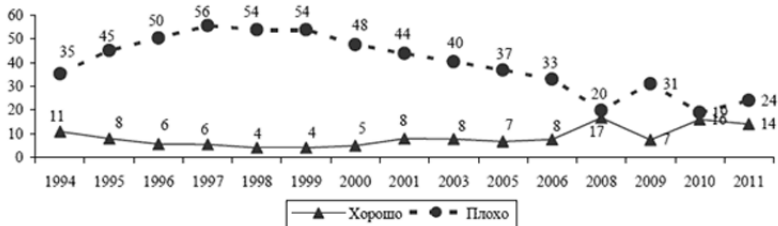
ления, вся тяжесть кризиса оказалась возложена на рядовых граждан, а из острой его фазы страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, то население «ответило» на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью... (выделено авторами исследования. — В.Т.).

Россияне поняли или, по крайней мере, ощутили, что под лозунгами необходимости повышения эффективности российской экономики и преодоления последствий разразившегося кризиса началось масштабное долгосрочное наступление на права и благополучие рядовых граждан, что падение их доходов (если не в абсолютной, то в относительной форме) в кризис — это не временное явление, что докризисные времена уже не вернутся независимо от того, что будет происходить с ценой на нефть и дефицитом бюджета» (выделено мной. — В.Т.).

Справедливость такого заключения обусловлена тем, что социально-экономические и общественно-политические процессы в современной России определялись не только кризисом капиталистической экономики. Этот мировой кризис наслои́лся на системный кризис, который в РФ продолжается уже два десятилетия. Это — кризис, порождённый реставрацией капитализма, когда «августовские победители», навязав стране регрессивные производственные отношения, оказались не способными освоить те производительные силы, которые достались им от советского социализма. Результаты исследования ИС РАН говорят именно в пользу такого вывода. Посмотрим для примера динамику ответов о материальном положении россиян в течение последних 15 лет (см. рисунок 7).

Рисунок 7.

Оценки своего материального положения как «хорошего» или «плохого», %

За годы, прошедшие после буржуазной контрреволюции 1991—1993 годов, ни разу хорошие оценки материального положения не выходили за границы верхней 20-процентной группы россиян, в которой полностью уместается «благополучные слои» населения РФ. Пик имущественной поляризации, по данным опросов ИС РАН, приходится на последефолтный период, когда людей с плохим материальным положением было в 13,5 раза больше, чем людей, признававших своё материальное положение хорошим. Впрочем, картина изменилась мало (см: Тенденции на рынке труда // Статистический бюллетень. 1912. № 3 http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_04/lssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm).

Вот и масштабное социологическое исследование ИС РАН установило, что «считают себя выигравшими от проводимых в России с 1992 г. реформ всего 10% населения; проигравшими — 26%. 35% респондентов полагают, что они не выиграли и не проиграли. 29% затруднились с ответом на данный вопрос (на 60% это люди, которым в момент реформ было менее 20 лет)».

А теперь вспомним характеристику состояния российского общества, которую дал один всемирно известный социолог: «Каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте “ущемления” главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост “ущемления” не вызывался. Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте неспособности их к существующим условиям...»

Для наступления революции необходимо, чтобы “ущемление” охватывало **если не подавляющее большинство, то, во всяком случае, значительную часть членов общества**. Ущемление у небольшой части общества существует всегда и ведёт к единичным нарушениям порядка, носящим название “преступлений”. Когда же это ущемление становится массовым, оно ведёт к массовому нарушению и низвержению порядка,... и из “преступлений” превращаются в “революцию”... Что мы имели перед русской революцией 1917 г.?.. Какая группа была предрасположена к ней? Да чуть ли не все 96% населения.... “Ущемляющий” режим был снесён. Что дала Февральская революция массам рабочих? Кроме бумажных свобод — почти ничего. Она не улучшила их экономического положения, напротив, голод усилился,... кругом царила та же роскошь “буржуев”, мозолившая им глаза.... Октябрь был предreshен...». Достаточно точная характеристика ситуации, не правда ли?

Кто тот автор, который поставил такой анамнез и диагноз? Член

ЦК партии правых эсеров, помощник председателя Временного правительства А.Ф. Керенского Питирим Сорокин. Так он писал в книге «Современное состояние России» в 1922 году.

Впрочем, куда точнее охарактеризовал общенациональный кризис В.И. Ленин. Он в частности подчёркивал, что для коренной смены социально-экономической и общественно-политической системы требуется не только объективные условия, но ещё и субъективный фактор.

Масштабное исследование социологов «20 лет реформ глазами россиян» практически подтверждает системный кризис современного российского общества. В нём сделан важный вывод: «Социально-психологическое состояние россиян, чувства, которые они испытывают, во многом обуславливаются теми реалиями, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни... Сложившийся в России тип социума представляется её жителям несправедливым и нетерпимым».

Исследование ИС РАН показало, что неумением бороться за свои права встревожено 24% россиян. Это каждый четвёртый соотечественник. Как много! Особенно если учесть, что в канун экономического кризиса это неумение вызывало тревогу лишь у 13% сограждан, но за три года современного экономического кризиса прирост составил 11%, то есть произошло почти удвоение тех, кто стал думать о защите прав униженных и эксплуатируемых.

24% — как мало! Критически мало для серьёзных политических действий. В стране не сформировалось большинство, готовое поддержать протест пролетарского авангарда. Тем более, что обеспокоенность неспособностью бороться за свои права неодинакова в разных частях нашей страны, к тому же особенно низкая она в столице. Социологическое исследование показало, что в наибольшей степени эта обеспокоенность характеризует Хабаровский край и Воронежскую область (по 35%), а также Красноярский край (33%). В то же время в Москве тревогу по поводу неумения бороться за свои права выражали лишь 20% опрошенных, в Ростовской области — 16%, в Рязанской — 13%.

Отсюда вывод: самым актуальным положением нашей партийной Программы является требование «внесения социалистического сознания в массы трудящихся». В своём главном партийном документе партия взяла перед трудящимися обязательство «всячески содействовать осознанию широкими слоями трудового народа их интересов, определяющей роли рабочего человека в спасении Родины, в повороте страны на путь прогрессивного развития. Непременное условие достижения этих целей — повышение политической активности трудящихся, вовлечение их в общенациональное

движение за возрождение социализма, за свободу и целостность России, за восстановление Союзного государства». Без решения этой задачи возвращение нашей страны на магистральный путь прогресса человеческой цивилизации невозможно, даже если объективные условия для этого созрели.

Выше уже приводилось ленинское предупреждение: «Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниёт, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия». За такое гниение ответственность ляжет на нас. Поэтому в каждой избирательной кампании КПРФ борьба за голоса избирателей и депутатские мандаты должна быть подчинена внесению социалистического сознания в многомиллионный класс наёмных работников физического и умственного труда и его стратегических союзников. Этого требует партийная Программа. Это необходимо, ибо классом, заинтересованным в социалистическом жизнеустройстве, является прежде всего пролетариат, социально-политическим ядром которого является индустриальный рабочий класс.

В знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин писал: «Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжёлых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 208*).

Современный облик рабочего класса

Сколько же расплодилось лукавцев, которые из всех сил тужатся представить дело так, будто нет в современной России никаких классов. Видно, на самом-то деле классы их достали до самых печёнок, если хотят с помощью заклинаний спрятаться от них. Видно, успели они срастись с нынешним капитализмом, если жаждут укрыться от классовых противоречий, рвущихся перерасти в антагонизмы. Вот и вопиют на всю Ивановскую: «Сгинь, нечистая!». Но нечистая, то бишь классы, существует — и ни в зуб ногой.

Самое полное определение классов принадлежит В.И. Ленину: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» (там же. Т. 39. С. 15).

Ни Ленин, ни Маркс классов не выдумывали. Уже в XVIII веке французские исследователи уверяли, что вся история человечества представляет собою борьбу аристократии и народа. Но задолго до них, ещё в IV столетии до нашей эры на существование больших социальных групп указал античный философ Платон. Поскольку рабов в Афинах той поры за людей не считали, то он разделил на три большие группы свободных граждан полиса. Им были выделены мудрецы-правители, стражи-воины и ремесленники (см.: Платон. Государство // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 1. — М.: Мысль, 1997. С. 87—90). Почему и как они появились?

По мнению Платона, до появления любого предмета — рукотворного ли, или естественного — существует его идеальный образ, идея. Предмет же появляется как её воплощение. Так объяснялось появление не только, скажем, стульев и сосудов, но и мудрецов, воинов и ремесленников. При этом древний мыслитель был, правда, уверен, что, во-пер-

вых, если есть идея какого-либо объекта, то неизбежно и его существование, во-вторых, он допускал, что в реальной жизни повседневное поведение людей может всё же отклоняться от идеальных канонов.

О Платоне вспомнилось сейчас не ради того, чтобы рыться «в хронологической пыли бытописания Земли». К этому побуждают очень актуальные, злободневные события. В последнее время частенько приходится слышать, что поскольку ленинское определение классов было дано 90 лет назад, когда не было компьютеров и мировой паутины Интернета, то оно, конечно, устарело. Тем более не современно знаменитое положение К. Маркса о том, что классовая борьба и революции — вот истинные локомотивы истории. Но при этом нынешние претенденты в мудрецы и социальные аналитики ничуть не стесняются повторять Платона, жившего 24 века назад. Что? Они не подозревают об этом своём прегрешении? Вероятно. Но незнание не освобождает от ответственности.

Ряд товарищей отрицает существование рабочего класса лишь на том основании, что большинство нынешних наёмных, эксплуатируемых работников преимущественно физического труда ведут себя «неправильно». В головах этих товарищей сидит замечательная идея: рабочий класс должен обладать пролетарским классовым сознанием, он должен быть в авангарде протеста против компрадорско-олигархического режима. И вот они примеряют реальных людей, горбятящихся на новых хозяев, которые прихватизировали фабрики и заводы, к лекалам своей идеи. И обнаруживают, что прокрустову ложу их идеи сегодняшние рабочие не очень-то соответствуют. Появляется скоропалительный вывод: рабочего класса в нынешних условиях реставрации капитализма в России нет. Значит, надо пересмотреть «устаревшие» воззрения Маркса—Энгельса—Ленина. Чем не заурядный идеализм, заложенный Платоном?!

Марксистско-ленинская теория прочно поставила представление о классах на единственно надёжную — материалистическую основу.

Чтобы обеспечить себя условиями существования и развития, люди берут необходимое для жизни, в конечном счёте, у природы. Но они не могут сделать этого поодиночке, изолированно. Независимо от своей воли они в процессе производства материальных условий своей жизни вступают в производственные отношения. Это и есть базис общества. На нём возвышаются и зависят от него политика и право, религия и нравственность и т. д. И сколь бы ни были важны информация и информационные технологии, насытиться хлебом и мясом, изображаемыми на мониторе компьютера или телеэкране, невозможно, как невозможно спрятаться от дождя под виртуальным плащом и виртуальным зонтом.

При капитализме люди формально равны и свободны. Но из-за того, что они занимают разное место в отношениях собственности, в обществе существует реальное социальное неравенство. Сепаратор производственных отношений капитализма разогнал людей в две неравные группы – буржуазию и пролетариат. Буржуазия первой осознаёт своё положение в обществе, осознаёт свои интересы и ведёт за них непримиримую борьбу. Финансируя (а по сути ссужая) кандидатов, она получает услужливых депутатов и президентов, которые принимают нужные капиталу законы и указы. Она подсаживает персоны подходящих министров президенту и премьеру. Да они и сами понимают, у чьего корытца стоят. Заметьте: ни один президент РФ (за два десятилетия их было три) ни разу не приглашал к себе «на совет» рабочих, а с магнатами встречается практически ежемесячно.

Но почему рабочие-то ведут себя покорно? Понимают, что их протест поодиночке и небольшими группами неизбежно обречён на поражение. Ведь они в кольце блокады, выстроенной разными отрядами их противников. «Свой» капиталист симпатии не вызывает, но он хоть «даёт» работу и зарплату. Государство не защищает ни от роста цен, ни от блошиных скачков тарифов, но при этом регулярно потрошит карманы граждан, взимая налоги. О том, сколько претензий к муниципальным органам, и вспоминать неохота. Телевидение без конца бессовестно лжёт. В такой ситуации рабочему прийти к выводу, что ключевым супостатом является буржуазный **класс**, совсем не просто.

Остаётся ждать партию, которая заявит о себе — прежде всего повседневными делами, — что она и есть политический оплот пролетариата. Такая партия есть. Это — коммунисты. Но уж больно часто наши партийцы хотят быть партией «всего народа». Более того, некоторые даже не замечают рабочего класса, потому что он, реальный, не соответствует угнездившейся в их голове идее о Пролетариате-Прометее...

Да, общение с рабочими затруднено. Вот секретарь Можайского райкома КПРФ (Московская область) так и пишет в «Правду»: «Положение марксизма-ленинизма об исторической миссии рабочего класса сегодня в России может вообще не найти применения по многим причинам. Вот главные из них. Продолжается процесс деиндустриализации России, осуществляется нравственная и духовная деградация трудовых коллективов,... отсутствует какая-либо работа партийных отделений КПРФ в производственных и трудовых коллективах». Так что создаёт проблемы — марксизм-ленинизм или неспособность идти к рабочим?

От мира платоновских идей перейдём к реальному обществу. Обратимся прежде всего к статистике – к официальному изданию Росстата «Экономическая активность населения России». Оно сообщает, что в конце позапрошлого года всего было занято в экономике 69,4 млн. человек. Численность имеющих работу по сравнению с 2000 годом ежегодно прирастала и за межкризисный период увеличилась на 6,5%.

Но к числу занятых относятся и Путин с Чубайсом, и Прохоров с Вексельбергом... Поэтому данная цифра — не более чем печка, от которой можно плясать. Росстат уточняет, что для 59,7 млн. человек местом основной работы являются организации. Под этой вывеской в государственной статистике значатся заводы, фабрики, стройки, шахты, сельхозпредприятия, вузы, школы, клубы и т. д. В ведущих отраслях промышленности — добыче полезных ископаемых, и в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — в организациях заняты более 99% работников. При этом их доля в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица не превышает 0,2—0,3%, а работает по найму у отдельных физических лиц — 0,4—0,6%. Близкие показатели и в обрабатывающих отраслях. В стране вообще очень высокая концентрация производства, несмотря на навязанное режимом в 90-е годы массовое четвертование предприятий.

А вот цифра, которую официальная статистика обычно старается не показывать — численность капиталистов. По результатам декабрьского обследования 2009 года Росстат дал и её — 1 млн. 30 тыс. В стране на 108 млн. взрослого населения 1 млн. капиталистов. Выходит, этой социальной нечисти в РФ около 1% (см.: Экономическая активность населения России. — М.: Росстат, 2010. С. 55—56). Тремя миллионами организаций владеет миллион дельцов. На примере Абрамовича, Потанина, Прохорова, Фридмана и т. п. мы знаем, что в собственности толстосумов бывает и по доброму десятку организаций. Выходит, что концентрация капитала в России даже выше, чем концентрация производства.

Теперь посмотримся в противоположный социальный полюс. Если на полюсе богатства и экономического принуждения мы выделили частных собственников, то на другом полюсе целесообразно рассматривать их противоположность — наёмных работников, эксплуатация труда которых приносит прибыль владельцам-толстосумам.

В частнокапиталистическом секторе (без мелкого предпринимательства) занято примерно 38 млн. наёмных работников. Но в их число формально входят и директора предприятий, и топ-менеджеры, то есть люди, обеспечивающие вращение механизма эксплуа-

тации труда капиталом. По оценке экспертов, к этой категории правомерно отнести до 3 млн. человек. Итак, на 1 млн. владельцев крупных и средних предприятий приходится примерно 35 млн. эксплуатируемых ими наёмных работников.

А теперь прикинем численный состав индустриального рабочего класса. Данные Росстата, опубликованные на исходе XX века, свидетельствуют, что тогда численность рабочего класса в России составляла свыше 30 млн. человек, или около 50% всего экономически активного населения. При этом 10 млн. человек были промышленными рабочими. В целом же наёмные работники преимущественно физического исполнительского труда, подвергающиеся эксплуатации капитала, составляли 48,6% населения, которое было занято в экономике.

А теперь воспользуемся результатами обследования Росстата, проведённого в канун современного экономического кризиса в декабре 2007 года (см.: Российский статистический ежегодник. — М.: Росстат, 2008. С. 140). Доля работников, занятых преимущественно физическим исполнительским трудом, поднялась до 54,9%. Иначе говоря, из 70,3 млн. россиян, занятых в экономике, 38,6 млн. составляли наёмные работники физического исполнительского труда. А вот данные об индустриальных рабочих России (см. таблицу 6).

Таблица 6.

**Численность индустриальных рабочих
в 2007 году (тыс. чел.)**

Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	10600
Операторы, аппаратчики и машинисты установок и машин	8432
Неквалифицированные рабочие	6840
Всего	25872

Таким образом, в канун экономического кризиса индустриальные (только индустриальные) рабочие составляют более 36,5% занятого населения России. В таких условиях говорить об отсутствии рабочего класса в стране могут только политические слепцы. Фактическая задача дня касается не существования рабочего класса, а организации пролетарской классовой борьбы. Но она давно и точно определена В.И. Лениным: «Борьба рабочих становится классовой борьбой лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим

классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против **всего класса** капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства... Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними **превратить** их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определённой политической **партии** за определённые политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 187—188).

Однако многих аналитиков смущает, что производственная база, с которой был связан труд этих рабочих, неуклонно деградирует. И эти миллионы тружеников кажутся всего-навсего продуктом «остаточной деформации» после жёсткого капиталистического насилия над рабочим классом СССР. Потому в массовом сознании, а также среди политиков и исследователей широко распространено мнение, будто в современной России... нет рабочего класса. Это делает особенно актуальным анализ динамики работников исполнительского физического труда в современном российском обществе. Конечно, существование пролетариата, основной и важнейшей частью которого является рабочий класс, определяется не характером и содержанием труда, а сущностью производственных отношений — прежде всего отношениями собственности, наличием эксплуатации человека человеком, превращением рабочей силы в товар.

Стереотипы общественного сознания опровергает объективная реальность. И численность, и доля тех, кого мы традиционно относим к рабочему классу, в «тучные 2000-е» существенно выросли. Не замечать рабочего класса, составляющего более половины занятого населения (2008 г.), в состоянии разве что окончательно утратившие зрение. Более того, его нынешняя численность в полтора раза больше численности рабочих всех отраслей экономики СССР в 1940 году. А ведь РСФСР составляла только половину Советского Союза. К тому же мы сравниваем с предвоенным 1940 годом, когда социалистическая индустриализация была в основном завершена.

Кризис, конечно же, повлиял на численность и структуру как всего занятого населения, так и наёмных работников преимущественно физического исполнительского труда. В 2009 году в РФ было занято в общественном производстве 69,4 млн. человек, то есть почти на 1 млн. меньше, чем до кризиса. Поскольку депрессия наиболее сильно дала о себе знать в сфере материального производства, то следствием стало сокращение численности рабочего класса и его доли среди занятого населения России. По данным Росстата, преимущественно физическим исполнительским трудом в услови-

ях кризиса было занято 32,6 млн. человек. Это примерно 47% занятого населения РФ (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 138). Однако указанное сокращение рабочего класса скорее всего отражает лишь влияние очередного циклического упадка в российской экономике, а не долгосрочную тенденцию.

К тому же общий массив нынешних рабочих даёт слишком общее представление о современном рабочем классе. Сюда входят наёмные работники преимущественно физического труда не только, скажем, машиностроения или железнодорожного транспорта, но и таких отраслей, как торговля и сельское хозяйство. А это и по объективному социальному положению, и по своему мировидению преимущественно полупролетарские слои. Поэтому есть смысл выделить индустриальных (плюс редких постиндустриальных) рабочих.

Численность индустриальных рабочих является хорошим зеркалом состояния общества. Причём всех его сторон — от демографической ситуации до экономической (кстати, и 1999, и 2009 гг. являются одинаково кризисными: в первом случае был дефолт, во втором — экономический кризис, приобретающий признаки системного). Но сначала — факты на стол. Вернее, цифры, опубликованные Федеральной службой государственной статистики (см. таблицу 7).

Выходит, к началу 2010 года индустриальных рабочих в России было даже больше, чем в РСФСР во время Всесоюзной переписи населения 1959 года. А ведь это были годы, когда рабочий класс безоговорочно признавался ведущей силой советского общества. К тому же сегодня следовало бы учесть не только тех рабочих, которые заняты на производстве, но и тех, кто составляет «резервную армию труда». По данным Росстата, в 2004 году среди работников преимущественно физического труда в индустриальной сфере безработные составляли 4,2 млн. человек, а в 2009 году их численность превысила 5,2 млн., то есть выросла в 1, 2 раза (см.: Российский статистический ежегодник. 2000. Статистический сборник. — М.: Госкомстат, 2000. С. 113; Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 138).

Итак, в качестве важнейшей тенденции становления социальной структуры российского общества, порождённого реставрацией капитализма, следует признать сохранение за индустриальными рабочими положения самого многочисленной социальной группы среди экономически активного населения Российской Федерации.

Конечно, целесообразно более внимательно взглянуть на изменения, происшедшие в рабочем классе за минувшее десятилетие.

Таблица 7.

Динамика занятых индустриальных рабочих (тыс. чел.)

	1999	2009	в 2009 к 1999, в %
Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	3741	2901	77,5
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	3664	3738	102,0
Рабочие, занятые изготовлением прецизионных приборов и инструментов... рабочие полиграфического производства	182	182	100,0
Профессии рабочих транспорта и связи	943	1067	113,1
Рабочие кино-, телестудий и родственных профессий, рабочие, занятые на рекламно-оформительских и реставрационных работ	45	42	93,3
Другие квалифицированные рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр и т. д.	459	1616	352,1
Операторы машин, механизмов, аппаратчики, машинисты промышленного оборудования	2184	2018	92,4
Водители и машинисты подвижного оборудования	6518	6279	96,3
Неквалифицированные рабочие, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи...	502	790	157,4
Профессии неквалифицированных рабочих, общие для всех отраслей экономики	2356	5745	243,8
ИТОГО	20594	24378	118,4

Источник: Российский статистический ежегодник. 2000. Статистический сборник. — М.: Госкомстат, 2000. С. 113; Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 138.

Они, во-первых, являются следствием процессов, характеризующих экономику этапа реставрации капитализма, во-вторых, несут на себе печать политики правящих кругов РФ.

Прежде всего попытаемся осмыслить изменения, происходящие среди наёмных работников физического и умственного труда, занятых в промышленности (промышленном пролетариате). Численность занятых в промышленности в 2009 году по сравнению с 1999 годом сократилась на миллион человек (14,3 млн. и 13,3 млн. человек соответственно). А вот промышленно-производственный персонал сократился более чем на 1,5 млн. человек. Это значит, что численность занятых в промышленности в последнее десятилетие подерживалась в значительной степени за счёт роста чиновничества, охранных служб и других категорий наёмных работников, которые являются продуктом паразитического характера современного капитала.

Изменения, однако, произошли и в самом промышленно-производственном персонале (ППП). Внутри ППП сокращение коснулось в основном рабочих, а численность разного рода менеджеров, занятых не столько организацией производства, финансово-экономическим анализом и т. п. на промышленных предприятиях, сколько оформлением бумаг, осталась неизменной — примерно 2 млн. человек. **Выходит, соотношение между наёмными работниками умственного и физического труда изменилось в пользу той части промышленно-производственного персонала, которая непосредственно не участвует в производстве товаров или услуг.**

Однако любителей торопливых выводов об исчезновении рабочего класса придётся разочаровать. Отмеченное сокращение рабочих в промышленности произошло в условиях увеличения численности индустриальных рабочих в экономике в целом более чем на 3,8 млн. человек. Мы являемся свидетелями **некоторого «перелива» рабочей силы из промышленных отраслей в другие индустриальные сферы — строительство, транспорт, а также в сферу услуг.** Поскольку потеря рабочих рук в различных отраслях промышленности происходит неравномерно, то попытаемся приглядеться внимательнее к этому процессу. Правда, данные 2009 года придётся сравнивать с показателями 2000 года, так как группировка отраслей в 1999 году производилась по другой методологии, что делает показатели несопоставимыми (см. таблицу 8).

Таблица 8.

**Динамика численности рабочих
в промышленности (тыс. чел.)**

Отрасли	2000	2009	в 2009 к 2000, в %
Добыча полезных ископаемых	1110	1044	94,0
Обрабатывающие производства	12297	11194	91,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1886	1884	99,9

Источник: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 138

Из таблицы видно, что в последнее десятилетие мы являемся свидетелями стабильной численности промышленных рабочих в отраслях, ориентирующихся прежде всего на экспорт своей продукции. Это прежде всего производство и распределение электроэнергии, нефтедобывающая и газовая промышленность, где число рабочих после 1999 года осталось практически неизменным.

Однако в целом на численность рабочей силы в промышленности негативное воздействие действительно оказал процесс деиндустриализации российской экономики. Об этом свидетельствуют материалы официального издания Росстата «Промышленность», вышедшего в 2010 году (см.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_48/lssWWW.exe/Stg/d01/01-01.htm) (см. таблицу 9).

Таблица 9.

Численность занятого населения РФ

Показатели	2000	2009	в 2009 к 2000, в %
Среднегодовая численность занятых в экономике, млн. чел.	64,5	67,3	104,3
в том числе в промышленном производстве, млн. чел.	15,3	13,3	83,1
Удельный вес занятых в промышленном производстве в общей численности занятых в экономике, %	23,7	19,7	83,1

Разрушительное воздействие деиндустриализации России проявилось прежде всего в производстве средств производства (группа «А»). Даже в стоимостном выражении производство машин, индустриального оборудования, транспортных средств и оборудования по сравнению с 2000 годом сократилось в 1,8 раза. Причём более всего пострадали отрасли, обеспечивающие обновление машинного парка страны. Критическое положение сложилось и в нефтепереработке, призванной обеспечивать бесперебойную работу машин и оборудования (см.: там же.) (см. таблицу 10).

Таблица 10.

**Среднегодовая численность отраслей
группы «А» (тыс. чел.)**

Отрасль	2000	2009	Во ск. раз сократилось
Производство машин и оборудования	2081,4	901,2	2,31
Производство транспортных средств и оборудования	1407,9	1041,7	1,35
Производство кокса и нефтепродуктов	216,2	111,6	1,94

Естественно, что деиндустриализация, приведшая к разрушению ядра современной промышленности, привела к сокращению рабочих кадров.

Но не менее трагической оказалась судьба и отраслей промышленности, производящей предметы массового потребления (группа «Б»). Фактически можно говорить об их целенаправленном разгроме. Вот данные Росстата (см.: там же) (см. таблицу 11).

Таблица 11.

**Среднегодовая численность отраслей
группы «Б» (тыс. чел.)**

Отрасль	2000	2009	Во ск. раз сократилось
Текстильное и швейное производство	748,6	336,5	2,22
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	117,6	57,6	2,04

Наибольшее сокращение рабочих произошло в отраслях, которые в результате либеральных «реформ» оказались более всего разрушенными и неконкурентоспособными на мировом капиталистическом рынке. Эта незавидная роль выпала на лёгкую промышленность (сокращение рабочих почти на 40%), угольную (почти на четверть), химическую индустрию, машиностроение и металлообработку (на 20%). Предприятия этих отраслей подверглись наибольшему дроблению в процессе приватизации и в результате её (угледобыча является исключением в этом процессе). Если в 1990 году в РСФСР работало 5 252 машиностроительных и металлообрабатывающих завода, то в середине 2000-х — 50 340, т. е. произошло почти десятикратное увеличение (в 1997 г. число предприятий в этой отрасли в 11,1 раза превышало показатели советской поры).

По лёгкой промышленности, которая и до реставрации капитализма не очень-то соперничала с зарубежьем по качеству выпускаемых изделий, рынок нанёс удар именно четвертованием её предприятий. Когда их число увеличилось в 3,2 раза, они оказались не только не конкурентоспособными на мировом рынке, но и вообще неработоспособными. В 1999 году отрасль, по данным государственной статистики, давала всего-навсего 15,1% от уровня 1990 года. За годы путинского «экономического скачка» этот показатель вырос до... 16,5%.

Что касается общей тенденции сокращения численности рабочих в условиях, когда в «тучные 2000-е» наметились некоторые подвижки в производстве промышленной продукции, то это был прямой результат повышения интенсивности труда, роста эксплуатации труда капиталом. Это ярко видно на примере процветающей угольной промышленности: за первое пятилетие нового века производство в ней, по данным Росстата, выросло (в стоимостном выражении) на 21,7%. При этом оборудование оставалось по-прежнему изношенным более чем на 40%. Коэффициент его обновления за эти годы не превысил 2%. А вот численность угольщиков была новыми владельцами сокращена на 24,5%. Выходит, интенсивность труда (а значит, и его эксплуатация) выросла в отрасли за 5 лет почти в 1,5 раза.

Таким образом, **природа капитализма остается неизменной: сохраняется его прежняя эксплуататорская сущность.** Справедливость этого положения легко проследить в ходе анализа тенденций в оплате труда наёмных работников.

Однако для фиксируемого официальной статистикой роста экономики особое значение имеют изменения в структуре рабочего класса и их влияние на экономическое развитие страны, а также влияние оплаты труда на этот процесс. Снова воспользуемся дан-

ными Росстата, которые приведены выше. На их основе сгруппируем все отряды индустриального рабочего класса в две категории (для более подробной группировки Росстат материала не предоставляет). Получим следующую картину (см. таблицу 12).

Таблица 12.

**Квалификационная структура
рабочего класса (тыс. чел.)**

	1999	2009
Квалифицированные рабочие	17736	17840
Неквалифицированные рабочие	2858	6538
Всего	20594	24378

Источник: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_48/lssWWW.exe/Stg/d01/04-01.htm

Сразу же бросается в глаза, что, во-первых, квалифицированный отряд рабочего класса составляет явное большинство пролетариев физического труда. Во-вторых, за десятилетний период между дефолтом 1998 года и кризисом, начавшимся в 2008 году и продолжающимся до сих пор, численность квалифицированных рабочих увеличилась чуть более чем на 0,1 млн. человек. В-третьих, в последнее десятилетие темпы роста численности неквалифицированных рабочих были куда выше, чем квалифицированных. Вот цифры. Численность квалифицированных рабочих за 1999—2009 годы выросла примерно на 0,6%, а неквалифицированных — в 2,3 раза. Ясно, что при таких темпах существенно изменились пропорции между рабочими разной квалификации. В 1999 году труженики физического труда, имеющие высокую и среднюю квалификацию, составляли 86,2%, а низкую — 13,8%. Через 10 лет соотношение стало иным: 73,2% и 26,8%. Выходит, в условиях реставрации капитализма рост численности рабочего класса России идёт рука об руку с его... деградацией.

Однако внутри индустриального рабочего класса, согласно официальной статистике, происходят неоднозначные изменения. Начнём вновь с работников квалифицированного труда. Численность одних их категорий в последнее время сокращалась, а других — возрастала.

Так, если сравнивать предкризисное состояние корпуса рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности с 1999 годом, то в межкризисный период в этой отрасли категория квалифицированных рабочих увеличилась на 5,3%. В то же вре-

мя с началом современного кризиса их численность на 3,2% уменьшилась. Похожая ситуация с квалифицированными рабочими промышленности, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, не связанными с изготовлением сложных и специальных инструментов и приборов. За 8 лет «спокойного» развития российского капитализма (2000–2007 гг.) их прирост составил 4,8%, но уже в первый год кризиса их численность по сравнению с предыдущим годом упала на 8%.

За последние (кризисные) годы на 5% выросла армия операторов, аппаратчиков, машинистов промышленного оборудования и сборщиков изделий. Ещё больший прирост среди рабочих, занятых изготовлением прецизионных (из специальных сталей) инструментов и приборов, а также среди полиграфских рабочих. Это звено пролетариев лишь за 2010 год расширилось на 41,5%. А вот численность операторов машин и механизмов, аппаратчиков, машинистов промышленных установок по-прежнему продолжает сокращаться. Даже в «тучные 2000-е» она снизилась на 11,5%.

Эти данные заставляют усомниться в либеральных (в том числе официальных) трактовках нынешнего экономического кризиса. В реальном секторе «народного» хозяйства РФ он, похоже, разрушал отечественную экономику ещё до того, как начал рушиться финансовый рынок США и других экономических эталонов западного мира. Дело в том, что при экономическом подъёме в структуре рабочей силы таких деформаций быть не может.

Правда, в кризисные годы стабилизировалась численность рабочих, занятых на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах, тогда как в 2000—2005 годы она падала почти на 10%. Подобная же картина среди квалифицированных рабочих транспорта и связи. В «благополучные» годы начала XX века их численность съёжилась более чем на четверть. Но с началом кризиса дальнейших сколько-либо значимых сокращений здесь не было. В последние годы приближается к нулю сокращение численности водителей и машинистов подвижного оборудования. А это самая многочисленная категория индустриальных рабочих — свыше 6,6 млн. человек.

Кризис привёл к перегруппировке и той части наёмных работников преимущественно физического труда, которую статистика определяет как неквалифицированные рабочие. До кризиса рост спроса на неквалифицированную рабочую силу наблюдался повсеместно. Теперь картина изменилась. В группе неквалифицированных рабочих по-прежнему растёт численность только представителей профессий, которые не имеют отраслевой специфики, а являются общими для всех видов экономической деятельности (грузчи-

ки, разнорабочие и т. п.). По сравнению с 2005 годом она увеличилась на 8,7% (см.: там же).

В этом приросте ничего удивительного нет: всюду, где есть возможность заменить не только квалифицированного труженика, но и технику неквалифицированной рабочей силой, предприниматель, не раздумывая, идёт на это. Но в отраслях, в которых падение производства во время кризиса приобрело тотальный характер — промышленности, строительстве, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр — численность неквалифицированных рабочих, труда которых присуща отраслевая специфика, сократилась на 11,8%.

Однако при осмыслении современного рабочего класса недостаточно рассматривать его изменения в рамках среднесрочной и, тем более, краткосрочной ретроспективы. Вступая в 2012 год, многие аналитики обращали внимание на то, что в российском обществе дают о себе знать процессы, аналогичные истории вековой давности. Протестное движение переходит в новое качество, оно приобретает первые признаки нового революционного подъема. А это значит, что есть потребность сопоставления образа современного российского рабочего класса с его предшественником революционной эпохи первой четверти XX столетия.

Серьёзное отличие современного рабочего класса от его предшественника столетней давности в том, что теперь рабочий класс является самым многочисленным классом российского общества. А это — мощнейший фактор: вот кто может громко заявить о себе в пору социально-экономического и общественно-политического кризиса! Если Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась, когда на долю рабочего класса приходилось не более 10% самостоятельного населения страны, то сейчас рабочий класс составляет около половины занятого населения. Иначе говоря, его доля примерно в 5 (пять!) раз выше.

Принципиальное значение имеет качественно иная квалификационная структура нынешнего рабочего класса. Сегодня более трёх четвертей квалифицированной части российского рабочего класса составляют те, кто занят индустриальным (а изредка — и постиндустриальным) трудом. Примечательно, что к неквалифицированным рабочим нынешняя официальная статистика относит примерно третью часть индустриального рабочего класса. Но если работников минувших эпох, занятых преимущественно физическим исполнительским трудом, оценивать по сегодняшним меркам, то век назад большинство работников промышленности не имели сколько-нибудь серьёзной квалификации.

Квалификационный портрет рабочего начала XXI столетия принци-

пиально иной. Так, высококвалифицированные и квалифицированные рабочие сейчас доминируют в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве. На их долю приходится около 3,8 млн. человек. При этом стоит заметить, что их численность уменьшилась почти на 750 тыс. за три последних кризисных года. Велика вероятность, что выход из экономического кризиса вернёт численность рабочих этих становых отраслей индустрии к прежним показателям.

Росстат выделяет в особую группу квалифицированных рабочих ведущих профессий промышленности, транспорта, связи и геологии. До кризиса их было 1,8 млн. человек. Несмотря на энергичный «призыв в армию безработных» в три последних кризисных года, их и сейчас более 1,6 млн. человек. Кроме того, в стране более 2 млн. операторов, аппаратчиков и машинистов машин и оборудования. Причём потребность в таких кадрах не сократил даже экономический кризис.

Наконец, ещё одна цифра. В начале XX века шофёр считался представителем элиты. Не случайно многие белоэмигранты-дворяне зарабатывали себе на кусок хлеба, оказавшись после Гражданской войны за рубежом, в качестве автомобилистов. Сегодня водители и машинисты подвижного оборудования — это самая многочисленная профессиональная группа рабочего класса. В неё входят 6,5 млн. человек (см.: там же). При этом они современной статистикой к категории рабочих высококвалифицированного труда не относятся: их труд относится к средней квалификации.

Высокая доля квалифицированных рабочих является объективной предпосылкой ускоренного нарастания их социальной зрелости. Опыт и Первой русской революции, и Великого Октября убеждает в том, что наиболее активно способны защищать классовые интересы пролетариата именно рабочие высокой квалификации.

Квалификация современных наёмных работников физического исполнительского труда тесно связана с тем, что благодаря политике Советской власти современный рабочий класс имеет весьма высокий уровень образовательной подготовки. Да и нынешняя буржуазная власть в силу острых антагонизмов в современном российском обществе до сих пор формально поддерживала возможность получения гражданами РФ среднего и даже высшего образования, боясь острых форм социального протеста; в то же время она целенаправленно разрушает исторически сложившуюся систему отечественного образования. В сегодняшней РФ среди тех, кто работает по найму, только 4,3% не получили полного среднего образования. Для сравнения: перед Великой Октябрьской социалистической революцией лишь 28% граждан умели читать и писать. Это различие — в тенденции — позволяет рабочему классу полнее осознать свои классовые интересы.

Но это — в тенденции, а пока срабатывают другие факторы. В царской России было очевидно существование двух культур — «барской» и «мужицкой». Одним из разделявших их барьеров было образование. Теперь оно этой функции не выполняет: Советская власть не просто добилась поголовной грамотности, но и ввела значительную часть соотечественников в мир высокой культуры. Сегодня это достижение социализма буржуазия использует против рабочих, заманивая их в дебри декаденса, постмодернизма и других модных, буржуазных по своей сути мировоззренческих течений.

Но ещё чаще нынешний правящий режим стремится подталкивать личность к деградации вопреки полученному ею образованию. Сегодня 8,7 млн. рабочих России выполняют неквалифицированную работу. При этом из них 7 млн. имеют полное среднее образование. Оно обесценивается уже самим содержанием их труда, который не предъявляет сколько-нибудь серьёзных культурно-технических требований к личности. Что касается социальных требований к образованию рабочих, то буржуазный режим их усердно сводит к минимуму.

Впрочем, в нынешних условиях эта другая грань рабочего класса характеризуется противоположными проявлениями. Дialeктика такова, что квалифицированная часть рабочего класса меньше других его отрядов поддаётся социальной и культурной деградации. Правда, век назад как раз из неё формировалась «рабочая аристократия». Но новая буржуазия России справедливо осознаёт себя классом временщиков, поэтому проявляет чрезвычайную жадность и социальный паразитизм и ничего не делает для формирования «аристократической» прослойки среди рабочих преимущественно физического труда.

Авангард современных трудящихся масс Российской Федерации в защите их интересов остаётся тот же — испытанный в классовых боях рабочий класс.

Удовлетворённо вспоминается перестук шахтёрских касок возле Дома правительства в 1996 году. Не забыты и забастовки тех же горняков 1990 года, ставших, независимо от их субъективных настроений, «отбойными молотками», объективно дробившими социалистический строй. Несмотря на это, а во многом именно поэтому нет оснований сомневаться в марксистско-ленинской «ставке» на рабочий класс. В.И. Ленин ещё 100 лет назад писал: «Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу. Капитал собирает рабочих большими массами в крупных городах, сплавливает их, обучает совместным действиям. На каждом шагу рабочие сталкиваются лицом к лицу со своим главным врагом — с классом капиталистов. Борясь со своим врагом, рабочий ста-

новится **социалистом**, приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения. Становясь социалистами, рабочие с беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперёк пути...» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 422*).

Бремя авангарда и сегодня лежит на рабочем классе. На нём обострённое всего сказывается антагонизм труда и капитала. А к солидарным действиям, организованности и дисциплине его по-нуждает не только организация труда, контроль хозяина, но и обслуживаемая им техника. Но часто можно слышать всхлипы, что того рабочего класса, который победил в Великой Октябрьской социалистической революции, а потом строил социализм, в стране уже нет. И во многом это... правда.

Некоторые существенные его прежние качества отступили вместе с временным отступлением социализма. При этом для оценки изменений шкала «лучше — хуже» никуда не годится. Просто он иной в силу иных и производственных, и общественно-политических отношений: командные высоты в экономике и политике захватили нувориши. Это различие нам всем надо осознать и постоянно помнить. Оценивать современного рабочего по эталонам советского социализма не только ошибочно, но и вредно.

Как было показано выше, реставрация капитализма не уничтожила рабочий класс. Несмотря на то, что возрождение всевластия частной собственности привело к деиндустриализации России, он не только сохранился, но и численно так велик, что может определяющим образом влиять на судьбу общества. На предприятиях страны занято почти 2 млн. сборщиков изделий, операторов, аппаратчиков и машинистов промышленных установок и оборудования, 6,5 млн. водителей и машинистов подвижного оборудования, около 2 млн. других квалифицированных рабочих разных отраслей промышленности и почти миллион квалифицированных рабочих транспорта и связи (см.: Экономическая активность населения России. 2008. Статистический сборник. — М., 2010. С. 77). Это — мощная армия труда. В целом же сегодня (не четверть века назад, а в конце первого десятилетия XXI века) квалифицированные индустриальные рабочие, по данным Росстата, составляют около 28% занятого населения РФ (см.: там же). Такой пролетарской мощи не было перед победой Великого Октября.

А теперь обратимся к осмыслению общественного сознания современного класса наёмных работников России. Для этого воспользуемся результатами социологического опроса, который был проведён ИС РАН в конце 2011 года по заказу горно-металлургиче-

ского профсоюза России. В исследовании «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности» респондентами выступали наёмные работники чёрной и цветной металлургии и горнорудных предприятий, добывающих сырьё для этих отраслей.

Аналитический доклад построен на результатах изучения общественного мнения металлургов и горняков по широкому кругу социально значимых вопросов. Центральными среди них были проблемы профсоюзов (в выборку были включены только члены профсоюза) и защиты экономических прав и интересов трудящихся, но добросовестные учёные не могли не выйти на вопросы современного мировосприятия лиц наёмного труда, обойти политическую проблематику: к этому их побуждала объективная логика общественного бытия. Ещё в работе «Что делать?», написанной 110 лет назад, В.И. Ленин отмечал: «Из того, что экономические интересы играют решающую роль, **отнюдь не следует** никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, „решающие“ интересы классов могут быть удовлетворены **только** коренными **политическими** преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворён только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 46; примечание).

Используя материалы исследования ИС РАН, предпримем попытку понять вектор мировоззренческих симпатий класса наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда. (Мы не касаемся недостатков заказного исследования, так как об этом шла речь в предисловии к книге).

Попытаемся с помощью социологов ответить на важный для понимания общественных процессов в стране вопрос: как изменяется самосознание пролетариата, или, пользуясь терминологией классической философии, как идёт процесс превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя»? Иначе говоря, приобретает ли класс наёмных работников физического и умственного труда те социально-политические свойства, которые ему необходимы для активной защиты своих классовых интересов и которые от него ожидают политики иистики левых убеждений? Исследование наёмных работников горно-металлургической промышленности, осуществлённое ИС РАН, предоставляет некоторую возможность ответить на поставленные вопросы.

Исследователи задали рабочим и ИТР заводов чёрной и цветной металлургии и горнорудных предприятий вопрос: «Кто на вашем предприятии в наибольшей степени защищает интересы и права

работников?». В результате появилась возможность, во-первых, выделить две группы субъектов, получивших полярную оценку наёмных работников при ответах на этот вопрос, во-вторых, заслуживают особого внимания отмеченные социологами тенденции.

Самыми плохими защитниками интересов и прав работников металлурги и горняки считают собственников предприятий. В 2003 году в капиталистах усмотрели защитников своих интересов лишь 1% опрошенных, в 2007 году — 2%, в 2011-м — снова только 1%. Не видят рабочие и специалисты защитников своих интересов и в «вышестоящем начальстве», противоположного мнения придерживались не более 5% респондентов в 1999, 2003 и 2007 годах и 7% — во время прошлогоднего опроса.

Не отличается заботой о человеке труда и позиция государственных структур (органов Гостехнадзора и Госпотребнадзора), представленных на заводах и рудниках. Этой точки зрения придерживается от 2 до 7% опрошенных, в том числе те инженерно-технические работники, которые выполняют преимущественно управленческие функции. Иначе говоря, исследование зафиксировало **массовое осознание антагонистического характера интересов наёмного труда и капитала.**

Заслуживают внимания и выделенные трудящимися группы, в которых они видят защитников своих интересов и прав (при этом надо иметь в виду, что отвечавшие могли выбирать только из предложенных исследователями и заказчиками вариантов).

Высокая оценка роли профсоюзов в защите прав наёмных работников объясняется предельно просто: **кроме профсоюзов на российском капиталистическом предприятии нет других структур, которые бы занимались защитой трудящихся.** В 1999 и 2003 годах в профсоюзной организации видели своих защитников 56—58% респондентов, в 2007 году — 62%, в 2011-м — даже 74%. Трудовая инспекция (во время последнего опроса её назвали среди защитников своих интересов и прав 16% участвовавших в исследовании работников) и комиссии по трудовым спорам (в них в прошлом году видели своих защитников 37% респондентов) рассматривают ограниченный круг вопросов, поэтому их едва ли можно отнести к защитникам **классовых** интересов наёмных работников. Хотя в условиях кризиса их роль заметно поднялась, так как рабочие вынуждены обращаться в узаконенные на предприятиях структуры, иначе их ждёт увольнение. Надо иметь в виду, что во время кризиса резервная армия труда, осаждающая биржи труда и отделы кадров, выросла в 1,5—2 раза.

Особого внимания заслуживает строка «Те, с кем работают рядом» (в 2011 году 14% опрошенных назвали защитниками своих

прав и интересов своих товарищей по работе). Стоящие в ней цифры достаточно скромные, но существенно выявленная социологами тенденция. Её значимость связана с тем, что эти показатели являются отражением растущей классовой солидарности людей труда в борьбе за свои интересы и права.

О превращении наёмных работников физического и умственного труда в «класс для себя», то есть класс, осознающий свои ключевые интересы, свидетельствуют ответы рабочих, ИТР и служащих горно-металлургической промышленности на вопросы социологов, касающиеся распределительных отношений в обществе. Им было предложено из двух вариантов выбрать, на их взгляд, оптимальный (см. таблицу 13).

Таблица 13.

С каким из двух мнений Вы согласны? (в %)

	2003	2007	2011
Неравенство в доходах должно быть как можно меньшим	78	83	88
Доходы должны значительно различаться	15	13	9

Ответы на этот вопрос однозначно свидетельствуют о том, что наёмные работники как физического, так и умственного труда в абсолютном большинстве своём не приемлют капиталистические стандарты жизнеустройства. Причём отторжение буржуазных норм миропорядка имеет ярко выраженную тенденцию к возрастанию. Если в начале XXI века шестая часть наёмных работников ещё питала иллюзии по поводу внедряемых капиталистических стандартов, то после экономического кризиса на одного наёмного труженика, поддерживающего стереотипы буржуазного сознания, приходится десять, отвергающих социальную поляризацию в обществе. Думается, это ещё одна лакмусовая бумажка, свидетельствующая о том, что общественное сознание работников наёмного труда становится по преимуществу пролетарским.

Социологи решили устроить своим респондентам проверку. Они перевели вопрос социального характера в плоскость личного сознания, к тому же сформулировав его максималистски: «Если бы можно было выбирать, что Вы бы лично предпочли?». При этом было предложено лишь два варианта ответов: «Гарантированные, стабильные, но невысокие доходы» и «Высокие доходы, но без гарантий на будущее». И снова налицо отторжение стандартов буржуазного общества. Первый вариант предпочли в 1999 и 2003 годах

75—76%, в 2007-м — 68%, в 2011 году — 71% опрошенных. Вторую позицию предпочли менее четверти респондентов (18% в 1999 г. и 24% — в 2011-м).

Тенденция к социальному равенству (не путать с уравниловкой, хотя исследователи и заказчики своей формулировкой подталкивают как опрашиваемых, так и осмысляющих итоги опроса именно к такому отождествлению) по-прежнему господствует среди российского рабочего класса и инженерно-технических работников. Несмотря на два десятилетия агрессивного навязывания обществу буржуазных представлений, официальный агитпроп оказался не в силах разрушить образ общества, который естественным путём складывался в сознании трудящихся в эпоху социалистического созидания. Но именно этот образ общества и формировался в классовой борьбе пролетариата и его союзников с всесилием капитала. Официальный агитпроп непрерывно навязывает буржуазные стандарты. Но и в такой ситуации ему удаётся продвинуться в противостоянии с пролетарским социалистическим сознанием лишь на вооруженный скачок.

Итак, опираясь на материалы проведённого менее года назад социологического исследования «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности», мы можем сделать первый существенный вывод: **В Российской Федерации идёт активный процесс осознания наёмными, эксплуатируемыми работниками физического и умственного труда своего пролетарского положения. Благодаря сохранению в среде трудящихся коренных социалистических ценностей, формировавшихся на базе пролетарского классового сознания, большинство трудящихся отвергает ключевые стандарты капиталистического жизнеустройства.**

Таким образом, в современной России пролетариат существует не только как самостоятельный класс, осознающий полярный характер интересов наёмных работников и собственников-работодателей. Исследование показывает, что у него сформировались основные предпосылки для того, чтобы быть устойчивой социальной базой преодоления капиталистической реставрации и возвращения на магистральный путь истории — на путь социалистического созидания.

Учёные ИС РАН показали, что не только в общественном положении рабочих и специалистов отечественной индустрии, но и в их сознании в последние годы произошли изменения. Их смысл в том, что наёмные работники физического и умственного труда противопоставляют себя работодателям как классу, который их эксплуати-

рует, извлекая из их труда собственную прибыль. Такое принципиальное изменение, конечно же, предполагает выяснение предпосылок, которые почти одновременно побудили миллионы трудящихся (а счёт тут действительно идёт на миллионы) изменить представление о своём положении в обществе. Благодаря таким изменениям они стали более-менее определённо представлять, что могут рассчитывать только на помощь таких же тружеников (братьев по классу) в отстаивании своих интересов и прав, на которые покушаются работодатели-капиталисты и их обслуга.

Принцип поиска ответа был с научной точностью указан К. Марксом и Ф. Энгельсом ещё в «Немецкой идеологии». В ней великие теоретики пролетариата писали: «...Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25).

Исходя из диалектико-материалистической методологии, попытаемся выяснить те эмпирические условия повседневной жизни трудящихся, которые побуждают их корректировать своё миропонимание. Было бы в высшей степени опрометчиво представлять дело так, что тот или иной рабочий, техник или инженер, скажем, раз в квартал, обхватив голову руками, садится напряжённо думать, какие изменения ему следует внести в своё понимание окружающей действительности.

Каждый из них, будучи деятельным существом, стремится удовлетворить свои потребности, а для этого вступает в общественные отношения, взаимодействует с общественными учреждениями, общается с разными людьми. Эти взаимодействия и общения отражаются в его сознании. У людей, которые принципиально одинаковым способом добывают средства своего существования (одни получают заработную плату за продаваемую им свою рабочую силу, другие получают дивиденды на свой капитал), отражение окружающих процессов в сознании оказывается более-менее одинаковым. Значит, надо прежде всего выяснить ту реальность, в которой живут люди, вынужденные продавать свою рабочую силу, хоть физическую, хоть интеллектуальную. С этого и начнём.

Чтобы иметь надёжный источник существования, наёмному работнику надо иметь рабочее место. Но официальная статистика сообщает, что даже в «тучные 2000-е» уровень безработицы в РФ не

опускался ниже 4,25 миллиона человек (5,7% экономически активного населения). А чаще всего он составлял 6—7 млн. россиян (от 8 до 10%). В советскую эпоху право на труд гарантировалось благодаря господству общенародной собственности, плановому характеру экономики, поступательному развитию производительных сил, а уклоняющиеся от общественно полезного труда преследовались государством за тунеядство. Торжествовала понятная любому рабочему человеку формула: кто не работает, тот не ест.

Тот, кто имеет работу, заинтересован в достойной заработной плате. И в советскую пору она была таковой. Вот расчёты, которые приведены авторами программы «500 дней» (группу её разработчиков возглавляли академик С. Шаталин и кандидат экономических наук Г. Явлинский) (см.: 500 дней. Программа и рекомендации. — М., 1990). В потребительском бюджете мужчины трудоспособного возраста в 1988 году расходы на питание, соответствующие стандартам Всемирной организации здравоохранения, составляли 51 руб. в месяц. Расходы на жильё и коммунальные услуги укладывались в 5 руб. 98 копеек. Месячные транспортные расходы не выходили за пределы 8 руб. 67 копеек. На одежду, обувь, бельё, посуду и другие промышленные товары, по мнению разработчиков программы капиталистического рая, вполне достаточно 56 руб. 46 коп., которые наш соотечественник тратил на эти нужды в 1988 году. К этому добавлялись расходы на связь, бытовые услуги, культурно-просветительные мероприятия, на табачные изделия и даже взносы. Делался вывод, что с учётом соблюдения наилучших мировых стандартов минимальная заработная плата должна равняться 138 руб. 20 копейкам. При этом в проектах «реформаторов» ставилась задача сохранить уровень потребления советских людей, достигнутый в 1988 году. Тогда разрыв в доходах 10% самых обеспеченных граждан РСФСР и 10% самых малоимущих не превышал 4,5 раза.

А вот официальные данные Росстата. Разрыв в доходах крайних 10-процентных групп все последние годы составлял 16,7 раза. Обследование начисленной заработной платы, проведённое Росстатом в апреле 2011 года, дало шокирующие результаты. У половины (!) наёмных работников суммарная зарплата составляла 21,6% (практически только пятую часть) всего месячного фонда оплаты труда РФ (см. таблицу 14).

В набор первоочередных забот человека труда входят цены на продукты питания, расходы на поддержание здоровья членов семьи, на образование и т. п. Экономисты посчитали, что для менее обеспеченной половины населения из-за особенностей структуры её потребления инфляция оказывается примерно в полтора раза

Таблица 14.

**Распределение общей суммы начисленной
зарботной платы по 10-процентным группам
работников, апрель 2011 г., %**
(в порядке возрастания заработной платы)

10-процентная группа	Доля в общей сумме заработной платы
Первая	2,1%
Вторая	3,2%
Третья	4,3%
Четвёртая	5,4%
Пятая	6,6%
Шестая	7,9%
Седьмая	9,5%
Восьмая	11,9%
Девятая	15,9%
Десятая	33,4%

выше официальной. А она даже в благополучные для российской экономики годы близка к 10%. В сегодняшних государственных вузах бюджетных мест осталось менее 45%. Новый министр образования и науки РФ Д. Ливанов намерен сократить их в 2 раза.

А вот как реалии воплощённого капиталистического рая отражаются в сознании рабочих и специалистов горно-металлургической промышленности страны. Социологи предложили им оценить изменения положения на их предприятия за последние три года (см. таблицу 15).

При осмыслении авторами исследования ответов на поставленные ими вопросы заметно проявилось их стремление (вероятно, прежде всего под влиянием заказчика) не вскрыть, а скрыть имеющиеся на предприятиях социальные противоречия. Поэтому они стали считать баланс оценок «лучше» — «хуже». Но в данном случае эта методика явно ущербна, так как отказ от ответов на поставленные социологами вопросы означает, как правило, неудовлетворённость положением дел. Тем более во время кризиса, когда высокий уровень безработицы позволяет работодателям и администрации бороться с недовольными путём их увольнения. И опрос показал, что отношения в коллективе во время кризисов — даже по методике авторов исследования — резко ухудшаются. И уж совсем стран-

Таблица 15.

**Оценка изменений положения на предприятии,
% ответивших**

	Стало лучше			Ничего не изменилось			Стало хуже		
	1999	2008	2011	1999	2008	2011	1999	2008	2011
Оплата труда	30	43	31	36	44	32	17	13	20
Возможность переобучения и повышения квалификации	15	38	29	23	45	45	44	13	11
Соблюдение норм охраны труда, техника безопасности	15	33	29	19	40	50	53	23	10
Общий порядок на предприятии	26	38	25	30	43	42	36	9	16
Соблюдение и защита прав работников	11	21	23	33	57	50	33	19	10
Условия труда	8	32	20	23	43	56	44	20	17
Обеспечение социальными благами	12	20	16	34	43	36	27	9	23
Обеспечение занятости			15			40			25
Отношения в коллективе	11	17	11	25	44	57	40	15	22

ным выглядит вывод доклада о том, что «положительным оказался баланс между «лучше» и «хуже» для... оплаты труда». Ведь, как отмечается в том же докладе, социологи установили, что удовлетворены своей зарплатой только 28% опрошенных, а не довольны ею 70%, то есть в 2,5 раза больше.

В оценках социального климата и условий работы на предприятиях доминирует оценка «ничего не изменилось», которая насыщена социальным пессимизмом. Авторы исследования, похоже, забыли, что в условиях российского капитализма борьба за свободу слова идёт только при обсуждении проблем, касающихся государства и общества в целом (реже — регионов). В то же время на неё наложено табу, когда дело касается капиталистической компании. А в прибыльной горно-металлургической промышленности предприятия были распроданы ещё на первом этапе приватизации.

Опрос наёмных работников, занятых в этой отрасли, убедительно подтвердил, что при оценке положения дел на «своих» предприятиях (увы, при господстве частной собственности они перестали для пролетариев быть своими) и рабочий, и специалист постоянно

оглядываются на хозяев завода и служащих ему администраторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить оценки дел на предприятиях и в стране в целом (см. таблицу 16). Так, по данным опроса, на предприятиях в 2011 году были недовольны оплатой труда лишь 20%. В то же время в стране 53% работников горно-металлургической промышленности считают распределительные отношения острой проблемой.

Таблица 16.

Оценка проблем страны, % ответивших

	1999	2003	2007	2011
Рост цен	71	38	48	75
Коррупция, взяточничество	37	38	33	60
Моральное состояние общества	43	40	45	59
Распределение доходов	51	25	40	53
Безработица	51	31	21	49
Состояние окружающей среды	32	17	23	34
Использование /слабость государственной власти	42	37	11	24
Преступность	50	26	24	23
Угроза терроризма и экстремизма	12	25	15	18
Межнациональные отношения	36	13	8	12

Вот как прокомментировали полученные результаты опроса авторы исследования: «Хотя набор проблем “первого ряда” в основном сохранился, они стали более выражены, приобрели более массовый, острый характер, побуждая вспомнить о ситуации конца 1990-х годов, возникшей после дефолта 1998 года... Рост цен тревожит 75% опрошенных. Очевидно, в этой связи актуализировалась проблема распределения доходов, которая “вернулась” к уровню 1999 года, как впрочем, и проблема безработицы. Не исключено, что потому же обострилась и проблема морального состояния общества. Последнее предположение подтверждает резкий скачок озабоченности коррупцией и взяточничеством... Возможно, что респонденты начали усматривать некоторую связь между ростом цен и распределением доходов, с одной стороны, и моралью и коррупцией, с другой».

Как ни пытаются заказчики (ЦС ГМПР) и исполнители (исследователи ИС РАН) обойти вопрос о сущности современного российского общества, они вынуждены признать его социальную ущерб-

ность. Об этом свидетельствует восприятие распределительных отношений в условиях реставрации капитализма наёмными работниками физического и умственного труда, составляющими абсолютное большинство занятого населения России. Авторы социологического отчёта вынуждены отметить, что трудящиеся считают существующие распределительные отношения аморальными. Они видят связь между процветающей коррупцией и безнравственностью господствующих производственных отношений, составной частью которых являются отношения распределения.

Расхождение в оценках положения дел на «своём» предприятии и в стране заставляет серьёзно задуматься об уровне классового сознания трудящихся. С одной стороны, можно утверждать, что идёт процесс осознания наёмными работниками своего пролетарского положения и своих классовых интересов. И это вселяет чувство исторического оптимизма. В то же время возрастающее классовое сознание, если можно так выразиться, ведёт себя пассивно. Пока это только «кухонная стадия» его подъёма. Речь идёт не об упрёках, а о констатации реального положения.

С одной стороны, ничего нового в этом нет, потому В.И. Ленин и не устал говорить о необходимости внесения социалистического сознания в рабочее движение. Но у тех, кто призван это делать, порой опускаются руки, когда они видят это рабочее движение только при помощи микроскопа.

С другой стороны, стихийно рабочий класс не может превратиться в мощную силу борьбы за социалистическое переустройство общества. А история нашей страны сложилась так, что народ России вести борьбу за мелкие цели не научился, не умеет. Не хочет. Это — и его недостаток, и величайшее достоинство. Исследование учёных ИС РАН, при всех его изъянах, показало, что большинство класса наёмных работников физического и умственного труда отвергает капиталистическое жизнеустройство. Несовместимость интересов пролетариата с целями и интересами буржуазии массово осознаётся даже в относительно благополучных отраслях российского хозяйства. Значит, почва созрела. Пришла пора массового сева в неё социалистических идей.

Анализируя роль социал-демократических партий в пролетарском движении в Европе середины XIX столетия, Ф. Энгельс в письме К. Марксу 11 декабря 1851 года доверительно делился своими размышлениями: «...Если революционная партия начинает упускать решающие поворотные моменты в революционном развитии, оставаясь в стороне, или если она вмешивается, но не одерживает победы, то её можно с полной уверенностью считать на некоторое

время похороненной» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 347). Коммунисты, как показала история, в основном вылечились от болезни социал-демократии. Но суровые предупреждения классиков марксизма-ленинизма забывать всё же не стоит.

Сегодняшний рабочий — наёмный работник, трудом которого прирастает не народное достояние, не государственная мощь, а роскошь нуворишей. «Стратегические собственники» и их государственная власть — небывалые транжиры плодов труда рабочего человека. Поэтому в стране реставрированного капитализма не построено ни одного крупного завода, но тонут подводные атомные крейсера и падают пассажирские лайнеры, разрушаются чудо-гидроэлектростанции, горят клубы, школы, дома престарелых...

При этом нельзя не учитывать и особенности современного отечественного рабочего класса, появившиеся в результате глубокого отступления социализма. Сейчас, когда мрачные тучи экономического кризиса всё плотнее окутывают Россию, требует серьёзного политического осмысления весьма специфический отряд пролетариата — «иностранцы рабочие». На них чрезвычайно важно посмотреть не глазами мелкобуржуазных крикунов, чьи заявления на эту тему мы только и слышим в средствах массовой информации, а через призму пролетарского классового подхода, через призму коммунистического мировоззрения.

«Гастарбайтер» — слово, пришедшее к нам из немецкого языка. Его дословный перевод: гостящий рабочий, то есть человек, который трудится в этой стране временно. Для мелкобуржуазных националистов всех стран «гастарбайтер» — это чужак с непривычным образом жизни, с непонятными привычками. Для мещанина он очень удобен, чтобы сорвать злость на несправедливый в отношении обывателя мир, чтобы выплеснуть накопившуюся напряжённость. А поскольку мелкому буржуа живётся трудно, то он исповедует мировосприятие Омара Юсуфа, вредного брата известного Хоттабыча: «Какое удовольствие унижить слабого».

Кризис делает популяцию лавочников особенно неуверенной в себе и раздражённой. Вот крикливые националисты и требуют выселения «гастарбайтеров», оправдываясь тем, что «иностранцы» являются-де конкурентами «коренным россиянам», которым угрожает безработица. «Партия власти» через своё молодёжное движение активно присоединилась к позиции неприятия рабочих, прибывших в Россию из-за рубежа. Неудивительно: её сторонники сплошь и рядом тоже стоят на мелкобуржуазной «кочке зрения».

Что касается крупного капитала, то его отношение к «гастарбайтерам» сугубо корыстное: их труд можно оплачивать значительно

ниже, их легче эксплуатировать. Потому Федеральная миграционная служба, заботящаяся, как и всё нынешнее государство, об интересах прежде всего магнатов, планируют увеличивать квоты на иностранную рабочую силу. А президент В.Путин в начале октября 2012 года увеличил срок пребывания законных мигрантов из Таджикистана с одного до трёх лет.

Примечательно, что и националисты, и власть не замечают дельцов, приехавших как из ближнего, так и дальнего зарубежья. И дело не в том, что их пребывание в России юридически оформлено. Они защищены не справками, а капиталом, даже если он криминальный. Но сегодня речь не об этих классовых противниках, чуждых человеку труда так же, как Прохоров и Потанин, Вексельберг и Фридман, Путин и Медведев и т. п.

Чтобы понять место иностранных рабочих в российской экономике, воспользуемся результатами обследования внешней трудовой миграции, проведенного Росстатом (см.: Тенденции на рынке труда // Статистический бюллетень. — М.: Росстат, 2008. № 7. http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_04/lssWWW.exe/Stg/07/1-trud.htm). И этого обследования следует, что угроза гражданам РФ со стороны трудовых мигрантов на рынке труда «нашими» националистами чрезмерно преувеличивается. Дело в том, что практически половина «гастарбайтеров» сосредоточена лишь в четырёх субъектах РФ — Москве, Питере, Московской и Свердловской областях. А это регионы с самой низкой в стране безработицей: в столице, по данным официальной статистики, она не превышает 0,8%, в северной столице и Подмоскowie — не более 2%, и только на Среднем Урале она перевалила за 5%, но и это заметно ниже среднего уровня безработицы по России.

Что касается социально-классового положения иностранных работников, то здесь всё однозначно. За редчайшим исключением все они — пролетарии, к тому же занятые по преимуществу неквалифицированным трудом. Более 40% «гастарбайтеров» трудятся в строительстве, 7,1% — в обрабатывающих отраслях промышленности, 4,4% — на транспорте и в связи, 2,1% заняты добычей полезных ископаемых. Таким образом, более 53% трудящихся, прибывших из-за рубежа, заняты в отраслях индустрии, где доля физического тяжёлого труда достаточно велика. К этому надо добавить, что ещё почти пятая часть трудящихся-мигрантов подвизается в торговле, характер и содержание их труда каждый из нас наблюдает практически ежедневно.

О том, что среди «гастарбайтеров» доля работников высококвалифицированного, тем более по преимуществу умственного труда

крайне низка, свидетельствуют данные Росстата. Заняты в учреждениях, осуществляющих научные исследования и разработки, а также геофизическую и картографическую деятельность... 0%, в сфере образования и деятельности, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий — 0,1% проживающих в России трудовых мигрантов, в учреждениях здравоохранения — 0,2%, финансовой деятельности — 0,4%. Но и эту статистику следовало бы уточнить. И в издательстве «Пресса», и в вузе постоянно встречаю представителей Средней Азии. Но, как правило, не спецкорами и доцентами, а техниками.

Таков эскиз к социальному портрету сегодняшних трудовых мигрантов. Это люди, которых капитал эксплуатирует столь же нещадно, как и их российских товарищей по классу. На начало 2008 года в стране было привлечено к экономической деятельности 1 млн. 717,1 тыс. зарегистрированных иностранных рабочих (в эти данные не входят трудящиеся-мигранты из Белоруссии). За год их численность выросла почти на 70% (см.: там же). В общем, трудящихся-иностранцев в России почти столько же, сколько всех работников, занятых в такой солидной отрасли экономики, как производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Наблюдатели утверждают, что «гастарбайтеров» заметно больше, так как часть из них не зарегистрирована в миграционной службе. Наверно, так и есть. Но это нисколько не меняет их отраслевой, профессиональный, квалификационный и иной расклад: как-то не доводилось слышать о незарегистрированных врачах, инженерах, профессорах.

Положение иностранных рабочих побуждает КПРФ смотреть на них как на часть социальной базы современного коммунистического движения. А наша партия является необъемлемой частью интернационального коммунистического товарищества и, в частности, входит в СКП—КПСС.

В Программе нашей партии есть принципиальное положение, чрезвычайно существенное для очень внимательного отношения КПРФ к иностранным рабочим: партия ставит в качестве одной из важнейших своих целей возрождение Союза Советских Социалистических Республик. Конечно, сейчас в России, по данным Росстата, трудятся представители из 152 стран мира, в том числе из 38 государств Европы, 22 государств Северной и Южной Америки, 45 азиатских и 41 африканского государства и 6 стран Океании. Тем не менее свыше двух третей (67,1%) всех иностранцев, нашедших приложение для своих рабочих рук в России, — граждане СНГ.

Особенно значительна доля трудящихся, приехавших из Узбекистана, — пятая часть всей иностранной рабочей силы. Только

в 2009 году число граждан этого нового государства, зарегистрированных в РФ в качестве «рабочих мигрантов», увеличилось в 3,3 раза. На втором месте по числу нашедших в России применение своим рабочим рукам граждане Таджикистана. На их долю приходится 14,6% иностранных рабочих, занятых в РФ, за год их численность выросла в 2,5 раза. Третье «призовое» место у представителей братской Украины — 12,2%. Затем следуют мигранты из Киргизии (6,4%), Молдавии (5,5%), Армении (4,3%) , Азербайджана (3,4%). Что касается Казахстана, Грузии и Туркмении, то на них, вместе взятых, приходится менее 1% иностранных рабочих, занятых в российской экономике (см.: там же).

Пишу «мигранты», «иностранные рабочие», а всё существо моё протестует: все они — соотечественники по нашей общей великой Родине СССР. На стройках Магнитки и канала Волга-Дон, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и Байкало-Амурской магистрали, Братского промышленного узла и других важнейших объектов посланцы этих союзных республик были не гостями, а такими же работниками и хозяевами, как и оставшиеся в РФ русские, татары, буряты... В городах Тюменского Севера видел улицы с узбекским и таджикским орнаментом, с украинской и белорусской кирпичной вышивкой — это были дома, возведённые братскими народами в подарок нефтяникам, геологам и другим покорителям сибирских богатств. Всего этого мы забывать не вправе. Конечно, я помню, что наше единое Союзное государство разрушено его ненавистниками. Но, как и вся Компартия, убеждён: это — временно. Наши народы уже проходили не раз насилие раздробленностью, однако всегда находили силы, чтобы срастись в единую интернациональную общность. Коммунисты убеждены в этом.

«Воссоздать обновлённый Союз советских народов», — так записано в Программе КПРФ. Это не декларация, а обязательство. Нам целесообразно сегодня посмотреть на приехавших из стран СНГ через призму этого обязательства. Если мы, коммунисты, всерьёз хотим возродить СССР, то, следовательно, заинтересованы, чтобы в каждой из бывших союзных республик, которым в будущем предстоит срастись в единое государство, сформировались мощные силы наших единомышленников, готовых в едином строю воссоздать Союз братских народов. А для этого надо сформировать атмосферу дружбы народов в отношении тех, кто в недалёком будущем мог бы вносить идею единения в сознание соотечественников из насильно отколотых республик. Кроме коммунистов, эту задачу решать некому. Буржуа — от мелких лавочников до крупного капитала — будут всячески противодействовать единению народов.

Задача формирования сознания, в котором интернационализм и дружба народов займут важнейшее место, сама собой не решится. Конечно, рабочие из стран СНГ хранят в себе гены союзного единства. Но эта генетическая память часто не подкрепляется личной памятью приехавших в Россию на заработки. Как показало обследование Росстата, «более трети иностранных работников — молодёжь в возрасте до 30 лет» (там же). В пору преступной денонсации Союзного договора в Вискулях им было не более 12 лет. Следовательно, личного социального опыта советской эпохи у них нет.

Ещё почти треть мигрантов из ближнего зарубежья — люди в возрасте от 30 до 39 лет. Сознание большинства их было травмировано мощными дозами идеологической радиации антисоветчиков всех мастей, в том числе национал-сепаратистов. В пору их наиболее массированных атак это поколение было в возрасте, в котором политический иммунитет к шулерской пропаганде обычно ещё не вырабатывается. Более того, в этом поколении и сегодня могут куда чаще гнездиться бациллы неприятия союзного сообщества, чем даже у их более молодых земляков.

В общем, вывод очевиден: иностранные рабочие из стран СНГ никак не относятся к категории людей, которых коммунистам можно не замечать. Наоборот, жизнь требует серьёзного взаимодействия с ними. Только так, в повседневной практике, и проявляется пролетарская классовая солидарность. Только тогда лозунги о возрождении СССР вызовут доверие трудящихся масс и России, и других бывших союзных республик.

Чтобы помочь современному пролетариату в полной мере осознать беспощадный классовый антагонизм, коммунистам следует учитывать новые реалии. Всевластие капитала сегодня существует прежде всего не благодаря кучке олигархов, роль которых не больше значимости видимой части плывущей льдины. Но «Титаники» тонут от той части айсбергов, которая не бросается в глаза. Основой и опорой капитализма в сегодняшней России выступают предприниматели средней руки, средний бизнес. И это несмотря на огромную концентрацию капитала.

Из современного классового расклада российского общества целесообразно делать максимально точные выводы, опираясь на марксистско-ленинскую методологию. Наёмный труд эксплуатируется **классом буржуазии**, в котором олигархи составляют ничтожно малую долю. Осознав эксплуататорскую сущность среднего предпринимательства, нам предстоит эту собственную убеждённость без промедления нести в рабочую среду.

Легко ли современному рабочему осмыслить антагонизмы, разрушающие Россию? Интеллектуально на это он, бесспорно, спосо-

бен. Практически у половины рабочих их труд требует высокой квалификации, которая развивает чувство достоинства. Правда, оно может проявиться не только в отношении хозяина, но и активиста левой оппозиции. Что ж, такова особенность момента, и к ней надо быть готовым. Для дела освобождения рабочего класса и приближения социализма это — несомненный плюс. Как плюсом является и то, что почти две трети наёмных работников окончили техникумы-колледжи, профтехучилища или среднюю школу.

В нынешней борьбе полезно выделить приоритеты формирования пролетарского авангарда. Вероятно, поначалу есть смысл сосредоточиться на тех отраслях, которые есть повсеместно и роль которых в народной жизни неоспорима. Это — не только высокоинтеллектуальный ВПК, и в целом машиностроение и металлообработка, но и всюду присутствующая пищевая промышленность... На этой основе местным партийным комитетам целесообразно сосредоточить свои усилия на конкретных предприятиях, которые могли бы стать опорными пунктами работы коммунистов по формированию пролетарского сознания в среде наёмных работников физического и умственного труда.

В 1931 году И.В. Сталин говорил, что нам необходимо за 10 лет пробежать в экономике тот путь, на который ведущим странам потребовалось 50—100 лет. Сегодня российскому рабочему классу за несколько коротких лет предстоит пробежать тот путь, который необходим для формирования пролетарского классового сознания. Помочь ему в этом трудном деле предстоит коммунистам-ленинцам.

Эксплуатация наёмного труда

Говорят, что чужие деньги считать неприлично. Но к нашему случаю поговорка не подходит. Нынешние собственники не строили тех предприятий, которыми они сейчас владеют, они просто прикарманили с благословения капиталистического государства то, что было общенародным достоянием.

Говорят, новые хозяева подняли то, что прежде «лежало на боку», они-де вложили немалые средства в приобретённую ими собственность. Ложь!

Во-первых, они ничего не подняли: ни одна отрасль российской экономики не достигла того уровня производства, какой был при Советской власти. Во-вторых, капиталисты прославились не инвестированием средств в приватизированные производства, а выживанием из них максимальной наживы. Потому из года в год увеличивается износ оборудования, падает энерговооружённость труда.

Зато о том, чтобы набить себе карман, нувориши заботятся неустанно. В этом им активно содействует буржуазная власть. С самого начала приватизации (это был 1993 год) новые владельцы на каждый рубль своих затрат, шедших на «приобретение» в частную собственность «фабрик, заводов, газет, пароходов», получали в том же году 5 руб. 26 коп. дохода от собственности, только что проданной им по дешёвке правительством.

Так было при Б. Ельцине. Но и при В. Путине, Д. Медведеве и снова при Путине всё осталось по-прежнему. В 2006 году, например, на каждый рубль затрат на покупку вновь приобретаемой собственности доход владельцев крупных и средних капиталов составил в 3—4 руб. (см.: Российский статистический ежегодник. 2000. — М.: Госкомстат РФ, 2000. С. 262, 292; Российский статистический ежегодник. 2007. — М.: Росстат, 2007. С. 316, 356, 358). Иначе говоря, от продажи принадлежащего ему имущества государство по-прежнему несёт огромные потери, а класс «новой буржуазии» уже в процессе приватизации нещадно эксплуатирует всё общество, так как у его наживы нет иного источника, кроме доходов, которые недополучило абсолютное большинство граждан страны. Это, так сказать, косвенная эксплуатация трудящихся.

А теперь давайте посмотримся в эксплуатацию прямую, классическую, о которой при Советской власти мы знали только из книжек.

Росстат сообщал, что в 2006 году «оплата труда, включая скрытую (официально не учтённую) зарплату» составила 11,2 млрд. рублей. Получалось, что у каждого наёмного работника по кругу месячная зарплата 13,5 тыс. рублей зарплаты, т.е. 162 тыс. в год (официальная зарплата на 27% ниже).

Если верить официальной статистике, то в России популяция крупных, средних и мелких предпринимателей расплодилось примерно до 2,35 млн. особей (из них владельцев крупного и среднего капитала — около 1 млн. человек) (см.: Экономическая активность населения России. 2008. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2008. С. 57). В 2006 году они получили доход от собственности и предпринимательской деятельности более 3,6 трлн. рублей (см.: Российский статистический ежегодник. 2007. — М.: Росстат, 2007. С. 308). Иначе говоря, средняя душа работодателя ухватила более чем 1,5 млн. руб. дохода. Об официально не учтенных доходах буржуа государственная статистика, естественно, не поминает, хотя только невыплаченные налоги с них лишь отдельными пойманными за руку компаниями составляют порой десятки миллиардов рублей.

Получается, что на 1 руб. зарплаты наёмного работника нынешний российский капиталист имеет 9,5 руб. дохода. Такой дикой эксплуатации труда, кажется, не знал даже колониальный мир.

Свои огромные доходы капиталисты получают совсем не от того, что надрывают пупок на работе. Их источником стала, в первую очередь, «урезанная» заработная плата.

О забастовках рабочих г. Всеволожска (Ленинградская область), которые трудятся на заводе Форда, слышал, наверное, каждый. Автомобилестроители требовали от хозяев, чтобы им платили такую же зарплату, какую получают их коллеги, выполняющие такую же работу на заводах Форда, находящихся в других европейских странах. Сегодня же там платят почти вдвое выше. А ведь всеволожские фордовцы получают зарплату, которая в 2 раза выше, чем на других российских похожих предприятиях. Насколько же меньше платят наёмному работнику в России, чем за границей! За одинаковую работу!

Производительность труда на Всеволожском автозаводе ничуть не ниже, чем на других фордовских предприятиях. Кстати, как подсчитал академик Д.С. Львов, индивидуальная выработка рабочих в России не только не уступает выработке рабочих Западной Европы, но даже превосходит её. А если на приватизированных предприятиях (даже в нефтяной и газовой промышленности) производительность труда ниже, чем за рубежом, и хуже, чем при Советской влас-

ти, то не потому, что плохо работают рабочие. Причина в том, что «наши» новые собственники, во-первых, плохие организаторы производства, во-вторых, чрезвычайно жадные, практически не обновляют оборудование и не внедряют научно-технические достижения.

Главным источником сверхдоходов российской буржуазии стал грабёж наёмных работников. В 2006 году Росстат провел специальное обследование заработной платы в масштабе всей страны (см.: О дифференциации заработной платы в Российской Федерации // Статистический бюллетень. 2007. № 10;

http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_04/lssWWW.exe/Stg/d100/2-trud.htm). Оказалось, что почти 25% работающего населения получало зарплату ниже того официального прожиточного минимума, который предусматривает только те расходы, которые не дают человеку умереть голодной смертью.

Суммарная зарплата нижней по уровню оплаты труда половины работающих составляла менее 20% общероссийского фонда заработной платы. На границе этих двух половин заработок в 2 раза ниже средней в стране заработной платы. Она, средняя, под стать анекдоту про среднюю температуру в больнице, включая морг. 10% самых высокооплачиваемых россиян — это в основном руководители компаний и высшие госчиновники — имели официальную зарплату более 50 тыс. рублей. А ведь сюда не входят разовые премии и доплаты. Их официальная зарплата в 2006 году была в 25,3 раза выше, чем у тех 10% работников, которые имеют самый низкий заработок (см.: там же).

Половина трудящихся, даже если в семье работают 2 человека, не может поддерживать физиологическое(!) существование ещё хотя бы двух детей. Таким образом, нынешняя зарплата в России становится серьёзной угрозой для национальной безопасности страны.

В «Капитале» К. Маркс безоговорочно солидаризировался с мнением одного из исследователей-экономистов, писавшего, что при норме прибыли в 300% капитализм готов на любое преступление. При нынешних масштабах наживы в России само существование капитализма является самым страшным преступлением.

Экономическая эксплуатация пролетариата буржуазией началась с первых шагов становления капиталистического способа производства. Но отношение к ней у исследователей этой проблемы (в том числе у социалистов) было неодинаковым. Новый подход к рабочему классу впервые был подробно раскрыт в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Именно об этой работе В.И. Ленин писал: «...Почти все тогдашние (первой половины XIX века. — В.Т.) социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате **язву**, с ужасом смотрели они, как с ростом промыш-

ленности растёт и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить “колесо истории”. В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата... Они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 6).

Вместе с К. Марксом Ф. Энгельс увидел историческую роль пролетариата как могильщика капитализма ещё в ту пору, когда рабочие только становились на свои классовые ножки, когда только пробовали свой голос и мускулы. Обращение к этим произведениям К. Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина сегодня становится чрезвычайно необходимым хотя бы потому, что современный российский рабочий класс снова проходит этап своего становления как антагониста буржуазии в новых специфических условиях — в условиях реставрации капитализма. Для российских приверженцев коммунистической идеологии начала XXI столетия несомненным уроком являются и подход Ф. Энгельса к пролетариату как активной социальной силе. Важным уроком призван стать и тот бесспорный факт, что В.И. Ленин активно включился в создание пролетарской партии в России, когда рабочий класс в нашей стране был не только очень малочисленным, но и находился ещё в стадии осознания своих особых классовых интересов, когда стачки на фабриках и заводах были не более чем первой пробой сил. В нынешней РФ рабочий класс, как было показано в предыдущей главе, и многочисленнее, и образованнее, и квалифицированнее, но за 74 года Советской власти он практически утратил опыт борьбы за свои классовые интересы в условиях эксплуатации человека человеком.

Выступая на «круглом столе» в редакции газеты «Правда», электросварщик, мастер производственного обучения питерской «Северной верфи», член Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПРФ И.М. Маст отмечал: «Проблему социально-политической зрелости рабочего класса невозможно свести к одной какой-то причине. Я назвал бы три причины.

Первая: советский рабочий класс в течение 70 лет не имел опыта острой классовой борьбы с работодателями. Советское государство старалось не давать поводов для такой борьбы. И мы правильно видели в этом достижение советского строя. Но сейчас, после реставрации капитализма вчерашний плюс обернулся минусом.

Второе: вся капиталистическая система стремится всеми средствами мешать формированию классового сознания рабочих. Перед августовской контрреволюцией 1991 года я работал секретарём парткома «Северной верфи». В советскую пору все — и партийная

организация, и профсоюз, и администрация — старались, чтобы каждая бригада была дружным коллективом. Взаимопомощь была нормой отношений на предприятии. А теперь всё коренным образом изменилось. Бригады, в которых сохранились прежние отношения взаимопомощи, стали редкостью. Их под разными предлогами администрация старается разрушить. В одних случаях это делают тихо, без конфликтов: переводят рабочих на другие участки под предлогом их укрепления. А в некоторых случаях, не стесняясь, разваливают коллектив. Если оценивать по большому счёту, то работодатели стараются насаждать индивидуализм в рабочем классе.

Они уже многого добились в противопоставлении ИТР и рабочих. Раньше инженера, работающего на производстве, рабочие обычно воспринимали за своего человека, как и он не чурался рабочих. Теперь всё иначе. В большинстве случаев инженеры и рабочие сторонятся друг друга.

Третье: партийные организации недостаточно уделяют внимания рабочему классу. Конечно, запрет создавать партийные отделения на предприятиях существенно затруднил нашу работу. Но за 20 лет мы так и не научились обходить этот запрет. А ссылки на него очень часто служат способом оправдать собственные недоделки» (Рабочий класс на старте XXI века // Правда, 5—8 октября 2012 г.)

Трезвая оценка современного состояния российского пролетариата необходима хотя бы для того, чтобы, оглядываясь на первые трудные шаги пролетариата в отстаивании своих интересов, мы были в силах противостоять тому микробу, который способен разъесть наши души неверием в пролетарскую мощь от того, что протестные акции на фабриках и заводах остаются редкостью. Рабочим необходима своя школа классовой борьбы, книжное знание о делах их предшественников им необходимо, но не достаточно для обретения твёрдости духа в борьбе.

Ф.Энгельс был первым исследователем, который не ограничился бытописанием рабочих тягот, он стремился к выявлению сущностей общественных процессов. Им впервые был вскрыт ряд закономерностей капиталистического производства. Важность и справедливость его научных выводов подтверждает российская действительность спустя 170(!) лет. Неслучайно автор сам называл свою работу «обвинительным актом против буржуазии».

Впервые было показано и обосновано, что капитализм не может существовать без резервной армии безработных. Теперь граждане России не из книжек познали, что многомиллионная безработица сопровождает буржуазный миропорядок не только в пору кризисов, но и в «тучные годы». Российская реальность даже внесла дополне-

ния в картины, нарисованные Ф. Энгельсом. Например, доля тех, кто не может найти первое применение своей рабочей силе, в годы экономического подъёма среди безработных даже выше, чем в период депрессии. Кризис в современной РФ приводит к увольнению квалифицированных работников и замене их лицами, не имеющими профессиональной подготовки и квалификации. Эту особенность вынуждены констатировать даже официальные издания Росстата.

Энгельсу принадлежит приоритет в научном доказательстве того, что усиление эксплуатации рабочего класса и всех пролетариев происходит по мере расширения капиталистического производства. И мы «горбом и всей спиной» познаём справедливость выводов мыслителя. Через два десятилетия после восстановления капитализма в нашей стране магнаты пытаются навязать изменение и в так уже неприлично буржуазный Трудовой кодекс РФ. Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» описывал труд рабочих при 12-часовом рабочем дне. «Наши» нувориши стремятся вернуть отечественную экономику в первую половину XIX столетия. Они предлагают перевести наёмных работников на 60-часовую рабочую неделю. Причём хотят лицемерно сделать это «по желанию самих работников».

Едва ли не первым Энгельс отметил значение экономических стачек и профессиональных союзов в защите жизненных интересов рабочих. Сегодня трудовым коллективам России приходится снова познавать открытия более чем полуторавековой давности. Радует, что этот процесс не только начался, но и набирает силу, способную сплотить массовый протест. Подтверждается ещё раз жизненность учения Маркса-Энгельса-Ленина о революционной роли Коммунистической партии в рабочем движении.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс писал: «Никому уже в голову не приходит искать полюбовного соглашения», «каждый видит в другом врага, которого он должен удалить со своего пути» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 364). «И эта война ... становится год от году всё яростнее, ожесточённее и непримиримее; враждующие стороны постепенно обособляются в два больших лагеря, борющихся друг против друга: здесь — буржуазия, там — пролетариат» (там же). А заканчивает свою работу великий мыслитель ещё более определённым выводом. Революция неизбежна: уже слишком поздно предлагать мирный выход из создавшегося положения; но революция может принять более мягкие формы... Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция.

В то же время следует всегда иметь в виду, что, в конечном счёте, противодействие пролетарских масс эксплуатации своей рабочей си-

лы пропорционально степени этой эксплуатации. Поэтому попытаемся рассмотреть, какую долю занимает заработная плата в стоимости и цене производимых товаров. Для этого обратимся к отрасли, продукция которой является предметом повседневного спроса.

Пока российская власть ждала, когда в условиях начавшегося кризиса самые бедные россияне перейдут на хлеб с примесью лебеды, мы имели возможность внимательнее всмотреться в то, кому платим за булку хлеба при расчёте с продавцом. Ему-то, продавцу, от наших денег достаётся не слишком много. Официальная зарплата работников торговли (продавцы и другие «работники прилавка» безусловно представляют собою специфический отряд рабочего класса) составляет лишь 81,2% от среднеарифметической зарплаты в Российской Федерации. Правда, это в 1,65 раза больше заработной платы выращивающего хлеб наёмного работника сельского хозяйства...

Чтобы понять, кому в действительности перетекают наши трудовые, воспользуемся данными обследования Росстата на эту тему, проведённого в 2009 году (см.: О структуре розничных цен на некоторые продовольственные товары. // Статистический бюллетень. 2009. № 8; http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_04/lssWWW.exe/Stg/d08/2-rozn-cen.htm). Цена покупаемого хлеба складывается из двух основных составляющих. Первая из них формируется на хлебозаводе или в пекарне — это отпускная цена производителей. Но после того, как продукция вышла из ворот предприятия, цена продолжает расти. На официальном языке этот прирост определяется как «оборот сферы обращения», в народе же его называют «торговыми накрутками». Хотя торговля — лишь завершающее звено тех сфер, кому идут деньги от булки хлеба, начнём разговор с неё.

Затраты, включаемые в оборот сферы обращения, у разных видов товаров неодинаковы. В цене пшеничного хлеба из муки высшего сорта они, по данным Росстата, составляют чуть больше 20%. Их доля в структуре розничной цены хлеба из пшеничной муки 1—2-го сортов поменьше — 18,4%. Если же вы покупаете хлеб из ржаной и ржано-пшеничной муки, то торговые надбавки возрастают до четвёртой части цены булки.

Присмотримся, на что уходят «торговые накрутки». Для этого возьмём каравай, который Д.А. Медведев в бытность президентом во время посещения продовольственного магазина предназначил богатым. Скажем, вот этот, 400-граммовый, возле которого ценник с цифрами «31 руб. 16 коп.». Следовательно, килограмм такого продукта стоит 79 рублей. Из статистического бюллетеня Росстата узнаём, что у этого продукта оборот в сфере обращения обходится в

15 руб. 98 коп. (20,3% цены). Из них 5 руб. 26 коп. (6,7% цены) выплачены государству в виде налога на добавленную стоимость. 1 руб. потрачен торговыми организациями на доставку товара. 5 руб. 36 коп. — сумма, практически равная НДС, — израсходованы на нужды торгующей точки. Около 80% оборота в сфере обращения — это зарплата продавцов, наёмных менеджеров и других наёмных работников, занятых торговлей хлебом.

Прибыль, конечно же, превышает зарплату — вроде бы на мелочь: на 10 копеек с каравая. Для крупнейших торговых сетей эта «мелочь» выливается в миллиарды. В нынешней России быстрее всего число рублёвых миллиардеров растёт именно в торговле. В ежегодно составляемом журналом «Финанс» списке 500 самых богатых людей России хозяева торговых сетей в 2011 году составляли около 20%.

Производство пищевых продуктов — это отрасль, в которой есть предприятия разного масштаба, но погоду делают средний и малый бизнес. Это убедительно подтверждает статистика. В отрасли около 45 тыс. предприятий. 36 из них, по оценке журнала «Эксперт», входят в число крупнейших российских компаний (журнал считает, что такого ранга достойны всего 400 российских компаний). Что касается крупных предприятий, то они в целом составляют не более 1,5—2%. Из оставшихся минимум 44 тыс. пищевых производств 19,8 тыс. хозяйствующих субъектов государственная статистика относит к разряду малых. Но они Росстатом не обследовались. Значит, приводимые выше данные характеризуют прежде всего средние предприятия и степень эксплуатации в сфере среднего предпринимательства.

Анализ цены хлеба надо было бы начинать с поля. Зерно в русском языке веками принято называть хлебом. Но у нынешней живой дёрной экономики другая логика. Не случайно доля зерна в цене муки составляет всего-навсего 60%. Что касается выпечки хлеба, то здесь основным сырьём является, конечно же, мука. В отпускной цене производителей на муку вместе со всеми добавками, необходимыми для выпечки хлеба, приходится, в зависимости от сорта, от 31 до 33,5%. Ещё примерно 3% этой цены съедают топливо и электроэнергия, а также вспомогательные материалы, которые расходуются на технологические цели при выпечке сытного продукта.

Те, кто выращивает хлеб, получают за свой труд гроши. Но и те, кто выпекает его, — немногим больше. Десятая часть цены готовой продукции, идущая на оплату труда работников пекарен и хлебозаводов, приводит к тому, что в месяц они получают номинальную начисленную заработную плату в размере 80% от среднестатистической зарплаты в экономике РФ.

А теперь мы подошли к той части цены купленной хлебной булки, которой, каюсь, мне жалко. Это — капиталистическая прибыль. Её доля в отпускной цене производителей при выпечке качественного хлеба из пшеничной муки высшего сорта составляет 14,9%.

Однако отвлечёмся от «заводской бухгалтерии» и обратимся к розничной цене главного продукта. Нам в конце концов интереснее знать не заводскую отчётность, а то, кому мы платим за каждый каравай, батон или кирпичик хлеба. Материалы обследования Росстата позволяют достаточно точно ответить на этот вопрос.

Естественно, что начнём анализ снова с полноценного хлебушка. В розничной цене (её мы как раз и знаем по магазинным ценникам) килограмма такого хлеба четвертая часть приходится на муку и основные материалы, без которых невозможно выпечь высококачественный хлеб. Это 19 руб. 72 копейки. Расходы на производство такого хлеба оцениваются в 27,3% магазинной цены продукта. При пересчёте на килограмм — 21 руб. 60 копеек. Из них уходит на оплату труда всех работников, причастных как-либо к выпечке таких караваев, 6 руб. 60 коп. (кстати, сюда вошли отчисления на социальные нужды). Но это всего-то десятая часть цены производителей. Прошу запомнить: только 10%. К этому Росстат добавляет 6 руб., израсходованных предприятием на коммерческие нужды.

И вот уже подсчитана «полная себестоимость единицы продукции». Выяснилось, что себестоимость килограмма хорошего хлеба — 47 руб. 32 копейки. Она, себестоимость, не дотягивает даже до 60% розничной цены. К ним, конечно, надо добавить 20% оборота сферы обращения, о чём шла речь выше. Но где ещё 20% розничной цены?

Ах да, ещё существуют налоги. Производитель продукта облагается прежде всего налогом на добавленную стоимость, а это — 7,19% розничной цены, или 5 руб. 68 коп. с каждого килограмма высококачественного хлеба. Есть ещё и другие налоги, но в магазинной цене они, как утверждает Росстат, составляют 0,03%. Ими можно, как говорят математики, пренебречь, чего никак нельзя сделать, когда дело доходит до прибыли собственников.

Прибыль предприятий, осуществляющих производство качественных хлебных продуктов, равна 11,9% их розничной цены. Итак, 9 руб. 38 коп., которые покупатели платят в магазине за каждый килограмм пышного каравая, превращаются в их принудительное пожертвование на божницу капитала, ибо частный собственник молится только прибыли.

Невозможно не сравнить её с тем, что достаётся наёмным работникам. На 6 руб. 60 коп., идущих на оплату труда реальным произво-

дителям хлеба, приходится 9 руб. 38 коп. прибыли. Нажива от каждого килограмма продукции в 1,4 раза больше заработной платы. Кто-то возразит, что надо считать чистую прибыль. Что ж, посчитаем. Налог на прибыль составляет 20%. Выделим из прибыли и 9% налога, который взимается с дивидендов. Останется 6 руб. 83 копейки. Правда, в этом случае из приводимых Росстатом цифр оплаты труда придётся вычесть 27% взносов в государственные внебюджетные фонды (бывший единый социальный налог) плюс 13% подоходного налога, после чего она, реальная, будет равна 4 руб. 60 копейкам. После таких операций выяснится, что чистая прибыль, когда она обращается в дивиденды, в 1,5 раза выше реальной зарплаты.

Расщедрившись, купил зерновой хлеб «Геркулес». Полукилограммовая буханка стоила 30 руб. 50 копеек. Все сотрудники петербургской компании «Хлебный дом» от технички до главного инженера получили от моей покупки в виде зарплаты сумму 2 руб. 55 копеек. На счета же владельцев поступило от принесённой на ужин буханки 3 руб. 62 копейки. Выходит, только от одной реализованной булки владельцам досталось в 1,4 раза больше, чем всем наёмным работникам, причастным к её производству. Случайное совпадение? Нет, просто в этом производстве норма прибавочной стоимости составляет 142%. Это значительно больше той её величины, которую К.Маркс закладывал в расчёты функционирования капитала в своём главном одноимённом труде. Он не сомневался, что капитал процветает и при 100-процентной прибавочной стоимости.

Днём раньше я покупал 300-граммовый батон «Нарезной», предназначенный для малоимущих (его в некоторых магазинах в начале кризиса на ценниках определяли как «социальный продукт»). Заплатил 16 рублей. Из них рабочим и специалистам в виде зарплаты достались 1 руб. 28 копеек. А прибыль собственника приросла на 1 руб. 1 копейку. Эти рассыпающиеся и весьма быстро плесневеющие батоны предназначены для бедных. С них прибыль установлена заметно ниже — 6,3%. Но и доля розничной цены, идущей на зарплату (вместе с отчислениями на социальные нужды), составляет всего 8%.

Вот во всём, что касается доли прибыли, которая идёт в карман частных собственников, дельцы чрезвычайно мобильны, современны и неутомимы. До начала экономического кризиса соотношение доли прибыли хозяев и зарплаты наёмных работников в хлебопекарном производстве мало зависело от сорта хлеба и было примерно одинаковым. Но власти с наступлением кризиса стали настойчиво (и лицемерно) рекомендовать производителям и торговле выделить «социальные продукты» и по возможности не повышать на них цены (правда, к концу 2010 г. они об этой акции успеш-

но забыли, так как население успело привыкнуть к взлетевшим ценам). Как свидетельствует обследование Росстата, хозяева хлебо-заводов и пекарен высочайшее пожелание приняли к исполнению. В цене производителей норма прибавочной стоимости при производстве сортов «хлеба для бедных» была снижена на 10%. Но тут же фабриканты повысили её на другие сорта. На «модный» ржаной хлеб она выросла на 17%, а на хлеб из качественной пшеничной муки — на 46%*.

Нувориши при этом заботились, конечно же, только о собственном кармане. Но в результате таких действий социальная поляризация россиян дошла теперь уже и до хлебной полки. Сорта покупаемого хлеба всё очевиднее становятся показателем места, которое капитализм отвёл человеку на крутой социальной лестнице. Каждому — своё...

...Волга уже осталась позади, а поезд-экскурсовод продолжал знакомить с необъятными просторами страны. Кажется, в Удмуртии на промелькнувшей за окном промплощадке успел прочитать плакат о том, что источник и созиданья, и вдохновенья — труд. Сперва радостно подвигился «рудименту социализма», а потом на душе стало горько. Ныне труд в России разжалован: ни чести, ни славы. Диктаторы современного массового сознания оставляют за ним единственную функцию — быть для человека источником индивидуального существования. А часто — даже не существования, а выживания. Эту горькую ситуацию подтверждает даже официальная государственная статистика (см.: Заработная плата работников по категориям профессионала и профессиональным группам. // Статистический бюллетень. 2008. № 8; http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_04/issWWW.exe/Stg/08/2-plat.htm).

Опубликованные государственной статистикой данные говорят о том, что повышение доли неквалифицированных рабочих в структуре современной рабочей силы РФ, хотя по годам и колеблется, приобрело характер устойчивой тенденции. Существенное снижение технической вооружённости производства за годы реставрации капитализма приводит к тому, что степень износа основных фондов с начала нового столетия остаётся стабильно высокой, близкой к 50%. Как и два года назад, в «народном» хозяйстве примерно пятую часть составляют **полностью** изношенные основные фонды. Вот и растёт спрос на работников, основная функция которых — «бери больше, кидай даль-

* Все расчёты выполнены на основе данных Росстата. См.: О структуре розничных цен на некоторые продовольственные товары // Статистический бюллетень. 2009. № 8; http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_04/issWWW.exe/Stg/d08/2-rozn-cen.htm.

ше». Ясно, что их заработная плата самая низкая среди индустриального рабочего класса. Обследование Федеральной службы государственной статистики, проведённое в 2007 году, выявило, что в среднем по стране она составляла 3 914 рублей, то есть менее 40% среднестатистической зарплаты в Российской Федерации. И хотя в дальнейшем она росла даже быстрее средней зарплаты квалифицированных рабочих, всё равно остаётся низкой.

С точки зрения работодателя-капиталиста эта категория рабочих чрезвычайно выгодна тем, что практически не требует никаких затрат на собственную подготовку. Обследование свидетельствует, что величина средней зарплаты неквалифицированных рабочих совершенно не зависит от их трудового стажа (для сравнения: операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин в современных условиях достигают пика своей зарплаты при 15—20-летнем стаже работы, ибо только к этому времени они осваивают вершины профессионального мастерства в своем деле). Потому самую высокую зарплату в своей группе имеют рабочие в возрасте от 20 до 24 лет, то есть в пик своего здоровья и физической силы (см.: там же).

Обследование выявило своеобразный парадокс, который, правда, естественно вытекает из природы капитализма, основным экономическим законом которого является производство прибыли. **В ведущих отраслях экономики, перешедших в основном на рельсы капиталистического хозяйствования, работникам неквалифицированного труда создаются... определённые преимущества.**

В сегодняшней России с точки зрения зарплаты самыми привилегированными оказались те, кто занят добычей полезных ископаемых. В отрасли заработная плата и квалифицированных рабочих, и операторов, машинистов установок, и слесарей в среднем в 1,6 раза выше, чем у их коллег с такой же квалификацией, занятых в других отраслях. Когда же дело касается неквалифицированных рабочих, то их заработная плата в добывающих отраслях по сравнению со средней в экономике России по этой квалификационной группе выше уже в 2,1 раза. В обрабатывающих производствах ситуация ещё парадоксальнее. Здесь зарплата рабочих высшей и средней квалификации ниже, чем в среднем у коллег по «народному» хозяйству, тогда как у неквалифицированных рабочих она почти в полтора раза выше. То же наблюдается в строительстве, торговле, транспорте и связи, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (см.: там же).

Лицом рабочего класса всегда являлись не люди без профессиональной подготовки, а **квалифицированные рабочие**. Кстати,

именно они выступали и авангардом в борьбе за интересы трудящихся. У этой группы индустриальных рабочих на рынке труда сегодня свои проблемы и перекосы. Они заметно отразились в результатах изучения общественного мнения наёмных работников физического и умственного труда горно-металлургической промышленности (неквалифицированные рабочие, по признанию социологов, составили лишь 3% выборки исследования «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности») (см.: http://www.isras.ru/files/File/Publication/ad_gmpr_2011_2.pdf).

Во время социологического исследования рабочих, специалистов и других наёмных работников горно-металлургической промышленности России им был задан вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением: «Сегодня каждый сам решает свои проблемы, и нет особого смысла объединяться с кем-либо для защиты общих интересов»?». Ответ был недвусмысленным. И перед экономическим кризисом в 2007-м, и 4 года спустя позиция пролетариата осталась неизменной. Предложенную жизненную позицию стабильно отвергают 81% опрошенных. Противоположного мнения придерживается почти в 5 раз меньше работников (17—18%).

Результаты опроса, с одной стороны, чрезвычайно выразительны, ибо свидетельствуют о том, что навязать культ индивидуализма, соответствующий природе буржуазного жизнеустройства, трудящимся России за 20 лет реставрации капитализма не удалось. С другой стороны, они были предсказуемы. Более того, они были предсказаны Ф. Энгельсом ещё в середине 40-х годов XIX века «Положение рабочего класса в Англии», где он писал: «Если централизация населения вызывает оживление и усиленное развитие имущих классов, то развитию рабочих она содействует ещё больше. Рабочие начинают чувствовать себя — в своей совокупности — как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 454*).

Действительно, опрашивались работники отрасли, предприятия которой, как правило, в крупных и больших городах (более 50 тыс. жителей). Сами заводы и рудники также являются крупными (по международной статистике крупными считаются предприятия, на которых трудится более 500 работников). К тому же в опросе выяснилось их отношение как раз к «защите их общих интересов».

Теперь предстоит выяснить, какие первостепенные «общие во-

просы» приходится наиболее часто защищать работникам наёмного труда. Логично предположить, что наиболее насущным вопросом для трудящихся является оплата их труда: ею не удовлетворены 70% опрошенных. Своё материальное положение считают хорошим всего 7—8% наёмных работников горно-металлургической промышленности. Здесь надо заметить, что в этой отрасли, по данным Росстата, средняя зарплата на 5—10% выше среднестатистической по РФ в 2005—2010 годах. Правда, несмотря на среднестатистическое благополучие, 28% респондентов сообщили, что их зарплата понизилась, при этом почти половина из них объяснила это снижение тем, что «на нашем предприятии зарплата не индексировалась». Ещё 8% причиной снижения оплаты труда назвали «снижение прибыли предприятия, организации». Впрочем, как сообщал журнал «РБК», по итогам 2010 года прибыль некоронованных королей металлургии, несмотря на снижение производства продукции, выросла почти на четверть.

Рабочим, ИТР и служащим социологами был задан вопрос: «От чего (или от кого) прежде всего зависят Ваши заработки?». Отвечая на него, только 24% опрошенных указали, что заработок зависит «от результатов моей личной работы». В то же время 26% респондентов ответили: «От непосредственного начальника». Вероятно, это одно из объяснений того факта, что во время последнего опроса наёмных работников горно-металлургической промышленности доля отметивших, что за последние три года отношения в коллективе стали хуже, в 2 раза больше тех, кто отметил, что они улучшились.

О необходимости солидарного поведения трудящихся и коллективной защиты ими своих интересов и прав убедительно свидетельствуют ответы рабочих и специалистов о том, «бывали ли за последние три года у Вас на работе конфликты между руководством и работниками». Доля тех, кто считает, что у них конфликтов между руководством и работниками не было, весьма постоянна и составляет 23—24%. В то же время положительно на этот вопрос отвечали в 1999 году 55% респондентов, в 2003-м — 63%, в 2007-м — 55%, в 2011 году — 60%.

Как нетрудно предположить, чаще всего причиной противостояния наёмных работников и администрации, выражающей интересы частных собственников, были вопросы оплаты труда. Впрочем, исследование ИС РАН позволяет нарисовать более многомерную картину конфликтов, в основе своей имеющих классовую природу (см. таблицу 17).

Таблица 17.

**Причины имевших место трудовых конфликтов,
% ответивших**

Причины конфликтов	2003	2007	2011
Низкий уровень зарплаты	49	55	56
Незаконные действия администрации	17	24	22
Неудовлетворительные условия труда	12	20	18
Разногласия при подготовке коллективного договора	9	16	16
Нарушения условий коллективного договора	13	13	13
Реорганизация предприятия	11	13	11
Массовые увольнения	5	5	7
Задержки зарплаты	22	4	5
Преследования профсоюзных лидеров	2	3	2
Невыплаты зарплаты	7	2	3
Финансовое банкротство предприятия	3	1	1
Не ответили	49	37	28

Итак, главной причиной трудовых конфликтов (здесь, думается, горно-металлургическая отрасль не составляет исключения) является низкая оплата труда. Исследование показало, что только 8% опрошенных согласны, что получаемый ими заработок соответствует выполняемой работе. 78% работников убеждены, что выполняемая работа должна оплачиваться выше как минимум в 2 раза. Число конфликтов между трудящимися и работодателями из-за неудовлетворяющего наёмных работников уровня оплаты труда растёт с каждым годом.

Ещё одним серьёзным источником конфликтов являются незаконные действия администрации. Исследователи не расшифровывают характер этих действий. Однако из СМИ и других источников известно, что администрация обычно пренебрегает нормами Трудового кодекса, когда переводит работников на менее оплачиваемую работу, на работу, не соответствующую их квалификации, а то и несправедливо увольняет с предприятия.

Но особого внимания заслуживает графа «не ответили». Если в 2003 году уклонялся от ответа на вопрос о причинах конфликтов между хозяевами и наёмными работниками практически каждый второй опрошенный, то в 2011 году таких осталось лишь 28%. Сокращение в 1,75 раза. Оно убедительно свидетельствует о росте

классового сознания пролетариев как физического, так и умственного труда, повышении их боевого духа. Думается, всё большую роль в этом позитивном процессе играет коллективизм трудового люда при защите пролетариями их общих интересов.

Об этом свидетельствуют выявленные социологами результаты классового противостояния: медленно, но неуклонно меняется соотношение удовлетворённых и неудовлетворённых требований трудящихся. По сравнению с 2003 годом в 2 раза сократилось количество случаев, когда требования рабочих полностью отклонялись работодателями. Зато количество и полностью, и частично удовлетворённых требований, судя по ответам трудящихся, росло. В результате соотношение побед и поражений наёмных работников в их борьбе за свои интересы и права менялось следующим образом: в 1999 и 2003 годах на одно полное поражение приходилось пять-шесть (чаще всего частичных) побед. В 2007 году ситуация изменилась: трудящиеся достигали 10 побед на каждое своё поражение, а в 2011-м — даже одиннадцати.

Вселяет надежды и ещё одна «арифметика»: изменились пропорции между полностью отклонёнными и полностью удовлетворёнными требованиями рабочих, служащих и специалистов. В 1999 и 2003 годах капиталисты одерживали «чистые» победы в полтора раза чаще, чем наёмные работники, а в 2007 и 2011 годах прежнее полуторакратное соотношение сохранилось, но теперь оно стало в пользу наёмной рабочей силы.

Трудовые конфликты между пролетариями и капиталистами приводили к потерям другого рода. В одних случаях работодатели увольняли организаторов протеста, в других — трудящимся удавалось добиться увольнения наиболее одиозных сотрудников администрации. Здесь какой-либо устойчивой тенденции пока нет, но при любых пропорциях соотношение остаётся в пользу владельцев средств производства. Составленная социологами таблица даёт достаточно полную картину противостояния труда и капитала (см. *таблицу 18*).

Однако социологическое исследование показывает и очевидные слабости протестов наёмных работников против своих эксплуататоров. Во-первых, выясняется, что с некоторым повышением результативности трудовых конфликтов на предприятиях горно-металлургической промышленности растёт доля тех, кто ничего не может (или не хочет?) сказать о том, чем эти конфликты завершились. В 1999 году таковых было 14% респондентов, в 2003 году — 22%, в 2007 и 2011 годах — 25—26%. Объяснений такой ситуации может быть два. Одно связано с недостатками информированности

Таблица 18.

**Результаты конфликтов
между рабочими и руководством предприятий**

Результаты конфликтов	1999	2003	2007	2011
Требования работников были удовлетворены полностью	6	7	10	9
Требования работников были удовлетворены частично	47	50	52	56
Требования работников не были удовлетворены	9	12	6	6
Некоторым работникам приходилось увольняться из-за преследований со стороны руководства	7	10	10	8
Некоторым руководителям приходилось увольняться в результате конфликта	2	2	2	2

части трудящихся, другое — с её безразличием к жизни предприятия. А некоторые причины безразличия нам известны с детских лет. Помните, как К. Чуковский описывал поведение кузнечика в стихотворении «Тараканище»:

*А кузнечик, а кузнечик
Ну совсем как человечек:
Скок-скок, под мосток
И — молчок.*

О том, что поведение а-ля кузнечик наблюдается и среди людей, объективно принадлежащих к пролетариату, свидетельствуют и материалы исследования. Респондентам был задан лукавый вопрос: «Исходя из Вашего опыта, какое из двух суждений Вы считаете более обоснованным?». Первый вариант — «С людьми надо быть осторожнее» — выбрали в 1999 году 36% опрошенных, в 2003 году — уже 64%, в благополучном 2007-м — 54%, в 2011-м — 62%. Позиция «Людям надо доверять» получает в последние годы куда меньшую поддержку: от 61% в 1999 году до 37% в 2011-м. Надо всё время иметь в виду, что пролетарское сознание у современных наёмных работников физического и умственного труда формируется в

условиях острейшего противостояния с господствующим буржуазным мироустройством и мировидением.

Во-вторых, многие трудовые конфликты не сопровождались коллективными протестными выступлениями трудящихся. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить количество конфликтов, отражённое в таблице 18 (Результаты конфликтов между рабочими и руководством предприятий), и ответы респондентов, полученные социологами на вопрос: «Были ли на Вашем предприятии за последние три года коллективные выступления работников?». Почти каждый второй на этот вопрос ответил отрицательно (по годам ответы распределились так: в 2003 г. 48% опрошенных заявили, что не было никаких коллективных выступлений, в 2007 и 2011 годах — 42%).

В-третьих, коллективные выступления наёмных работников выражаются прежде всего, скажем так, в «парламентских» формах. Почти четверть составляют «петиции», в которых выдвигаются требования к администрации, десятую часть — «коллективные обращения к властям», 4—5% — «коллективные обращения к общественности (в СМИ, к депутатам, политическим партиям и т. п.)». Надо трезво оценивать подобные акции. С одной стороны, они отражают ранние, незрелые формы пролетарского протеста против эксплуататоров. С другой — это необходимая ступень классового взросления наёмных работников физического и умственного труда. Не забудем, что перед Первой русской революцией питерские пролетарии тоже писали петиции, и, возможно, этот процесс ещё продолжался бы достаточно долго, если бы его не прервали оружейные залпы 9 января 1905 года у Зимнего дворца. Но переход к следующему этапу защиты своих классовых интересов в любом случае неизбежен.

Целесообразно трезво оценивать поведение наёмных работников во время трудовых конфликтов, видеть их необоснованную робость во время защиты собственных интересов. Но при этом не менее важно понимать, что их твёрдость в отстаивании прав и интересов — дело наживное.

Аналитики разных политических мастей в 2012 году усердно критиковали рабочий класс, особенно после того, как нижнетагильские вагонотанкостроители отказались поддерживать праволиберальных политиканов, но провели акции формально пропутинского характера. Нет нужды переубеждать любые эха ельцинской «демократии», прославившейся августовской узурпацией власти, избиениями и водомётами против Первомайской демонстрации трудящихся столицы в 1993 году, затем кровопролитием 3—4 октября 1993 года, танковым обстрелом Дома Советов в Москве и прочими аналогичными «прелестями». Что касается наших, коммунистических,

подходов, то давайте прислушаемся к мудрому совету В.И. Ленина: «Указывая на солидарность с рабочими тех или иных оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчёркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников. Нам скажут: “такое указание **ослабит** всех борцов за политическую свободу в настоящее время”. Такое указание **усилит** всех борцов за политическую свободу, — ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на **сознанные** реальные интересы известных **классов**, и всякое затушёвывание этих классовых интересов, играющих уже доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 453). Поэтому именно сегодня чрезвычайно важно изучать реальное состояние настроений российского пролетариата, в который входят уже не только рабочие, занятые физическим трудом, но и наёмные эксплуатируемые работники умственного труда.

Опрос металлургов и горняков показал, что при разнообразии мировоззренческих позиций, при любой остроте трудовых конфликтов у большинства трудящихся нет сомнений в том, кто является их антагонистом. Как бы социологи ни формулировали вопросы на эту тему, ответ абсолютного большинства наёмных работников неизменен: труду противостоит капитал. И это принципиально важно.

В социологическом исследовании общественного мнения наёмных работников горно-металлургической промышленности выразителем интересов труда представлены профсоюзы, а капитала — «начальник, администрация». В результате учёными выявлены две примечательные тенденции. Трудящиеся со своими проблемами обращаются прежде всего в профсоюз (отношение наёмных работников к профсоюзу — это тема особого разговора, но об этом в другой главе). К администрации, представляющей интересы собственников, трудящиеся обращаются только по тем вопросам, решение которых полностью сосредоточено в руках работодателя. С учётом этих особенностей выяснилось: работники готовы обращаться по вопросам сокращения (увольнения) или перевода на другое рабочее место в профсоюз в 1,84 раза чаще, чем в администрацию, по вопросам получения льгот и компенсаций — в 2,5 раза больше. По проблемам охраны труда — примерно в 1,4 раза чаще, по вопросам отдыха и досуга наёмные работники обращались в профсоюзные организации почти в 7 раз больше, чем в администрацию.

Впрочем, по ряду позиций члены профсоюза обращаются за помощью чаще не в профсоюз, а в администрацию, что, на первый

взгляд, свидетельствует о доверии к представителям собственника. Такая ситуация зафиксирована, когда дело касается режима и условий труда и его оплаты. Но необходимо иметь в виду, что по вопросам зарплаты в профсоюз (или в трудовую инспекцию, комиссию по трудовым спорам и прочие подобные структуры) работники обращаются только после того, как ответ администрации на поднимаемый ими вопрос вызвал неудовлетворённость или трудовой конфликт. Тогда, судя по опросу 2011 года, получается, что на каждые три из семи обращений по вопросам оплаты труда администрация давала ответ, не удовлетворяющий работника в такой степени, что он вынужден был опротестовывать её решение в профсоюзных органах. Что касается режима и условий труда, то там картина ещё более грустная. На претензии работников, связанные с их условиями труда, администрация в 80% случаях отвечала отказом, после чего они вынуждены были обращаться в профсоюз. Что касается режима труда, то подобная ситуация складывается, судя по исследованию 2011 года, в 93% случаев.

О господствующему на предприятиях недоверии наёмных работников к владельцам-капиталистам свидетельствует ответ на несложный вопрос социологов: «Действует ли на вашем предприятии паритетный социальный совет из представителей работников и работодателей?». Дело даже не в том, что только 31% опрошенных тружеников горно-металлургической промышленности ответили на него положительно. Куда существеннее, на наш взгляд, что 45% опрошенных подчеркнули позицию «затрудняюсь ответить» и ещё 4% респондентов на этот вопрос отвечать не стали. Получается, что каждому второму труженику отрасли безразлично, есть такой совет или нет, так как из своего социального опыта он уже наверняка знает, что пользы для людей наёмного труда от «паритета» «волков и овец» быть не может.

В последние четыре года труженики горно-металлургической отрасли стали реже обращаться в администрацию со своими нуждами, в то время как поток обращений в профсоюз возрос. При этом, конечно, нельзя забывать, что действующее законодательство оставило профсоюз единственной организацией на предприятии, обращаясь к которой наёмные работники хоть в какой-то мере могут опротестовывать действия владельцев предприятия и обслуживающих его менеджеров.

В ходе исследования социологи попытались выставить «средний балл» различным сторонам социальной жизни предприятий на основе ответов его работников (удовлетворён — 5 баллов, не удовлетворён — 1 балл). По этой модели получилось, что предпринимате-

ли и их администрации — заурядные «троечники», а то и «двоечники» (см. таблицу 19).

Таблица 19.

**Оценка различных сторон жизни предприятия
его работниками**

	Ответившие Средний балл		Не ответили % опрошенных	
	2007	2011	2007	2011
Своевременность выплат	4,50	4,54	13	12
Отношения с коллегами	4,18	4,25	13	13
Режим труда	3,98	3,99	14	13
Стабильность рабочего места	3,94	3,99	15	13
Содержание работы	3,87	3,83	15	14
Отношения с руководством	3,86	3,79	13	13
Условия труда	3,81	3,72	14	12
Соблюдение трудовых прав работников	3,53	3,44	16	14
Информация о деятельности предприятия	3,51	3,31	16	14
Социальные и профессиональные льготы и гарантии	3,51	3,45	16	14
Учёт мнений работников при принятии решений	3,03	2,86	18	15
Справедливость оплаты	2,62	2,36	14	13
Размер оплаты	2,57	2,28	11	10

Таблица примерно поровну распадается на две части: 7 верхних строк, за исключением своевременности выплаты заработной платы, не определяются поведением работодателей, более того, собственник и его администрация даже заинтересованы в поддержании благополучия в перечисленных сферах. Иное дело нижняя половина таблицы, в ней сосредоточены показатели, которые напрямую зависят от поведения и интересов собственников и нанятого ими менеджмента.

И столь принципиальные различия чётко отразились в представленных наёмными работниками баллах. В верхней части таблицы

они выше 3,5, тогда как показатели, зависящие от позиции и поведения работодателей и администрации, колеблются от 3,5 до 2,5, то есть имеют самые низкие оценки. Ещё раз подтверждается тот факт, что источником трудовых и социальных конфликтов в современной российской экономике выступает класс частных собственников, захвативших в 90-е годы в процессе приватизации общенародные средства производства, и его обслуга.

Кстати, оценки различных сторон жизни предприятия были бы явно ниже, если бы 13—14% опрошенных не уклонялось от ответов. Практика показывает, что обычно не дают ответы социологам те, кто не удовлетворён положением, но боится выражать своё недовольство перед начальством. Впрочем, некоторое (пока весьма незначительное) сокращение доли не ответивших респондентов можно считать хорошим признаком: страх перед работодателем уменьшается тогда, когда, с одной стороны, растёт классовое сознание, вызываемое недовольством возрастающим угнетением, с другой — когда появляется уверенность в надёжности плеча товарищей по классу.

«Единица — вздор, единица — ноль...». Эта строчка — из замечательной поэмы Владимира Маяковского. Осознание «нулевых возможностей» одиночки — это первая стадия формирования классового сознания рабочего человека. На современном капиталистическом предприятии она зримо проявляется в отношении наёмных работников к коллективному договору. Этот правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения работника с владельцем средств производства, родился ещё в середине XIX века в Великобритании. В нашей стране он был узаконен в советскую эпоху, когда владельцем средств производства выступало общество, а распорядителем — государство. Социалистическое трудовое законодательство отводило большую роль коллективному договору, он реально обеспечивал в каждом конкретном коллективе широкие социальные права его работникам.

Сегодня трудовой договор призван ограничить произвол капиталиста, ставшего в результате буржуазной контрреволюции 1991 года владельцем основных средств производства. Значение этого документа осознаёт большинство наёмных работников физического и умственного труда. Социологи задали металлургам и горнякам вопрос: «С учётом практики заключения и выполнения коллективного договора, как Вы полагаете, нужен ли коллективный договор на вашем предприятии?». Положительно ответили на вопрос в 2003 году 89% респондентов, в 2007-м — 92%, а в 2011-м — даже 95%. Отрицательный ответ во всех трёх опросах давали только 3% рабочих, специалистов и служащих отрасли. Более того, по мнению иссле-

дователей, «участие трудового коллектива в обсуждении проекта трудового договора находится на достаточно представительном уровне — 56%. В 2011 г. 29% лиц, присутствовавших при обсуждении проекта договора, вносили свои предложения, 11% которых нашли отражение в подписанном коллективном договоре».

Результаты опроса позволяют считать, что в горно-металлургической промышленности России коллективные договоры в той или иной мере выполняют функцию защиты прав трудящихся. Только при такой ситуации 47—48% наёмных работников могут ответить: «Да, знаю его хорошо», а ещё более 40% опрошенных отметить, что знают его отдельные положения. Выходит, в документе есть пункты, которые существенны практически для каждого члена трудового коллектива. Конечно, было бы неверно рассматривать коллективный договор как панацею от всех подстерегающих трудящихся бед в их взаимоотношениях с работодателями. Более того, как справедливо отметили исследователи ИС РАН, «подписание колдоговора ещё не означает, что работодатель будет неукоснительно соблюдать его положения. Нарушение записанных в договоре статей также ведёт к трудовым конфликтам. Согласно нашему исследованию 2011 года это стало причиной 13% трудовых конфликтов». Иначе говоря, трудовые конфликты провоцирует класс, который захватил командные высоты в экономике.

О том, что в современном российском обществе господствующим классом является буржуазия, свидетельствует и судьба коллективных договоров в пору экономического кризиса, из которого Россия, как и весь капиталистический мир, до сих пор не может выкарабкаться. Защищая свои корыстные интересы, правящий класс на многих предприятиях добился приостановления коллективных договоров. 21% работников горно-металлургической промышленности указали, что в 2007—2009 годах на их предприятиях коллективные договоры утрачивали свою силу. Ещё 20% респондентов ничего не знали о судьбе своего коллективного договора во время кризиса. Это значит, что даже если он продолжал существовать, на предприятии к нему никто не апеллировал.

Но и на других предприятиях коллективные договоры в целом не выдержали испытания кризисом. 66% опрошенных металлургов и горняков указали на то, что в кризисную пору многие положения коллективных договоров были пересмотрены. В них были включены пункты, допускающие введение режима неполного рабочего дня. 45% респондентов отметили, что коллективные договоры стали разрешать работодателям сокращать социальные льготы наёмным работникам.

Надо отметить, что учёные ИС РАН в докладе «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности» не только много внимания уделили проблемам коллективных договоров в условиях экономического кризиса, но и указали самые болевые точки в классовом противостоянии эксплуататоров и эксплуатируемых.

Исследователи обращают внимание на то, что «оказалось нереальным подписание очередного Отраслевого тарифного соглашения (ОТС). Поэтому 27 марта 2009 году было оглашено соглашение «О продлении срока действия Отраслевого тарифного соглашения по горно-металлургическому комплексу РФ на 2006—2008 годы с приостановкой отдельных пунктов». При этом «Ассоциация промышленников горно-металлургического комплекса России (АМРОС) предлагала приостановить действие 35 пунктов ОТС. В результате горно-металлургическому профсоюзу России (ГМПР) удалось добиться подписания соглашения с приостановкой 12 пунктов (6 пунктов касались вопросов оплаты труда), кроме того 5 пунктов временно приостанавливались при недостатке финансовых средств у предприятия (организации). Таким образом, соглашение предусматривало возможность корректировки коллективных договоров».

Здесь надо заметить, что профсоюз активно участвовал в создании предпосылок для соглашения, направленного против интересов трудящихся. Как отмечается в научном докладе социологов, ещё в декабре 2008 года «III пленум ГМПР призвал с учётом конкретного финансово-экономического состояния предприятий принимать сторонами социального партнёрства временные соглашения, конкретизирующие применение отдельных положений коллективного договора». Профбоссы предугадали желания капитала и услужливо пошли ему навстречу. Немудрено, что после такого решения пленума ЦС ГМПР и подписания соглашения работодатели на предприятиях стремились «ввести режим жёсткой экономии за счёт пересмотра обязательств коллективных договоров и локальных нормативных актов, прежде всего по вопросу оплаты труда путём сокращения выплат стимулирующего характера, уменьшения или полного прекращения финансирования социальных программ, оптимизации численности персонала и др.».

В погоне за сверхприбылью во время кризиса владельцы предприятий приняли особенно энергичные меры для сокращения заработной платы наёмных работников. 12% респондентов сообщили, что спекулирующие на кризисе предприниматели добились, чтобы в «отредактированных» коллективных договорах было предусмотрено замораживание заработной платы. 17% опрошенных металлургов и горняков к этому добавили, что в пересмотренных доку-

ментах, регулирующих на рудниках и заводах отношения работников и владельцев средств производства, появились пункты о праве работодателя сокращать оплату труда.

Заметным ударом по правам наёмных работников стали нормы пересмотренных коллективных договоров, допускающие введение неоплачиваемых отпусков (на это указали 12% опрошенных) и увольнение по причинам экономического характера (10%). Более того, 7% металлургов и горняков указали в своих ответах социологам, что с началом кризиса на их предприятиях введены так называемые срочные договоры. Они дают право собственникам предприятий и их топ-менеджерам увольнять работника по истечении указанного в индивидуальном договоре срока без каких-либо прав нанятого опротестовывать решение работодателя в комиссии по трудовым спорам, в суде или других инстанциях. Как показывает практика, администрация, выполняя волю хозяев, обычно ограничивает срок договора одним годом, а то и меньше.

Как отмечают учёные ИС РАН, «особенно трудно шло согласование положений по вопросу оплаты труда при подписании ОТС на 2010 год. В результате минимальный размер оплаты труда был установлен на уровне “не ниже 1,2 величины прожиточного минимума (и это в горно-металлургической промышленности!)”. Фактически же в “послекризисный период” профсоюзным организациям предприятий не всегда удавалось включать в коллективные договоры нормативы, предусмотренные Отраслевым трудовым соглашением. Были случаи, когда минимальный размер оплаты труда оказывался “ниже установленного стандарта”, то есть МРОТ. Немногим больше в этом вопросе удалось добиться профсоюзу и при подписании ОТС на 2011—2013 гг., который предусматривал МРОТ на уровне “не ниже 1,3 прожиточного минимума” населения в соответствующем субъекте РФ».

В такой ситуации социологи предложили наёмным работникам горно-металлургической промышленности выбрать из двух вариантов тот, который больше соответствует их жизненной позиции:

1. Значительное увеличение зарплаты за счёт сокращения кадров;

2. Умеренное увеличение зарплаты в соответствии с уровнем инфляции и сохранение трудового коллектива.

Оказалось, что в 2011 году 90% опрошенных выбрали второй вариант ответа (в 2007 г. ему отдавали предпочтение 81% респондентов). Социологи сделали вывод о «возросшей озабоченности работников проблемой занятости». Даже если принять такое объяснение, то оно всё равно окажется чрезвычайно мелким. Куда важнее видеть даже в

кризисной ситуации отторжение человеком труда индивидуалистской ограниченности буржуа и набирающее силу утверждение большинством трудящихся пролетарской солидарности.

Жизнь вновь и вновь подтверждает правоту «Манифеста Коммунистической партии» с его пророческими словами: «Рабочие начинают с того, что образуют коалиции* против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы... Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а всё шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют всё растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими разных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 432—433).

Но сегодняшняя стадия рабочего движения в России представляет собой лишь подготовку к такой борьбе. И об этом свидетельствует официальная статистика. По данным Росстата, в межкризисный период в рабочем классе самое заметное сокращение численности безработных произошло среди квалифицированных рабочих, на втором месте идут операторы, аппаратчики, машинисты и слесари. Несмотря на существенную безработицу в течение почти всего 2006 года, предприятия и организации страны ежемесячно испытывали потребность в 1,0—1,15 млн. работников. Дело в том, что на стадии подъёма капиталистической экономики среди пяти с лишним миллионов безработных уже было трудно найти высококвалифицированных работников физического труда, поскольку частные собственники начисто пренебрегают массовой подготовкой новых рабочих кадров.

Таков горький результат разрушения отечественной экономики навязанным обществу капитализмом. Новые хозяева все минувшие годы вели себя как отъявленные временщики, их совершенно не беспокоило, кто займёт рабочие места, когда производство, достигнув дна, начнет прирастать хотя бы на воробыный скак. Они жили одним днём. Но даже сегодня, испытывая дефицит квалифицированной рабочей силы, они фактически ничего не делают для решения острой проблемы.

* В английском издании 1888 г. после слова «коалиции» вставлено: «(профессиональные союзы)». — *Ред.*

В системе профессиональной подготовки есть звено, бытие которого непосредственно связано с производственными организациями. Это — профессионально-техническое образование, переименованное ныне не без задней мысли в **начальное профессиональное**. Однако именно это звено российской школы больше всего пострадало от насаждения капитализма. Численность учебных заведений профтехобразования до сих пор ежегодно сокращается, равно как уменьшается и число учащихся. В «тучные 2000-е» в этой системе ежегодно готовилось практически вдвое меньше квалифицированных рабочих, чем в 1990 году.

Было бы неправдой утверждать, что нынешние фабриканты и их управленческая обслуга не ценят выпускников, освоивших профессию во вчерашних ПТУ. Ценят — в любом смысле этого слова. Самую высокую зарплату среди рабочих высшей и средней квалификации, если не считать редких инженеров на рабочих местах, имеют рабочие с начальным профессиональным образованием. Она выше зарплаты, получаемой даже среднестатистическими **специалистами** средней и высшей квалификации с вузовскими дипломами. Однако при этом в каждой из этих групп средняя зарплата ниже — от 7 до 25% — по сравнению с широко рекламируемой буржуазным агитпропом средней по экономике России.

Нынешняя ситуация с заработной платой квалифицированных рабочих, а также операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин и слесарей-сборщиков так же искажена, как и у неквалифицированных рабочих. Даже ещё в большей степени. Если «на руки» неквалифицированные рабочие практически повсеместно получают меньше, чем квалифицированные, то квалифицированные рабочие в среднем по кругу получают — и относительно, и абсолютно — больше, чем дипломированные специалисты. Так велит рынок: на нём сегодня дефицит квалифицированных рабочих ощущается сильнее, чем дипломированных специалистов. Но эта кадровая деформация, безусловно, рукотворная. Разрушенной оказалась не только система профессионально-технического образования, но и дававшая положительные результаты система ученичества непосредственно на рабочем месте.

Итогом стал процесс заметного старения квалифицированной рабочей силы. Нынешний средний трудовой стаж как квалифицированных рабочих, так и операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин и слесарей-сборщиков достиг почти 23 лет. Если сопоставлять этот показатель с данными советских социологов, то показатель вырос почти на 8 лет.

Одновременно обследование выявило ещё одно заметное отли-

чие в оплате труда, заявившее о себе в последние годы. Повышение зарплаты и трудовой стаж у рабочих средней и даже высшей квалификации идёт нога в ногу только первые 5, максимум — 10 лет. Затем рост профессионального мастерства и зарплаты замерзают, тогда как в советскую пору они продолжались ещё одно-полтора десятилетия. Существовавшая прежде стройная система профессиональной подготовки оказалась практически повсеместно разрушенной. Между тем, скажем, в 1986 году примерно 18 млн. рабочих Российской Советской Федеративной Социалистической Республики прошли обучение по повышению своей квалификации. Одновременно около 4 млн. рабочих РСФСР (вместе со служащими — 4,14 млн.) прошли подготовку, переподготовку и обучение вторым профессиям и специальностям (см.: Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. Статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1989. С. 50).

Аналитики Росстата в ходе обследования установили, что «у работников групп квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр и операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин и слесарей-сборщиков самая высокая заработная плата наблюдалась в возрасте от 40 до 44 лет». Примечательно, что точно такие же показатели пика заработной платы были установлены «в группе специалистов среднего уровня квалификации у специалистов физических и инженерных направлений деятельности» (см.: Заработная плата работников по категориям профессионала и профессиональным группам // Статистический бюллетень. 2008. № 8; http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_04/lssWWW.exe/Stg/08/2-plat.htm). Запомним это совпадение. Оно, кстати, присуще и многим (но не всем!) категориям специалистов высшего уровня квалификации.

И всё же фактором, более всего влияющим на средний размер заработной платы, в современных российских условиях оказывается отрасль, в которой заняты работники. Это объясняется отнюдь не различиями в степени эксплуатации наёмной рабочей силы, а положением отрасли на мировом (именно на мировом, а не внутреннем) рынке, природно-географическими особенностями регионов, в которых сосредоточены предприятия отрасли, наконец, уровнем профессионализма и конъюнктурой на рынке рабочей силы, которая требуется для той или иной сферы хозяйства.

Вот какие данные были зафиксированы во время обследования Росстата: «Среди квалифицированных рабочих... средняя заработная плата горнорабочих и рабочих других профессий по добыче полезных ископаемых подземным и открытым способом составила 15 516 рублей, рабочих по техническому обслуживанию и эксплуа-

тации летательных аппаратов — 14 920 рублей, в то время как у квалифицированных рабочих швейной промышленности (швеи, раскройщики и др.) заработная плата составила 4 741 рубль, у телефонистов, телеграфистов и родственных профессий рабочих связи, рабочих маслосыродельного, сыродельного и молочного производства, рабочих, занятых в кожевенном, кожсырьевом и меховом производствах, производстве кожаной обуви и других изделий из кожи — 5,6—6,0 тысячи рублей» (там же).

Аналогичная зависимость зарплаты от отраслевой принадлежности работников в ходе обследования была установлена и у операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин и слесарей-сборщиков, а также среди специалистов высшей и средней квалификации.

Чтобы полнее понять тенденции, влияющие на формирование принципов оплаты труда в условиях реставрации капитализма, целесообразно особенно внимательно отнестись к «докризисным» обследованиям Росстата, которые дают более точное представление о ситуации. Воспользуемся для этого материалами обстоятельного статистического обследования о положении с оплатой труда не на пике «тучных 2000-х», а в I квартале 2006 года (см.: Заработная плата работников Российской Федерации» // Статистический бюллетень № 9. — М.: Росстат, 2006).

Прежде всего обратим внимание на приведённое в официальном справочнике соотношение средней заработной платы 10% наиболее высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых работников. Оно прямо-таки ошеломляет: разрыв составил 25,3 раза. Если столь огромен разрыв в зарплате работающих, то ножицы в доходах населения должны быть раздвинуты куда больше. Ведь когда говорят о 10% граждан, находящихся в районе имущественного дна, то обычно указывают на миллионы безработных и бомжей, пенсионеров, обобранных нынешним буржуазным государством и униженных, и прочих несчастных, не имеющих устойчивого дохода и постоянной работы. Правда, как установили исследователи ИСЭПН РАН, в последние годы в нижний дециль (10% граждан с самыми низкими доходами) входят в основном те россияне, которые образуют 10% самых низкооплачиваемых работников.

В доходы же 10% самых богатых россиян входит не только их заработная плата. В эту группу попадают те, кто имеет солиднейшую прибыль в виде доходов от собственности и предпринимательской деятельности. А это всё — отнюдь не мелкая поправка. Тот же Росстат утверждает, что доходы от предпринимательской деятельности и от собственности составляют около 35% всей суммы зара-

ботной платы, начисляемой в Российской Федерации. Большая часть этих доходов концентрируется у 10% наиболее обеспеченных граждан. В этой группе в 2006 году было сконцентрировано 35,1% общей суммы средств, направленных на оплату труда. К этому надо прибавить почти такую же сумму доходов от капитала. Мораль проста: показатель соотношения доходов крайних 10-процентных имущественных групп на практике получается примерно вдвое выше показателя соотношения зарплаты у таких же групп. Напомню: в 2006 году соотношение зарплаты в крайних децилях равнялось 25,3. Вот и считайте масштаб поляризации доходов...

Впрочем, предметом наших размышлений сегодня выступают прежде всего «загогулины» заработной платы. Обычно при её анализе отмечается устойчивый рост средней начисленной заработной платы в масштабе всей экономики страны. Анекдот про среднюю температуру в больнице, включая морг, известен каждому. Со средней зарплатой картина похожая. Первый дециль сродни моргу. В 2006 году средняя зарплата в нём составляла всего-навсего 1 366 рублей. Ниже официального прожиточного минимума (а он устанавливается правительством на грани, ниже которой человек неизбежно будет отправлен в морг) зарплата всего второго дециля и частично третьего. Из общей суммы начисленной в 2006 году зарплаты на 20% низкооплачиваемых работников (её составляют в основном рабочие и так называемый младший обслуживающий персонал) приходилось всего-то чуть-чуть больше 4%. Да что говорить о самых низкооплачиваемых, если в межкризисный период половине (50%) работников, занятых в современной российской экономике, доставалось менее пятой части (19,2%) из общего «котла» оплаты наёмного труда. Начисленная зарплата, то есть ещё до вычета налогов, даже у пятой децильной группы (её размер практически можно считать математической модой зарплаты в сегодняшней России) почти вдвое ниже относительно благополучного средне-статистического показателя.

Численность квалифицированных рабочих, которые за это время покинули армию безработных, составила 7,5 млн. человек. В это же самое время численность занятых в отечественной индустрии квалифицированных рабочих увеличилась только на 1,5 млн. человек. А куда подевались 6 млн. душ? Переход в категорию «гастарбайтеров», покинувших Россию, столь невелик, что им, как говорят статистики, можно пренебречь. Выходит, за 5 лет около 6 млн. квалифицированных рабочих достигли пенсионного возраста и рассчитывать на них российская экономика практически не может. В последующем ситуация практически не изменилась.

Но высокая степень эксплуатации рабочего класса не сводится к размеру его реальной заработной платы. Предприниматель становится всё изощрённее. Он ищет всё новые экономические инструменты неэкономического принуждения рабочей силы.

Давняя забастовка сургутян застряла в памяти. Ремонтники скважин и рабочие технологического транспорта требовали от хозяев не столько повышения заработной платы, сколько принципиального изменения её структуры. Им не нравилось, что их заработок более чем на две трети состоял из различных премий и надбавок. Не помню конкретных результатов той забастовки, но широкой поддержки и солидарности за пределами предприятия она тогда не получила — скорее даже вызвала недоумение. Однако теперь, в пору кризиса, особенно понятно, насколько дальновидны были тогда сургутские стачечники.

Урезание зарплаты во время экономического кризиса стало практически повсеместным. Но бороться против него юридическими средствами крайне трудно. Ушлый работодатель даже в нынешнюю пору обычно не сокращает тарифные ставки, должностные оклады и сдельные расценки своих работников. Он «лишь» не выплачивает премии, доплаты и надбавки. А советской эпохой и предшествующим многовековым укладом мы приучены награды не выпрашивать, так как это неприлично, безнравственно. Премия — это награда. Это слово с латыни так и переводится. Большая Советская Энциклопедия даёт такое определение премии: «Главная форма материального поощрения работников за личные или коллективные успехи». Да и Владимир Даль полтора века назад писал то же самое: «Установленная награда, деньгами или вещами, за отличие в деле науки, искусства, промышленности; почётная награда».

Буржуазное лукавство состоит уже в том, что премиальные выплаты считаются сегодня частью заработной платы. А когда капиталист перестаёт выдавать премию, то он лицемерно объясняет недовольным её изначальный смысл. Большинство доплат и надбавок государственной статистикой тоже включаются в нашу зарплату. И они имеют те же основания, по которым начисляются премии.

О масштабе лукавств работодателей и угроз и без того тощему карману наёмных работников можно получить представление из первого выпуска «Статистического бюллетеня» Росстата за 2009 год (см.: О составе затрат на рабочую силу в 2007 году // Статистический бюллетень. 2009. № 1; http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_04/lssWWW.exe/Stg/d01/4-zatrat.htm). В нём половину выпуска составляет отчёт о проведённом выборочном исследовании более 37 тыс. предприятий и организаций ведущих отраслей экономики России. В ходе обследования изучался

состав затрат на рабочую силу по итогам 2007 года. На первый взгляд, эта статистика запоздавая. Но в данном случае это — её... преимущество: докризисные данные делают выпуклее картину благообразного грабежа доходов наёмных работников физического и умственного труда, грабежа, который стал повсеместным в пору капиталистического кризиса.

В структуре заработной платы самая низкая доля оплаты по тарифным ставкам, окладам или сдельным расценкам (то есть того, что по своей сути и является как раз заработной платой) на предприятиях и в организациях, занятых добычей полезных ископаемых. На неё приходится 24,8% учитываемой Росстатом зарплаты. В отрасли любопытная картина: районный коэффициент даёт работникам больше денежных выплат, чем тарифная ставка, сдельщина или оклад. В среднем по отрасли на него приходится 29,4%. Однако не забудем, что нефть и газ добывают не только в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, но и в Татарстане, Башкортостане, Среднем и Нижнем Поволжье, на Южном Урале и Северном Кавказе — в регионах, где нет районных коэффициентов.

Проблема не в том, что «северные надбавки» чрезмерно велики (наоборот, их следует ещё и повысить), а в том, что неприлично низка доля «базовой части» оплаты труда. Премии, надбавки и доплаты в этой отрасли вплотную приближаются к размерам оплаты, которая начисляется работнику в виде его тарифной ставки, оклада или сдельной оплаты. На долю премий и доплат приходится 21,5% зарплаты. Но это и есть «зона риска» в оплате труда наёмного работника. Именно эти кирпичики из лукавого строения зарплаты трудящихся вынимают в условиях кризиса «нефтяные короли» и прочие «принцы» из других добывающих отраслей.

Данные обследования Росстата позволяют предположить, что скособоченная структура зарплаты создана сознательно. Деление её базовой части, с одной стороны, на оплату по тарифным ставкам, окладам и сдельным расценкам, а с другой — на выплаты премий, доплат и надбавок позволяет частным собственникам и нанятой ими администрации держать трудящихся, как говорится, на коротком поводке. Искусственно созданная структура зарплаты позволяет использовать экономические средства для расправы со строптивыми и сопротивляющимися эксплуатации и хозяйскому произволу. Так было в межкризисный период. А во время кризиса такая структура оплаты труда позволяет «законно» снижать затраты на зарплату наёмных работников.

Более того, нынешнее буржуазное государство поддерживает подобные «инновации» капитала. Не случайно премии, доплаты и

надбавки, равно как тарифные ставки, оклады и сдельщина, государственной статистикой включаются в «оплату за отработанное время». Что же касается «материального поощрения работников за личные и коллективные успехи» и «наград за отличие в деле», то для этого, как выявило обследование, имеется другой компонент оплаты труда. В отдельную статью выделены «единовременные поощрительные выплаты». В добывающих отраслях на их долю приходилось в 2007 году 10,6% заработков работников отрасли.

Такая дискриминационная система оплаты труда характерна не только для добывающих отраслей. Она распространена в организациях, занятых производством и распределением электроэнергии, газа и воды (на долю тарифов, окладов и сдельных выплат приходится 36,8% зарплаты, а на долю премий, доплат и надбавок — 29,3%) и в чёрной и цветной металлургии. Здесь премии и прочие надбавки составляют 30,5% зарплаты. Их доля уступает оплате по тарифным ставкам, окладам и сдельным расценкам лишь 8,5%. Как и в добывающих отраслях, в энергетике и металлургии имеется вполне внушительная статья в структуре оплаты труда, определяемая как «единовременные поощрительные выплаты» (см.: там же).

Конечно, в нынешней российской деградирующей экономике все три отрасли относятся к числу наиболее благополучных. Здесь и зарплата рабочих выше, и самое большое число долларовых и рублёвых миллиардеров. Но экспортно-сырьевая ориентация этих отраслей требует от владеющего ими компрадорского капитала искать действенные инструменты обеспечения покорности трудящихся: от бесперебойности производства зависят сверхприбыли магнатов. Искусственное разделение «базовой части» зарплаты на две примерно равных части позволяет хозяевам и их обслуге широко использовать политику кнута и пряника и поддерживать атмосферу страха и безропотности на предприятиях.

О большом характере капиталистической экономики России свидетельствует и набор отраслей, в которых структура зарплаты вроде бы куда ближе к оптимальной. В текстильном и швейном производстве на тарифы, оклады и сдельщину приходится 59,4% официальной «статистической» зарплаты, на кожевенных и обувных предприятиях доля «базовой части» заработной платы ещё выше — 61,8%. Она в 2,4— 2,6 раза превышает в этих отраслях долю премий, доплат и надбавок. Но эти отрасли находятся в положении аутсайдеров периода реставрации капитализма.

В «лихие 90-е» олигархи и обслуживающая их государственная власть приговорили эти отрасли к разрушению, к вытеснению их с российского рынка западными корпорациями. В результате боль-

шинство предприятий лёгкой промышленности перешли в руки транснациональных компаний, которые предпочли избавиться от них как от конкурентов. По сравнению с 1990 годом производство хромовой кожи сократилось вдвое, производство тканей — вчетверо, обуви — в 6,5 раза, трикотажных изделий — всемеро, жёстких кожтоваров — в 16,8 раза, платьев — в 36 раз. Только за четыре докризисных года (2004—2007) среднегодовая численность работников кожевенной и обувной промышленности сократилось в 1,4 раза, а текстильных и швейных предприятий — вдвое (см.: там же).

Здесь атмосфера страха и безработности достигнута постоянной угрозой быть уволенным с фабрики. Она стала реальностью ещё в пору благополучия «путиномики». Владельцы предприятий этих отраслей ещё в докризисную пору начали проявлять фактическое безразличие к стимулированию как производительности, так и интенсивности труда работников. Единовременные поощрительные выплаты в структуре заработной платы здесь колебались в пределах 2—3%.

Что касается средних показателей по экономике, то авторы обследования их оценивают так: «Тарифная часть заработной платы по-прежнему остаётся невысокой — меньше половины заработной платы в большинстве обследованных видов деятельности» (там же).

Нельзя обойти вниманием сферу, контролируемую спекулятивным капиталом. Рекордная доля премий, выявленных в ходе обследования Росстата, оказалась не у наёмных работников, занятых физическим исполнительским трудом в суровых природных условиях Крайнего Севера, а у работников прежде всего больших и крупных городов, занятых финансовой деятельностью. В 2007 году на премии здесь приходилось 26,7% заработной платы. За высокопроизводительную работу и трудовые подвиги, проявленные в создании всё более изощрённых новых технологий производства денег из воздуха, финансисты, кроме премий, имели солидные единовременные поощрительные выплаты. В сумме «почётные награды» и поощрительные выплаты составляли 40% зарплаты (!) сотрудников банков и других финансовых учреждений.

Свои рекорды у неутомимых работников, занятых операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг. Например, доплаты и надбавки (очевидно, за работу в неизменно экстремальных условиях, так же опасных для жизни, как у спецназовцев в «горячих точках») в этой сфере деятельности в докризисные годы выросли до 12,1%. Вместе с регулярными премиями и единовременными поощрениями они составляли свыше 37% зарплаты (см.: там же).

Впрочем, стоит ли удивляться таким рекордсменам? Речь-то идёт о гвардейцах капиталистического труда. Кстати, затраты на

рабочую силу в сфере, занятой операциями с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг, составляли 47% от величины затрат на осуществление и продажу услуг. Это был абсолютный рекорд предкризисного 2007 года.

В половине обследованных отраслей затраты на рабочую силу в 5, 6, 7 и более раз ниже затрат на производство и продажу товаров. Самая низкая доля затрат на рабочую силу на предприятиях, производящих пищевые продукты, включая напитки и табак, и изделия из металла. Да и в целом в обрабатывающих и добывающих отраслях, как и в торговле, затраты на рабочую силу составляют менее 15% себестоимости товаров и услуг, производимых в этих отраслях. Если вспомнить, что в этих же отраслях сконцентрировано наибольшее число долларовых и рублёвых миллиардеров, то можно утверждать, что уровень эксплуатации трудящихся здесь чрезвычайно высокий.

Впрочем, тем, кому уже урезали зарплату за счёт сокращения регулярных премий, доплат и надбавок, и тем, кто обоснованно ждёт, что с их зарплатой хозяева проделают такое же секвестрование в ближайшее время, полезно помнить, что потеря этих доплат — это плата не за кризис, а за дефицит солидарности работников наёмного труда. Тут зависимость обратно пропорциональная: чем мощнее солидарность трудящихся, тем меньше наглости у капиталистов.

Но, пожалуй, самой беспощадной эксплуатации в пору реставрации капитализма подвергается женский труд. Средняя заработная плата женщин (включая единовременные выплаты) в целом по обследованным Росстатом основным видам экономической деятельности составляла 65% от средней заработной платы мужчин. В разных видах экономической деятельности это соотношение колебалось от 61% до 86%.

Наименьший разрыв в заработной плате мужчин и женщин в таких отраслях хозяйственной деятельности, как образование, где женщин занято заметно больше, чем мужчин, и строительство (там и тут средняя зарплата женщин составляет 86,3% средней заработной платы мужчин), здравоохранение и предоставление социальных услуг, где гендерная структура занятых мало отличается от сферы образования (83,3%). Сравнительно небольшой разрыв в зарплате между мужчинами и женщинами, занятыми в производстве и распределении электроэнергии, воды и газа (82,2% от средней зарплаты мужчин), и в преимущественно женской сфере осуществления операций с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг (81,4%).

Но когда дело доходит до основной массы наёмных работников, то картина существенно меняется. Росстат выявил отрасли, в кото-

рых зарплата женщин практически в полтора раза ниже, чем у мужчин. Примечательно, что подобное соотношение характерно для отраслей, в которых большинство наёмных работников составляют женщины. Такая ситуация сложилась в сфере деятельности по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта, где заработная плата женщин в среднем составляет 60,7% зарплаты мужчин, и в такой «женской» отрасли, как торговля (65,1%). Непочтенное третье место принадлежит обрабатывающим производствам. В рабочем классе обрабатывающих отраслей женщин на 30,5% меньше, чем мужчин (Экономическая активность населения России. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 61). Так сложилось, что и зарплата у них тоже на 30,5% меньше, чем у мужчин.

Часто считают, что такой разрыв объясняется тем, что женщины заняты в отраслях, в которых у всех работников более низкая оплата труда. Это утверждение во многом справедливо. Но не полностью. В своём обследовании Росстат сравнивал оплату труда мужчин и женщин, входящих в одни и те же категории персонала. Вывод: по всем категориям персонала обследованных организаций средняя заработная плата мужчин превышала среднюю заработную плату женщин.

Так, в группе руководителей заработная плата женщин составляла 68% от уровня заработной платы мужчин (см. *таблицу 20*). Это соотношение колебалось в зависимости от вида экономической деятельности: от 57% в организациях, осуществляющих деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта, до 96% в организациях, осуществляющих производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

В большинстве видов экономической деятельности среди специалистов соотношение заработной платы женщин и мужчин находилось в интервале 70—80%. Особенно широкий разрыв наблюдался в оплате рабочих. В этой самой многочисленной категории персонала оплата труда женщин в среднем не превышает 61% зарплаты мужчин на транспорте и связи, 62,5% в добыче полезных ископаемых, 66,4% в строительстве. Ближе всего она в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, но и там она не дотягивает до трёх четвертей заработной платы мужчин.

Ещё один специфический способ повышения эксплуатации наёмных работников физического и умственного труда, широко используемый капиталом, связан с задержкой работодателями выплаты установленной ими цены рабочей силы.

Капиталист в долгу у наёмного работника всегда. Рабочие, служащие и специалисты предоставляют кредит своим хозяевам, когда от

Таблица 20.

**Отношение средней заработной платы женщин
к средней заработной плате мужчин
по категориям персонала, %**

	<i>Руководи- тели</i>	<i>Специа- листы</i>	<i>Другие служащие</i>	<i>Рабочие</i>
Всего по обследованным видам экономической деятельности	68,2	68,8	67,8	58,1
Добыча полезных ископаемых	90,1	74,2	62,7	65,2
Обрабатывающие производства	77,9	71,9	78,2	69,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	95,6	82,2	98,3	73,3
Строительство	92,9	79,8	87,5	66,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	64,9	71,0	79,2	75,7
Гостиницы и рестораны	73,0	83,0	85,8	81,8
Транспорт и связь	64,5	76,1	90,7	61,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	80,5	80,2	98,3	66,1
Научные исследования и разработки	76,0	83,9	96,3	67,4
Образование	70,2	87,7	86,7	88,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	89,5	80,6	101,0	69,7
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	57,1	65,5	100,2	76,3

Источник: О составе затрат на рабочую силу в 2007 году // Статистический бюллетень. 2009. № 1; http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_04/lssWWW.exe/Stg/d01/4-zatrat.htm

получки до получения владельцы предприятий и организаций распоряжаются заработанными ими средствами по своему усмотрению. Но такое кредитование, так сказать, освящено традицией и узаконено. Тру-

довой кодекс РФ обязывает предпринимателя расплачиваться с наёмным работником не реже одного раза в месяц. Однако капиталистам такого кредита кажется мало. В Российской Федерации остаётся обычным делом многомесячная задержка выплаты заработанного.

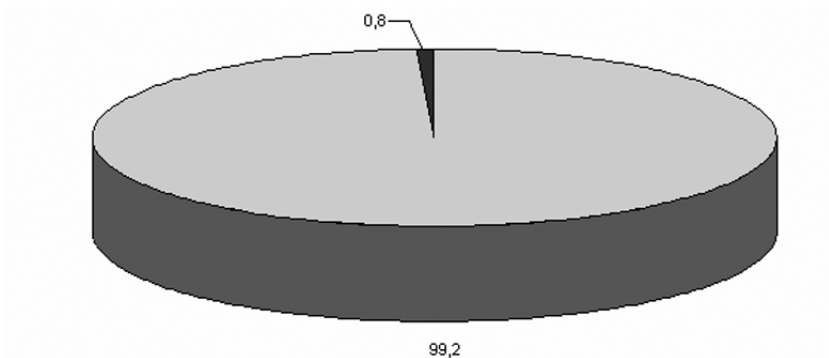
Владельцы средств производства превращают наёмного работника в кредитора по принуждению. В результате покупательная способность заработной платы снижается из-за несвоевременного получения работниками заработной платы. Проблема невыплат, возникшая в начале 90-х годов прошлого столетия, приобрела в условиях реставрации капитализма в России хронический характер. Подтверждением стабильности этой острой социальной проблемы в капиталистической России является уже то, что Росстат ежемесячно выпускает сборники «Просроченная задолженность по заработной плате». Эта проблема по-прежнему затрагивает значительную часть работников различных видов экономической деятельности.

Просроченная задолженность по заработной плате, достигнув наибольших размеров по состоянию на 1 октября 1998 года (88,1 млрд. руб. — без федеральных органов власти и органов, обеспечивающих правопорядок и охрану безопасности государства) начала постепенно снижаться и к концу сентября 2010 года сократилась почти в 28 раз. Но и при этом она составляла 3,2 млрд. рублей. В 2010 году наибольший размер просроченной задолженности был отмечен на 1 февраля (4,1 млрд. руб.). На 1 октября 2010 года задолженность по заработной плате имели 161 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности), из них две трети составляли работники организаций сельского хозяйства и обрабатывающих производств (О дифференции заработной платы в Российской Федерации // Статистический бюллетень. 2011. № 10; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_04/lssWWW.exe/Stg/d10/03-00.htm).

Основной причиной задолженности по выплате заработной платы Росстат считает отсутствие у организаций собственных средств для расчётов с работниками (см. *рисунок 8*).

Кроме того, задержки по заработной плате перед работниками возникают из-за несвоевременного финансирования бюджетных организаций, а также недополучения организациями бюджетных средств на выполнение государственных производственных программ. Доля задолженности из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней в общей сумме на 1 октября 2011 года составила около 0,8% общей задолженности. Более половины задолженности из-за несвоевременного получения денежных средств из федерального бюджета приходилось на Мурманскую область, главным образом, в организациях транспорта.

**Структура просроченной задолженности
по заработной плате на 1 октября 2011 года,
в % к итогу**

Задолженность из-за отсутствия собственных средств — 99,2

Задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней — 0,8

Из общей суммы просроченной задолженности из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней 2,4 млн. руб. (4,6%) составляла задолженность за выполнение государственных заказов и оказание услуг бюджетным организациям.

На 1 октября 2010 года задолженность по выплате заработной платы состояла прежде всего из долгов 2010 года. На их долю в общей сумме задолженности приходилось 64%. Из них две трети (65%) приходятся на строительство, обрабатывающие производство и сельское хозяйство. Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся в 2009 году, приходится 810 млн. руб. (25,3%), в 2008-м и ранее — 351 млн. руб. (11,0%).

Значительная доля просроченной задолженности по заработной плате приходится на организации, находившиеся в стадии банкротства. На 1 октября 2010 года их задолженность составила 964 млн. руб. (30%). Из них 59% приходится на организации обрабатывающих производств, 13% — строительства, 10% — транспорта, 7% — сельского хозяйства (О дифференции заработной платы работников по видам экономической деятельности и профессиональным группам. — Статистический бюллетень. 2010. № 9; http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/lssWWW.exe/Stg/d09/1-00.htm).

На начало октября 2010 года просроченная задолженность по заработной плате в расчёте на одного работника, перед которым имела задолженность, в среднем составляла 19,9 тыс. рублей. Иначе говоря, она была по размеру близка к среднемесячной начисленной заработной плате. По организациям всех форм собственности, кроме субъектов малого предпринимательства, за август 2010 года этот официальный показатель равен 22,1 тыс. рублей. Размер невыплаченной в срок заработной платы в расчёте на одного работника в текстильном и швейном производстве составлял 12,5 тыс. руб., что превышает среднемесячную начисленную заработную плату в данном виде деятельности в 1,2 раза.

Сравнивая задолженность по заработной плате в «тучные 2000-е» с той, которая была в «лихие 90-е», Росстат приходит к выводу, что принципиальное изменение связано не только с серьёзным сокращением её размеров за последнее десятилетие, но и с коренным изменением характера должников. Если в 90-е годы задолженность по несвоевременной выплате зарплаты создавало буржуазное государство, которое оказалось не способно организовать в стране функционирование финансов, то теперь главным должником стали частные собственники. Оказалось, что капитал тоже не способен организовать ни производство, ни оплату труда.

Нарушителями обязательств, взятых в соответствии с заключёнными трудовыми договорами, являются именно частные собственники. Из суммы июльских долгов по зарплате только 2% приходится на бюджеты всех уровней. 98% просроченной задолженности — плод хозяйствования и хозяйничания «стратегических собственников». Вот ещё одно подтверждение корыстной природы капиталистов и капитализма.

Росстат, независимо от его желания, подтверждает этот вывод. Он сообщает, что 52% просроченной задолженности приходится на обрабатывающие производства. А работает в этих отраслях всего 15% занятого населения страны. Значит, масштаб несвоевременных выплат заработной платы здесь в 3,5 раза выше, чем в среднем по экономике РФ. Не от того ли, что в обрабатывающих производствах самая высокая доля частнособственнического сектора? Между тем, в этих отраслях зарплата ниже и средней по промышленности, и средней по всей экономике страны.

Власть и сладкоголосые сирены либерализма утверждают, что все, кто занят в обрабатывающих производствах — слесари, станочники, ткачи, операторы, техники и инженеры, — получают низкую зарплату потому, что не решается задача создания в России высокопроизводительной инновационной экономики. Вероятно, за

это же им и зарплата вовремя не выдаётся. Более четверти долга тянется ещё с прошлого года, а девятая часть — с позапрошлого. А поскольку чиновный люд, занятый в федеральных государственных конторах, выдаёт на-гора только высокопроизводительный инновационный продукт, то средняя зарплата у него не 18 тыс. руб., как в обрабатывающих производствах, а целых 50,3 тысячи. И ни в один месяц не случилось ни рубля просроченной задолженности.

Однако при чём тут инновации. Такая практика стара, как капитализм. И причина её — в прочной спайке капитала и бюрократии.

К огромному долгу перед народом, связанному с осуществленным нуворишами грабежом общенародной собственности, теперь добавляется их долг перед классом наёмных работников физического и умственного труда за несвоевременную выплату заработной платы. А ещё точнее: капитал корыстно и изощрённо эксплуатирует наёмную рабочую силу на всех стадиях экономического процесса.

Режим реставрации капитализма против пролетариата

Режим реставрации капитализма начал складываться в результате буржуазной контрреволюции 1991—1993 годов. Он представляет способ функционирования общественно-политической системы, которая стремится восстановить капиталистический базис и буржуазную надстройку и на этой основе сформировать жизнеустройство, в основе которого лежит всевластие частной собственности и индивидуализма. Сердцевиной любого политического режима является государство. Тем более это справедливо в отношении режима реставрации капитализма.

В реставрационном процессе авангардные позиции принадлежат не только буржуазии как владельцу основных средств производства, но в ещё большей степени — её государству. При этом оно выступает не надстройкой над сложившимся базисом, а средством стимулирования регрессивного базисного процесса, в результате которого крупнотоварный частнокапиталистический уклад пытается стать базисом. Чубайс открыто признал, что приватизация проводилась не из экономических, а из политических соображений. В январе 2012 года в ходе избирательной кампании по выборам президента РФ этот тезис повторил В.В. Путин (см.: Ведомости, 30 января 2012 г.). Складывается уникальная ситуация: функциональные отношения между базисом и надстройкой в пору реставрации капитализма как бы перевернуты, и политика в значительной степени определяет не только экономику, но и направление изменения производственных отношений и социальной структуры общества. При этом все действия государства подчинены корыстным интересам частных собственников.

После августовского государственного переворота шахта «Распадская» первой в стране получила лицемерный статус «народного предприятия». В декабре 1991 года здесь был избран совет акционеров, председателем которого стал Г. Козовой. В интервью одной из ведущих либеральных газет он откровенничал: «Не было опыта

работы, законов и документов толком не было, что такое устав, акционерное общество, никто не понимал. Надо было выпускать акции, потом их распределять...». Председатель совета акционеров быстро сориентировался в «мутной водице». Вместе с А. Вагиным он организовал скупку акций у трудового коллектива. В ту пору у них был ещё один поделщик — нынешний генеральный директор челябинского «Мечела» долларовый миллиардер И. Зюзин, который в начале 90-х работал на «Распадской» начальником коммерческого отдела. Но дельцы что-то (скорее всего, акции рабочих) не поделили. Зюзин отправился скупать с новым поделщиком акции Челябинского металлургического комбината, а Козовой и Вагин продолжили своё чёрное дело обирания шахтёров. Теперь в их руках более 70% акций Распадской угольной компании.

Напрасно журнал «Финанс», представляя крупнейших рублёвых миллиардеров кризисного 2009 года, поставил перед фамилиями А. Вагина и Г. Козового метки «бывших красных директоров». Нынешние хозяева кузбасской шахты «Распадская» никогда ими не были — ни директорами советской поры, ни тем более «красными». Это — типичные представители «новой буржуазии», для которых рабочие — «быдло».

Шахтёры «Распадской» собирались 1 мая 2010 года провести стачку, протестуя против низкой зарплаты и тяжёлых условий труда. В Междуреченске многие убеждены, что если бы намечавшаяся забастовка состоялась, то День Победы не был бы омрачён десятками жертв горняков. Но хозяева Распадской угольной компании и её головное предприятие сделали всё, чтобы сорвать акцию протеста.

У владельцев крупнейшей в России шахты — председателя совета директоров А.Вагина и генерального директора Г.Козового — были серьёзные основания бояться пролетарского протеста: главными мишенями стачечников оказались бы прежде всего эти два персонажа. По оценке журнала «Форбс», состояния каждого из них на начало 2010 года составляют по 950 млн. долларов. Каждый из этих двух нуворишей за предыдущий год (год глубокого экономического кризиса!) увеличил своё состояние на 450 млн. долларов. То есть на 13,6 млрд. рублей. Каждый! Когда горняки жалуются на постоянно падающую зарплату, то они должны понимать, что оплата их труда снижается прежде всего для того, чтобы росли барыши их эксплуататоров.

Нет, в нынешнем кризисе «Распадская» не была «заговорённым местом». В феврале 2009 года мощности угольной компании были загружены только на 30%. В интервью американскому журналу Г. Козовой хвастливо рассказывал: «В «Распадской» был создан антикризисный комитет, и я лично взял в руки контроль за всеми финан-

совыми потоками». Но никаких новинок не было изобретено. Просто эти потоки были направлены лишь в карманы собственников.

Вместе с А. Вагиным (в дуэте он отвечает за управление компанией, тогда как Г. Козовой — за производство и сбыт продукции) генеральный директор осуществил в этой «кризисной перестройке» только одно: всю тяжесть кризисных бед переложил на наёмных работников. До августа компания была переведена на четырёхдневный режим работы. Следствием стало серьёзное снижение зарплаты шахтёров. Был прекращён приём на работу новых сотрудников независимо от того, что на предприятии появились вакансии. Так выросла нагрузка на тех, кто по-прежнему спускался в забой. Собственники всё это называли «снижением издержек производства».

Одновременно они начали повышать цены на продукцию. В начале 2010 года владельцы шахты подняли внутренние цены на коксующийся уголь на 22%. Так создавался задел, чтобы по итогам года собственники «Распадской» стали долларовыми миллиардерами (по итогам 2010 г., несмотря на майскую трагедию, вследствие которой шахта какое-то время не работала, доходы каждого из её владельцев достигли 1,1 млрд. долл. (см.: Миллиардеры-2011 // Финанс. 2011. № 5. С. 18).

Виноваты ли хозяева в гибели десятков рабочих 9 мая 2010 года? Конечно. Во-первых, как сообщал «Форбс» (см.: Forbes. 2010. № 5. С. 240, 246), собственники прекратили большинство инновационных проектов, хотя они могли бы улучшить технику безопасности и условия труда. Во-вторых, как признаются сейчас спасшиеся шахтёры, они вынуждены ради поддержания размера зарплаты при постоянно повышаемых нормах выработки забрасывать мокрыми тряпками сигнализацию, когда она сообщала даже об угрозе их жизни. Вот они, плоды нещадной эксплуатации труда хищным капиталом.

Вскоре после серьёзнейшей аварии на шахте «Распадская», в результате которой погибли десятки шахтёров, с трибуны Государственной думы было приведено шокирующее сопоставление. Предприниматели, владеющие «Распадской» и ещё четырьмя крупнейшими шахтами Кузбасса, получили по итогам 2010 года только дивидендов около 9,25 млрд. рублей. Это больше суммарной годовой заработной платы нескольких тысяч проходчиков, горноспасателей и других рабочих, специалистов и служащих этих пяти шахт. К ошеломляющим показателям ограбления трудящихся капиталом надо добавить соучастие российского буржуазного государства в эксплуатации труда. Наёмные работники этих шахт заплатили со своей зарплаты почти 1 млрд. 200 млн. руб. подоходного налога, тогда как налог капиталистов с их дивидендов составил немногим больше 830 млн. рублей.

А вот другая не менее скандальная история, ставшая достоянием отечественной и зарубежной общественности, — история «Алттрака», ставшая зеркалом лика современного отечественного капитализма.

Чтобы выразить уважительное отношение к человеку, говорят: «Перед ним надо снять шляпу». Но иногда стоило бы снять шляпу перед целыми предприятиями и их коллективами. К их числу с полным основанием можно отнести Алтайский тракторный завод имени М.И. Калинина, получивший в последние годы имя на манер Барбоса — «Алттрак». И за его способность сопротивляться, стоя на краю гибели, и за его завидную былую историю.

После 65-летия Победы не прошло и месяца, как в героизм народа новые властители страны смачно плюнули. Новосибирская промышленно-коммерческая группа «РАТМ» приняла решение закрыть тракторный завод в Рубцовске. А ведь он не просто героический труженик тыла, а завод-беженец. Сюда, в алтайскую глубинку, в феврале 1942 года был эвакуирован Харьковский тракторный завод. Сибиряки достойно приняли эстафету одного из первенцев советской социалистической модернизации. Уже через три месяца в Рубцовске сошли с конвейера первые тракторы. После 65-летия Победы впору было бы начинать подготовку к 70-летию этого трудового подвига. Однако вместо этого все наёмные работники — рабочие и специалисты — «Алттрака» получили уведомления об увольнении.

Впрочем, вступая в 2010 год, генеральный директор Алтайского тракторного объединения Д. Фельдман и директор «Алттрака» В. Ковалёв (по сообщениям информагентств поголовное увольнение сотрудников завода не обошло и его) вещали: «Руководство и коллектив «Алттрака с оптимизмом смотрит в будущее». И далее приводились многообещающие планы модернизации предприятия, якобы разработанные компанией-собственником. В частности они ссылались на программу развития завода на 2008—2016 годы, предусматривавшую его полное техническое перевооружение.

Однако знатоки нынешней российской экономики наверняка заметят, что трагический конец этого завода был вполне предсказуем. Ещё в 2007 году, отвечая на вопросы одной либеральной газеты, хозяин и глава компании «РАТМ» Э. Таран, перечисляя машиностроительные заводы, входящие в холдинг, не называл Алтайского тракторного. И действительно, в 2008 году здесь был выпущен всего 141 трактор, в 2009-м — 29, а в первом полугодии 2010 года — четыре. Какая-то дикость. Ведь предприятие в советские годы выпускало в среднем ежегодно по 30 тыс. машин!

Причём речь идёт о заводе, выпускавшем высококачественную

продукцию. Здешние тракторы были признаны конкурентоспособными не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. И эту марку коллектив умел поддерживать даже в последние два десятилетия. Во время испытаний новых моделей рубцовских сельхозмашин на полях СПК «Знамя Родины» в 2007 году было признано, что по своим характеристикам они не уступают лучшим зарубежным образцам. Их мировая конкурентоспособность была подтверждена и на I сельскохозяйственном форуме стран СНГ в Ашхабаде в ноябре 2009 года. Алтайские тракторы хвалили не только специалисты, но и высокопоставленные чиновники, включая главного государственного агрария РФ первого вице-премьера В. Зубкова.

Но это не помешало свершиться хозяйственному и социальному преступлению. В страшном 1942-м, когда Красная Армия отступала под натиском превосходящего противника, советское государство, советский народ спасли знаменитый тракторный завод, эвакуировав его на Алтай. В 2010 году завод оказался разрушен. Новый су-постат прикончил его через 68 лет.

В разрушении «Алттрака» повинен именно капитализм. Пока Алтайский край по праву относился к числу «красных регионов» (в этом субъекте Федерации коммунисты были влиятельной силой не только в законодательной, но и в исполнительной власти), предприятие, пусть и с одышкой, но дышало. Когда регион захватили «единороссы», положение коренным образом изменилось. Вот лишь самые выразительные эпизоды из «капиталистической истории» Алтайского тракторного завода имени М.И. Калинина. В 2004 году предприятие попало под контроль новосибирской группы ПАТМ, в руках которой оказалось 38% его акций. В 2005 году новые хозяева ухитрились начать процедуру банкротства. В июне 2008 года оно было выставлено на торги. В результате компания ПАТМ стала полным владельцем завода.

Наполеоновские планы, о которых напомнили в новогоднем послании 2010 года два директора, изначально были обманом. Во-первых, конкурентоспособные модели техники были созданы ещё до того, как на предприятие пришли новые владельцы. Во-вторых, именно после получения в полную собственность тракторного завода холдинг ПАТМ приступил к резкому сокращению производства. У подобного поведения нуворишей есть своя «железная» логика. Капиталистическая.

Дело в том, что к тому времени новые владельцы нашли более прибыльную сферу. Цементное производство (кстати, некоторые СМИ утверждали, что цементный завод в Пикалёво, где прошли широко известные акции протеста, принадлежит этой же

компании). Э. Таран объясняет своё решение просто: «В ближайшие три года будет наблюдаться пиковый дефицит цемента». Это означает возможность получать сверхприбыли. А если во имя прибыли владельцам будет выгодно разрушать производство, они его разрушат. Владельцы ПАТМ именно так и поступили в Рубцовске.

И всё же было бы неправильно все проблемы уничтожения алтайского наследника ХТЗ представлять результатом корыстной деятельности нуворишей одной компании. Её владельцы — типичные толстосумы ельцинско-путинских окаянных дней. Их поведение полностью соответствует экономико-политическому курсу правящего режима. Более того, владельцы ПАТМ — это заурядные в своей жадности и бесцеремонности хапуги, усердно реализующие государственную политику разрушения отечественной экономики.

На стадии массовой приватизации общенародного достояния, созданного советским социализмом, производство тракторов в России было сокращено по сравнению с 1990 годом почти в 22 (двадцать два!) раза. В 1998 году во всей стране было выпущено только 9,8 тыс. тракторов. Если даже предположить, что все они были направлены только в сельское хозяйство (а есть и другой ёмкий потребитель этой продукции — лесная промышленность), то только одному из каждых трёх зарегистрированных сельскохозяйственных предприятий могло достаться всего лишь по одной новой машине. При этом фермерским хозяйствам не досталось бы ни одного трактора, только что вышедшего из заводских ворот.

За следующие 10 лет приватизированное тракторное машиностроение РФ продолжало сокращать объём выпускаемой продукции. В 2009 году было произведено только 7,8 тыс. тракторов сельскохозяйственного и промышленного назначения. Закрытие «Алттрака» означает, что разрушительная тенденция будет продолжена.

Может быть, дело всё же в том, что аграрии предпочитают заморские машины? Да нет! За последние 5 лет Российской Федерацией было закуплено за рубежом в сумме всего 900 тракторов всех видов назначения. Дело тут в другом. Власть настойчиво разрушала созданные советским социализмом крупные высокопроизводительные сельскохозяйственные предприятия. Крестьянство энергично сопротивлялось этому насилию более пяти лет после начавшейся реставрации капитализма. Но режим экономически задушил селян.

Последняя Всероссийская сельскохозяйственная перепись наглядно обнажила убогое состояние техники в аграрном секторе экономики. Во всех видах сельскохозяйственных организаций было зарегистрировано 530,9 тыс. тракторов. Из них только около 30 тысяч

машин работают на полях и фермах менее трёх лет. Это значит, что новая техника составляет всего 5,5% тракторного парка всех сельскохозяйственных организаций. В то же время 83,6% тракторов отработали уже минимум девять лет. В хозяйствах нетрудно увидеть «стальных коней» советского производства.

Быть может, приличнее картина в фермерских хозяйствах? Ничуть. Новые тракторы здесь составляют лишь 4%, зато доля физически изношенной техники (о моральном износе говорить уже не приходится) — всё те же 83%. Немалая часть фермеров «донашивает» технику, полученную ещё с «колхозного плеча».

Чтобы картина была исчерпывающей, приведём ещё несколько официальных статистических данных. Оказывается, когда у фермеров появляется возможность купить технику, то это не ведёт к серьёзному обновлению материально-технической базы села. Только три из каждых десяти приобретённых в 2000-е годы тракторов были новыми. Зато каждый десятый в момент покупки был ветераном минимум с десятилетним стажем.

Но и это не всё. В последнее десятилетие широко пропагандируется лизинг сельскохозяйственной техники. Росстат в ходе Всероссийской сельскохозяйственной переписи установил, что в 80% случаев сельскохозяйственные организации арендуют тоже изношенную технику. Среди арендованных фермерами машин тракторы с десятилетним сроком эксплуатации встречались переписчиками из госстатистики ещё чаще, чем в машинном парке сельхозорганизаций (см.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т.1. Кн. 1. С. 326 и далее). Выходит, в организациях, занимающихся лизингом, доминирует тоже физически изношенная техника.

В условиях реставрации капитализма первой помехой в возрождении сельского хозяйства является разрушенное сельскохозяйственное машиностроение. Закрытие рубцовского «Алттрака» говорит о том, что и капиталистический рынок, и буржуазное государство продолжают разрушать отрасль, определяющую техническое состояние агропромышленного комплекса страны.

За уничтожение Алтайского тракторного завода следовало бы привлечь к ответственности не только компанию нуворишей, хищнически относящуюся и к экономическому, и к историческому достоянию страны. Отвечать за это безобразие должно и непосредственно правительство. Напомним: в 2008 году «Алттрак» был включён в составленный министерством регионального развития список социально значимых предприятий, который был утверждён правительством. Вот истинная цена обещаний нынешней власти.

Что касается капиталистов, то они поставили рекорд издевательства нуворишей над «своими» наёмными работниками, который, похоже, остаётся пока непревзойдённым. Осенью 2009 года в ответ на решение тракторостроителей Рубцовска провести пикет у офиса группы PATM, которая прописана в Новосибирске, владельцы этой промышленно-коммерческой компании предложили рабочим забрать в счёт просроченной задолженности по зарплате пару тракторов... без двигателей. Эта наглость показалась очень остроумной хозяину и генеральному директору холдинга Э. Тарану.

Это было не первое и не последнее издевательство нувориша над трудовым коллективом «Алттрака». В 2008 году, обанкротив предприятие, глава новосибирской компании, владевшей до этого 38% акций тракторного завода, полностью прибрал его к рукам всего за 203 млн. рублей. Цена тракторов, собранных в том же 2008 году, когда предприятие было положено на бок его владельцами, почти на 25% больше этой сделки.

Кстати, увидев, что холдинг, владеющий «Алттраком», называется PATM, я по наивности расшифровал это сокращение как Российская ассоциация тракторного машиностроения. И — глубоко ошибся. Аббревиатура скрывала другое название — Региональная ассоциация топливных материалов. Дело в том, что владелец компании Э.А. Таран — человек без профессиональных и отраслевых пристрастий. Чем бы ни занималась компания, её владельца никогда всерьёз не интересовали ни возведение жилых домов, ни добыча угля, ни сборка тракторов, ни электроника... Интересовал только счёт в банке. Правда, тут тоже какие-то неувязки.

Своё состояние Таран оценивает в 800 млн. долларов. Но вездесущий «Форбс» такой суммы в его кошельке не насчитал и в число самых крупных толстосумов России не включил. Журнал «Финанс», публикуя список самых богатых отечественных буржуев, оценил его состояние в 370 млн. долл., то есть в 2 с лишним раза меньше, чем сам хозяин. Похожая ситуация и с финансовой оценкой компании PATM. Таран оценивает холдинг минимум в 1 млрд. долларов. Но ни «Финанс», ни «Эксперт» его не включают в число крупнейших компаний страны.

Что касается известности, то о Таране теперь знает вся страна. Правда, эта известность сродни славе Герострата, разрушившего храм Артемиды: по его решению закрыт всемирно известный Алтайский тракторный завод, продукция которого в своё время получила Гран-при на Всемирной выставке в Брюсселе. Эксперты Федерального информационного центра «Аналитика и безопасность» (ходят слухи, что эта общественная организация создана с благо-

словения Кремля и «Белого дома») публично причисляют Э. Тарана и его поделщиков по РАТМ к субъектам, которые крупно проявили себя в экономическом разбое. Руководитель этого центра Р. Мильченко в 2011 году утверждал, что ими «где-то порядка уже 35 компаний поглощено». Среди них были названы «Искитимцемент», «Ангарский цемент» и... Алтайский тракторный завод. «Это мощнейшее по масштабам нашей страны предприятие, — отметил Р. Мильченко, — за несколько лет превратилось просто в пустыню». И добавил: «Если люди жалуются в регионах, то что делает власть и что делают рейдеры? Они блокируют любой выход информации. Вот у нас была пресс-конференция, они к нам не пустили из Рубцовска женщину, руководителя профсоюза работников Алтайского тракторного завода. Угрозами не пустили».

Э. Тараном и его бизнес-детищем, говорят, заинтересовалась прокуратура РФ. Правда, плохо верится, что она что-либо расследует. У прокуратуры столько перспективных дел, связанных с получением состояний в результате наглой и незаконной приватизации — самым настоящим государственным рейдерством. Так что реальная очередь до Тарана может дойти не скоро. К тому же буржуазное российское государство усердно защищает интересы именно того класса, к которому принадлежит Э. Таран и ему подобные. По воле президента В.В. Путина срок давности по экономическим преступлениям сокращён с прежних 10 лет до трёх.

В античных Афинах такую власть называли плутократией (власть богатства). В наше время есть более точное определение — диктатура капитала. Каким выразительным и отвратительным выглядел бы лик этой диктатуры, возьмись современный художник за картину о ней. А натурщики для полотна без труда найдутся. Причём каждый позировал бы с удовольствием и, пожалуй, даже бесплатно. Реклама собственной персоны — их страсть. Таковы, например, депутаты-«медведи», сделавшие себе всесезонную берлогу по адресу: Охотный ряд, 1. Но попробуем нарисовать сей типаж словами.

Диктатуру мы представляем чаще всего архаично. Нам, например, кажется, что её воплощением мог бы стать полковник Скалозуб из «Горя от ума» — вспомните, как в середине 90-х России померещилась диктатура генерал-лейтенанта А. Лебедея... Нет, у современного лика диктатуры капитала другой абрис. Потому и целесообразно взглянуть в депутатов «Единой России». Цивильный костюм по последней моде от именитых заморских портных, вид — холёный, взгляд — мечтательный, лоб озарён-омрачён незагадочной думой... Диктатура сегодня на вид не свирепа, но жестока, беспощадна и корыстна до упоминания. И воплощается она преж-

де всего в устанавливаемых государством правилах поведения, выгодным нуворишам.

Важная зона диктатуры — налоги. Самая безрассудная диктатура капитала в том государстве, где налоговые поблажки демонстративно предоставлены самым богатым. Если измерять государства по этой шкале, то, пожалуй, самой диктаторской окажется РФ. Хотя бы потому, что здесь действует 13-процентный «плоский» подоходный налог. О его несправедливости проговариваются даже либералы. И всё же это не предел диктаторских замашек капитала, захватившего командные высоты в экономике и политике.

Напомню, что после августа 1991 года заработная плата перестала быть единственным видом доходов граждан. По данным Росстата, на неё теперь официально приходится немногим больше половины всех денежных доходов населения. Правда, государственная статистика уверена, что работодатели, чтобы укрыться от налогов, выплачивают своим работникам на каждые 10 рублей «чистой» зарплаты ещё рубль в «конверте» (нелегальную прибыль Росстат, конечно, не замечает). Так складываются доходы около 65 млн. россиян, работающих по найму. С этих доходов каждый выплачивает 13% в казну — «плоский» подоходный налог.

Но сегодня почти 88% всех предприятий и организаций находятся в частной собственности отечественных или иноземных дельцов. Собственность приносят им прибыль (правда, из-за ущербности капиталистической системы, экономического кризиса и хозяйственной убогости владельцев прибыль дают только 60—63% предприятий). Она распределяется в зависимости от того, сколькими акциями владеет собственник. Доход, получаемый владельцами акций, называется дивидендами. Дивиденд никак не связан с трудовым вкладом человека. Это — доход от частной собственности. Когда говорят об эксплуатации труда капиталом, то самым ярким её проявлением являются дивиденды.

С дивидендов, как и с зарплаты, тоже положен налог. Подоходный налог с зарплаты — это 13% того, что собственник начислил наёмному работнику, чтобы тот мог восстановить свою рабочую силу и завтра снова создавать для бизнесмена прибыль. Зарплата рабочего и специалиста — это оплата только части их труда. Другая часть превратилась в прибыль, из которой и начисляют дивиденды владельцам акций.

Диктатура капитала проявляется уже в том, что всевластие частной собственности государством узаконено. Но этого недостаточно. Диктатура капитала создаёт преимущества и привилегии частным собственникам. И чем богаче нувориш, тем больше у него при-

вилегий. Пример наглого обеспечения государством преимуществ крупному капиталу — налог с дивидендов в размере 9%. Вызывающая несправедливость! Мало того, что дивиденды представляют собой неоплаченный труд работника, так ещё с капиталиста берут налог на 4% (практически на третью часть) меньше, чем с зарплаты наёмного работника.

В Государственной думе пятого созыва фракция КПРФ внесла законопроект, предлагавший довести ставку подоходного налога с дивидендов до 13%. Маленький шаг к социальной справедливости. Фактически была предложена вполне реальная антикризисная мера с весьма ощутимой экономической эффективностью. При нынешней структуре доходов налоги вырастут максимум у 10% граждан — у тех 10%, в руках которых сосредоточено около 35% денежной массы страны. Минимальный же выигрыш (если считать дивиденды только тех, кто по закону обязан декларировать свои доходы) составит не менее 16 млрд. рублей.

Как только инициатива КПРФ дошла до пленарного заседания Госдумы, как тут же лицо диктатуры капитала обрело очень конкретные очертания. Депутат адвокат А.М. Макаров (в Госдуме первого и второго созыва он входил то в гайдаровский «Демвыбор России», то в ещё более либеральные его отростки, ныне же он — «единорос») фактически свёл всё к тому, что законопроект — это происки коммунистов, направленные на ослабление капитализма. Спасибо: похвалил КПРФ. Мне же понравилось, как ответил ему один из авторов законопроекта член Президиума, секретарь ЦК КПРФ С.Н. Решульский: «У меня, конечно, нет такого адвокатского опыта защиты подсудимых, как у А.М. Макарова. Но это — мне вспомнилось, как пел Владимир Высоцкий, — «как школьнику драться с отпетой шпаной».

Впрочем, и не поднаторевший в адвокатстве «единорос» В.В. Толстопяттов защищал подсудимого по имени «российский капитализм» не менее ожесточённо. Он даже умудрился утверждать, что «покупка акций и получение от них дивидендов — это как раз развитие производства». То-то как в России началась пора покупки акций и получения дивидендов, так случился двукратный обвал производства. И до сих пор в стране нет ни одной отрасли, которая хотя бы вернулась к показателям 1990 года. Не сомневаюсь, что депутат Толстопяттов об этом знает, но ни у него, ни в природе нет аргументов, которые могли бы оправдать действующую в РФ систему налогов с доходов. Просто в стране беспощадная диктатура капитала. Причём капитала временщиков.

Только контролирующие экономику и политику временщики могут выплачивать себе дивиденды, превышающие прибыль предпри-

ятий. Но, как утверждают учёные-экономисты В. Иноземцев и Н. Кричевский (см.: Рекомендации по модернизации экономики России. Экспертно-аналитический центр по модернизации и технологическому развитию экономики. Труды, вып. 1. — М., 2010) (кстати, активные приверженцы капиталистического жизнеустройства), именно так сейчас поступает в РФ большинство владельцев контрольных пакетов акций. Установившая свою диктатуру «новая буржуазия» неспособность управлять экономикой компенсирует хищническими повадками. Она даже не обращает внимания на поведение более опытного и расчётливого западного капитала.

Вместо вразумительных обоснований позиции «партии власти» представитель «медвежьей» фракции Толстопятов лепетал: «Коллеги, ссылаться всё время на опыт других стран... Мы можем смотреть, можем анализировать, но, как показывает практика, у каждого государства свой путь развития. И если у нас направление в налоговой политике такое, как сейчас, то мы должны ориентироваться и смотреть на свой менталитет и на своё развитие страны, в налоговой системе в том числе». Кстати, другой «единорос» либерал-западник Макаров «квасной патриотизм» коллеги... не оспаривал, ибо он направлен на укрепление диктатуры капитала.

Но давайте воспользуемся советом (он очень полезен сегодняшнему пролетариату) смотреть и анализировать.

14% населения нынешней России официально имеют доходы ниже прожиточного (физиологического!) минимума (в 2011 году, напомним, он был равен в среднем 4 693 рублям; кстати, прожиточный минимум по-прежнему рассчитывается по методике, разработанной в соответствии с указом президента Б. Ельцина от 2 марта 1992 г.). В течение года в совокупном кошельке 20 млн. соотечественников, которые по международным стандартам относятся к нищете, бывает 500 млрд. рублей. Зато совокупный доход только от дивидендов у 2 млн. нуворишей составляет 2 трлн. рублей.

Есть другая арифметика. Журнал «Финанс» сообщал, что совокупный кошелёк всего-навсего 50 богатейших российских бизнес-семей (в них в сумме занимаются предпринимательством менее 200 человек) вмещает богатство, оцениваемое в 1,25 трлн. руб. (см.: «По-домашнему». Крупнейшие семейные бизнесы // Финанс. 2011. № 17. С. 8—12). Вот в этом «кошельке» сложены и акции, и дивиденды. Депутат-коммунист В.С. Романов при обсуждении законопроекта привёл сведения, опубликованные в журнале «Форбс». В сегодняшней РФ 290 человек владеют минимум по 500 млн. долл., с ними жаждут сравняться по богатству 10 тыс. рублёвых миллиардеров. Вот они и диктуют экономические, политические, идеологи-

ческие и духовные нормы жизни в России. А узаконивает эту диктатуру капитала Государственная дума. Поэтому-то и можно с полным основанием считать депутатов от «партии власти» ликом государства диктатуры капитала.

Впрочем, многие из них олицетворяют во власти не только адвокатов класса нуворишей, но и сам этот класс. Каждый третий парламентарий Федерального собрания России — заурядный эксплуататор трудящихся: как показывают публикуемые в последние годы регулярно декларации, немалую часть доходов этих «народных избранников» составляют дивиденды.

Какова судьба законопроекта коммунистов о повышении налога с дивидендов? Он провален из-за единодушного неприятия депутатов от «Единой России». Как и прежде, подоходный налог с заработной платы составляет 13%, а с дивидендов (по сути, с недоплаченной собственниками зарплаты) остаётся 9-процентным. Так можно ли сомневаться в существовании диктатуры капитала в России...

Чтобы сомнения полностью развеялись, вспомним, что в «тучные 2000-е», когда российский капитализм симулировал «процветание», состояния 34 миллиардеров, заседающих в Федеральном собрании РФ, достигали в сумме 1 трлн. рублей. После выборов Государственной думы шестого созыва, прошедших 4 декабря 2011 года, ситуация, судя по декларациям кандидатов в депутаты от «Единой России», не изменилась.

Что касается характеристики государства диктатуры капитала, то в той же Государственной думе четвертого созыва не было ни одного рабочего от станка. Не было в ней и крестьян «от сохи». Тем более не отыскать ни тех, ни других в Совете Федерации. Зато там и тут заседала большая фракция миллиардеров. Очень большая. В России один рублевый миллиардер приходится на 100 000 человек. Иначе говоря, в 2007 году миллиардеров в стране 0,001% населения. А вот в Госдуме их доля превышала 5%. В Совете Федерации они составляли даже десятую часть его состава. При такой плотности тугих кошельков в Федеральном собрании РФ уже невозможно ставить под сомнение откровенно буржуазный характер российского парламентаризма.

Фактическая доля миллиардеров в 2007 году в федеральном депутатском корпусе несомненно выше. Приведённые сведения почерпнуты из столичного журнала «Финанс» (500 самых состоятельных граждан // Финанс. 2007. № 6. С. 20—53). А в него вошла максимум десятая часть нынешних рублевых миллиардеров России. Дело в том, что самые «бедные» из этого списка имеют состояния, которые оценивались не менее чем в 2,4 млрд. руб. (90 млн. долл.).

Еще несколько тысяч скоробогатых имеет состояния от 1 до 2,4 млрд. долларов. Такая особенность публикации «Финанса» 2007 года (в прежние годы он давал не усечённый список миллиардеров) отразилась и на наборе политиков, которые оказались в центре нашего внимания.

Госдума четвёртого созыва не была рекордсменом по составу нуворишей. С нею успешно соперничала её наследница. Состояния 20 депутатов Государственной думы пятого созыва и 14 членов Совета Федерации состояния оценивались семи-, восьмизначными числами. В 2011 году они были рассыпаны по всему списку 500 богатейших россиян. Явное лидерство принадлежало магнату С. Керимову. Его состояние «Финанс» определил в 321,6 млрд. руб. (12,1 млрд. долл.). Последним персонажем с парламентской неприкосновенностью в перечне 500 богатееров оказался «сенатор» банкир Г. Фетисов (432-е место).

Однако не будем спешить с утверждениями о равномерном распределении парламентариев в списке рублевых миллиардеров. В «золотой сотне», к которой обращено наиболее пристальное внимание аналитиков, 12 парламентариев. В списке от 101 до 200-го места по размеру состояний — 10 персон из Федерального собрания РФ, в третьей сотне лишь 5 депутатов Государственной думы (членов Совета Федерации здесь вообще не оказалось), в четвёртой — 6 парламентариев, а в списке с порядковыми номерами от 401 до 500-го — всего-навсего один (!).

Выходит, к парламентскому мандату с наибольшей рьяностью тянутся «передовики» класса «стратегических собственников». Так, практически каждый пятый долларовый миллиардер законодательствовал в Федеральном собрании. То ли они так жаждут приложить руку к отечественному законодательству, то ли так озабочены получением парламентской неприкосновенности...

Бросается в глаза одна особенность. В Совете Федерации долларовых миллиардеров больше, чем в Госдуме, хотя нижняя палата по своему численному составу в 2,5 раза превышает верхнюю. Ситуация легко прояснится, если вспомним способ формирования каждой из палат. Мандат в Государственную думу при всех выборах манипуляциях и махинациях вручает (так, по крайней мере, записано в Конституции РФ) избиратель. Полномочиями же членов Совета Федерации одаривает, по всеобщему признанию, кремлёвская администрация. Ясно, к кому она особенно благоволит. Как ясно, кому легче всего удастся заполучить расположение и благословение путинской команды. Вот уж воистину союз государственной власти и денежных мешков!

И ещё. Поскольку процедура сменяемости членов Совета Федерации, по сравнению с думами, явно упрощённая, то миллиардеры, заседающие в верхней палате, более точно отражают нынешнюю структуру российского крупного капитала. Долларовые миллиардеры из числа думцев пятого созыва — это портрет гвардейцев класса «стратегических собственников» образца 2007—2008 годов. Здесь персоны, связанные с топливно-энергетическим комплексом, банками и металлургией, то есть представители только экспортного и спекулятивного капитала. Среди долларовых миллиардеров из Совета Федерации значатся и банкиры, и нефтяные короли, и газовые бароны. Но рядом с ними денежные мешки, подминающие под себя высокотехнологичные производства, аграрный сектор и даже основательно разрушенные за время реставрации капитализма в России машиностроение и металлообработку. Такая характеристика применима и к тем парламентариям из числа рублевых миллиардеров, которые на долларовой шкале пока числятся миллионерами.

А вот что роднит толстосумов, заседающих в обеих палатах, так это явное отсутствие среди них тех, про кого буржуазный агитпроп восторженно лопочет, будто они «начинали с нуля». Денежные мешки как из Госдумы, так и из Совета Федерации — «законные» дети приватизации.

Не надо быть аналитиком, чтобы понять, что перекачивающие нефть и газ в частные миллиардные состояния депутаты Госдумы пятого созыва С. Керимов, С.-С. Гуцериев, Л. Симановский, Б. Зубицкий, В. Варшавский, кующие миллиарды из чёрных металлов думцы с Охотного ряда А. Скоч, З. Муцоев, А. Аристов, притулившиеся к этим же доходным экспортным отраслям «сенаторы» Ф. Ахмедов, В. Ойл, А. Вавилов, Л. Лебедев, Р. Сафин, банкиры-миллиардеры А. Лебедев, Д. Ананьев, С. Пугачев, Г. Фетисов, питерский аптечный король А. Афанасьев не собирали свои состояния по копейкам, не страдали от недоедания, не изнывали от трудов праведных. Нет, все они скорее клоны «героев» Куршевеля, поторопившиеся хапнуть пожирнее кусок из общенародного достояния благодаря разорителям России Ельцину, Гайдару, Чубайсу и К^о.

Миллиардеры-парламентарии — это чрезвычайно выразительные мазки на политическом портрете России времён капиталистической реставрации. По ним, например, легко можно судить о классовой позиции политических партий.

Лежбищем парламентариев-миллиардеров является прежде всего «Единая Россия». Более трёх четвертей депутатов Госдумы, владеющих миллиардными состояниями, избирались в неё именно

как «единороссы». К ним надо добавить перебежчиков, которые получили свой мандат благодаря опрометчивой поддержке других буржуазных партий.

В списке услужливых поклонников миллиардных состояний есть своя уверенная ниша и у Либерально-демократической партии России. И случается, что её симпатии к толстесумам бывают взаимными. Два раза по партийным спискам «соколов Жириновского» проходил на Охотный ряд один из самых богатых дельцов страны С. Керимов (в 2007 году в списке «Финанса» он занимал 8-е место). Впрочем, в Государственной думе пятого созыва он состоял уже во фракции «партии власти».

Ещё одна непристойность миллиардеров-парламентариев бросается в глаза в этой связи. Закон недвусмысленно запрещает депутатам Государственной думы и членам Совета Федерации заниматься коммерческой деятельностью. Если бы наши «думские бояре» и «сенаторы» следовали духу и букве закона, то средний процент их состояний не мог бы превышать величину банковского процента на то богатство, которое значилось за ними при вселении на Охотный ряд или Большую Дмитровку. Обратимся, однако, к данным «Финанса».

Начнём с самого состоятельного. Вот как представлял С.Керимова журнал «Финанс» в 2006 году: «Депутат Государственной думы от ЛДПР стремительно ворвался в клуб долларовых миллиардеров. Хозяин бывшего нефтетрейдера, а ныне, по сути, инвестфонда „Нафта Москва“, с ходу занял 12-е место, чуть-чуть не дотянув до десятки богатейших людей России. В этом ему помогли околосударственные структуры. Сулейман Керимов приобрёл 4,2% акций „Газпрома“ на кредиты, взятые в Сбербанке (по оценке „Финанса“, не менее 3,1 млрд. долл.). Первые 1,5% акций „национального достояния“ бизнесмен купил в 2004 году, потратив 700 млн. долларов. И не прогадал — капитализация „Газпрома“ росла как на дрожжах. Только с лета 2005 года „Газпром“ подорожал втрое. Однако хозяин „Нафты“ не ограничивает себя портфельными инвестициями. Другая его успешная сделка — перепродажа СПК „Развитие“ („Главмосстрой“, „Мосмонтажспецстрой“) Олегу Дерипаске в конце лета 2005 года. Сулейман Керимов стал владельцем „Развития“ в феврале, однако прежний директор отказался покинуть здание. В результате в июне офис компании в Гранатном переулке взяли штурмом 200 бойцов. По сути, единственный производственный актив Сулеймана Керимова — купленный у группы „Ист“ в конце 2005 года „Полиметалл“, ведущий производитель золота и серебра» (Финанс. 2006. № 7. С. 21).

Уважительный портрет деловых качеств, созданный журналом, нам интересен только в одном отношении. В 2004 и в 2005 годах С. Керимов владел мандатом депутата Госдумы. Следовательно, на него в полном объеме распространялись обязательства, накладываемые законом на думского депутата. Он же, как ярко описал журнал, увлечённо и эффективно занимался предпринимательской деятельностью.

Теперь возьмём в руки февральский номер «Финанса» за 2007 год. Списку долларовых миллиардеров журнал предпосылает броскую информацию: «В 2,2 раза увеличился капитал депутата Государственной думы Сулеймана Керимова» (Финанс. 2007. № 6. С. 22). Если помнить предыдущую характеристику, то это краткое сообщение очень выразительно.

Дело, однако, в том, что С. Керимов — не единственный депутат с неуёмными рыночными замашками. Тоже в 2,2 раза увеличил свое состояние «единоросс» Л. Симановский. Впритык приблизился к взятию этой прибыльной высоты известный деятель «Единой России» В. Семёнов. В том году вдвое прирастили свои капиталы его однопартийцы аграрный делец И. Саввиди и совладелец Европейской подшипниковой корпорации О. Савченко. В полтора-два раза увеличили за год (всего за год!) свои состояния банкир А. Лебедев, совладелец Первоуральского Новотрубного завода З. Муцоев, один из хозяев коммерческих компаний «Даев плаза» и «Центурион» А. Егиазарян (см.: там же. С. 20—53).

В Совете Федерации флагманом совмещения парламентских обязанностей с активным предпринимательством оказался представитель Челябинской области в верхней палате А. Комаров. В 2006 году среди преуспевающих дельцов он занимал 132-е место, владея состоянием в 9,2 млрд. руб. (320 млн. долл.). Годом позже «Финанс» поместил его на 55-ю строчку. Теперь он входит в клуб долларовых миллиардеров. За год парламентарий стал богаче более чем в 3,5 раза. Возможен ли такой космический скачок при соблюдении закона о статусе депутата? Ясно, что это — вопрос риторический.

Что касается Государственной думы, то здесь самым продвинутым депутатом-капиталистом был «единоросс» А.Скоч. На Охотном ряду он не новичок, в 2011 году получил думский мандат в четвёртый раз. Окончил Московский областной педагогический институт. Однако перед избранием в Госдуму отнюдь не «сеял разумное, доброе, вечное», а являлся заместителем директора по инвестициям ОАО «Лебединский горно-обогатительный комбинат». Уже будучи депутатом, если судить по думским справочникам, стал совла-

дельцем мощнейшего металлургического комплекса «Газметалл» За год его состояние выросло в 4,2 раза, он уверенно вошёл в число долларовых миллиардеров (по данным «Финанса», на начало 2011 г. его личное состояние оценивается в 6,5 млрд. долл.).

Вот истинные творцы нынешней государственной политики России. Напомню, что состояния 34 миллиардеров, заседающих в Федеральном собрании РФ, достигают в сумме 1 трлн. рублей.

Правда, некоторые известные парламентарии за год, если судить по журналу, которому присущ «профессиональный взгляд на деньги», обеднели. Среди них, например, один из руководителей «Единой России» В. Володин. В 2006 году журнал «Финанс» поместил его на 340-е место в списке ведущих нуворишей. Его состояние было оценено в 2,9 млрд. рублей. Но в 2007 году среди «500 самых зажиточных граждан» его не оказалось, хотя журнал уверяет, что никого не забыл из числа владеющих не менее чем 2,4 млрд. рублей. Выходит, активная политическая деятельность В. Володина принесла ему одни убытки... Стране — тоже. Впрочем, в 2010 году Володин был катапультирован в правительство вице-премьером, а в 2011-м — первым заместителем главы администрации президента РФ.

О Государственной думе третьего-пятого созывов и депутаты-коммунисты, и большинство избирателей упорно говорили, что она занята лишь тем, что штампелюет законопроекты, вносимые в нижнюю палату правительством. Иногда её называли даже правительственным предбанником. У такого положения есть бесспорное объяснение: и думское большинство, и правительство служат одному классу и защищают его интересы. Более того, как и многие депутаты-«единороссы», так и министры являются непосредственными представителями класса капиталистов.

Только за три года, в течение которых В.В. Путин возглавлял «белодомовский» кабинет (2008—2010 гг.), совокупный доход входящих в него персон составил более 2,5 млрд. рублей. А ведь правительство состоит всего из 25 министров и вице-премьеров. И каждый из них входит в 1% самых богатых семей Российской Федерации. Эта сотая часть россиян и есть «стратегические собственники», то есть основа капиталистического класса.

Формально вроде бы нет никаких оснований, чтобы относить членов путинского кабинета к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью. Всем чиновникам группы «А» запрещено заниматься ею. Более того, те члены правительства, которые входят в состав советов директоров государственных корпораций, не получают за эту деятельность, как и предписывает им законодательство, никаких вознаграждений. Но знакомство с декларациями

за последние годы заставляет сомневаться в их законопослушности: у каждого доходы прыгают, как блохи на бездомной собаке.

Вот скромный — ни земельного участка, ни машины, ни дачи — министр регионального развития В.Ф. Басаргин. В 2008 году Виктор Фёдорович имел доход 3 млн. 459 тыс. рублей. Возможно, такого у него зарплата? Но в следующем году доход упал на полмиллиона целковых. Неужели президент или премьер своим распоряжением в связи с кризисом сократили оплату труда министра? Но чаша сия почему-то миновала Фурсенко, Шойгу, Христенко... И ещё. В прошлом году кризис тоже не покидал российских пределов. Между тем доход тогдашнего главы Минрегионразвития вырос на 2,6 млн. рублей. Остаётся предположить, что пересевший в 1991 году из кабинета секретаря Свердловского обкома комсомола в другой комитет — по управлению имуществом, которым тогда во всероссийском масштабе руководил небезызвестный А.Б. Чубайс, — г-н Басаргин не только по-ударному руководил приватизацией на Среднем Урале, но и поучаствовал в ней. А прыгающие — и не только у него — доходы свидетельствуют о неустойчивости размера дивидендов, достающихся собственникам в условиях кризиса.

Другой скромный деятель путинского кабинета И.О. Щёголев руководил Министерством связи и массовых коммуникаций. Приватизацией в своей жизни он никогда не занимался, его планида — журналистика, прочно привязанная к власти. За эту способность Игорь Олегович был катапультирован в руководители президентской пресс-службы. А когда В.В. Путин после восьмилетнего квартирования в Кремле вернулся на Краснопресненскую набережную, то Щёголев получил должность министра. Так что его биография кардинально отличается от жизненного пути В.Ф. Басаргина. Но кривая доходов за три года похожая: разрыв между перигеем и апогеем наличности — 1,8 млн. рублей. Ясно, что это — не следствие причуд в бухгалтерской ведомости правительства.

Кстати, оба министра — Басаргин и Щёголев — не похожи на примаксов, которые живут за счёт своих жён. Супруги Виктора Фёдоровича и Игоря Олеговича, судя по декларациям о доходах высокопоставленных мужей, получали среднюю для Москвы зарплату — 25—30 тыс. рублей в месяц. Не то, что у некоторых их коллег. Скажем, у заместителя председателя правительства Д.Н. Козака. За 3 последних года Наталья Евгеньевна Квачева неизменно вносила в семейный бюджет больший вклад, чем Дмитрий Николаевич. В 2008 году её доход на 1,7 млн. руб. превышал доходы мужа. В 2009 году разрыв сократился до 100 тыс. рублей. Зато в 2010 году он достиг почти 13 млн. целковых. А всё дело в том, что недавняя

чиновница Минрегионразвития (этим министерством тогда руководил как раз Д.Н. Козак) оказалась очень талантливой бизнес-леди в области адвокатских услуг. Вот он, образец самого надёжного союза капитала и государственной власти!

Только не надо думать, что Дмитрий Николаевич Козак — исключение из правил. Его супруга — кандидат юридических наук, и занимается она в сфере, с которой как-никак знакома. Ирина Сергеевна Иванова два года подряд обгоняла по размеру доходов своего мужа. Таков результат её успешных занятий банковским бизнесом. Супруга недавно ушедшего в отставку заместителя председателя правительства, министра финансов А.Л. Кудрина Ирина Игоревна Тентякова, по сообщениям прессы, владеет гостиницей и тоже демонстрирует удивительный талант предпринимательницы.

По размеру приносимых в дом доходов не выдерживал конкуренции с супругой, хозяйкой компании «Салон Нифертити», самый первый заместитель главы правительства В.А. Зубков. Кстати, не только его жена, но и его дочь, Юлия Викторовна Похлебенина, — тоже миллионерша. В 2010 году доходы от её предпринимательской деятельности превышали жалование её мужа — министра обороны А.Э. Сердюкова более чем в 5 раз. Впрочем, получивший на каких-то ускоренных курсах звание офицера запаса Сердюков получил общественное признание не благодаря полководческому дарованию и эрудиции в военном деле, а в качестве владельца крупнейшей питерской компании по торговле мебелью. Не случайно министр обороны и сейчас носит в российских Вооружённых Силах высокое звание «Мебельщик», которого не достаивался ни один из его предшественников за всю историю отечественного воинства.

Впрочем, если уж зашёл разговор о месте жён министров в высоком бизнесе, то непозволительно обходить вниманием Ольгу Викторовну Шувалову. Жена первого заместителя председателя правительства РФ — истинный уникум на предпринимательском поприще среди совокупной второй половины бывшего при Путине кабинета. Её родной супруг публично заявляет, что жена не занимается бизнесом, а является домохозяйкой. Однако каким-то образом «чудотворка» принесла в семейный бюджет в 2008 году около 365 млн. рублей, в 2009-м — почти 642 млн., а в 2010 году она повысила состояние семьи на 372 907 589 руб. 83 копейки. Всё это задокументировано в декларации первого вице-премьера. И вот теперь он, неблагодарный, хочет все заслуги супруги в добывании неимоверными усилиями неимоверных средств присвоить себе... Кто поверит, что его широковещательные заявления соответствуют действительности?

Ну что мы всё о жёнах министров? В правительстве В.В. Путина была своя прекрасная половина — целых три министра-женщины. И у каждой из них своя «семейная бизнес-линия».

У любопытных, думается, менее всего вопросов к министру социального развития и здравоохранения Т.А. Голиковой, красавице, отличнице и когда-то бывшей комсомолке. Да, бюджет её семьи уже второй год преодолевает 10-миллионный рублёвый рубеж. Но у неё муж — В.Б. Христенко, много лет служивший министром промышленности и торговли РФ. Безусловно, убедительнейшее объяснение! Хотя... А почему годовой доход министра Христенко был почти вдвое больше дохода министра Голиковой за тот же 2010 год? Оклад с надбавками должен быть выше у Татьяны Алексеевны: ей к окладу положено добавлять установленную правительством доплату за учёную степень доктора экономических наук в размере 7 тыс. руб. ежемесячно. Почему же тогда разница не в её пользу и не на 84 тыс., а на 3 млн. рублей? Наверное, всё же дело в том, что в своё время В.Б. Христенко тоже поучаствовал в приватизации, когда подвизался в администрации Челябинской области?

Раз уж речь зашла о владельцах учёных степеней, то надо вспомнить недавнего министра экономического развития РФ Э.С. Набиуллину. Она была и член правительства, и кандидат экономических наук. Несмотря на это, доход Эльвиры Сахипзадовны за три года составил «всего» 9 785 993 рубля. А вот её супруг за это же самое время осчастливил семейный бюджет 43 млн. 733 тыс. рублей. Это почти в 4,5 раза больше дохода министра.

Кто он? Ярослав Иванович Кузьминов, кандидат экономических наук, но не министр, а профессор. Работает в государственном вузе. Правда, в должности ректора Высшей школы экономики. Но профессору-кандидату наук нынешнее государство установило оклад в 18 тыс. рублей. За три года набирается менее 650 тысяч. А остальные 43,1 млн. руб. ему правительство жалует за выполнение обязанностей ректора? По 1 млн. 194 тыс. в месяц? Или теперь ректорам университетов властью рекомендовано совмещать свои ответственные обязанности с бизнесом? Думается, здесь есть о чём подумать правительству.

Что касается третьей входившей в правительство женщины — министра сельского хозяйства Е.Б. Скрынник, то до правительственного поста она предыдущие 15 лет являлась бизнесвумен. Елена Борисовна так и не сумела оторваться от пуповины частного предпринимательства: в 2010 году её личный доход был примерно втрое выше должностного оклада министра. А в 2009 году, уже будучи главой Минсельхоза, она вместе с мужем получила сверх министерского оклада 12-миллионный доход. Но это — всё же внешняя сторона её жизни. Не менее

значима внутренняя суть. Она не просто дипломированный врач, а доктор медицинских наук. Но свой профессионализм в самой гуманной сфере Е.Б. Скрынник променяла на погоню за прибылью.

В работе «Тридцать теорем для России» директор академического Института океанологии академик РАН Р.Нигматулин и директор Института проблем естественных монополий Б.Нигматулин подсчитали, что всего-навсего 0,4% семей РФ имеют годовой доход более 30 млн. рублей. Федеральное правительство представлено в этом семейном списке главных толстосумов страны тремя министрами. Это — первый заместитель председателя правительства И.И. Шувалов, министр природных ресурсов и экологии (ныне — помощник президента РФ) Ю.П. Трутнев и министр обороны (он точно знает, что ему следует защищать и от кого) А.Э. Сердюков.

Годовой семейный бюджет от 12 до 30 млн. руб. (1—2,5 млн. в месяц) благодаря выдающимся организаторским способностям себе обеспечивали министр транспорта РФ (теперь также помощник президента РФ) И.Е. Левитин, министр экономического развития Э.С. Набиуллина (и она сейчас помощник у В.Путина), заместитель председателя правительства Д.Н. Козак (и тогда, и теперь) и первый вице-премьер В.А. Зубков (с мая 2012 г. — спецпредставитель президента РФ по взаимодействию с экспортёрами газа).

Нельзя обойти вниманием и тех, чей семейный доход от 6 до 12 млн. руб. в год. А таких в правительстве было 9 человек: министры Т.А. Голикова и В.Б. Христенко, заместители председателя правительства С.Б. Иванов, А.Л. Кудрин, В.В. Володин, министры С.К. Шойгу, Е.Б. Скрынник, В.Л. Мутко, А.А. Фурсенко. Семейный доход каждого из них превышает в 2–4 раза их официальный оклад в правительстве. Иначе говоря, это всё — типичные министры-капиталисты. Обнародованные декларации о доходах «белодомовских» подчинённых теперь уже вернувшегося в Кремль премьера В.В. Путина показывают, что как минимум 16 из 25 членов правительства, то есть две трети кабинета, относились к этой противостоящей трудовому большинству категории.

Неудивительно, что всякий раз, когда дело доходит до законодательства, касающегося социально-экономического положения трудящихся масс — прежде всего класса наёмных работников физического и умственного труда, — то обе ветви государственной власти объединяются против пролетариата. Такова природа государства диктатуры капитала. Она, эта природа, освящена «ельцинской» Конституцией РФ.

Несколько слов об этой Конституции. Вот что «вещает» ст. 37 Конституции РФ: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещен. 3. Каж-

дый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного Федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. 4. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. 5. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск».

Пышные слова о свободном труде опровергаются существованием сотен подпольных предприятий, на которых трудятся многие и многие тысячи рабочих, находящихся практически в рабском положении. Уже официально признан так называемый «неформальный сектор экономики». В нём, по данным Росстата, занято 12,5 млн. человек, то есть 18% имеющих работу. За последнее десятилетие численность занятых в нём работников выросла в 1,5 раза (см.: Экономическая активность населения России. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 92—107). Большинство из них — наёмные работники. Так, почти 93% лиц, занятых в «неформальном секторе» добычей полезных ископаемых, работают по найму. «Неформальный сектор» существует и среди организаций, занимающихся производством и распределением электроэнергии, газа и воды. Здесь по найму работает 85%. Такая же доля горбатящихся на «неформальных» хозяев в строительстве (в нём в «неформальный» сектор вовлечено около 1,3 млн. человек). Ещё больше «неформальных организаций» Росстат зарегистрировал в торговле, ремонте автотранспортных средств и предметов личного пользования.

Третий пункт 37-й статьи Конституции РФ сугубо декларативно утверждает, что «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного Федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы». Но сие утверждение является откровенной демагогией. Это подтверждается современной российской действительностью на каждом шагу. Начнём с безопасности труда. Десятилетия народ будет помнить трагедию на Саяно-Шушенской ГЭС, на шахте «Распадская» и многих других предприятиях, которые «прославились» авариями последних лет.

Если же посмотреть на положение в стране в целом, то выяснится, что за 5 лет (2006—2010 гг.) в производственных авариях со смертель-

ным исходом погибло около 15 тыс. человек. Это равно потерям советских войск в Афганистане за 10 лет боевых действий. Сегодня вынуждены работать в условиях, которые не соответствуют гигиеническим условиям труда, около 40% занятых в отраслях по добыче полезных ископаемых. В обрабатывающих производствах их доля приближается к 27%, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 30%. При этом, по данным Росстата, на предприятиях и в организациях, которые принадлежат частным собственникам, условия труда на 3,5—6,5% хуже, чем на государственных предприятиях и в организациях (см.: Российский статистический ежегодник. 2011. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С.160—163).

Вот хроника одного дня в Омской области. 15 июня 2011 года на предприятиях региона были зарегистрированы 3 несчастных случая, вызванных нарушением правил техники безопасности. В районную больницу Называевского района был доставлен 36-летний рабочий. На одном из предприятий, получив травмы во время перемещения баллона с кислородом, этот рабочий скончался на месте. Несовместимые с жизнью травмы получил 47-летний рабочий г. Тары. Он погиб при погрузке брёвен на автоприцеп. На стройке в областном центре был смертельно травмирован 29-летний каменщик: при открывании двери насосной станции, откуда подаётся песок и бетон, его ударило током.

В Челябинской области трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений оценивала состояние техники безопасности не за один день, а за целый год. На заседание в Магнитогорске отмечалось, что подобная повестка дня в последние годы стала редкостью. Но сложившаяся ситуация вынудила: в 2010 году заметно вырос травматизм. При этом половина чрезвычайных происшествий закончилась смертельным исходом, так как значительная часть рабочих мест не отвечает требованиям техники безопасности. Поэтому человеческие потери на Южном Урале значительно выше официальных средних показателей по стране. Росстат сообщил, что на 46,1 тыс. пострадавших при несчастных случаях было со смертельным исходом 2 тыс., то есть соотношение 23 к 1, а не 1 к 1, как в Челябинской области. Наиболее неблагоприятное положение в добыче природных ископаемых, металлургии и обрабатывающих производствах. На них приходится 60% травматизма. Впрочем, эти отрасли дают максимальное количество несчастных случаев и в общероссийском масштабе.

В современной РФ положение с охраной труда и техникой безопасности в целом год от года ухудшается. В 2010 году трое из каждой тысячи работников, обслуживающих оборудование, имели дело с техникой, которая не соответствовала даже официальным, не

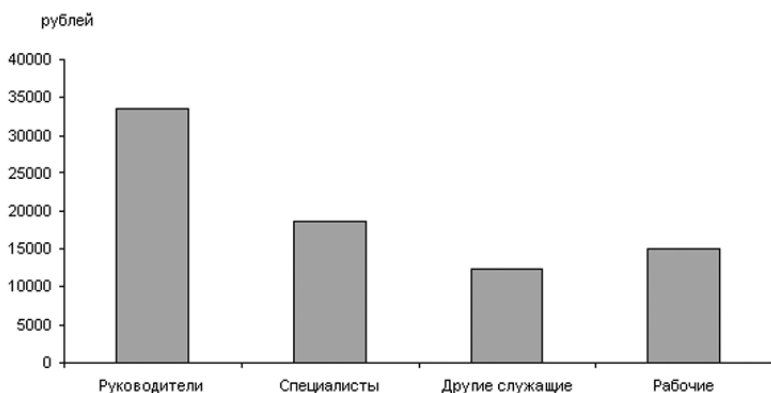
ахти каким строгим нормам охраны труда. Ещё острее ситуация, когда дело касается гигиенических нормативов условий труда. Росстат сообщает, что в 1993 году, когда ещё действовала техника и технологии советской эпохи, в производственных условиях, не отвечающих гигиеническим требованиям, работало 17,5% всех занятых непосредственной производственной деятельностью. В 2000 году их доля поднялась до 18,1%, а спустя 10 лет — до 28,2%, то есть выросла за два десятилетия в полтора раза (см.: там же).

Причины этой тенденции не только в износе техники (на некоторых предприятиях она даже обновлена на более совершенную). Неблагоприятное воздействие на условия труда работающих оказала передача государственной собственности в частные руки. По данным Росстата, на перерабатывающих производствах в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам, на частных предприятиях сейчас трудится 27,4% работников, тогда как на государственных на пять с лишним процентов меньше. И такой разрыв на всех обследованных госстатистикой производствах. На приватизированных предприятиях выше доля и занятых на тяжёлых работах, и обслуживающих оборудование, не соответствующее требованиям охраны труда, и т. п.

Об оплате труда и условиях для отдыха речь шла уже выше. К сказанному ранее добавим данные анализа, осуществлённого Росстатом (см. *рисунок 9*).

Рисунок 9.

Средняя заработная плата работников по категориям персонала за октябрь 2009 года

Доминирующая в обществе социальная поляризация болезненно сказывается и на оплате труда. В апреле 2010 года, сообщал Росстат, удельный вес фонда заработной платы 50% наименее оплачиваемых работников (1—5 децильные группы) в общем фонде начисленной заработной платы составил 22,1%, а 50% наиболее оплачиваемых работников (6—10 децильные группы) соответственно — 77,9% (см.: Дифференциация заработной платы работников по видам экономической деятельности и профессиональным группам // Статистический бюллетень. 2010. № 9; http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/lssWWW.exe/Stg/d09/1-00.htm).

Господствующая в стране общественно-политическая система, во-первых, стимулирует противопоставление управленческих кадров наёмным работникам физического и умственного труда, не без оснований надеясь, что она одновременно разрушает остающиеся ещё от социалистического образа жизни коллективистские начала, и покупая лояльность руководителей, обеспечивает повышение эксплуатации остальной наёмной рабочей силы. Таким образом, капитал ставит большинство наёмных работников в положение пролетариата. Ясно, что его основную массу составляет рабочий класс. При этом средняя заработная плата рабочих, как видно на рисунке, в 2 с лишним раза ниже оплаты труда менеджеров. Так, помимо своей воли, реставрация капитализма способствует формированию пролетарского классового сознания у наёмной рабочей силы. В пользу этого вывода говорит и расслоение в оплате труда наёмных работников (см.: О дифференциации заработной платы в Российской Федерации // Статистический бюллетень. 2011. № 10; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_04/lssWWW.exe/Stg/d10/03-00.htm) (см. таблицу 21).

Положение пролетарских масс осложняется ещё и тем, что в каждой профессиональной группе занятий заработная плата значительно различается в зависимости от субъекта РФ, в котором проживает работник. Наиболее высокая заработная плата сложилась в регионах, в которых используется районное регулирование оплаты труда, а также в Москве.

Таким образом, ничем не гарантированное конституционное право на труд превращается в ни к чему не обязывающую капитал пустышку. Это создаёт широкие возможности владельцам средств производства произвольно устанавливать и условия труда, и его оплату. Работодатели, представляющие крупный капитал, уже выражают активное недовольство тем Трудовым кодексом РФ, который с самого начала учитывал прежде всего интересы не рабочих, а эксплуататоров. Более того, интересам капитала нынешнее рос-

Таблица 21.

**Распределение общей суммы средств,
направленных на оплату труда,
по децильным группам работающих, в %**

	2005	2006	2007	2009	2010
Всего	100	100	100	100	100
в том числе по группам в порядке возрастания размеров оплаты труда:					
Первая	1,4	1,4	1,6	2,3	2,3
Вторая	2,7	2,7	2,9	3,3	3,4
Третья	3,9	3,8	4,0	4,3	4,4
Четвертая	5,0	5,0	5,2	5,4	5,4
Пятая	6,3	6,3	6,4	6,6	6,6
Шестая	7,8	7,8	7,9	7,9	7,9
Седьмая	9,7	9,6	9,6	9,6	9,5
Восьмая	12,1	12,1	12,0	11,8	11,7
Девятая	16,4	16,2	16,0	15,7	15,6
Десятая	34,7	35,1	34,4	33,1	33,2

1) Каждая группа — 10% общей численности работников.

сийское государство стремится подчинить не только Трудовой кодекс, но и всю систему социальных отношений в обществе. Это особенно заметно в реформировании образования.

Почти весь 2011 год на сайте Государственной думы РФ в Интернете висел («для обсуждения») внесённый правительством законопроект «Об образовании в Российской Федерации». Он призван завершить многолетние усилия буржуазного режима, направленные на уничтожение прежде всего профессионального образования. Стирать его с лица земли начали одновременно с разрушением народнохозяйственного комплекса великой страны. Отбойные молотки контрреволюции стали его расшатывать под руководством генсека-расстриги М. Горбачёва в 1988 году. Тот год был последним годом относительно нормальной работы советской экономики. Одновременно он был и последним годом, когда развивалось профессионально-техническое образование.

В РСФСР в 1987 году было принято в ПТУ и технические училища

1,6 млн. учащихся (см.: Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. — М.: Финансы и статистика, 1989. С. 48—49). В 1995 году приём упал до 0,9 млн. человек. А ведь демографическая яма к профтехобразованию тогда ещё не приблизилась, в ту пору в неё сваливалось только дошкольное образование. Система же вчерашних трудовых резервов скукоживалась на глазах. Это было следствие разрушения промышленности. К этому времени выпуск продукции отраслей индустрии уполовинился, а производственные мощности страны стали использоваться примерно на 55%. Надо ли удивляться, что приём в профессионально-техническую школу сократился до 56% от показателей середины 80-х годов.

Тогда казалось, что всё дело только в экономической яме: начнёт производство расти — возродится и качественная подготовка квалифицированной рабочей смены. Но нет, чуда не случилось. 2000-е годы принято считать «тучными». В 2007 году были установлены рекорды по капитализации и прибыли российских компаний. Но приём в профтехучилища РФ был низведён до 580 тыс. учащихся (см.: Российский статистический ежегодник. 2009 год. Официальное издание. — М.: Росстат, 2009. С. 233—234). Это почти вдвое меньше, чем в советскую пору. Разговоры о неудовлетворительной подготовке технических грамотных, квалифицированных рабочих кадров превратились в общее место. Квалифицированные рабочие нужны хотя бы для того, чтобы симулировать заботу буржуазной власти о создании инновационной экономики, о модернизации разваленной «стратегическими собственниками», ставшими новыми «хозяевами», материально-технической базы страны. Вот и тогдашний президент Д. Медведев на заседании Государственного совета 31 августа декламировал:

«Очевидно, что без радикального улучшения профессионального образования никакая модернизация у нас не получится, мы будем жить в технологически отсталом обществе. Но мы должны заниматься всеми этими вопросами в привязке к конкретной жизни. Чем был удачен национальный проект в этой сфере? Он привязал деньги к определённым планам по воссозданию системы образования. И в чём-то это удалось. Поэтому, я думаю, первое, что нужно было бы зафиксировать: и пилотные проекты, и вообще продолжение национального проекта в области образования должно распространяться и на систему начального и среднего профессионального образования».

Тут же выясняется, что слова президента бесценны: не имеют ни цены, ни ценности. Слово обухом по голове, правительство ударило по своему народу проектом нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Вот что было написано

в 13-й главе правительственного законопроекта: «Профессиональное образование имеет целью ускоренное (?) приобретение гражданами умений и навыков, необходимых для выполнения определённой работы, группы работ. Профессиональное образование не сопровождается (?) повышением образовательного уровня (!) обучающихся».

В переводе с чиновничьего языка на человеческий это означает: в России профессионально-технического (на новоязе: начального профессионального) образования больше не будет. Смертный приговор правительством подписан, за услужливой Госдумой, очевидно, дело тоже не станет. В первом чтении законопроект принят. Альтернативный законопроект КПРФ отклонён.

Если кто-то сомневается, что для профтехобразования выбрана высшая мера наказания, пусть прочитает 5-й пункт 116-й статьи правительственного законопроекта. Он призван законодательно оформить не просто уничтожение сложившейся в стране системы подготовки квалифицированных рабочих кадров, а ликвидацию всякой системности в обучении рабочих. «Образовательная деятельность по реализации программ профессионального образования не подлежит лицензированию». Государство от какого-либо контроля в подготовке рабочих кадров отказывается, пуская дело на самотёк. В этой сфере правительство предпочитает произвол и самочинство.

Это было 31 августа 2010 года (см.: <http://президент.рф/transcripts/8786>). Выбор даты для государственного разговора о профессиональном образовании выглядел двусмысленно. Конечно, хотелось верить, что приуроченный к началу учебного года, он станет знаковым и многообещающим. Знаковым он стал. Но знаком беды.

На том заседании Государственного совета бизнес представлял председатель комитета по рынку труда и кадровым стратегиям Российского союза промышленников и предпринимателей долларовый мультимиллиардер М. Прохоров. Он недвусмысленно изложил позицию капитала в отношении подготовки рабочих кадров. Главный мотив сводился к защите прибыли нуворишей. Предпринимательское сообщество, например, требует пересмотра Единого тарификационного справочника профессий и чётко указывает на правление обновления этого документа: «У нас больше 7 тысяч рабочих профессий. В странах развитых этот список состоит из 600—800. Соответственно мы теряем огромные деньги и ресурсы на постоянную переподготовку кадров». Потерей хозяин «Онексима» считает расходы, которые компании сейчас тратят на повышение квалификации рабочих. А ссылка на развитые страны здесь приведена для камуфляжа.

Ещё более настойчиво звучало требование к государству отказаться от успешно работавшей многие десятилетия системы профессионально-технического образования: «Нужно отделить социальные функции и прийти к настоящему профессиональному образованию». Далее ради придания внушительности своей позиции миллиардер снова сослался на опыт абстрактной заграницы и не преминул мазнуть грязью отечественную систему трудовых резервов: «Соответственно, если продолжить тему о разделении образования с профессиональной подготовкой, то в современных странах обучение профессии длится от 6 до 8 месяцев. Наши же дети учатся два-три года, потому что совмещают общеобразовательную учёбу с профессиональной. И создаётся ощущение, что это трудовая повинность или трудовое воспитание, а не трудоустройство на интересную и престижную работу» (там же). До чего же не по душе толстосумам трудовое воспитание, по своей сути всегда нацеленное на формирование достоинства человека труда, и общее образование, расширяющее кругозор личности!

Класс частных собственников не доволен и тем, что трудовое законодательство РФ всё ещё ограничивает использование детского труда. Но сколько лицемерия в устах М. Прохорова, когда он отстаивает корыстные интересы бизнеса! «В 15—16 лет молодой человек идёт в ПТУ, в колледж, 2—3 года обучается. До 18 лет он не имеет права по трудовому законодательству пройти профильную практику на предприятии. Соответственно когда он приходит на предприятие, то в основном убирает мусор. Стимулов для продвижения в профессии нет». Считающий себя выдающимся менеджером, оратор как-то запамятовал, что характер труда наёмных работников определяют управленцы компании. Ну а то, у кого и какие отсутствуют стимулы, как говорится, и ежу понятно.

Но президент, конечно, не ёж. Потому почтительно и почти подобоострастно он прокомментировал выступление посланца союза промышленников и предпринимателей: «Спасибо, Михаил Дмитриевич. Несколько моментов Вы отметили, на мой взгляд, важных. Коллеги их тоже отмечали, но, может быть, в Вашем выступлении это прозвучало более прямо» (там же). И далее в том же духе.

Теперь, думаю, читателям ясно, кто пишет правительству шпаргалки для разработки законопроектов. Нет сомнений и в том, кто в доме хозяин. Конечно, современная российская власть — убеждённый и сознательный выразитель интересов капитала. Более того, её представители делают всё для того, чтобы самим войти в число ведущих толстосумов страны. Но, будучи при исполнении обязанностей, прислуга ведёт себя соответственно своему статусу, не

смея послушаться барских указаний. А Прохоров — он понимает, что за его спиной власть денег, причём не только личных, но и всего капиталистического класса.

В заключительном разделе правительственного законопроекта об образовании есть похоронная статья. Она называется удивительно казённо: «Обеспечение реализации положений настоящего Федерального закона». Вот один из её пунктов: «Образовательные учреждения начального профессионального образования вида “профессиональное училище” подлежат преобразованию в учебные центры профессиональных квалификаций, в общеобразовательные организации, реализующие в пределах основной образовательной программы профессиональной подготовки, либо иные организации, осуществляющие обучение».

Из буреломы слов, сквозь который трудно продаться, смысл отношения власти к ПТУ в целом ясен: становитесь хоть чем, только с глаз долой. Образованные рабочие капиталу не выгодны. Образованные рабочие капиталу опасны. Они могут высокопоставленным болтунам, пустозвонящим о модернизации и инновациях, как и их хозяевам, однажды решительно сказать: «Баста! Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время».

Наконец, самый серьёзный удар по рабочему классу реставрация капитализма наносит тем, что разрушает экономику. В этом процессе можно выделить несколько этапов. Первый из них представлял собой непосредственное разрушение производительных сил.

Хотя качество производительных сил в СССР оставалось таким же, как в экономически развитых странах капитала, тем не менее советский социализм создал производительные силы такой мощи, что реставрация капитализма оказалась неспособной освоить их. В качестве подтверждения этого принципиального вывода, опирающегося на марксистско-ленинскую материалистическую методологию, обычно называют сокращение в два с лишним раза объёмов промышленного производства. Однако, думается, ещё более серьёзным, сущностным является тот факт, что буржуазная система, катастрофически сокращая производство, была вынуждена плодить всё новые и новые хозяйствующие субъекты, о чём уже шёл разговор в одной из предыдущих глав. Советский уровень концентрации производства (а он, замечу, примерно соответствовал «стандартам» ведущих капиталистических стран) оказался ей не по зубам.

К сказанному можно лишь добавить, что в результате четвертования производственных комплексов в ряде отраслей (прежде всего в металлообработке) уровень концентрации работников российской индустрии сполз к показателям... конца XIX века. А по сравнению с

советскими временами численность работников среднестатистического промышленного предприятия снизилась более чем в 9 раз. В первое пятилетие XXI века все эти тенденции сохранялись. В целом по «народному» хозяйству России число предприятий и организаций в начале 2006 года выросло по сравнению с 2000 годом на 1,3 млн. хозяйственных субъектов, или более чем в полтора раза. Все это — убедительные признаки индустриальной деградации страны.

2005—2006 годы оказались, очевидно, временем, когда страна достигла дна четвертования экономики, вызванного капиталистической реставрацией. Первый квартал 2007 года стал первым и в другом отношении: дальнейшее четвертование производств, созданных трудом нескольких поколений советских людей, становится в целом уже невозможным. В большинстве отраслей начинается обратный процесс. Об этом убедительно свидетельствуют даже данные государственной статистики.

Прежние тенденции продолжают сохраняться в добыче полезных ископаемых (здесь число предприятий и организаций выросло на 20,5%). Основной прирост произошёл за счёт численности предприятий, занятых добычей топливно-энергетических полезных ископаемых (прирост составил 19,7%). В рыболовстве и рыбоводстве увеличение численности предприятий превысило 20%. Прирост количества транспортных предприятий за период между 2005 и 2009 достиг 40%, а в связи этот показатель вырос на 25,6%. Продолжало увеличиваться количество предприятий в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды — на 54,9%.

Этот набор отраслей примечателен. Отрасль, занятая производством и распределением электроэнергии, как и транспорт и рыбоводство, в эти годы попали в полосу ликвидации последних государственных и муниципальных организаций. На месте каждой из них появляется, как правило, несколько хозяйствующих субъектов. Сказались «реформы» электроэнергетики по Чубайсу, а также на Россию обрушилась не менее ущербная «реформа» жилищно-коммунального хозяйства.

Принципиально иное положение в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых. Ориентация России на увеличение их вывоза за рубеж (в этом заинтересованы страны «золотого миллиарда») при хищническом поведении частных собственников вынуждает отрасль использовать прежде всего экстенсивные методы не только наращивания, но и поддержания достигнутых уровней добычи топлива. Увеличение численности предприятий и организаций в таком положении становится безвыходным. К тому же растёт число желающих присосаться к «золотой жиле».

Однако следует иметь в виду, что увеличение численности предприятий в перечисленных отраслях не привело к сколько-нибудь заметному увеличению численности рабочего класса. В то же время негативно сказалось на динамике рабочего класса массовое сокращение предприятий обрабатывающих отраслей. А ведь именно в них всегда концентрируется квалифицированная рабочая сила.

Сокращение числа предприятий в ведущих отраслях современной индустрии становится очень существенной характеристикой состояния и перспектив не только отечественной экономики, возможностей расширенного воспроизводства рабочего класса. Читая о сокращении действовавших ещё вчера производств, москвичи наверняка тут же вспомнят про тотальную и насильственную зачистку столичной индустрии. В 2010 г. стало известно, например, о списке более 300 заводов, которые приговорены московской властью к высылке «за 101-й километр» без права возвращения.

Прежде такие перемещения, когда они случались, прочно увязывались с заботой об экологии. Теперь прикрываться этим аргументом стало уже настолько неприлично, что он, как правило, выведен из употребления. В ход пошли прежде всего градостроительные объяснения: промзоны оказались чуть ли не в центре города, нет свободных площадей для нового строительства и т. д. Всё это, как говорится, имеет место быть, но одновременно всё это — полуправда, а то и бесстыжий камуфляж.

Основная причина вытеснения промышленности из столицы сугубо классовая. Новые власть имущие и их хозяева-толстосумы очень жаждут свести к минимуму численность и роль рабочего класса в столице. Они хотели бы сделать Москву, во-первых, резервацией чиновников, во-вторых, обиталищем крупного капитала — местом дислокации офисов банков, ведущих корпораций страны, средоточием высокоразвитой сферы обслуживания, а также многочисленных паразитических спецслужб вроде расплодившихся охранных фирм.

Сильные мира сего успели уже на собственной практике понять справедливость марксистского вывода о том, что рабочий класс является по своей природе авангардом антикапиталистической борьбы. Так, выборы последних лет показывают, что именно в рабочих районах наибольшую поддержку избирателей имеет КПРФ. А поскольку полевение общества становится общепризнанным фактом, то власти торопятся максимально сократить число промышленных предприятий в столице.

Однако всё это — не сугубо московская специфика. Подобная озабоченность властей, похоже, имеет место и в других городах-

миллионниках. Возрастает страх перед рабочим классом в ряде областных и республиканских центрах. К сожалению, государственная статистика не публикует географии закрытия заводов и фабрик. Она даёт только их отраслевую структуру (см. таблицу 22).

Таблица 22.

**Количество предприятий
в обрабатывающих производствах**

Отрасль	2005	2009	На ск. % снижение
Обрабатывающие производства В том числе	478,6 тыс.	418,6 тыс.	на 12,5
Производство пищевых продуктов, включая напитки и табак	69,3 тыс.	56,2 тыс.	на 18,9
Текстильное и швейное производство	40,5 тыс.	27,8 тыс.	на 31,4
Производство кожи, изделий из кожи, и производство обуви	5,8 тыс.	3,1 тыс.	на 46,6
Производство древесины и изделий из древесины	45,1 тыс.	36,2 тыс.	на 19,7
Химическое производство	17,0 тыс.	15,4 тыс.	на 8,8
Производство неметаллических минеральных продуктов	31,4 тыс.	27,8 тыс.	на 11,5
Производство машин и оборудования	74,2 тыс.	49,9 тыс.	на 32,75
Производство электрооборудо- вания, электронного и оптического оборудования	35,4 тыс.	33,6 тыс.	на 5,1
Производство транспортных средств и оборудования	10,0 тыс.	9,9 тыс.	на 1,0
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	4,1 тыс.	3,6 тыс.	на 12,2

Источник: Промышленность России. 2010. Статистический справочник. — М.: Росстат, 2010; http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_48/lssWWW.exe/Stg/d01/02-01.htm

По сравнению с 2005 годом только в трёх отраслях, относимых статистикой к обрабатывающим производствам, численность промышленных предприятий увеличилась. Их число выросло более чем на 16% в металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий и в производстве резиновых и пластмассовых изделий. На 3,7% увеличилось количество хозяйствующих субъектов в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности. Что касается производства кокса и нефтепродуктов, то здесь предприятия сохранились без изменений.

Пострадали же отрасли, которые новый режим поставил в неконкурентоспособное положение по отношению с «зарубежными коллегами». Но диалектика такова, что неконкурентность ряда ведущих отраслей, оказавшись экономически не выгодной частному капиталу, в классовом отношении служит сохранению его господствующих позиций, так как мешает росту индустриального и постиндустриального пролетариата.

Наиболее часто оказываются стёртыми с лица земли заводы и фабрики, занятые производством машин и оборудования, и лёгкая промышленность. Во-первых, это отрасли, которые предполагают многочисленную рабочую силу. Во-вторых, они относились к наиболее развитым сферам индустрии РФ.

Однако на общем фоне продолжающегося разрушения появились отрасли, в которых численность работников на предприятиях осталась практически неизменной. При устойчивом сокращении средней численности предприятий в течение 15 лет это изменение можно считать отрядным фактом, так как оно, скорее всего, свидетельствует о начавшейся стабилизации трудовых коллективов. Такая ситуация отмечается Росстатом в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования, в текстильном и швейном производстве и в деревообрабатывающей промышленности.

В 2009 году средняя численность работников предприятий в пищевой промышленности выросла по сравнению с 2005 годом на 14,35%. В кожевенной и обувной промышленности средняя численность работников предприятий и организаций за 5 лет выросла в полтора раза. Наконец, нельзя не обратить внимания на «развернувшуюся» тенденцию (?) в производстве машин и оборудования. После долгих лет дробления предприятий и организаций машиностроения появляются надежды на восстановление в целом дееспособных трудовых коллективов. По сравнению с 2005 годом в 2009 году средняя численность работников машиностроительных предприятий приросла на 11% (см.: Промышленность России. 2010. Статистический справочник. — М.: Росстат, 2010; http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_48/lssWWW.exe/Stg/d01/01-01.htm).

Этот процесс вселяет надежды на возрождение трудовых коллективов в отечественной индустрии. А это создаст возможности для восстановления рабочей солидарности — сначала в рамках предприятий, а затем и в масштабе рабочего класса. Классовая солидарность является обязательной предпосылкой успеха в защите коренных интересов трудящихся масс. Здесь к месту было бы вспомнить инструкцию К. Маркса делегатам временного Центрального Совета по отдельным вопросам. В ней он в частности писал, что «как **организованная сила для уничтожения самой системы наёмного труда и власти капитала**» (выделено у К. Маркса. — *В.Т.*) чрезвычайно важны профессиональные союзы. «Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его **полное освобождение**. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении. Считая себя и выступая на деле представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они обязаны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых отраслей производства... Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетённых миллионов» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 200—201*).

Соответствуют ли сегодняшние официальные профсоюзы Российской Федерации столь высоким стандартам. На первый взгляд, можно допустить, что они действуют в этом русле. Работники горно-металлургической промышленности, опрошенные сотрудниками Института социологии Российской академии наук (ИСПАН), называли профсоюзы главным защитником своих интересов (см.: http://www.isras.ru/files/File/Publication/ad_gmpr_2011_2.pdf). В этой роли, как показал опрос, они в 2011 году получили в 74 раза большее признание, чем хозяева-предприниматели. 8 лет назад разрыв между ними был 54-кратный.

Можно было бы устроить профсоюзам бурные аплодисменты, переходящие в овацию, если бы они при нынешнем буржуазном режиме не остались единственной на предприятиях и в организациях легальной организацией, которой закон разрешает защищать интересы трудящихся. Но закон — это детище государства. Высокие цифры опроса убеждают в том, что хозяева в отношении рабочих организаций исключительно законопослушны. Они никого, кроме профсоюзов, не допускают на собственную территорию и их-то согласны терпеть только, образно говоря, с кляпом во рту и в наручни-

ках. При Советской власти профсоюзы, по выражению В.И. Ленина, были «школой коммунизма», сейчас класс новых господ хотел бы их видеть школой соглашательства.

Приходится с самого начала в качестве ключевого ставить вопрос: хотя профсоюзы остались единственным заметным защитником интересов наёмного труда на предприятии, но насколько хорош такой защитник? Или они превращены режимом реставрации капитализма в один из социальных институтов, чьи действия направлены против интересов рабочего класса? К такой постановке проблемы побуждают ответы наёмных работников физического и умственного труда горно-металлургической промышленности на вопрос: «Влияет ли реально профсоюз на общий порядок на предприятии?», — когда голоса разделились поровну: 44% опрошенных считают, что он оказывает заметное влияние, но другие 44% респондентов уверены, что его влияние в этой сфере слабое либо оно вообще отсутствует.

Ответы на более конкретный вопрос социологов делают картину значительно определённое. Только треть наёмных работников горно-металлургической промышленности признают, что профсоюз реально влияет на участие трудящихся в принятии решений на предприятии. 58% опрошенных сходятся во мнении, что такое влияние минимальное. Они фактически утверждают, что лишены возможности воздействовать на характер и содержание решений, касающихся деятельности их организации, а возможность профсоюза изменить ситуацию минимальна.

Ещё более чётко характеризуют современную ситуацию на предприятиях, находящихся в частной собственности (а в этой отрасли таковые составляют подавляющее большинство), ответы трудящихся на вопрос: «Что затрудняет деятельность вашего профсоюза?». Респондентам был предложен ряд вариантов-подсказок для ответа на этот вопрос. Если не считать традиционный плач по поводу пассивности «рядовой» массы (на неё указали 67% опрошенных), то чаще других работники наёмного труда указывали на «отсутствие реальных рычагов влияния на администрацию», то есть на владельцев компаний и обслуживающий их интересы персонал. В 2011 году так считали 61% респондентов.

Следует обратить внимание на существенный рост доли работников, указывающих на этот порок общественной жизни на предприятиях: в 2003 и 2007 годах только 37% опрошенных обращали внимание на эту сторону социальных отношений. Следовательно, в последние годы идёт активный процесс формирования классового сознания масс, а профсоюз оказывается не способным (а то и не

желающим) угнаться за этими позитивными изменениями. Думается, именно по этой причине почти в геометрической прогрессии возрастает «отсутствие поддержки и доверия профсоюзу со стороны рядовых работников». В 2003 году ему отказывали в доверии 14% работников горно-металлургической промышленности. К 2007 году доля не доверяющих профсоюзу выросла более чем в полтора раза и достигла 22%. А ещё четыре года спустя она снова увеличилась — теперь уже почти вдвое. В прошлом году 43% опрошенных указывали на «отсутствие поддержки и доверия профсоюзу». Попытаемся, опираясь на данные учёных ИС РАН, осмыслить ключевые проблемы отношения трудящихся к «официальным» профессиональным союзам.

Логично было ожидать, что удастся нащупать подходы к диагнозу, позволяющему понять потерю доверия к профсоюзам со стороны трудящихся, уже в ответах на следующий заданный социологами вопрос. А он весьма серьёзный: «Какими проблемами на предприятии профсоюз должен заниматься в первую очередь?». Однако полученные ответы ничего не прояснили. Чаще всего работники указывали, что профсоюз должен заниматься проблемами повышения заработной платы. Вроде бы всё логично: профсоюзы давно стали во всём мире организацией, призванной возглавлять борьбу пролетариата против эксплуататоров за свои экономические интересы. Эта проблема тем более обостряется во время кризиса. Если в пору экономического подъёма заработная плата в горно-металлургической отрасли была примерно на 40% выше средней по экономике, то в 2009 году, когда падение производства в отрасли было пиковым, зарплата металлургов пала до средних по экономике значений.

Однако... ответы наёмных работников горно-металлургической промышленности на сей раз посрамили логику здравого смысла. В 2003 году, когда, как принято считать, РФ преодолела последствия дефолта, борьбу за повышение зарплаты считали главной задачей профсоюзов 78% трудящихся отрасли. В 2007 году, когда отрасль находилась в зените подъёма, такой точки зрения придерживался 81% респондентов. А в 2011 году, когда оплата труда явно не вернулась к докризисным показателям, борьбу за её повышение считали приоритетной задачей профсоюза 69% опрошенных.

Это самый низкий показатель за последние восемь лет. Едва ли его можно объяснить тем, что проповедуемая профсоюзными боссами ФНПР позиция «классового сотрудничества» «овец и волков» воспринята абсолютным большинством работников наёмного труда. Причина скорее в другом: поддавшись влиянию заказчика, социологи не предложили работникам отрасли оценить те направле-

ния профсоюзной деятельности, которые стали наиболее значимыми для трудового человека в современных условиях, когда, с одной стороны, обостряются социально-экономические и общественно-политические противоречия в обществе, а с другой — намечается рост классового сознания пролетариев.

Ставя перед наёмными работниками один из ключевых вопросов исследования — о том, какие проблемы деятельности профсоюза наиболее значимы для трудящихся, — социологи предложили (возможно, опираясь на свой жизненный опыт) 8 вопросов, ответы на которые даны в *таблице 23*).

Таблица 23.

**Первоочередные проблемы, которыми
должен заниматься профсоюз на предприятии,
% ответивших**

Первоочередные проблемы	2003	2007	2011
Повышение размера заработной платы	78	81	69
Социальные льготы и гарантии	24	34	42
Гарантии занятости	40	20	31
Охрана труда	52	21	24
Жилищные условия работников (общежития, субсидии, кредиты и пр.)		19	13
Своевременность выплат заработной платы		9	8
Отдых, спорт		4	6
Повышение квалификации		2	2

Мы сгруппировали указанные наёмными работниками проблемы в три категории:

- 1) Вопросы, касающиеся цены наёмной рабочей силы;
- 2) Вопросы возможности продавать рабочую силу;
- 3) Вопросы воспроизводства рабочей силы.

Опрос показал, что наёмные работники сегодня считают основной обязанностью профсоюза решение вопросов, касающихся продажи рабочей силы (повышение заработной платы, социальные льготы и гарантии, своевременность выдачи заработной платы). Но реальное влияние профсоюза на оплату труда на капиталистическом предприятии падает. В 2003 году его считали слабым или нулевым, по данным

ИС РАН, 23% металлургов и горняков. В 2007 году низкую оценку профсоюзу в этой сфере его деятельности поставил уже каждый второй опрошенный. А в 2011 году 54% наёмных работников отрасли считают, что влияние профсоюзов на оплату труда слабое или никакое.

Что касается возможности работников продавать свою рабочую силу, то в этой сфере роль профсоюзов оказалась ещё пассивнее. Их влияние на обеспечение занятости считали сильным в 2003 году 57% труженников горно-металлургической промышленности, в 2007 году — 41%, а в 2011-м — всего-навсего 32%. Если влиянию профсоюза на оплату труда активно противодействует работодатель, считающий этот показатель коммерческой тайной (хотя причина такого его поведения определяется не почтением к букве закона о труде, а интересами получения максимальной прибыли), и профсоюз почти со всех сторон офлажкован нормами Трудового кодекса, то в отношении сохранения занятости работников низкие оценки трудящихся профсоюз должен полностью принять на свой счёт. Это его обязанностью является борьба против увольнений работников работодателями. Это ему надлежит формировать солидарность трудящихся в отношении товарищей по классу.

Между тем респонденты с каждым новым исследованием всё сильнее жалуются на отсутствие солидарности, поддержки, взаимопомощи. В 2007 году (более ранних данных в отчёте не приводится) 41% опрошенных выражал недовольство отсутствием в коллективах чувства солидарности, а в 2011 году — уже 50%. Между тем почва для формирования этого чувства у трудящихся достаточно благодатная. Надежда на солидарность и объединённые действия являются вторым по значимости мотивом продолжения своего пребывания в профсоюзе. Она уступает только надежде на улучшение условий своей жизни. Более того, значение надежды на солидарность и объединённые действия при решении вопроса о членстве в профсоюзе постоянно повышается. В 2003 году на этот мотив указывали 30% опрошенных, а в 2011-м — 37%.

Если же говорить о воспроизводстве рабочей силы (организация отдыха, улучшение жилищных условий, занятие физкультурой и спортом и т. п.), то в советскую эпоху это направление было чуть ли не доминантой профсоюзной работы. Сейчас же этот вид деятельности перестал считаться приоритетным для профсоюза. В одних случаях профсоюз оказался бесправным в решении социально-бытовых вопросов (например, улучшения жилищных условий), в других (например, в развитии спорта) — их актуальность резко ослабла для самого работника в силу изменений образа жизни в условиях капитализма.

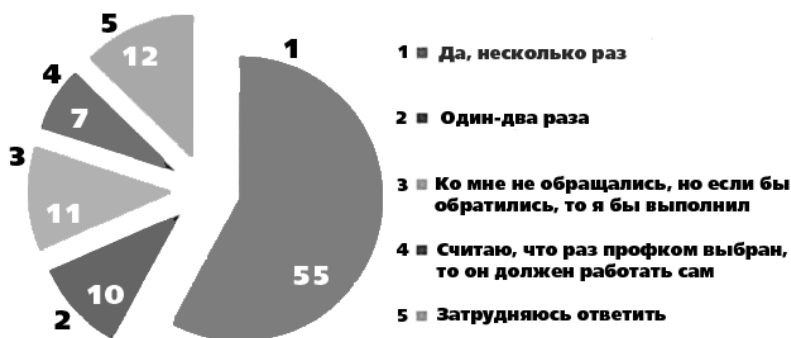
Как показало исследование ИС РАН, сегодня наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда всё больше беспокоят проблемы их возрастающего отчуждения и от труда, и от собственности. Невозможность участвовать в принятии решений, определяющих жизнь предприятия, и отсутствие реальных рычагов влияния на администрацию сегодня пролетариев интересует почти так же, как повышение оплаты их труда. Они всё яснее осознают, что подвергаются беспощадной эксплуатации владельцев предприятий.

Об отношении трудящихся к своим профессиональным объединениям можно судить по их ответам на три поставленных социологами вопроса: участие в профсоюзных собраниях, выполнение поручений профсоюзной организации и обращение в профсоюз с возникающими у работника вопросами. Исследование ИС РАН выявило: не могли вспомнить случаев своего участия в профсоюзных собраниях во время опроса 2007 года 16% респондентов, а во время прошлогоднего опроса — уже 23%. Та же тенденция характеризует и их профсоюзную активность. Во время социологического опроса 2007 года не указали случаев выполнения профсоюзных поручений 28% респондентов, а во время прошлогоднего — уже 35%.

Заслуживает внимания мотивация поведения наёмных работников, когда дело касается выполнения поручений профсоюзной организации (см. рисунок 10).

Рисунок 10.

Выполнение профсоюзных поручений в последние 2—3 года, % опрошенных

Жизнь современных официальных профсоюзов не является предметом интереса наёмного работника. И это признали ещё до проведения опроса и его заказчики (горно-металлургический профсоюз России), и исполнители (ИС РАН). Иначе среди вариантов ответов на вопрос «Вспомните, за последние 2—3 года приходилось ли Вам выполнять профсоюзные поручения?» не был бы заложен и такой: «Ко мне не обращались, но если бы обратились, то я бы выполнил». Любому понятно, что когда дело касается первостепенных интересов и первоочередных прав отдельных рабочих и трудовых коллективов, те, кому близки эти интересы, не ждут приглашений. Выходит между деятельностью современных соглашательских профсоюзов и коренными интересами и правами пролетариев, как говорил полковник Скалозуб, «дистанция огромного размера». И ответы 11% металлургов и горняков подтвердили, что дело обстоит именно так.

Но ещё более впечатляет другой вариант ответа на этот же вопрос. 7% респондентов выбрали позицию «Считаю, что раз профком выбран, то он должен работать сам». Так можно ответить только тогда, когда интересы наёмного работника и деятельность профсоюза находятся в параллельных мирах, которые не пересекаются ни в хитроумном римановом пространстве, ни в пространстве Лобачевского. И 7% ответили: не пересекаются. Мало? Страшно много. Перестав выполнять свои исконные функции, официальные профсоюзы превратились из самостоятельной организации в чиновничью. И рабочий начинает относиться к ним соответствующим образом — как к буржуазным чиновникам: «Мы вам платим зарплату — вы и работайте». Что касается обращений в профсоюз, то здесь динамика весьма незначительная. Но при этом только половина опрошенных работников отрасли (повторим, что опрос проводился только среди членов профсоюза) обращается в профкомы как цехов и отделений, так и предприятий с просьбами и вопросами.

Социологи задали членам горно-металлургического профсоюза вопрос: «Если Вы совсем не участвуете в работе профсоюза, то почему?» (см. *рисунки 11*). Так вот на него дали ответы 35% участников социологического исследования. Обратите внимание на эту цифру. Выходит, сегодня реальных людских ресурсов у профсоюза на треть меньше, чем формальных «бумажных», численность которых определяется по количеству лиц, реальную зарплату которых бухгалтерия ежемесячно уменьшает на 1%, чтобы перечислить его на банковский счёт профсоюза.

Причины неучастия в деятельности профсоюза, % ответивших

Но ещё выразительнее оказались названные членами союза причины, побуждающие их сторониться деятельности в нём. Их можно разделить на три группы. Во-первых, те, чьё нежелание участвовать в профсоюзной работе определяется неверием в продуктивность и жизнеспособность этой организации в её нынешнем виде (ФНПР) и при её нынешних руководителях (образцовых подпевалах капиталу и его власти типа Шмакова, Исаева и К^о), во-вторых, соглашатели из профсоюзных масс, в-третьих, люди, стремящиеся в нынешних условиях скрыть своё социальное лицо.

К первой группе можно причислить тех, кто ответил: «Не верю, что профсоюз может что-нибудь изменить», «У меня нет времени» и «Мне это не интересно». Социологи отмечают, что «за ответом “Нет времени” могут скрываться две причины: первая — отсутствие временного ресурса как такового, когда социальное и/или семейное положение респондента заставляет его тратить всё свободное время на подработку или уход за членами семьи. Вторая — отсутствие заинтересованности в профсоюзной деятельности, отнесение её к неважной, неинтересной или бесполезной сфере занятий». То есть перед нами один из вариантов неверия в возможности профсоюза. Ответ «Мне это не интересно» подразумевает, как правило, пози-

цию неверия в возможности профсоюза защищать интересы трудящихся. В выделенную нами первую группу в 2007 году входили 66% тех, кто пренебрегает участием в профсоюзной работе, а в 2011-м — уже 74%.

Социологи нарисовали социально-демографический портрет тех, кто не верит в возможности профсоюза: «Это, скорее всего, мужчина, неквалифицированный рабочий, со средним или неполным средним образованием и доходами на члена семьи до 5 тысяч рублей». Они предположили, что негативное отношение к профсоюзу у этих рабочих определяется тем, что «эта категория работников либо обделена вниманием профсоюза, либо социальное положение работников этой группы такое низкое, что они не надеются его улучшить даже и с помощью профсоюза».

Учёные коллеги, конечно, лукавят. Хотя бы потому, что неквалифицированных рабочих в их выборке 3%, а не верящих в результативность участия в профсоюзной работе многократно больше. К тому же, как показало их исследование, в вопросах оплаты труда вниманием профсоюза обделено большинство наёмных работников горно-металлургической промышленности. Эту сферу толстосум-работодатель закрыл от профсоюзов семью замками. Иначе даже шмаковско-исаевская ФНПР, вероятно, возмутилась бы, что в горно-металлургической промышленности каждый десятый работник получает зарплату, которая едва-едва обеспечивает членам его семьи физиологический прожиточный минимум. В этой отрасли условия труда не сравнить с теми, в которых льют пот финансовые работники. Но там даже технички получают в среднем больше профессоров.

Нет, рабочие негативно оценивают соглашательские профсоюзы потому, что те всячески избегают защищать человека труда от произвола и эксплуатации капиталистами. Критическое отношение к соглашательским профсоюзам со стороны рабочих говорит не столько об их «низком социальном положении», сколько о растущей социальной зрелости. И это не может не вызывать удовлетворения.

Одновременно растёт и группа тех, кто не участвует в профсоюзной деятельности в силу своего безразмерного социал-соглашательства. Они свою позицию выражают откровенно и даже, похоже, ею бравируют. Одни утверждают, что «профсоюзная работа мне не выгодна», то есть определили своё место на противоположной, чем большинство наёмных работников, стороне классовых баррикад (правда, таких всего 3—4%). Другие признаются, что их обуял страх, заявляя: «Моя активность в профсоюзе может навлечь на меня гнев начальника». Они тоже вполне определились со своей гражданской позицией. Грустно, что доля наёмных работников, подстра-

ивающихся под интересы капитала, выросла с 6% в 2007 году до 12% в 2012-м, то есть в 2 раза. Но сам по себе этот процесс в пору обострения классового противостояния вполне естественный.

Третья группа — желающих, как кузнецик, что «совсем как человечек», переждать «под мостком» нынешний период, когда перспективы классовой борьбы наёмного труда против капитала внешне кажутся неопределёнными и сомнительными, — оставалась в последние годы весьма стабильной, включая в себя третью часть тех, кто полностью уклоняется от участия в профсоюзной работе. (Сумма ответов на вопрос анкеты «Если Вы совсем не участвуете в работе профсоюза, то почему?» превышает 100%). В эту группу нами включены те, кто оправдывается тем, что «меня не пригласили» и кто уверяет, что «у меня нет никаких проблем на работе». Лукавство таких ответов очевидно. Учёные тоже сомневаются в искренности данных респондентов.

Исследование ИС РАН показало, что среди трудящихся растёт отчуждение не только от собственности, которую прибрала к своим хапучим рукам немногочисленная группа «новой буржуазии», не только от труда, эксплуататорский характер которого в условиях реставрации капитализма с каждым днём возрастает, но и отчуждение от профсоюзов, которые исторически складывались как организация прежде всего наёмных работников физического и умственного труда.

Выявленное социологами отношение работников наёмного труда к профсоюзам противоречит потребностям первой стадии пролетарской классовой борьбы, когда она концентрируется прежде всего на отстаивании экономических интересов эксплуатируемых капиталом трудящихся. Исторический опыт свидетельствовал о том, что до тех пор, пока классовая борьба не переходит в политическую стадию, её организуют прежде всего профсоюзы. Но соглашательские профсоюзы, входящие в ФНПР, саботируют — постоянно и целенаправленно — экономическую борьбу наёмного труда. Российский капитал всячески побуждает их к такому поведению. Что ж, таким способом он заметно помогает формированию зрелого пролетарского политического сознания.

Опрос показал, что отношения работников с хозяевами и представляющей их интересы администрацией сегодня попали в разряд наиболее злободневных и потому вызывающих неподдельный интерес тех, кто создаёт своим трудом прибавочную стоимость владельцам средств производства. Именно в зависимости от роли профсоюза в этих наиболее значимых отношениях «рядовые работники» определяют свои симпатии и антипатии к профсоюзам.

Сопоставление ответов на социологическую анкету в 2007 и 2011 годах привело учёных ИС РАН к выводу, что возрастает «сложность ситуации на предприятиях». Важным подтверждением своего заключения они считают «оценки отношений в коллективе: только 11% ответивших указали, что эти отношения улучшились (17% в 2007 г.) и 22% — что они ухудшились (в 2007 г. было 17%). Фактически речь идёт о росте напряжённости среди немалой части — около трети — работников».

Действительно, социальная напряжённость, которая охватывает уже треть работников отрасли, считающейся благополучной, должна рассматриваться нами как очевидный признак классового противоречия между трудом и капиталом. И эта напряжённость, как отмечают социологи, год от года растёт. «Выясняется, что тех, кто отмечает ухудшение отношений в коллективе, более всего не устраивает отсутствие солидарности, поддержки, взаимопомощи (61%), а также терпимость к нарушению своих прав и угодничество перед начальством (32 и 31% соответственно). В последних двух случаях недовольство такими аспектами отношений за четыре года практически удвоилось. Характерно, что на отсутствие солидарности среди профсоюзного коллектива обращает внимание каждый второй респондент всей выборки (с 2007 г. осязаемый прирост на 9%)».

Опрос показал, что наёмных работников не устраивает также отсутствие общих интересов (21%) и стремление к личной выгоде (21%). Учёные считают, что «ответ “стремление к личной выгоде” отражает недоверие к профсоюзу или его руководству, подозрения в том, что профсоюз действует в интересах не всех, а лишь отдельных привилегированных групп». Таким образом, социологи по сути признают, что профсоюз перестал выполнять функцию консолидации трудящихся, он не формирует, а разрушает пролетарскую солидарность, действуя фактически в интересах класса эксплуататоров. Думается, этот вывод характеризует деятельность прежде всего даже не горно-металлургического профсоюза, а всей шмаковско-исаевской Федерации независимых профсоюзов России. Декларируемая ею независимость всё очевиднее проявляется в отношении трудящихся, а не буржуазного государства и класса капиталистов.

Результаты исследования учёных ИС РАН дали основание для вывода о недоверии работников к руководству профсоюза. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к ответам на вопрос «Что Вас не устраивает в людях, входящих в профсоюзный комитет?». Поскольку исследование проводилось в 94 городах страны, то его результаты характеризуют, конечно же, не личные качества членов конкретного профкома, а общественно-политическое поведение

профбоссов, представляющих в буржуазном обществе особую, пусть и немногочисленную социальную группу.

Прежде всего необходимо отметить, что год от года растут негативные оценки этой социальной группы. Самым крамольным качеством трудящиеся считают её «зависимость от администрации». Надо заметить, что социологи использовали здесь лукавую формулировку. Работники наёмного труда протестуют против сотрудничества профсоюзных руководителей с работодателями, с классом капиталистов, набивающих карманы прибылью за счёт эксплуатации рабочей силы. Если недовольство зависимостью профсоюзных деятелей от владельцев предприятий и их слуг в 2007 году выражали 40% трудящихся, то в 2011-м — уже 47%. Та же тенденция наблюдается, когда речь идёт о «формальном отношении к своим обязанностям» и «отсутствии заинтересованности в результате» своей деятельности со стороны профприспособленцев (см. рисунок 12).

Рисунок 12.

Качества, которые не устраивают трудящихся в профсоюзных деятелях

Верхняя строчка — 2011 г.; нижняя — 2007 г.

Социологи задали осторожный вопрос: «Как взаимодействуют Ваш профсоюз и администрация?». Обнаружилось, что устойчиво падает доля считающих, что «профсоюз вынуждает администрацию считаться

с интересами работников». В 1999 году так отвечали 25% респондентов, а в 2011-м — только 19%. Правда, при этом от 45% в 2003 году до 54% в 2011-м разделяли позицию анкеты «Администрация согласует основные действия с профсоюзом». Но она весьма аморфна, так как не указывает ведущей стороны сотрудничества. Реальную картину приходится искать в ответах на другие вопросы. Выяснилось, что в 2003 году были убеждены, что у профсоюза нет реальных рычагов воздействия на администрацию, 37% металлургов и горняков, а в 2011-м — уже 61%. Это значит, что за 8 лет в 1,65 раза выросла доля убедившихся в бездействии профсоюза, когда речь заходит о необходимости противостоять диктату капитала. В 2007 году 40% членов профсоюза объясняли ситуацию зависимостью членов профкома от администрации. В 2011 году так считали уже 47% опрошенных.

О непротиворечивом отношении между руководством профсоюзов и владельцами предприятий, думается, весьма убедительно свидетельствует набор мероприятий, проводимых на предприятиях профсоюзами, которые предлагалось оценить наёмным работникам. Это — праздничные вечера, концерты, спортивные соревнования, субботники, сдача денег на профсоюзные благотворительные инициативы, сдача донорской крови и — о боже! — петиции в органы власти и участие в митинге (в анкете так и написано — в единственном числе). Непонятно как, но 1% респондентов указал, что он участвовал в... забастовках. В целом же воистину полёка-бабочка работодателей с профбоссами. Когда тут защищать уровень заработной платы, рабочие места, заботиться об охране труда и технике безопасности, отстаивать интересы и права наёмных работников...

Здесь мы вслед за социологами выходим на вопросы общественно-политического характера. Какой должна быть общественно-политическая позиция профессионального союза? Естественно, что металлургам и горнякам предложен вариант «поддерживать нынешний социально-экономический курс правительства». 13% сочли, что падающий курс надо поддержать. Другой вариант для выбора: «профсоюз должен поддерживать те (?) силы, которые выступают за проведение другой (?) социально-экономической политики». Поскольку, что за «те силы» и о какой «другой политике» идёт речь, не расшифровано, то с этим вариантом согласились только 11% трудящихся. Немудрено, что нашлись сторонники у позиции «профсоюз должен быть в стороне от политики, это не его дело». Таких обнаружилось 27%. Причем эта цифра почти не меняется с 1999 года.

Больше всего сторонников оказалось у варианта «Профсоюз должен выработать и проводить свою политическую линию». Пози-

ция, конечно, в принципе небесспорная, так как подталкивает профессиональную организацию выполнять партийные функции. Но тем не менее именно она получила большинство: её поддержало 49% работников наёмного труда. Возможно, такая позиция стала популярной потому, что только 37% опрошенных считает, что в современной России «есть партии, которые действуют в интересах таких людей, как Вы».

У работников горно-металлургической промышленности социологи спросили, знакомы ли они с декларацией об образовании путинского Общероссийского народного фронта. Оказалось, что 45% респондентов либо знакомы, либо что-то слышали. Тогда у представителей вполне благополучной отрасли поинтересовались: «Как Вы относитесь к этому новому объединению?» — работники «горячего производства» ответили холодно. Точнее 72% ничего не ответили, а 19% заявили, что относятся отрицательно.

На фоне такого общественного мнения особенно ясно видно, что политические предпочтения профсоюзных боссов коренным образом отличаются от позиции тех, кто им финансирует зарплату. При том, что только один из одиннадцати членов профсоюза поддерживает путинский ОНФ, Федерация независимых профсоюзов поспешила проявить верноподданнические чувства и продемонстрировать В.В. Путину свой развитый холуяж, одной из первых вступив в Общероссийский народный фронт (сегодня он прячется где-то в глубоком тылу). Социологи спросили у трудящихся: «Поддерживаете ли Вы вхождение ФНПР в это политическое объединение?». 65% металлургов и горняков на этот вопрос сочли за благо не отвечать, а 23% опрошенных твердо указали: «Не поддерживаю». Этот ответ продемонстрировал прежде всего политическое банкротство услужливо-соглашательских официальных профсоюзов России.

Исследование ИС РАН убеждает, что сложились вполне благоприятные условия, чтобы коммунисты могли начать активную и решительную борьбу за профсоюзы. Двадцать лет либеральных горереформ показали наёмным работникам физического и умственного труда, что курс власти не имеет ничего общего с их коренными интересами. Пролетариат от буржуазии откатнулся. Значит, теперь только от нас, коммунистов, зависит, выйдет ли он на борьбу за свои интересы под красными знамёнами. Задача внесения социалистического сознания в рабочее движение является одним из важнейших программных положений КПРФ.

Революционный марксизм-ленинизм — это единственная идеология, которая соответствует интересам наёмных работников физического и умственного труда. В.И. Ленин отмечал: «Нетрудно

быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась, когда примыкают к революции все и всякие, из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов личной карьеры... Гораздо труднее — и гораздо ценнее — уметь быть революционером, когда **ещё нет** условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы, уметь отстаивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организационно) в неревolutionных учреждениях, а зачастую и прямо реакционных, в неревolutionной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действий» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 82*). Время требует выполнять этот ленинский завет.

Сегодня главная задача коммунистов, верных марксистско-ленинской теории, — беречь рабочий класс, содействовать тому, чтобы он численно и духовно рос, а следовательно, осознал свои интересы, становился революционным классом. Без активной революционной борьбы рабочего класса капиталистическую реставрацию не преодолеть.

Модернизация России и интересы рабочего класса

В современной России нет ни одной социальной группы, непосредственно занятой производительным трудом, которая настаивала бы на полном сохранении status quo и была бы готова провозгласить: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Противоречия между существующей общественно-политической системой и трудящимися постоянно обостряются и имеют тенденцию перерасти в антагонизмы. Но их природу не только идеологи различных социальных групп, но и сами трудящиеся сегодня оценивают неоднозначно.

Та часть общества, которая страшится политических катаклизмов (а она весьма многочисленна, ибо «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» часто пугают не только сторонники режима, но и его противники) и не прочь адаптироваться к результатам произошедших в стране «трансформаций», объясняет нынешнюю неприглядную ситуацию в стране как следствие неудачной программы преобразований или её неудовлетворительного исполнения. Да и президент В. Путин порой бросает критические реплики в адрес Б. Ельцина. Что касается трудящихся, то, как отметили авторы аналитического доклада из ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», значительная часть опрошенных считает, что была выбрана самая неоптимальная модель социально-экономических и общественно-политических изменений в России в начале 1990-х годов.

В разделе, оценивающем уроки истории и пути спасения Отечества, Программа КПРФ отмечает: «Страна охвачена системным кризисом. Реставрация капитализма повлекла за собой резкое падение объёмов промышленного и сельскохозяйственного производства, деградацию науки, образования и культуры. Несмотря на поток нефтедолларов, до сих пор нет существенного продвижения ни в одной отрасли экономики. Сокращается численность населения...». Похожую констатацию положения, сложившегося в результате «трансформации», можно найти не только у критиков послеавгустовского режима, но и у некоторых его сторонников.

Однако правящий режим и его адепты делают признания о неудовлетворительном развитии экономики в 90-е годы не только по-

тому, что этот факт невозможно отрицать. На этом фоне они стремятся возвеличить пропагандируемую в последние годы ориентацию на «модернизацию» общества. Нас в данном случае интересует, возможно ли в рамках существующей в РФ общественно-экономической системы с помощью провозглашённой Кремлём «модернизации» примирить правящий режим и класс наёмных работников физического и умственного труда.

Для начала следует отметить, что внесённая Кремлём идея модернизации была широко подхвачена, вызвала заметные дискуссии на всех этажах общества. Классовый, основанный на марксистско-ленинской методологии подход к модернизации материально-технической базы общества позволяет видеть в ней прежде всего возможность существенного скачка в развитии производительных сил. А поскольку главной производительной силой является рабочая сила, то модернизация создаёт абстрактную возможность увеличения численности рядов рабочего класса и повышения его роли в общественном развитии страны. Сторонники марксистско-ленинской методологии убеждены, что укрепление рабочего класса, которому может способствовать модернизация, означает расширение социальной базы революционного движения, направленного на прерывание реставрации капитализма. В то же время приверженцы капиталистического мироустройства пытаются доказать, будто «модернизация» станет инструментом установления классового сотрудничества работодателей и наёмной рабочей силы.

Однако прежде чем дискутировать на эту важную тему, надо выяснить: возможно ли в условиях реставрации капитализма провести модернизацию? Широковещательные декларации нынешней власти на эту тему заставляют усомниться в её способности воплотить в жизнь в полной мере объявленные прожекты.

Мы готовы решительно утверждать, что осуществление модернизации материально-технической базы общества в любых масштабах будет как в национальных интересах России, так и в классовых интересах пролетариата. Действительно, этот процесс, как минимум, ведёт к сокращению безработицы, к увеличению численности и к повышению возможности пролетариата влиять на характер общественно-политических преобразований России.

К тому же надо иметь в виду, что рабочий класс, крестьянство и большинство пролетариев умственного труда заинтересованы в экономическом, общественно-политическом и духовном развитии России. Они не только не страдают космополитизмом, но и отторгают его, так как это мировидение своей пуповиной привязано к крупному капиталу. Ещё Г. Зиммель замечал, что «родину безродных» формиру-

ют деньги. Что касается современных буржуазных идеологов (З. Баумана, Э. Гидденса, М. Костельса и других), то они подчёркивают, что осуществление экономических действий в реальном времени с помощью современных телекоммуникационных технологий является привилегией крупного капитала. В условиях глобализации экономический интерес крупного бизнеса, поставившего себе на службу информационные технологии, позволяет ему «снимать» зависимость от пространства. З. Бауман отмечает, что «всё, что способно перемещаться со скоростью электронного сигнала, практически освобождается от ограничений, связанных с территорией, послужившей отправной точкой, конечным пунктом или маршрутом движения» (Бауман З. Глобализация: последствия для человека и для общества. — М.: Весь мир, 2004. С. 82—83). Но из основных компонентов современной экономической деятельности со скоростью электронного сигнала перемещаются только виртуальные деньги.

Кстати, центрами их притяжения чаще всего оказываются регионы планеты с самой дешёвой рабочей силой. В современном мире в основном перестала действовать тенденция, когда вслед за деньгами перемещалась и рабочая сила, способная обеспечивать владельцам капитала его приращение. Более того, в силу конкретных исторических условий РФ пока сама остаётся центром притяжения для ищущих места приложения своим рабочим рукам мигрантам из «новых государств». По данным Росстата, за 10 лет (2001—2010 гг.) в Российскую Федерацию прибыло в 3,7 раза больше мигрантов, чем покинуло страну (см.: Российский статистический ежегодник. 2011. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/lssWWW.exe/Stg/d5/21-42.htm). К тому же надо иметь в виду, что 70 лет жизни в условиях советского социализма, который в основном соответствовал коренным интересам трудящихся страны, продолжают оказывать серьёзное влияние на миропонимание трудящихся. В частности, марксово положение о том, что рабочий не имеет отечества, в значительной степени утратило своё значение для отечественного рабочего класса. Да и миграционный поток в РФ состоит по преимуществу из граждан бывших советских республик, историческая память которых позволяет им рассматривать Россию как часть их общей большой Родины.

Поэтому классовое мировидение российского пролетариата продолжает включать в своё содержание и патриотизм. Но это патриотизм народный, а не казённый, не государственный. Исходя из этого качества рабочего класса РФ и его стратегических союзников, мы и должны оценивать потребность в модернизации России.

Между тем в современной России, по данным Росстата, около

35% денежной массы находится в руках 10% россиян, при этом 50–60% в соответствии с западноевропейскими стандартами относятся к беднякам и нищим, оставшиеся 20–30% соотечественников располагают деньгами, обеспечивающими в лучшем случае их достойное существование. Более того, сегодня, по данным ИСЭПН РАН, около 20% населения, живущего ниже уровня бедности, состоят не из пенсионеров и других граждан, не занятых в общественном производстве, а преимущественно из лиц наёмного труда.

Следовательно, класс наёмных работников не может быть космополитическим. Его интересы в принципе совпадают с общественной потребностью в развитии своей страны. К тому же модернизация должна учитывать её историческую, культурную и геополитическую специфику. Прежде всего необходимо преодолеть утраты «двадцати потерянных лет». Компрадорский характер российского капитала привёл к тому, что структура хозяйства страны оказалась чрезвычайно скособоченной: успешными остались только экспортно-сырьевые отрасли и необходимый для их обслуживания банковский сектор, в котором изначально доминировала спекулятивная составляющая.

Следовательно, возрастает потребность в переструктуризации экономики. Речь идёт не о замещении индустриальных отраслей постиндустриальными, а о надстраивании над индустриальной экономикой постиндустриальных отраслей. Приходится удивляться авторам программы «Новый курс экономики — новая социальная политика», предлагающим правительству РФ взять курс на развитие сервиса, забыв об индустрии (см.: Ведомости, 17 августа 2011 г.). Ни в одной из экономически развитых стран при переходе к постиндустриальной экономике не проводилась деиндустриализация. Это прекрасно подтверждают следующие данные. На сырьё в 2009 году приходилось 16,1% мирового товарооборота, на услуги — 18,9%, то есть их доля разнится несущественно. При этом на продажи патентов и лицензий пришлось только 5,7% американского экспорта. В то же время 65% мирового товарооборота занимали промышленные товары. На 15 индустриальных гигантов США приходится только пять технологических. Экспорт самой известной в мире технологической компании Microsoft в 2009 году составлял 6,1 млрд. долларов. В то же время экспорт индустриального гиганта General Electric — 18,4 млрд., а компании Boeing — 26,3 млрд. долларов.

Проигрывает индустриальным отраслям и добыча полезных ископаемых, в том числе энергоносителей. РФ благодаря этим статьям экспорта занимает 11-е место в мире. Однако она проигрывает четыре позиции... Бельгии. Самым крупным нефтяным экспортёром мира является Саудовская Аравия. Эта статья экономики при-

несла ей в 1,5 раза меньше дохода, чем экспорт Ирландии. На основе этих данных проф. В.Л. Иноземцев сделал справедливый вывод: «Технологии — ничто, если только они не могут быть применены в промышленности... Сегодня технологии меняют облик той или иной страны не сами по себе, а как средство эффективного и массового производства индустриальных благ» (Рекомендации по модернизации экономики России. Труды, вып. 1. — М., 2010. С. 15).

К тому же модернизация должна тесно увязываться с важнейшей спецификой РФ. В силу своей территории и высокой насыщенности месторождениями полезных ископаемых Россия не может воспользоваться опытом стран «золотого миллиарда», широко применивших новый тип отраслевого размещения производства в глобальном пространстве, когда первичный и во многом вторичный секторы экономики были вынесены за пределы стран «золотого миллиарда». РФ, максимально ориентируясь на развитие информационных технологий, будет оставаться и энергетической державой, и одним из крупнейших добытчиков полезных ископаемых, и страной с высокоразвитой металлургией, химической индустрией и другими отраслями «полуторного» и тем более вторичного сектора: без них никакое современное общество невозможно.

Большинство граждан РФ знает, что более чем на треть питается импортным продовольствием, а мясо на 40% — заграничное (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. — М.: Росстат, 2010. С. 433, 716), одевается в импортную одежду, пользуется импортной бытовой техникой, ездит на иномарках, изредка устанавливаемые на предприятиях новые станки сделаны за границей. Одновременно около половины нефти, газа, железной руды, других полезных ископаемых экспортируется за рубеж. Общество всё более обострённо воспринимает естественную убыль населения, за 20 лет отделы ЗАГС РФ зарегистрировали на 14 млн. больше смертей, чем рождений. Страна не в состоянии поддерживать стабильную численность населения, несмотря на то, что вышла на 2-е место по численности иммигрантов.

Значит, модернизация, инновационное развитие страны должны стать средством для спасения России. И это не фигура речи, а объективная реальность. Но спасение России требует спасения рабочего класса, расширения его рядов, повышения его роли в общественных процессах. Следовательно, с одной стороны, необходим учёт его интересов и его борьбы за эти интересы, с другой — и это главное — формирование жизнеустройства, соответствующего этим интересам (они в коренных чертах совпадают с интересами всех трудящихся классов и социальных групп — наёмных работни-

ков умственного труда, крестьянства, городской мелкой буржуазии), то есть социалистического жизнеустройства.

Потребность в инновационном развитии (фактически: в модернизации материально-технической базы) напрямую связана с восстановлением индустриального потенциала Российской Федерации.

За два десятилетия ельцинско-путинских «реформ» масштабы развала экономики оказались столь огромны, что власть и её обслуга даже не решились праздновать юбилей своей победы. Иначе торжества по случаю 20-летия августовской буржуазной контрреволюции навевали бы обществу очень неприятные для юбиларов воспоминания.

На 16-м году Советской власти И.В. Сталин, отчитываясь в январе 1933 года на пленуме ЦК ВКП(б) перед партией и народом об «итогах пятилетки в четыре года в области промышленности», говорил:

«Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились...

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была одна-единственная угольно-металлургическая база – на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны» (*Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 178—179*).

За 20 лет после реставрации власти капиталистов станкостроение разрушено, тракторы и комбайны по преимуществу покупаются за рубежом, так как большинство заводов сельскохозяйственного машиностроения новыми владельцами остановлены и разрушены, из-за

чего производство отечественных тракторов сократилось в 12,3 раза, комбайнов — в 8,5 раза. Самолётостроение и моторостроение едва дышат. В год 20-летия буржуазной контрреволюции тогдашний президент РФ Д. Медведев после катастрофы АН-24 в Ярославле (кстати, позже выяснилось, что виновата в трагедии не техника, а человеческий фактор) заявил, что надо-де перестать поддерживать отечественное авиастроение и закупать пассажирские самолёты за рубежом.

Какой контраст с эпохой социалистического строительства! Нынешние разрушители не в состоянии даже пользоваться тем, что они получили в наследство от советских созидателей.

В годы реставрации капитализма в первую очередь разрушались наукоёмкие и высокотехнологичные производства: инструментальная промышленность, электроника, оптическое и электротехническое машиностроение и т. п. По данным Росстата, за 20 лет выпуск станков с числовым программным управлением сократился в 39 раз, радиоприёмных устройств — в 88 раз, подшипников качения — в 108 раз, автоматических и полуавтоматических линий — в 139 раз... Следовательно, **за минувшие 20 лет никакой модернизации ключевых отраслей экономики не было и в помине. Бал правят в нашей стране разрушители, которые озабочены лишь одним — всеми силами стремятся сохранить в своих руках власть.**

Из поля зрения общества в последнее время выпали проблемы критического износа основных фондов. И это несмотря на растущее количество аварий и выход из строя значительной части аппаратного парка РФ в силу их полной изношенности. На рубеже 1990-х — 2000-х эта проблема широко обсуждалась и даже получила название «синдрома 2012 года». Возможно, запас прочности советской техники окажется выше расчётного, и выход из строя аппаратного парка окажется более растянутым во времени. Но избежать этого нельзя. В то же время замена аппаратного парка возможна только при восстановлении квалифицированного рабочего класса, так как главной объективной надеждой на предупреждение надвигающихся массовых техногенных катастроф является инновационная деятельность.

Уровень производства во многих отраслях откатился к 50-м, 30-м и даже 20-м годам прошлого столетия. Сегодня снова становится актуальной задача «пробежать» за 10 лет тот путь хозяйственного развития, на который не только другим странам, но и нашей стране потребовалось 30, 50 лет. Здесь вариант догоняющего технологического развития неприемлем, требуется инновационное развитие, то есть создание и внедрение, а не заурядное коммерческое использование известных технологий. Нет ни одной отрасли

хозяйства, которая в силу современных «требований момента» не нуждалась бы в том, чтобы выйти на уровень теперь уже не 1990 года, а 2012 года. Ни одной! Нет индустриальных отраслей, которые были бы России не нужны.

Экономическая разруха и связанная с нею бесперспективность хозяйственного развития противоречат коренным интересам рабочего класса и его стратегических союзников. Теоретически именно модернизация материально-технической базы общества, основанная на применении инновационных технологий, могла бы способствовать реализации интересов сегодняшнего пролетариата. Но остаётся проблематичным, во-первых, возможность осуществления модернизации в условиях реставрации капитализма, во-вторых, заинтересованность пролетариата в её осуществлении без изменения общественно-политического устройства страны. А сомнения порождает уже политическая история появления лозунга о модернизации в 2010 году.

Призыв к модернизации прозвучал из Кремля как замещение другого его же лозунга — призыва к созданию инновационной экономики. Более того, идея инновационной экономики весьма настойчиво внедрялась в массовое сознание. Как утверждает президент группы компаний IBS А.М. Карачинский, «в прошлом (2009-м. — В.Т.) году президент и премьер слово «инновация» в своих официальных речах сказали 1 167 раз» (см.: Рекомендации по модернизации экономики России. — М., 2010. С.11).

Подобная замена напоминает события середины 80-х годов. Ставший генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёв на «знаковом» апрельском Пленуме Центрального Комитета говорил совсем не о перестройке, как потом стали утверждать её «прорабы», а об ускорении развития социалистического общества на базе научно-технического прогресса. И эта идея была широко поддержана партией и народом, так как она фактически ориентировала на модернизацию материально-технической базы общества социалистического созидания, на создание «инновационной экономики». Но процесс её создания требовал напряжённой работы, результат которой мог стать безусловно успешным, но его нельзя было получить в сию минуту.

В общем, лозунг ускорения, который не спешил самопроизвольно реализовываться, а требовал напряжённых усилий прежде всего со стороны нового руководства страны, именно по этой причине был без всяких объяснений заменён другим лозунгом — «перестройки». Его проблема была не в том, что он не соответствовал требованиям момента — он им в целом соответствовал при определённом конкретном его наполнении содержанием. Но специфика

состояла в том, что такого наполнения не было, что он оставался аморфным, безразмерным, закладывал возможность подразумевать разные смыслы. Неслучайно он вскоре превратился в знамя конвергенции социализма и капитализма, и его «отцы» уклонялись от ответа на вопросы, что «перестраиваем» и какое сооружение должно стать следствием «перестройки» (см.: *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательства. — М., 2001; *Черняев А.С.* Совместный исход. — М., 1998; и др.)

Нынешняя замена лозунга перехода к инновационной экономике лозунгом осуществления модернизации является повторением операции 25-летней давности. Во-первых, как и четверть века назад, его выдвинула власть, причём в лице тех же её представителей, которые выдвигали оставшийся неосуществлённым предыдущий лозунг. Точнее, в том и другом случае они даже не приступали к его практическому воплощению в жизнь. Во-вторых, от лозунга более конкретного — возрождения экономики на базе инновационных технологий — осуществлён переход к лозунгу более расплывчатому, аморфному, безликому в силу своей многозначности.

В последние годы понятие «модернизация» приобрело качество ярко выраженной аморфности. Поставив инновации в центр модернизационного обновления, авторы концепции указывают средство для реализации... не поставленной цели. Ситуация уникальнейшая. Государственная власть страны не формулирует цель, заменяя её эвфемизмами типа слов о «значительном повышении эффективности и устойчивости национальной экономики» (В.В. Путин) или о «формировании для жизни людей общества, обеспечивающего лидерские позиции России в мире» (Д.А. Медведев). Подобные формулировки просто нельзя принимать за чистую монету. Вновь приходится напоминать, что, даже по данным Росстата, за 20 последних лет РФ ни по одному из важнейших показателей не достигла уровня 1990 года. Более того, сейчас, если не считать статьи В.В. Путина «Россия сосредотачивается. Вызовы, на которые мы должны ответить» (см.: Известия, 18 января 2012 г.), этого гимна буржуазного лицемерия, в обществе даже не ставится этот вопрос.

В то же время в рамках современной буржуазной идеологии сложились два альтернативных подхода к модернизации в России — «узко политический» и «техничко-экономический». Дискуссия между их сторонниками носит не научный, а общественно-политический характер. Наполнение содержанием каждого из этих подходов требует предварительного решения основополагающего вопроса: интересы каких социальных групп закладываются в основу программы модернизации? Иначе говоря, выбор концепции модернизации

— это вопрос классовый. Но государственную политику определяет тот класс, в чьих руках находятся командные высоты в экономике и политике. Следовательно, программа «модернизации», которую может предложить современному обществу нынешняя власть (прежде всего президент и правительство), будет только такой, которая не противоречит интересам буржуазии.

Однако особенность современной обстановки в РФ такова, что **обострились социально-экономические противоречия внутри самой буржуазии**. Нынешние правые либералы отчаянно критикуют недавнего премьера, а теперь снова президента В. Путина. Более того, после выборов Государственной думы шестого созыва (декабрь 2011 г.) в массовое сознание вброшен внешне весьма радикальный лозунг «Россия — без Путина!». При этом архилибералы, однако, солидарны с Путиным в том, что он сократил срок давности преследования за экономические преступления с 10 до трёх лет. Они ни разу не попеняли ему за то, что он не остановил разрушение Единой энергетической системы страны, из-за чего в начале 2011 года в одном только Подмосковье ежедневно выходили из строя десятки трансформаторных подстанций. Они не предъявляют ему претензий, скажем, за то, что планируется новый этап приватизации, включая «Роснано» и десятки других крупных госкомпаний. Они в восторге от этого решения.

Дело в том, что **и правые либералы, и главная мишень их критики являются одинаковыми приверженцами капитализма**. Что касается непримиримой борьбы **внутри** класса капиталистов, то она всегда возникает, в конечном счёте, тогда, когда на кону — передел собственности. Правые либералы защищают интересы олигархов «ельцинского призыва». Они возмущены, что их потеснили «какие-то выскочки» путинской популяции. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на «колоду» лидеров праволиберальной оппозиции. Это — первый вице-премьер правительства ельцинской поры Б. Немцов; первый заместитель председателя Госдумы, а затем руководитель думской проправительственной фракции «Наш дом — Россия» при «позднем» Ельцине В. Рыжков; председатель правительства, оставленного В. Путиным в «наследство» от Ельцина в 2000—2004 годах, М. Касьянов; дочь ельцинского соратника А. Собчака К. Собчак; родственник ельцинской семьи С. Пархоменко; заместитель министра в ельцинском правительстве В. Милов и т. п. А за ними стоят член руководства РСПП долларовый миллиардер М. Прохоров, экс-олигарх М. Ходорковский, банкир А. Лебедев, владельцы «Альфа-групп» и многие другие представители экспортно-сырьевого и банковско-спекулятивного капитала.

В правящем классе магнаты, вошедшие в «элиту» капитала в «тучные 2000-е», заинтересованы в сохранении действующей политической системы практически в неизменном виде. Для них модернизация связана с технико-экономическими аспектами. Политическую составляющую в модернизации они не хотят рассматривать, так как она может нести угрозу той власти, которая помогла им катапультироваться в «стратегические собственники».

Фавориты ельцинского этапа приватизации смотрят на ситуацию иначе. Они заняты поиском средств, способных остановить передел собственности с помощью возвращения в свои руки инструментов политической власти. Если учесть, что в эту группу крупной буржуазии входят прежде всего владельцы экспортно-сырьевого и банковского капитала, то их интересы в «технико-экономическом» типе «модернизации» невелики. Они ограничиваются решением тех ближайших задач, которые порождаются требованиями конъюнктуры мирового рынка. Таким образом, обе концепции «модернизации», представляющие собою разные трактовки лозунга власти, базируются на сохранении авангардной роли крупной буржуазии. В этом интересы власти и капитала полностью совпадают.

Но поскольку грядёт объявленный властью очередной этап большой приватизации, то есть существенный **передел собственности**, то соперничество двух «поколений» магнатов обостряется. Поэтому соперничающие отряды капитала вынуждены искать себе **массовую опору** — социальную базу выгодного им типа модернизации. Под социальной базой модернизации имеются в виду большие социальные группы, интересы которых не противоречат задачам данного типа модернизации, которые в силу своего объективного положения в обществе будут участвовать в данном типе модернизации, тем самым поддерживая его. Под движущими силами модернизации имеются в виду те социальные группы, которые заинтересованы именно в данном типе модернизации и активно отстаивают его.

Здесь возникает естественный вопрос: почему альтернативные группы буржуазии нуждаются в какой-либо массовой социальной базе и каких-либо движущих силах? Ведь противоречие между ними носит «внутривидовой», внутриклассовый характер. Более того, оно может рассматриваться как противоречие конъюнктурное: кто бы ни стал победителем в переделе собственности, он, захватив командные высоты в экономике и политике, будет после победы выступать за «технико-экономический» тип «модернизации». А проигравший — за её «узко политический» тип: в олигархической системе капиталу для расширения собственности при её переделе необходимо находиться у рычагов политической власти.

Но в процесс передела собственности оказываются втянутыми социальные группы, которые этой собственностью на средства производства не владеют и не имеют перспектив стать их собственниками при капиталистическом жизнеустройстве. Не может не выступать его субъектом и пролетариат, в том числе рабочий класс. Более того, наёмным работникам совсем не безразличны тип собственности и социальные особенности собственника. Хотя бы потому, что, как убеждают статистические обследования, структура оплаты труда заметно зависит от типа собственности.

Так, на государственных предприятиях в оплате труда несколько выше доля расходов на образование и другие социальные нужды, чем на частных предприятиях. Конечно, государственная и муниципальная собственность ныне функционируют на тех же основах, что и частное предпринимательство, — сугубо по-капиталистически. Но и в этих условиях наёмным работникам небезразлично, кто является владельцем организации (предприятия), которому они продают свою рабочую силу. Неслучайно на предыдущих этапах массовой приватизации наёмные работники порой активно участвовали в защите прав либо прежнего собственника, либо выражали поддержку смене владельца.

К тому же не надо забывать, что отношения собственности составляют основу производственных отношений, характер которых в повседневной жизни проявляется как отношение между основными классами. При капитализме основным классом является не только буржуазия, но и класс наёмных работников. А уровень эксплуатации активно втягивает в процесс передела собственности наёмных работников. Они не могут быть безразличными к таким социальным атрибутам, как соотношение дивидендов и зарплаты, а также бонусов и зарплаты.

Корысть капитала особенно ярко проявилась во время кризиса, охватившего Россию. Несмотря на кризис, владельцы крупнейших компаний РФ по результатам 2008 года начислили выплаты дивидендов на общую сумму более 1 трлн. рублей. Не отставали от них и компании с зарубежным капиталом. Так, ТНК—BP по итогам первого кризисного года получила 130,145 млрд. руб. прибыли. Из них 82 млрд. рублей (63%) перекочевали в сейфы владельцев в виде дивидендов.

Успев по итогам 2008 года получить большую прибыль, многие «стратегические собственники» посылали слёзные депеши правительству РФ, настаивая на срочной помощи их компаниям из федерального бюджета. Особенно плаксивыми были обращения компаний, появившихся на пепелище РАО «Единая энергетическая система России». Логично было бы предположить, что те, кто протянул

шляпу за подаянием, уже пустили всю прибыль для поддержания на плаву предприятий, которыми владеют. Собственники же предпочли по максимуму получить дивиденды. Четыре первых места в списке занимают осколки РАО «ЕЭС России». Новые владельцы этих компаний «заработали» от 21 до 70% стоимости акций по результатам одного-единственного (кризисного!) года самостоятельной деятельности (см.: Финанс. 2009. № 40).

Теперь о бонусах. В РФ 2 тыс. топ-менеджеров получили в сумме 17 млрд. руб. вознаграждений. Это — члены правлений и советов директоров, а также генеральные директора. Иначе говоря, 17 млрд. руб. прибыли было выделено крупным капиталом, чтобы 2 тыс. управленцев эффективно влияли на рост прибыли.

В 2008 году в газодобывающей компании «НОВАТЭК» вознаграждения членов правления и совета директоров были эквивалентны 51,3% заработной платы всех наёмных работников компании. В металлургической и горнодобывающей компании «Evraz Group» выплата топ-менеджерам равнялась 37,2% фонда оплаты труда. Высшие руководители АФК «Система», «Газпромнефти» имели вознаграждения в размере около 30% суммарной зарплаты всех работников этих компаний (см.: РБК. 2009. № 7). У двух тысяч самых высокооплачиваемых менеджеров только бонусные вознаграждения были в среднем в 5 раз выше годового жалования министра буржуазного правительства РФ.

Но никакой тип модернизации не может быть осуществлён усилиями только тонкого слоя крупных частных собственников, даже если они выступают бесспорным авангардом обновленческого процесса.

Так, вопрос социальной базы модернизации «узко политического» типа требует, во-первых, выяснения социальных интересов социальных групп российского общества, во-вторых, выяснения политической силы групп, которые могут рассматриваться в качестве социальной базы такой модернизации.

Функции социальной базы модернизации «узко политического» типа весьма ограничены, а политическая сила разных групп в значительной степени зависит от их численности.

Поскольку большинство занятого населения составляют представители наёмных работников, то они из недавнего опыта знают, что может означать возвращение к политической власти, существовавшей в «лихие 90-е». Она в массовом сознании тесно связана с гиперинфляцией, падением жизненного уровня, обесцениванием банковских вкладов, ростом цен и тарифов... Поэтому предпосылки для включения класса работников эксплуатируемого наёмного труда в социальную базу модернизации «узко политического» типа до-

статочны проблематичны. К тому же в толкованиях модернизации, которые ставят в её центр либеральную политическую компоненту, отсутствует исторический оптимизм.

Во-первых, ориентация на заимствование «вестерн-образцов» равнозначна отказу от исторического творчества народа России, подмену творчества копированием заёмных образцов культуры. Во-вторых, она не гарантирует преодоления регрессивных тенденций в функционировании РФ. Академик В.М. Полтерович утверждает, что «широко распространённое мнение о том, что защита прав собственности и обеспечение подходящих «правил игры» являются необходимыми условиями быстрого роста, не подтверждаются опытом. Ни одной бедной стране не удавалось добиться высокого качества институтов. Верно, что плохие институты тормозят рост. Однако возможность роста всё же сохраняется, и если она реализуется, то совершенствование институтов оказывается более простой задачей». Это положение подтверждено в работах академика данными статистики многих стран (см.: Рекомендации по модернизации экономики России. — М., 2010. С. 10).

Для технико-экономического типа модернизации вопрос о социальной базе стоит не менее серьёзно. Кто заинтересован в реализации задач этого варианта обновления материально-технической базы? Буржуа отвечает: те, кто будет нанят для этой работы. Формально это правильно. Но если рассматривать проблему по существу, то придётся учитывать два фактора: индивидуальный и общественный интерес.

В системе «работодатель — наёмный работник» при современном уровне классового сознания можно рассматривать в качестве приоритетного индивидуальный интерес, в котором присутствуют как финансовые, так и нефинансовые факторы. Начнём с финансовых. Для работодателя целью его деятельности в экономике является прибыль. «Модернизацию» он рассматривает как инструмент повышения прибыльности бизнеса, и поэтому он оценивает её в координатах «затраты — результат». Обновление производства (будь то производство товаров или услуг) требует инвестиций. При нынешнем доминировании устоявшихся, хотя и отсталых технологий есть возможность обеспечить получение высокой прибыли, минимизируя инвестиции. Индивидуальный экономический интерес капиталистического предпринимателя слабо побуждает его к модернизации материально-технической базы (см.: Российский статистический ежегодник. — М.: Росстат, 2011; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/lssWWW.exe/Stg/d5/21-42.htm) (см. таблицу 24).

Таблицу 24.

**Инновационная активность организаций добывающих,
обрабатывающих производств и по производству
и распределению электроэнергии, газа и воды (в %)**

	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации			Удельный вес инновационных товаров и услуг		
	2008	2009	2010	2008	2009	2010
Всего	9,6	9,4	9,3	5,1	4,6	4,9
Добыча полезных ископаемых	5,1	5,8	6,6	3,0	2,7	2,7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	5,6	7,0	8,0	2,8	2,8	3,0
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	4,5	4,2	4,8	4,2	2,2	1,2
Обрабатывающие производства	11,5	11,5	11,3	6,6	6,1	6,7
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	9,9	9,5	9,5	4,6	4,8	4,9
Текстильное и швейное производство	5,7	6,9	7,5	1,6	4,7	3,3
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	4,9	5,5	8,1	1,9	6,1	2,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	4,6	3,5	4,1	6,1	2,1	1,7
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	3,0	2,6	3,0	2,0	2,7	4,4
Производство кокса и нефтепродуктов	31,9	32,7	30,2	4,4	1,6	3,9
Химическое производство	22,6	23,6	23,3	11,9	11,4	11,5
Производство резиновых и пластмассовых изделий	10,8	11,5	9,6	5,5	6,8	6,5
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	8,2	7,1	7,2	2,4	3,0	2,6
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	13,8	12,9	13,2	4,6	5,5	4,8

Производство машин и оборудования	16,9	14,9	14,8	7,5	8,3	6,5
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	23,9	25,7	24,3	8,9	9,9	10,0
Производство транспортных средств и оборудования	24,2	19,2	19,0	17,9	16,2	17,1
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих производств	13,7	15,7	14,1	5,1	5,8	7,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,2	4,3	4,3	0,6	1,5	0,7

Государственная статистика свидетельствует, что среди обрабатывающих производств Российской Федерации, определяющим образом влияющих на научно-технический прогресс в экономике, только 11,5% осуществляют технологические инновации. При этом удельный вес выпускаемых ими товаров и услуг колеблется от 6,1 до 6,7%. Это почти вдвое ниже показателей ведущих мировых экономик. В сфере добычи полезных ископаемых только в 5—6,5% организаций Росстат зарегистрировал применение инновационных технологий. Что касается производимого ими продукта, то лишь 2,7% его Росстат признал инновационным. Ещё хуже показатели в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Главная причина нежелания частных собственников широко внедрять инновационные технологии и модернизировать производство в том, что и при «традиционном» использовании основных фондов бизнесмены в нынешней России имеют сверхприбыль. Это относится не только к крупному, но и среднему капиталу.

Перейдём к индивидуальным интересам наёмных работников. Оговоримся, что к числу наёмных работников неправомерно отнести тех, у кого более половины доходов составляют доходы от собственности и предпринимательской деятельности, включая бонусы, которые выплачиваются не из фонда оплаты труда, а из прибыли компании.

С точки зрения модернизации среди наёмных работников целесообразно выделить две категории: работники умственного труда, основной обязанностью которых является организация и управление технологическими процессами, и работники преимущественно исполнительского труда, среди которых в свою очередь целесообразно вычленить квалифицированных и неквалифицированных ра-

ботников. Сущностная черта любого наёмного работника в том, что он продаёт свою рабочую силу с целью получения цены этого специфического товара, что даёт возможность иметь ему средства существования. Для оценки способности зарплаты наёмных работников РФ стимулировать их тягу к технологическим инновациям воспользуемся данными Росстата, приведёнными в предыдущих главах (см.: *таблицы 14, 16, 17, 21, рисунки 7, 9*)

Они дают основание предполагать, что у наёмной рабочей силы в целом нет индивидуальных стимулов для того, чтобы выступать активными субъектами «технико-экономической» модели модернизации. Таково следствие сверхэксплуатации рабочей силы капиталом. Осуществление «технико-экономического» типа модернизации предполагает серьёзную творческую составляющую деятельности её субъектов. Но её реальное присутствие в этом процессе существенно снижено. Первой причиной ослабления творческого начала является отчуждение рабочего как главного субъекта «модернизации». Применяемая в условиях реставрации капитализма в России система оплаты труда наёмной рабочей силы в последние 20 лет, как правило, выполняет роль мощного антикреативного начала. Порождая острую проблему выживания, она формирует безразличие наёмного работника к труду.

При оценке перспектив модернизации нельзя не обратить внимания на проблему деиндустриализации не только вещностной составляющей производительных сил РФ, но и на набирающую обороты деиндустриализацию рабочей силы. Экономическим бедствием для страны стало разрушение системы профессионально-технического образования.

Странно, что при такой ситуации, когда фактически нет ни социальной базы, ни движущих сил как для внедрения инновационных технологий, так и для модернизации экономики, правительство осуществляет широкую симуляцию, связанную с декларациями о переходе к информационному обществу. К сожалению, обществу приходится платить высокие цены за подобные симулякры. В частности на песке упований о скором переходе Российской Федерации к «информационному обществу» осуществляется государственная образовательная политика: под потребности «информационного общества» сегодня реформируется российская школа от начальных классов до послевузовского образования.

Главная производительная сила общества — человек с его знаниями и умениями — поставлен капиталистической системой в такое положение, что в профессиональном отношении всё более и более деградирует. Нынешнему классу нуворишей ни Левша, ни Данила-

мастер не нужны. Более того, в стране фактически развалена созданная при Советской власти система подготовки и переподготовки рабочих кадров.

Росстат в одном из «Статистических бюллетеней» опубликовал результаты обследования всех видов производственного повышения квалификации в российском «народном» хозяйстве, которые вводят в уныние (см.: Дополнительное профессиональное образование работников в 2010 году // Статистический бюллетень. 2011. № 7; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_04/lssWWW.exe/Stg/d07/3-prof-obuch.htm). В 2010 году из 72 млн. занятых в экономике сограждан прошли профессиональную переподготовку и дополнительное обучение на разного рода курсах, стажировках, в школах и непосредственно на производстве только около 5 млн. человек. Это — менее 7% экономически активного населения. Среди рабочих дополнительную профессиональную подготовку и переподготовку прошёл только один из каждых 15 человек.

С лёгкой руки «прорабов перестройки» горбачёвского разлива рубеж 70-х и 80-х годов принято считать застоём. Но в 1980 году в РСФСР подготовку, переподготовку, обучение с целью повышения квалификации, а также освоения вторых профессий и специальностей прошли 22,9 млн. человек из 65,6 млн. рабочих, специалистов и служащих. Это — каждый третий (34,9%)! Кроме того, почти 1,6 млн. крестьян в 1980 году прошли подготовку, переподготовку и повышение квалификации в колхозах, в которых тогда трудилось 4,8 млн. человек. Это — 32,5% (см.: Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. Статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1989. С. 50). Несмотря на снижение годовых темпов экономического роста, советское общество планировало очередное обновление материально-технической базы и готовило кадры, необходимые для решения этой задачи. Именно тогда началась подготовка к Пленуму ЦК КПСС, которому предстояло принять решение об ускоренном внедрении достижений научно-технического прогресса в производство.

Кстати, лозунг ускорения экономического развития, который был в 1985 году выдвинут новым советским руководством во главе с только что избранным генсеком М. Горбачёвым, опирался на труды учёных и специалистов, работавших над программой «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма». В 1985 году повысили свою квалификацию и обучались вторым профессиям и специальностям более 29,1 млн. рабочих и служащих РСФСР, то есть свыше 40% экономически активного населения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Вот это был деловой подход к главной производительной силе советского общества, устремлённого в будущее, сориентированного на модернизацию своей материально-технической базы. Однако как только в общественную жизнь начал входить лозунг «перестройки», забота о квалификации трудящихся стала резко падать. В 1988 году за «рабочей партией» сидело на 2 млн. рабочих, колхозников, специалистов и служащих меньше, чем 3 года назад (см.: там же. С. 49—51).

Но если сегодня повышают квалификацию только около 5 млн. (7% занятых в экономике) россиян вместо 35—40 млн. трудящихся РСФСР, как это было в конце 1970-х — первой половине 1980-х годов, то есть при советском социализме, то это означает, что **никакая модернизация не планируется. Все слова о ней, которые произносят высокопоставленные квартиранты кремлёвских и «белодомовских» кабинетов, — это в лучшем случае примитивное пустозвонство и маниловщина, а в худшем — сознательный обман сограждан в канун и в ходе избирательных кампаний, сменяющих одна другую.**

В пору модернизаций золотыми делает руки образованная голова. Когда И.В. Сталин на январском (1933 г.) Пленуме ЦК партии и на XVII съезде ВКП(б) перечислял новые отрасли промышленности, которые появились в советской стране за годы первых пятилеток, то первая задача культурной революции — достижение всеобщей грамотности экономически активного населения — была уже решена. Даже в середине XX века для обслуживания машинной техники обычно было достаточно окончить 4—5 классов общеобразовательной школы.

Перед тем, как в 60-е годы Советское социалистическое государство приняло на себя обязательство обеспечить полное среднее образование всем вступающим в жизнь гражданам, в стране прошла широкая дискуссия о том, целесообразен ли такой шаг. Некоторые социологи, знавшие не понаслышке содержание большинства рабочих профессий, тогда говорили, что вводить всеобщее полное среднее образование — то же самое, что забивать гвозди транзисторным приёмником. Но Коммунистическая партия и Советское государство их аргументы отклонили, так как исходили из необходимости обновлять постоянно усложняющийся машинный парк страны и вводить автоматизированную технику. Для успешного осуществления модернизации требуется, чтобы рабочий человек обладал серьёзным запасом знаний.

Итак, опубликованное Росстатом обследование дополнительного профессионального образования показывает, что ни капиталистиче-

ское государство, ни работодатели-капиталисты практически ничего не делают, чтобы повышать культурно-технический, в том числе профессионально-квалификационный, уровень рабочего класса. Из менее чем 5 млн. работников, прошедших дополнительное профессиональное обучение в 2010 году, рабочие составляют только 40%. В советскую эпоху их доля в подобных формах обучения составляла в разные годы от 67 до 75% (см.: Дополнительное профессиональное образование работников в 2010 году //Статистический бюллетень. 2011. № 7 http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_04/lssWWW.exe/Stg/d07/3-prof-obuch.htm).

В 2010 году среди повышавших квалификацию, проходивших профессиональную подготовку, стажировки и обучение за границей 22,7% составили руководители компаний и их структурных подразделений. Ещё 71,7% получивших в прошлом году дополнительное профессиональное образование составили специалисты. Но ни те, ни другие, как правило, не осваивали новые технологии и научно-технические новинки. Их обычно натаскивали на овладение «мастерством» эксплуатации наёмных работников. Поэтому ясно, что ни один (ни один!) рабочий, как установил Росстат, дополнительного профессионального образования в течение всего 2010 года не получил.

В обществе капиталистической реставрации для рабочих предназначены другие формы обучения. Государственная статистика их определяет как «профессиональная подготовка» и «дополнительная профессиональная подготовка». 82% обучавшихся по этим формам составили рабочие. Почему? Во-первых, такое обучение осуществляется, как правило, непосредственно в той организации, где трудится человек. Во-вторых, оно проходит чаще всего «без отрыва от производства» в самом строгом смысле этого словосочетания. В-третьих, продолжительность такого обучения обычно не превышает 72 часов. Работодатели позволяют рабочим проходить также курсы целевого обучения. В 2010 году рабочие составили 60% обучавшихся на таких курсах. Их туда направляют обычно тогда, когда новая техника уже поступила, а обслуживать её некому.

Между формами обучения, предназначенными для руководителей, специалистов и служащих, с одной стороны, и для рабочих, с другой, есть одно принципиальное различие. **Из всех программ для рабочих полностью исключена общеобразовательная подготовка, их обучают только навыкам.** Реализуется чёткая социальная установка крупного капитала: «теория — не для быдла». Толстосумы не только не хотят, чтобы компания несла даже копеечные дополнительные расходы, но они ещё и боятся образованного рабочего: он способен быстрее осознать классовые интересы.

Осовременившийся прагматичный человек если не заявит вслух, то подумает: а почему это работодатели должны расходоваться на обучение и повышение квалификации нанятых ими работников? Ответ известен: от квалификации зависит производительность труда. Чем выше производительность труда, тем быстрее рабочий создаёт необходимый продукт — ту продукцию, которая необходима для оплаты его рабочей силы. Чем выше квалификация рабочего, тем большую часть рабочей смены он создаёт прибыль работодателю-капиталисту. Иначе говоря, в повышении квалификации работника капиталист заинтересован больше, чем наёмный работник.

Но это лишь одна сторона проблемы. Вторая её сторона состоит в том, что расходы на обучение наёмного работника идут не из прибыли владельца предприятия, а из фонда оплаты труда. Заработная плата в фонде оплаты труда составляет от 75,5% в добыче полезных ископаемых до почти 80% в пищевой промышленности (в непродовольственной сфере максимальная доля заработной платы в оплате труда в сфере финансовой деятельности, где она достигает 83,1%). Но при этом расходы на обучение наёмного персонала из года в год сокращаются. В 2010 году в среднем по российской экономике они составляли чуть больше 0,1% (см.: О составе затрат на рабочую силу в 2009 году. Статистический бюллетень. 2010. № 8;

http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/lssWWW.exe/Stg/d08/zatrat-t1.htm). В бережном отношении работодателей к фонду оплаты труда ими движет не забота о повышении зарплаты наёмных работников. От экономии расходов на повышение их квалификации заработная плата обычно не повышается ни на копейку. Это — способ создания **сверхприбылей** нуворишей.

О деиндустриализации экономики свидетельствует высокий уровень безработицы лиц, имеющих профессиональное образование. В 2005—2009 годах 15% специалистов с дипломами о высшем образовании оказались призванными в «армии лишних людей». Ещё больше отправлено в «бессрочный резерв» работников со средним и начальным профессиональным образованием (выпускников техникумов и профтехучилищ), значительная часть которых занималась непосредственным трудом по производству товаров и услуг, — таковых оказалось более 21% лиц этих категорий (см.: Тенденции на рынке труда // Статистический бюллетень. 2011. № 3).

Заслуживают внимания те трудности, с которыми чаще всего встречались выпускники профессиональных учебных заведений при попытках оформления на работу в 2005—2009 годах. Препятствовали трудоустройству недостаточная квалификация — 8,5%, отсутствие опыта работы — 43,2%, низкий уровень предлагаемой заработной

— 30,5%. На отсутствие свободных рабочих мест по специальности, соответствующей диплому, указали 33% лиц с высшим образованием, 34,4% — со средним профессиональным образованием, 22,9% — с начальным профессиональным образованием (см.: там же).

Итак, обследования Росстата подтвердили: ни в какой модернизации производительных сил класс капиталистов России не заинтересован. Это — класс временщиков. Он, конечно, мечтает отодвинуть тот час, когда пролетариат ему решительно и бесповоротно заявит: «Кончилось ваше время». Неизбежность и приближение такого часа российские толстосумы ощущают кожей. Поэтому они стремятся урвать прибыль сегодня, сейчас.

Для решения наиважнейшей задачи — спасения России и её рабочего класса — требуется осуществление глубоких социально-экономических и политических сдвигов. Серьёзного внимания заслуживает заключение социологов ИС РАН о заметных изменениях общественного сознания, происходящих под влиянием современного социально-экономического и общественно-политического кризиса (см.: Двадцать лет реформ глазами россиян. (Опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. Институт социологии РАН. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта. — М.: ИС РАН, 2011. http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Predislovie.pdf).

Выше уже отмечалось, что учёные справедливо делают нерадостный вывод: «Россияне поняли или по крайней мере ощутили, что под лозунгами необходимости повышения эффективности российской экономики и преодоления последствий разразившегося кризиса началось масштабное долгосрочное наступление на права и благополучие рядовых граждан, что падение их доходов (если не в абсолютной, то в относительной форме) в кризис — это не временное явление, что докризисные времена уже не вернутся независимо от того, что будет происходить с ценой на нефть и дефицитом бюджета». Социальная поляризация общества в пору реставрации капитализма остаётся самым стабильным явлением в России. А изменения в этой сфере носят угрожающий характер. В современной РФ в наиболее неудовлетворительном имущественном положении оказалась не та часть населения, которая не занята по каким-либо причинам в общественном производстве, а работающее население. И именно оно даёт наиболее низкие оценки существующей общественно-политической системе.

В своём масштабном исследовании «20 лет реформ глазами россиян» социологи приходят к выводу: «Социально-психологическое состояние россиян, чувства, которые они испытывают, во многом

обуславливаются теми реалиями, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни... Сложившийся в России тип социума представляется её жителям несправедливым и нетерпимым».

Думается, у нас есть все основания, опираясь на приведённый статистический и социологический материал, утверждать: никакая модернизация общества реставрации капитализма невозможна. Невозможен в том числе и массовый переход к инновационным технологиям. К тому же ни правящий класс-временщик, ни его антагонист при существующих отношениях собственности не заинтересованы в осуществлении модернизации материально-технической базы на основе инновационных технологий. Что касается вбрасываемых властью лозунгов то об инновационной политике, то о модернизации, то они представляют собою заурядную симуляцию «реформ» общества, которое доживает свой исторический этап.

Модернизация может стать реальностью тогда, когда и трудящиеся массы, и руководство страны полны стремления к созиданию. Это убедительно показала история социалистического строительства. Известный российский учёный-статистик профессор В.М. Симчера на основе данных, перепроверенных Росстатом и Институтом статистики при Федеральной службе государственной статистики РФ, в своей монографии «Развитие экономики России за 100 лет. 1900—2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы» (М.: Наука, 2006) приводит уникальные данные о росте национального богатства России в XX столетии. Мы воспроизведём лишь одну (с. 53 монографии) из его таблиц (см. *таблицу 25*).

Эти данные убедительно говорят о том, что социализм — это выдающееся достижение творческого гения трудового народа. В статистических справочниках времён реставрации сопоставимые данные не приводятся. Но если по производству промышленной продукции мы до сих пор не вышли на уровень 1990 года, то за счёт операций с недвижимостью ежегодно приращивать национальное богатство на 5,5% невозможно. Между тем именно таким был ежегодный прирост национального достояния РСФСР (приведённые данные касаются не всего Союза СССР, а только Российской Федерации) в первые 20 лет после окончания Гражданской войны. А после Великой Победы над немецко-фашистским зверем, восстановив разрушенное в войну народное хозяйство всего за 5 послевоенных лет, социалистическая Россия в течение трёх десятилетий приращивала общенародное богатство не менее чем на 10 (десять!) процентов в год. В капиталистическом мире нет подобного примера темпов экономического развития. Даже в 80-е годы с их мифическим «застоем» и реальной «перестройкой-катастрофой» ежегодный прирост национального достояния составлял 7,2%.

Таблица 25.

Объёмы и темпы прироста национального богатства России в XX веке по десятилетиям

Годы	Прирост объёма, млрд. руб.	Темпы прироста в целом по десятилетиям, %	Среднегодовые темпы прироста, %
1901–1910	40	9,1	0,9
1911–1920	-57	-4,2	-0,4
1921–1930	196	56,0	5,6
1931–1940	478	53,8	5,4
1941–1950	75	25,0	2,5
1951–1960	1534	156,0	15,6
1961–1970	3298	114,1	11,4
1971–1980	6457	104,6	10,5
1981–1990	9048	71,9	7,2
1991–2000	-412	-3,5	-0,4
Среднегодовой прирост в XX в.	195,9	52,4	4,3

Реставрация капитализма не сумела освоить те производительные силы, которые ей достались от советского социализма. Тем самым она вынудила российское общество двигаться в попятном направлении, а это означает её бесперспективность и нежизненность. Поскольку производительные силы не могут развиваться в рамках реставрации капитализма, то она должна уступить место социалистическому вектору общественного развития. Тем более что он, как это хорошо видно из представленной в работе В.М. Симчеры таблице, уже показал свою способность прогрессивного, поступательного развития.

Логика исторического развития такова, что материальное производство имеет тенденцию к максимальному обобществлению. Теоретически (абстрактная возможность) модернизация могла бы повысить уровень материального производства. Но и в этом случае при сохранении капиталистических производственных отношений обострившееся основное противоречие капиталистической системы потребовало бы отказа от тотального господства частной собственности. К. Маркс доказал, что высокий уровень объективного обобществления производства резко обостряет противоречие

между общественным характером производства и частным способом присвоения, достигая такой остроты антагонизма, что общество не может больше существовать в рамках буржуазного жизнеустройства.

20 лет реставрации капитализма как в России, как и других республиках разрушенного антисоциалистическими силами Союза ССР, убедили, что сложившаяся после контрреволюции 1991 года система не может выйти из нынешнего регрессивного состояния. Но она также не может долго находиться в состоянии, когда производственные отношения (реставрация капитализма) не дают возможности развиваться производительным силам. Вывести Россию из такого противоестественного положения может только революционный скачок, который явится отрицанием реставрации капитализма. Но он происходит не сам собой, а его совершают люди. Поскольку реставрация капитализма вступает в противоречие с интересами прежде всего класса наёмных эксплуатируемых капиталом работников физического и умственного труда, то они и будут той общественной силой, которой предстоит прервать этот обязательный, в определённом смысле противоестественный этап переходного периода от капитализма к социализму.

Разговоры о модернизации общества капиталистической реставрации — это одно из проявлений желания мелкого ремонта капитализма путём его реформ. А В.И. Ленин в работе «Три источника и три составных части марксизма» мудро замечал, что «сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть **только одно** средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению **должны** — составить силу, способную смести старое и создать новое» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47*). Такой силой является пролетариат, что мы и пытались доказать во всех предшествующих главах. Остаётся лишь выяснить, насколько он осознаёт ту роль, которую ему отвела отечественная и мировая история.

«Будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата»

Самым существенным результатом двух минувших десятилетий стала сильнейшая социальная и имущественная поляризация российского общества. При этом изменение доходов происходит таким образом, что богатые становятся богаче, а бедные — беднее. За годы реставрации капитализма прирост доходов 20% наиболее обеспеченных граждан РФ на 25% выше среднего прироста в стране, тогда как у 20% бедных рост доходов отстал от среднего их прироста в РФ на 18%. По данным ИСЭПН РАН, только 12—15% средств, выделяемых на снижение бедности, попадает бедным (Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста. — М., 2010. С. 4).

Наибольшая поляризация населения характерна для крупных городов. Пиком социального неравенства является Москва, где соотношение доходов крайних 10-процентных групп достигает, по данным Росстата, 35-кратного размера, а по данным ИСЭПН РАН — 50-кратного. Система налогообложения в РФ лишь увеличивает неравенство. В столице после уплаты налогов неравенство доходов увеличивается на 33%.

Социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян» показывает, насколько объективное изменение жизни в стране стало фактом общественного сознания. Марксизм-ленинизм выводит идеологию не непосредственно из экономики, а через посредство классовой психологии. Каждый второй опрошенный указал на «низкий уровень жизни значительной части населения». При этом на массовую бедность указали на 8% респондентов больше, чем 3 года назад.

Здесь мы попытаемся суммировать те принципиальные выводы, к которым пришли учёные в результате своего масштабного исследования:

— «Сложившийся в России тип социума представляется её жителям несправедливым и нетерпимым».

— «Среди россиян наибольшую поддержку получила такая модель экономической жизни общества, при которой государство восстановит государственный сектор, расширив при этом экономические возможности для населения. Классическая рыночная экономика, при которой вмешательство государства сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным лицам, практически не поддерживается россиянами... Модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определённый консенсус».

— «Среди людей, определивших свою идейную позицию, социалистических убеждений придерживается каждый второй. При этом «общая доля “социалистов” в российском идейно-политическом спектре примерно в три раза превышает долю как либералов, так и националистов, исходящих из веры в уникальность русского пути развития... Среди определившихся с ответом доля сторонников общества социального равенства стабильно составляет более двух третей населения, а за последний год произошёл её рост с 67% до 73%» (там же).

Только в такой социальной атмосфере могла быть моментально подхвачена формула: «Единая Россия» — партия жуликов и воров». Она относится не столько к членскому составу этой партии, сколько к её социальной природе, к классовому характеру тех, чьи интересы защищает. Неслучайно личной «потерей в результате реформ» 43% опрошенных называют «утрату уверенности в завтрашнем дне» и 27% — «резкое деление общества на богатых и бедных».

Негативное отношение к нынешней социально-экономической системе в обществе сложилось не сегодня. Оно постоянно, хотя и медленно нарастало и нарастает. Россия снова, как и почти столетие назад, отвергает либерализм. Через 20 лет после Великой Октябрьской социалистической революции русский философ-эмигрант Н.А. Бердяев писал: «В России могло иметь успех лишь движение под символикой социализма, а не символикой либерализма... Либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды...» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. С. 92—93).

В этом выводе нет ни грама мистики: неприятие либерализма народами России стало следствием не их «генетических», а исторических

особенностей. Если в 1917 году наше общество, возглавляемое рабочим классом, отвергло либерализм, потому что не прошло школы капиталистической борьбы за цену рабочей силы, то в нынешнюю пору к этому добавилась историческая (а у многих миллионов и личная) память о неторгашеской сути социалистического созидания. В итоге рабочий класс и весь трудовой народ России, как и в предоктябрьскую пору, не сосредоточивается на экономической борьбе. Не случайно ту часть общества, которая ринулась во все тяжкие в погоне за богатством (честно приобретённое богатство в пору реставрации капитализма такая редкость, что, как говорят математики, этой величиной можно пренебречь), трудовой народ по-пролетарски быстро окрестил «новыми русскими» и тем самым открестился от них.

В Отечестве нашем, как и до Великого Октября, снова образовалось две России — Россия труда и Россия капитала. Отношения между ними в «новейшую историю» страны — это самый главный, самый устойчивый и нарастающий антагонизм. Фактически это не что иное, как особая ипостась антагонизма между трудом и капиталом.

Отторжение власти приблизилось к критической отметке. Требовався повод. Теперь большинство сходится во мнении, что поводом стал проходивший 22 сентября 2011 года XII съезд «Единой России», когда Путин и Медведев сообщили что делают самую короткую политическую рокировку: В.В. Путин из «Белого дома» на Краснопресненской набережной возвращается в Кремль, а Д.А. Медведев перемещается в обратном направлении. А ведь этим объявлением тандем всего-то удовлетворил жажду «масс», требовавших в течение нескольких месяцев: скажите, кто из вас пойдёт баллотироваться в президенты! Провели «концерт по заявкам» — в ответ недовольство масштаба начинающегося цунами. Конечно, не тем, что Д. Медведев согласился уступить президентское место В. Путину. Недовольство вызвал и прежде угадывавшийся цинизм верхов. Престоловладельцы-престолонаследники огласили свои договорённости с такой непоколебимой уверенностью, словно «Единая Россия» получила вновь конституционное большинство в Госдуме, а обмен кабинетами задерживается лишь из-за ничтожной формальности, связанной с тем, что его дата определена избирательным законодательством и Конституцией, но это — такие пустяки...

Недовольство широких масс пытается использовать либеральная оппозиция. Она сумела собрать многотысячные митинги, символом которых стала Болотная площадь (там проходила её первая протестная акция). «Болотная» стала обозначением движения, вокруг которого скрестили шпаги толкователи разных политических взглядов и идеологий. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, ду-

мается, можно утверждать, что «Болотная» носит буржуазно-демократический характер. Её цели, конечно же, буржуазные, не случайно К. Собчак увидела в ней «норковую революцию». А вот по составу она неоднородна, и в декабре 2011 года на ней доминировали не норковые шубы, а студенты, «офисный планктон» и всякие «разночинцы». По составу она демократическая (без всяких кавычек). Такое в отечественной истории уже было: вспомним хотя бы Первую русскую революцию 1905—1907 годов. Но у «Болотной» одно существенное отличие: в её демократическом составе отсутствует рабочий класс. Между тем он, как отмечалось выше, составляет большинство экономически активного населения страны: из 67 млн. россиян, имеющих занятия, на его долю приходится более 30 миллионов.

Значит, требуется поправка: изначально буржуазная по целям, «Болотная» ущербно-демократична по составу. Более того, как только часть Уралвагонзавода, возглавляемая ренегатом* Холманских, лениво высказалась в поддержку В.В. Путина, «Болотная» тут же проявила свой антипролетарский характер. И не столько в неприязни к уральским рабочим (это была не критика, а утробная классовая неприязнь), сколько в своих публично озвученных требованиях. А она требовала не только новой, столь же буржуазной Конституции, нового, обеспечивающего ещё более надёжную победу крупному капиталу избирательного законодательства, новых парламентских и президентских выборов, но и освобождения бизнесменов Ходорковского и Лебедева, мелких хулиганок из «Пуси райт» и прочих крупных и мелких буржуазно-либеральных дельцов. Среди многих её лозунгов не было только солидарности с рабочими, отстаивающими свои права и интересы.

Отметим: антипролетарские позиции «Болотная» занимает осознанно, так как она защищает интересы одной группы крупного капитала против другой его группы. Класс наёмных работников физического и умственного труда обеим этим группам одинаково чужд. И власть, и «Болотная» в общем рвении стремятся к его угнетению, к усилению его эксплуатации. Но и наёмные рабочие не считают своими защитниками ни государственные структуры, ни организации и идеологов «Болотной».

У аналитиков рабочего движения есть понятие «порог терпения». Под ним понимается тот предел, после которого работники отказываются считать сложившуюся ситуацию нормальной и приступают к её

* Ренегатом по отношению к рабочим, которых он намеревался возглавлять, но в отличие даже от попа Гапона, смывшего в эмиграцию, этот принял пожалованное за его услугу кресло президентского наместника в Уральском федеральном округе.

изменению. Они утверждают, что в каждом коллективе, в каждой ситуации этот порог свой, индивидуальный. Это даже не столько характеристика среды, сколько состояние людей, их коллективное восприятие приемлемости и нормальности ситуации. То, что для одних нормально, для других становится поводом для возмущения. И даже то, с чем люди вчера мирились, сегодня может стать неприемлемым.

На наш взгляд, такое толкование «порога терпения» неоправданно субъективно. В действительности этот «порог» определяется вполне объективными процессами, скажем, фальсификацией итогов голосования на федеральных выборах или экономическим кризисом. Такие процессы накапливаются, и, действительно, последней каплей может стать то, «с чем люди вчера мирились». «Порог терпения» — это разновидность той границы, когда, как гласит диалектика, количество переходит в качество.

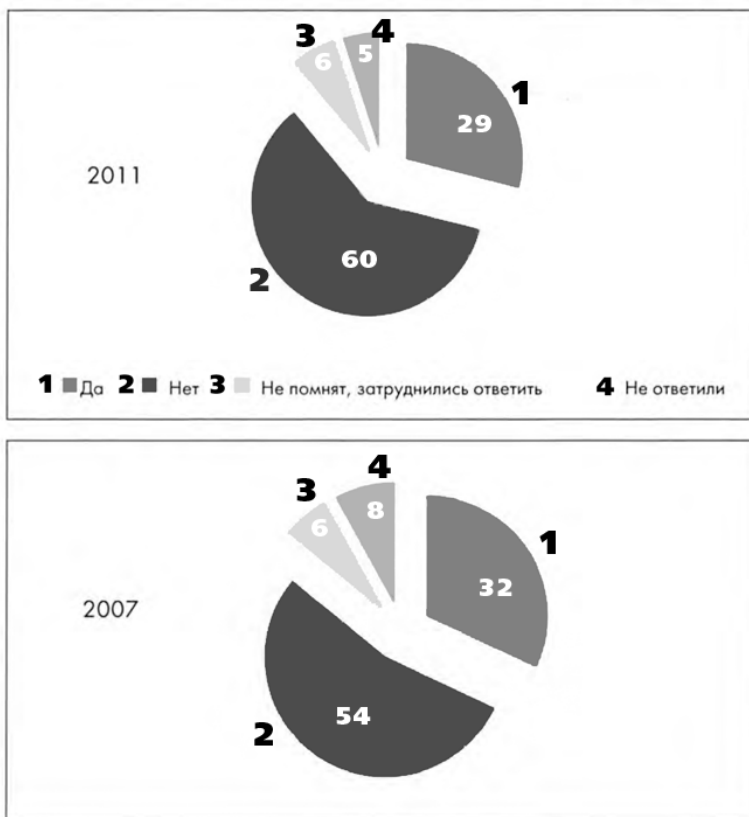
Хорошо это или плохо, но остаётся фактом, что ни парламентские, ни президентские выборы, ни их результаты никак не повлияли ни на сам «порог терпения» наёмных работников физического и умственного труда, ни на их приближение к нему. И это не так уж неожиданно: исследование «ГМПР: вектор развития в условиях кризиса, модернизации и стабильности», проведённое учёными Института социологии Российской академии наук (ИС РАН), показало, что наёмные труженики горно-металлургической промышленности и не ожидали принципиально иных результатов. Проведённый социологами опрос показал: избиратели, занятые в этой отрасли, считали, что победителем на президентских выборах выйдет В. Путин, опередив второе место в 2,9 раза. И они, если верить официальным данным Центризбиркома, почти не ошиблись. Но они не расстроились и от того, что их представление об итогах парламентских выборов не совпало с чуровскими итогами, а было близко к прогнозам Центра исследований политической культуры России. Персональный состав заседателей Охотного ряда при сохранении прежней власти их интересует мало.

На настроение и поведение класса наёмных работников физического и умственного труда куда большее влияние оказал экономический кризис. Но в 2008—2011 годах он тоже не вынудил пролетариев перешагивать через «порог терпения». Во-первых, так называемая подушка безопасности, начинённая нефтедолларами, оказалась достаточной, чтобы спасти работодателей-толстосумов нынешней РФ и их капиталы. Во-вторых, горно-металлургическая промышленность России уже в 2010 году, по утверждению заказчиков из профсоюза и учёных ИС РАН, по макропоказателям вернулась к докризисному состоянию.

Кризис 2008—2011 годов, не подведя пролетариев к «порогу терпения», привёл к другому естественному результату. Поскольку резервная армия труда выросла примерно 1,5 раза, то протестные возможности наёмных работников ослабли. Однако их ослабление оказалось значительно меньшим по сравнению с возросшей угрозой потерять работу. Об этом свидетельствуют сравнительные данные, приведённые социологами в докладе об исследовании общественного мнения наёмных работников горно-металлургической промышленности (см. рисунок 13).

Рисунок 13.

**Личное участие в коллективных акциях
на предприятии, % опрошенных**

Сопоставление показателей участия наёмных работников в акциях протеста в докризисную и кризисную пору даёт основания утверждать не об ослаблении протестных настроений, а о начинающемся росте рабочего движения в России, которое в последние годы принято называть протестным, но которое в перспективе неизбежно станет революционным. Вот результаты опросов социологов. В 2003 году в коллективных протестных действиях участвовали 30% респондентов, в предкризисном 2007-м — 32%, а в 2011 году — 29%. Иначе говоря, уровень участия наёмных работников достаточно благополучной горно-металлургической отрасли в акциях сопротивления буржуазной системе остаётся стабильным.

При явных признаках начавшегося возрождения рабочего движения чрезвычайно важно отметить классовое чутьё молодого российского пролетариата. Об этом говорит сравнительный анализ готовности участвовать в защите социально-экономических прав и так называемых демократических свобод по сценариям архилибералов (см. таблицу 24).

Таблица 24.

Вы лично готовы участвовать в акциях в защиту социально-экономических прав, % опрошенных

% опрошенных	Готовность участвовать в защите			
	экономических и социальных прав		демократических свобод	
	2007	2011	2007	2011
Скорее всего, да	53	56	30	28
Скорее всего, нет	24	16	27	20
Затрудняюсь ответить	13	15	15	19
Не ответили	11	12	29	33

Итак, пролетариат не очень-то склонен играть в политиканские игры «Болотной». Впрочем, читатель может возразить, заявив: опрос свидетельствует о том, что класс наёмных работников физического и умственного труда не дорос до политической борьбы и ограничивается только борьбой за экономические права и интересы. Действительно, в этом утверждении немалая доля правды, и возражение в целом можно даже принять, так как экономическая борьба обычно предшествует экономической.

Однако это не отменяет нашего вывода. Во-первых, в достаточно развитом «классовом чутье» молодого российского пролетариата

легко убедиться, сравнив динамику ответов на первый и второй вопросы. Если доля проявивших готовность защищать социально-экономические права и интересы за четыре последних года возросла, то доля желающих защищать либеральные «демократические свободы» сократилась. Причём сократилась тогда, когда либералы приступили к активной подготовке «Болотной», когда буржуазная сущность борьбы за «демократические свободы» уже не составляла секрета для всего российского общества.

Во-вторых, как признают социологи, среди опрошенных в 2011 году «готовые участвовать в акциях в защиту демократических свобод на 11 процентных пунктов чаще считают, что для России важнее развитие демократии, чем усиление государства». Иначе говоря, из готовых защищать «демократические свободы» придерживаются либеральных позиций менее 60% респондентов. Но только 12% опрошенных (их социологи почему-то называют «активные сторонники демократии») последовательны в своём либерализме: «декларируют отсутствие политического представительства среди ныне действующих партий для таких людей, как они».

К тому же надо иметь в виду, что часть наёмных работников, занятых в горно-металлургической промышленности, отвечала на этот вопрос, имея в виду не либеральное его наполнение, а политическую борьбу пролетарских масс. Социологи в частности заметили, что «среди готовых присоединиться к протестам обоих типов больше голосовавших за Г. Зюганова на президентских выборах 2008 года и за КПРФ на парламентских выборах 2007 года (ИС РАН проводил опрос наёмных работников горно-металлургической промышленности незадолго до парламентских выборов 2011 года. — *В. Т.*). Они же чаще планировали голосовать за КПРФ на предстоящих выборах в Госдуму. Таким образом, КПРФ продолжает собирать голоса активных участников уличных акций — неважно, направлены эти акции на защиту демократических свобод или же социальных прав». Заметьте: таков вывод учёных ИС РАН, не замеченных в больших симпатиях к коммунистическому мировоззрению.

В данном случае, однако, социологи констатировали то, что ещё столетие назад установил В.И. Ленин: «...Экономические и политические стачки (как и другие формы классовой борьбы. — *В. Т.*) находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 397).

Иначе говоря, процесс осознания классом наёмных работников физического и умственного труда и тесно связанная с ним логика становления и развития классовой борьбы пролетариата не совпадают с логикой борьбы внутри буржуазного класса. Объясняется это

их принципиально разной природой, даже тогда, когда тактические цели наёмных работников и либеральной буржуазии совпадают. Вот уже полтора века наёмный труд поёт про «последний решительный бой», а не про рокировку фигур на старой «шахматной доске».

Конечно, архилибералы могут поймать в свои сети часть пролетарских слоёв. Столь же вероятно, что у другой части наёмных работников аллергия на либеральный обман может толкнуть в объятия столь же классово чуждого правящего режима. Но не эти фрагменты «великой армии труда» определяют её мировосприятие и поведение.

А если оценивать влияние на пролетариат внутриклассовой борьбы двух популяций российской «новой буржуазии», то борьба внутри господствующего класса оказывает благотворное влияние на становление классового сознания людей наёмного труда. В «мирной» обстановке правящий класс всегда более-менее удачно скрывает своё истинное лицо. А в условиях внутривидовой борьбы, которая, конечно же, захватывает оба отряда крупного капитала, нуворишей особенно раздражает любое, самое скромное выступление покупаемой ими рабочей силы. Они теряют самообладание и демонстрируют свой звериный оскал. В условиях «мирной» обстановки долларовый миллиардер В. Лисин воздержался бы назвать рабочих своего завода «биологической массой».

В «мирной» ситуации философствующий банкир и либеральствующий экс-министр Г. Греф попридержал бы язык за зубами, а не откровенничал бы о том, какая демократия соответствует интересам его и его братьев по классу. А сейчас, когда начала пересекаться внутриклассовая борьба и прорастающий межклассовый антагонизм, «Остапа понесло». Например, практически вся периодическая пресса сообщала о его циничном выступлении на Петербургском Международном экономическом форуме 2012 года, когда наслушавшийся лицемерных выступлений архилибералов о демократии их убеждённый единомышленник решил напомнить им о возможных последствиях их демагогии: «Вы говорите страшные вещи, — негодовал Греф по поводу заявлений одного из участников дискуссии. — Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения». Глава Сбербанка вразумлял расшалившихся не в меру братьев по классу: как только «люди поймут основу своего я, управлять ими, манипулировать станет чрезвычайно тяжело».

Какой замечательный урок политграмоты дал наёмным работникам физического и умственного труда один из столпов российского капитала! У скольких людей труда снял с глаз навешанные буржуазным агитпропом шоры! Но об этих последствиях своих одиозных речей он в тот момент не думал. Стремился объяснить забывшимся

жителям капиталистических джунглей, с которыми он «одной крови», классовую опасность фейсбуков, твиттеров и прочих социальных сетей и иных выдумок Всемирной паутины: «Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, — сокрушался он, — все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию, получать её не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ».

Лисин и Греф не выдали никаких секретов. Но заботясь о своих корыстах, об интересах своего класса, они помогают и пролетарским массам лучше понять неразрешимый в рамках капитализма характер их противоречий с буржуазией. В этом тоже нет ничего необычного.

Да, непозволительно не обращать внимание на уроки классовой политграмоты, которые дают обществу буржуазные идеологи. Но и надеяться только на их «воспитательную работу» тоже не годится. Они дают прекрасный современный иллюстративный материал, подтверждающий жизненность марксизма-ленинизма. Но с основами, с сердцевиной и сущностью научно выверенной пролетарской идеологии к трудящемуся человеку должны идти мы, коммунисты. Этому нас учат великие мыслители Маркс, Энгельс, Ленин. Этого требует от нас Программа КПРФ.

И если мы эту тяжёлую работу будем выполнять добросовестно, то наёмный, эксплуатируемый буржуями работник не только классовым чутьём, но и разумом разглядит в «Болотной» вчерашний день истории. Ту репетицию он проходил ещё в 1905 году. А случившаяся с нами загогулина регресса не может быть бесконечной. В то же время дорогу на историческую магистраль человеку труда предстоит пробивать самому. Правда, у него есть компас — марксистско-ленинская теория. А долг коммунистов — обучить миллионы пролетариев этим компасом пользоваться.

Когда говорят, что общественное сознание отстаёт от общественного бытия, то это относится не только к обыденному мировосприятию широких масс, но и к политически активной части общества. Она тоже не ждала никаких кардинальных скачков. Неожиданностью стали и разнопартийные (краснознамённые, оранжевые, чёрно-золотисто-белые) декабрьские многотысячные акции на московских площадях. Тем более не прогнозировался аналитиками левых взглядов митинг заводского Среднего Урала на Привокзальной площади в Екатеринбурге, который с ленивым равнодушием реагировал на призывы в поддержку В.В. Путина и активно отторгал оранжевых пустозвонов, зовущих назад в ельцинские «лихие 90-е». Агрессивная активность олигархического капитала ельцинской популяции оказалась нежи-

данной. Выход на площадь уральских рабочих удивлял тем более. И подобные оценки строились не на песке.

Во-первых, по данным официальной статистики, забастовки в последние годы практически исчезли. Даже если эти данные лукавые, то хорошо известно другое: когда наёмных работников хозяева доводили до ручки, жертвы нещадной эксплуатации предпочитали забастовке... опасную для своей жизни голодовку. Складывается впечатление, в РФ невелика вера в забастовочную борьбу, когда к тому же не существует даже намёков на стачечный фонд. По этой причине не верят в неё и политики оппозиции. Вопрос о всероссийской политической стачке последний раз коммунистами всерьёз обсуждался на IV съезде КПРФ, проходившем в 1997 году.

Во-вторых, по сравнению с первым десятилетием реставрации капитализма в 2000-е годы резко снизилась и «уличная активность» работников наёмного труда. Митинги становились малолюднее, их заменяли пикеты. Даже праздничные демонстрации в честь Первомая и Великого Октября поредели в разы. А уличная активность правых либералов, которые до сих пор выдают себя чуть ли не за единственную оппозицию правящему режиму, до декабря 2011 года вызывала кривую усмешку даже у их сторонников: 1000 участников в Москве для них была пределом мечтаний.

Сложился стереотип об аполитичном и равнодушном населении РФ, которое «и народом-то быть уже перестало». Когда в июне 2011 года Центр исследований политической культуры России, тесно связанный с КПРФ, в ходе опроса получил данные о том, что КПРФ наберёт 24%, а «Единая Россия» падёт до 46%, то, похоже, социологи сами не очень верили таким результатам. Если в то, что Компартию могут поддержать почти каждый четвёртый избиратель, минувшим летом ещё верилось, то сокрушительное падение «ЕР» казалось сомнительным. И это понятно: за КПРФ в 1995 году проголосовало 22,6% избирателей, а в 1999-м — 23,4%. Но тогда в стране не существовало единой партии крупного и среднего капитала.

Ситуация стала меняться, когда осенью 2011 года у экономического кризиса обнаружился второй «горб». Начала снова расти безработица. Несмотря на утешительные данные об инфляции, подскочили цены на мясо, сливочное масло, колбасы, молоко и даже хлебобулочные изделия. Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) поддержал инициативу об узаконивании 60-часовой рабочей недели. Впервые более чем половине студентов государственных вузов заставили платить за учёбу.

Исследование учёных Института социологии Российской академии наук «ГМПР: развитие в условиях кризиса, модернизации и стабиль-

ности» показало, что наёмные работники физического и умственного труда всё более заметно осознают своё пролетарское положение в обществе. Это значит, что российская действительность последних 20 лет их убедила: прибыль работодателя создаётся их неоплаченным трудом. Это и есть эксплуатация человека человеком. Они поняли, что труд и капитал связаны крепким канатом, на одном конце которого они видят прежде всего свою заработную плату, а на другом — прибыль собственника, которому они продают свою рабочую силу.

Пока сохраняется капитализм, перетягивание этого каната неизбежно. Сила капиталиста в том, что в его распоряжении мощные механизмы — законы, принятые буржуазной Госдумой; органы правопорядка, подчинённые президенту и правительству, которых фактически нанял правящий класс «новой буржуазии»; хитрые и ловкие топ-менеджеры, служащие хозяину ради эффективной работы потовыжималки, на выходе которой из крана вытекает струя наживы; продажные адвокаты, крючкотворство которых всегда направлено против интересов нанятой предпринимателем рабочей силы; сладкоголосые средства массовой информации, которые обслуживают интересы и прихоти капиталистов; суд, усердно прогибающийся перед толстосумами...

Да что там — механизмов и приспособлений, которые обслуживают интересы капитала, не перечесать. И те, кого он прикармливает, усердно занимаются их рационализаторством.

На другом же конце каната — только трудовой люд. И инструмент у него невелик. Прежде всего — пролетарское единство. Но трагедия наёмного труда в том, что профессиональные союзы, призванные отстаивать хотя бы экономические интересы рабочей силы, превратились, как правило, в саботажника воли тех, кто их создавал и даже избирал их руководство. Скажем прямо: профсоюзы перекуплены тем, кто управляет противоположным концом каната. Федерация независимых профсоюзов превратилась в одно из приспособлений, обслуживающих капитал. И это тоже выявило исследование ИС РАН, посвящённое изучению общественного мнения наёмных работников горно-металлургической промышленности России. В таких условиях в полный рост встаёт вопрос: что делать наёмным работникам физического и умственного труда?

Начнём с того, что приглядимся к тому арсеналу средств, которые находятся под рукой у трудового люда, когда ему приходится вставать на защиту своих интересов. Предложенный социологами набор отражает не только их представления, но и современную практику сопротивления, в том числе того, в котором участвуют официальные профсоюзы. В рамках рассматриваемых в исследовании действий трудящихся можно выделить четыре группы поведения эксплуатируемых:

1) Выражение недовольства и последующие переговоры с работодателем, интересы которого на предприятии представляет администрация; особенность такого поведения в стремлении решить спорные вопросы в рамках данной компании;

2) Обращение в судебные инстанции; из-за неспособности разрешить возникшее противоречие между наёмными работниками и работодателем привлечение к его разрешению государства в лице его судебной власти;

3) Обращение к общественно-политическим организациям (к СМИ, к депутатам и политическим партиям) за помощью в решении возникшего противоречия между наёмными работниками и работодателем;

4) Использование протестных действий разного уровня (митинги и пикеты, забастовка, остановка работы, захват предприятия).

Прежде всего надо отметить, что 90% трудящихся выбирают те или иные конкретные формы протестных действий (сумма ответов больше 100%, так как значительная часть респондентов указала на несколько возможных вариантов действий). Очевидно, что большинство трудящихся предпочло бы решать все возникающие противоречия внутри своего предприятия (компании). Они логично считают, что к другим видам протеста следует прибегать после того, как не удалось решить вопрос в своей организации. Причём по сравнению и с 2003 и с 2007 годами доля так считающих увеличилась на 6—7%.

При широко распространённом в обществе мнении, что российский суд продажный и несправедливый, каждый третий опрошенный металлург и горняк считает, что противоречия, которые не удалось разрешить в ходе переговоров с администрацией, необходимо адресовать суду. Впрочем, в правовом государстве на суд должен был бы ориентироваться практически каждый гражданин. Но, судя по опросу, смутно надеются на верховенство закона в Российской Федерации только 33% наёмных работников.

Чуть большая доля рабочих, специалистов и служащих надеется на помощь общественно-политических структур общества. Впрочем, можно допустить, что обращение к СМИ (этот шаг считают приемлемым 20% респондентов) ничуть не мешает одновременно адресоваться к депутатам и политическим партиям (этот вариант действий выбрали 9% опрошенных) или к местной власти (за него высказалось 8% респондентов).

И всё же протест действием в рамках нынешней Конституции РФ пользуется большей популярностью, чем обращение в суд или общественно-политические инстанции. За него высказался почти каждый второй опрошенный (48%). Около половины из них (22%) предпочитают ограничиться митингами и пикетами. Увы, опыт по-

казывает, что их эффективность невелика, но они являются важной и необходимой стадией формирования классового сознания масс.

Наверное, не пройдя школы митингов и пикетов, сегодняшний пролетарий не будет высказываться за использование таких достаточно радикальных форм борьбы, как забастовки и остановка работы (в сумме за такие методы протеста высказалось 25% всех опрошенных наёмных работников горно-металлургической промышленности). Важно отметить заметную положительную динамику готовности пролетариев к стачечной борьбе: в 2003 и 2007 годах считали забастовки и стачки продуктивным способом защиты своих прав и интересов 18% респондентов (см. таблицу 26).

Таблица 26.

**Наиболее приемлемые формы коллективных действий
для защиты трудовых прав наёмных работников**

% ответивших	2003	2007	2011
Переговоры с администрацией	73	72	79
Обращение в судебные инстанции	19	16	33
Митинги, пикеты	8	14	22
Обращения в СМИ	6	9	20
Забастовка	9	11	14
Остановка работы	9	7	11
Обращение к депутатам, политическим партиям	3	3	9
Обращение к местным властям	6	5	5
Затрудняюсь ответить		10	8
Никакие	6	2	2
Захват предприятия	2	1	1

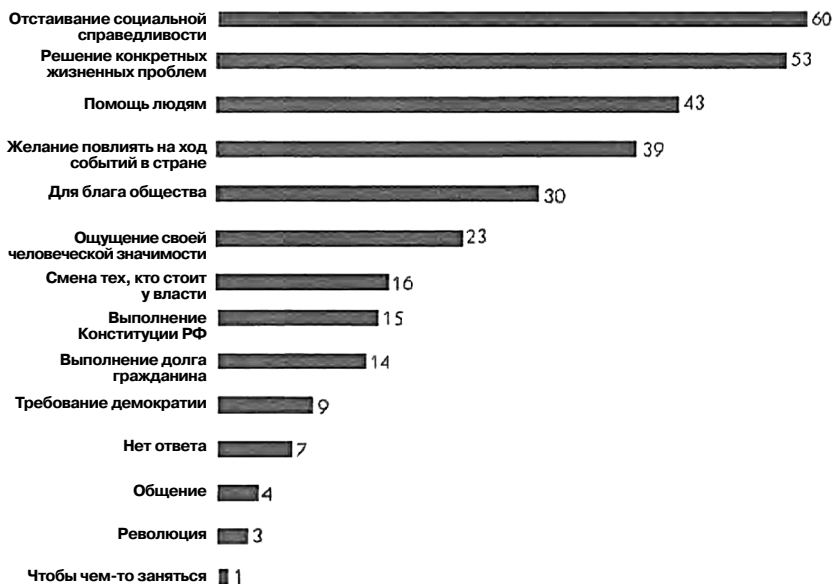
Комментируя эти результаты опроса, исследователи ИС РАН обращают внимание на то, что, «как правило, вероятность участия гражданина в коллективных выступлениях в защиту своих прав выше, если он входит в общественную или политическую организацию или движение, или в них входят лично знакомые ему люди... Большую роль играет доверие к организации, с лидерами или активистами которой гражданин знаком».

Думается, сложную проблему участия работников наёмного труда в протестном движении некорректно сводить к их личным знакомствам и в целом к межличностным отношениям. Она носит куда более глубокий и принципиальный характер. И об этом убедитель-

но свидетельствует социологическое исследование металлургов и горняков. Чтобы убедиться в этом, обратимся к ответам работников горно-металлургической отрасли на вопрос: «Ради чего вы готовы участвовать в акциях протеста?» (см. рисунок 14).

Рисунок 14.

Причины и мотивы участия в акциях протеста, % ответивших

Учёными предложен интересный набор мотивов, которые можно разделить на несколько групп:

1) защита классовых интересов работников наёмного труда («отстаивание социальной справедливости», «решение конкретных жизненных проблем»);

2) защита классовых интересов либеральной буржуазии («смена тех, кто стоит у власти», «выполнение ельцинской Конституции РФ», «выполнение долга гражданина», «требование демократии», «революция»);

3) социально-гуманитарные мотивы («помощь людям», «желание повлиять на ход событий в стране», «для блага общества», «ощущение своей человеческой значимости», «общение»);

4) индивидуалистические мотивы («чтобы чем-то заняться»).

Думается, такая группировка отражает сегодняшнюю общественно-политическую и идеологическую ситуацию в стране. К первой группе отнесены мотивы, которые постоянно трансформируются в лозунги пролетарского протеста, выдвигаются на митингах и демонстрациях левых сил. Во вторую группу собраны основные лозунги «Болотной площади», ставшей символом защиты интересов либералов ельцинской популяции и выражением идеологием либеральной буржуазии. Если первые две группы мотивов участия в протестных акциях носят ярко выраженный полярный характер, то мотивы, собранные в третью группу, в силу своего гуманистического характера могут выводить на протестные акции представителей разных социальных групп и разных идеологий. Что касается индивидуалистических мотивов, то они являются продуктом распространения в современном российском общественном мнении либеральной идеологии, в которой индивидуализм занимает ключевое место.

А теперь проанализируем роль предложенных социологами мотивов в участии работников наёмного труда, занятых в горно-металлургической промышленности, в акциях протеста. Определяющими причинами участия в них наёмных работников является защита своих классовых пролетарских интересов: стремление к социальной справедливости выводит на протестные акции 60% трудящихся, стремление решить конкретные жизненные проблемы работников наёмного труда стало причиной участия в протестных действиях 53% горно-металлургического пролетариата. Эти классовые мотивы занимают не только первые места в ранжировании, но и каждый из них является побудителем поведения более половины трудящихся важнейшей отрасли российской экономики.

Не менее примечательно, что третье — пятое места в мотивах участия пролетариев физического и умственного труда заняли социально-гуманистические мотивы. Они выводят на акции протеста от 20% до 50% металлургов и горняков, труд которых подвергается капиталистической эксплуатации. В лидирующую группу не попал только гуманистический мотив общения, но его современный пролетарий скорее всего относит к категории прихотей бездельников, которым не приходится заботиться о куске хлеба.

Мотивы поведения, в основе которых лежат либерально-демагогические и либерально-индивидуалистические ценности, привлекают не более 14—16% наёмных работников. При этом надо иметь в виду, что часть респондентов позитивно оценивала выполнение долга гражданина, требование демократии и даже выполнение российской Конституции, не задумываясь о том, какой смысл придают

им современные российские либералы, а принимая их, так сказать, за «чистую монету». Не надо также забывать, что среди наёмных работников (напомним ещё раз: в ходе этого исследования ИС РАН опрашивались члены профсоюза, куда принимаются лишь работники наёмного труда) есть тонкий слой лиц, которые приняли буржуазные ценности и ведут себя по эталону заурядных буржуа. Кстати, на этот слой социологи обращали внимание, но об этом чуть позже.

А мы пока обратим внимание на вывод исследователей о том, что «активность работников предприятий горно-металлургического комплекса, имеющих опыт активной деятельности в рамках профсоюза, за пределами предприятий значительно выше, чем в среднем по стране». Если это так, то причина, вероятно, в высокой квалификации и образовании опрошенных. Действительно, как сообщили авторы исследования, 48% респондентов имеют высшее и 40% среднее специальное образование, а неквалифицированных рабочих в выборку попало всего-навсего 3%, в то время, как 7% опрошенных — это руководители высшего и среднего звена. Что ж, полученные результаты исследования при такой выборке тем более дают основание отмечать рост пролетарского сознания в собственно пролетарской массе.

По крайней мере, из наблюдения социологов, указавших на энергичное участие профсоюзного актива в протестных акциях, совсем не следует, что причиной высокой активности граждан за пределами предприятий является их участие в профсоюзной работе. Достаточно заметить, что сами же учёные ИС РАН указывают, что «выборные члены профсоюза и активисты чаще неактивных называют среди приемлемых для них форм переговоров с администрацией (на 4—10%) и митинги (на 11—12%), но реже — забастовки (на 4%). Среди мужчин заметно популярнее обращения в судебные инстанции, митинги и остановки работы. Молодые рабочие до 30 лет больше склоняются к обращениям в СМИ, забастовкам и остановке работы; работники старше 50 лет — к переговорам и митингам. Малообеспеченные (с доходом на члена семьи менее 5 тысяч рублей) являются сторонниками забастовок и остановок работы (на 2—14%)».

Безусловно заслуживает внимания вывод учёных: **«Таким образом, респонденты, не включённые в профсоюзную работу, настроены радикальнее остальных. Более радикально (на забастовки и остановку работы) настроены молодёжь и малообеспеченные респонденты... Руководители и работники с высоким доходом чаще выступают за переговоры с администрацией, рабочие за митинги, забастовки и остановки работы»** (выделено мной. — В.Т.)

Итак, в восприятии форм протеста против капитала выявились два полюса. Наёмные работники, склонные к социал-соглашательству, как и официальные профсоюзы, дальше митингов и пикетов в своём протесте идти не желают. Наоборот, наиболее эксплуатируемая часть трудящихся, в целом осознавшая свои классовые интересы, ориентируется не только на переговоры с администрацией, но и на давление на работодателей и служащую им администрацию. А наиболее сильной формой давления является стачка.

Здесь будет уместно вспомнить, что в объяснениях к первому подготовленному В.И. Лениным проекту программы социал-демократической партии значительное внимание уделено стачечному движению. «Каждая стачка сосредоточивает всё внимание и все усилия рабочих то на одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобраться, в чём состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приёмов борьбы» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 103).

Уже в этой работе молодого политика и мыслителя выделяются три ключевых идеи, заложенные в стачечной борьбе. Во-первых, во время стачки наёмные работники учатся «распознавать и разбирать один за другим приёмы капиталистической эксплуатации», соотнося их, с одной стороны, с законом и своими жизненными условиями, с другой — с интересами класса эксплуататоров. Во-вторых, «в этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его». И чем острее борьба, тем яснее осознаётся роль чувства пролетарской солидарности. В-третьих, «эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат» (там же. С. 104—105).

И здесь мы подходим к весьма существенному вопросу нарастающего протестного движения — к отношению работников наёмного труда к забастовкам. В исследовании социологов прямо поставлен вопрос: «Как вы относитесь к забастовкам?». Конечно, социологи в

предложенных вариантов ответов чутко улавливают запросы заказчика, коим выступает профсоюз. В этом пункте анкета направлена на то, чтобы частично затуманить проблему. Например, респондентам предложены два практически одинаковых варианта ответа: «Забастовка ничего хорошего не приносит ни рабочим, ни предприятию» и «Забастовка приносит мало пользы, зато много вреда». А главное: такие лукавства формируют негативное настроение у опрашиваемых к острым формам классовой борьбы. Тем не менее исследование даёт достаточно ясную картину. С одной стороны, около 60% работников горно-металлургического комплекса отвергают забастовку как средство защиты интересов людей наёмного труда. Такова сегодняшняя реальность, которую надо иметь в виду и самим пролетариям, и политикам социалистической ориентации.

В то же время каждый третий работник отрасли говорит, что бастовать приходится, так как к этому вынуждают, с одной стороны, работодатель и администрация, с другой — профсоюз, саботирующий защиту коренных интересов и прав наёмных работников физического и умственного труда. Ещё 12% респондентов уверены, что «надо чаще прибегать к забастовкам, это эффективное средство давления на работодателя, администрацию и властные структуры». Таким образом, более 40% пролетариев стоят на том, что в современных условиях усиления эксплуатации труда капиталом стачка становится необходимым и эффективным средством защиты интересов трудящихся.

Очень важно, что за последние 5 лет отношение к забастовкам заметно изменилось. А это — важный показатель роста классового сознания людей наёмного, эксплуатируемого труда. Если в 1999 и 2003 годах противников забастовочной борьбы набиралось до 78%, то сейчас их доля сократилась почти на 20%. Одновременно выросло число сторонников стачечной борьбы с капиталом. Если на рубеже XX и XXI веков оно колебалось в пределах 25—28%, то к 2011 году его прирост составил примерно 70%.

Не менее важно и то, что набирает силу чувство классовой солидарности. Труженикам горно-металлургического комплекса был задан вопрос: «Готовы ли вы ценой материальных издержек проявить солидарность с рабочими другого предприятия?». В 2003 году в каждой сотне опрошенных на 46 человек, говоривших «Да, готов/а», приходилось 50 ответивших «Нет». В 2011 году картина уже заметно изменилась. Теперь на 58 работников, проявляющих готовность к солидарности с бастующими трудящимися другого предприятия, противоположную позицию заняли 40 опрошенных. Соотношение изменилось в полтора раза в пользу осознания необходимости и заинтересованности людей труда во взаимной поддержке и взаимовыручке.

Но пора выяснить, что такое забастовка и отличается ли она чем-либо от стачки. Конечно, когда речь заходит о содержании слов, нельзя не заглянуть в «Толковый словарь великорусского языка» В.И. Даля. Но там оба слова толкуются своеобразно и несовременно. Слова «забастовка, забастование» разъясняются как «шабашенье, закончание, остановка, отказ продолжать что-либо». А когда речь заходит о стачке, то подчёркивается, что она образована от сугубо русских слов «стакаться», «стакнуться», то есть «прийти к соглашению, вступить в тайный сговор». Далее Даль расшифровывает само слово «Стачка»: «Круговая порука в нечистом деле, тайное условие и самый круг, обязавшийся поддерживать друг друга». Нет, для нашего случая Владимир Иванович всё-таки устарел.

Большинство толковых словарей русского языка обычно рассматривали забастовку и стачку как синонимы. Откроем, пожалуй, самый популярный словарь под редакцией С.И. Ожегова. В нём мы прочитаем: «Забастовка. Организованное массовое прекращение работы с целью добиться выполнения каких-нибудь требований; стачка». А открыв страницу со словом «Стачка», увидим: «То же, что забастовка». С.И. Ожегову вторит «Словарь русского языка в четырёх томах» под ред. А.П. Евгеньевой: «Забастовка. Организованное массовое прекращение работы, стачка», «Стачка. Организованное массовое прекращение работы; забастовка». Так же расшифровывают эти слова и другие словари. Несколько подробнее разъясняет «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова: «Забастовка. Коллективное прекращение работы с целью принудить предпринимателей к выполнению заявленных экономических требований или с целью принудить правительство, власть эксплуататорских классов к выполнению предъявленных политических требований». Но когда дело доходит до толкования стачки, то снова читаем: «То же, что забастовка».

Третье издание «Большой Советской Энциклопедии» сообщает, что забастовка — слово заезжее и происходит от итальянского и испанского «basta!», то есть «баста!, довольно!, хватит!». А затем растолковывает сразу забастовку и стачку, сообщая, что это — «одна из основных форм классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах, заключающаяся в коллективном отказе продолжать работу на прежних условиях». А когда берём том со словом «стачка», то нас отсылают к слову «забастовка».

Читатель может удивиться: какое отношение к нашей теме имеют эти филологические упражнения? К ним подтолкнуло современное российское законодательство. Оно признаёт лишь понятие «забастовка» и манипулирует только им. Все законотворческие манипуляции господ из

власти и «партии власти» имеют единственное направление — против класса наёмных работников физического и умственного труда.

В этом легко убедиться, проследив судьбу ст. 380 «Обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты» из Трудового кодекса РФ. Этот кодекс, как известно, был принят в конце 2001 года, когда в Государственной думе фракцией «единороссов» был совершён парламентский переворот, в результате которого коммунисты были отстранены от руководящих постов в думских комитетах и комиссиях, которые они прежде занимали в нижней палате. И всё же благодаря борьбе депутатов-коммунистов за права и интересы трудящихся в этой статье предусматривалось: «Работодатель, представители работодателя не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав. Преследование работников за использование ими допущенных законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается».

Однако 30 июня 2006 года, когда «Единая Россия» получила в Государственной думе конституционное большинство, в Трудовом кодексе были внесены принципиальные изменения. В частности, из ст. 380 было исключено второе предложение — о запрещении преследования. Обслуживающий интересы работодателей российский буржуазный парламент теперь **снял запрет на преследование капиталистами наёмных работников за использование ими допущенных законодательством способов самозащиты трудовых прав**. Трудно найти примеры подобного правового цинизма в мировой практике.

С целью ограничения прав работников наёмного труда буржуазная Госдума изменила почти все ключевые статьи Трудового кодекса, и прежде обслуживавшего интересы класса «стратегических собственников» и предпринимателей средней руки. После внесённых в 2006 году изменений в законодательство забастовка стала считаться законной лишь при выполнении длинного перечня трудновыполнимых условий. Среди них:

- обязанность предварительного проведения примирительных процедур;
- наличие кворума и принятие решения об объявлении забастовки квалифицированным большинством;
- обязанность принять решение о проведении забастовки тайным голосованием;
- принятие мер, обеспечивающих безопасность и предупреждение несчастных случаев;
- обеспечение выполнения минимума необходимых работ (ус-

луг) в случаях проведения забастовки в жизненно важных отраслях (службах) и т. д.

«Обобщая практику трудовых споров, — утверждает П.В. Бизюков в работе «Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений», — следует признать, что **сложившаяся система трудовых конфликтов, создана не для разрешения противоречий, а для подавления активности работников**. Работодателям это выгодно, так как это существенно уменьшает издержки. Но поддержание такой системы невозможно без участия государства и органов власти» (http://trudprava.ru/files/pub/bizukov_kak_zaschitit.pdf).

Введя понятие «законной забастовки», российское буржуазное государство коренным образом изменило её смысл. Вопреки декларациям, содержащимся в Конституции РФ (ст. 37), забастовка превратилась фактически в преступление, против которого власть капитала разработала жёсткую систему санкций. Российский рабочий лишён права говорить своим эксплуататорам-кровопийцам интернациональное «Баста!». Значит, придётся ему осваивать подзабытое чисто русское слово «стачка».

Давайте ещё раз обратимся к таблице 26. В ней среди приемлемых форм протестных действий рядом стоят «забастовка» и... «остановка работы». Причём забастовку в 2011 году считали наиболее эффективной формой борьбы 14% трудящихся горно-металлургической промышленности, а остановку работы — 11%. Выходит, речь идёт не об одном и том же. И это изначально понимали, с одной стороны, заказчик (горно-металлургический профсоюз России) и исполнитель исследования (учёные ИС РАН), когда указывали такие варианты ответов, с другой стороны, наёмные работники отрасли, когда отвечали на вопрос. Попытаемся и мы разобраться, в чём их различие. Для начала обратимся к официальным данным государственной статистики (см.: Российский статистический ежегодник. 2010. Статистический сборник. — М.: Росстат, 2010. С. 159). Они сообщают о ежегодном количестве состоявшихся забастовок (см. *таблицу 27*).

Таблица 27.

**Данные Росстата о числе забастовок,
зафиксированных государственными органами**

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число забастовок	8	17	291	80	67	5933	2575	8	7	4	10

П.В. Бизюков справедливо замечает: «Даже беглого взгляда на приведенные в таблице данные достаточно, чтобы понять, что они непригодны для анализа. Сначала забастовки исчисляются сотнями (2000 и 2001 гг.), затем десятками (2002 и 2003 гг.), потом тысячами (2004 и 2005 гг.), наконец в последнее время (2006—2009 гг.) — единицами. Видимо, существует только одно объяснение: такие скачки обусловлены изменением практики учёта забастовок. С 2006 г. стали учитываться только законные забастовки, при этом огромное количество забастовок и трудовых протестов, протекающих в других формах, из статистики выпали».

Исследователь приводит данные, собранные Центром социально-трудовых прав, о всех «остановках работы» (для их обозначения он использует понятие «стоп-акции»), имевших место в 2008—2010 годах (см.: http://trudprava.ru/files/pub/bizukov_kak_zaschitit.pdf). Они, хотя и мало меняют общую картину рабочего протеста, тем не менее заметно отличаются от информации Росстата (см. таблицу 28).

Таблица 28.

Сведения Центра социально-трудовых прав о стоп-акциях в РФ

	2008	2009	2010
Общее число стоп-акций	60	108	88
Среднемесячное число стоп-акций	5,0	8,8	7,3
Доля стоп-акций во всех протестных акциях, %	62,5	38,9	43,9

Если даже в стоп-акции включать все официально зарегистрированные забастовки, то обнаружится, что в их составе от 85% до 95% составят протестные акции, которые в исследовании учёных ИС РАН именуются «остановками работы». Почему сложилась такая ситуация? Политический ответ на этот вопрос очевиден: захвативший командные высоты в экономике и политике капитал заинтересован в том, чтобы лишить работников наёмного труда реального права на защиту своих прав и интересов.

Современный рабочий класс хорошо понимает, что в установленный Госдумой коридорчик законной забастовки, во-первых, трудно протиснуться, чтобы защищать свои права и интересы. Летом 2012 года «Правда» несколько раз информировала читателей об акции протеста омских расфасовщиц-мороженщиц. Суд отказался признавать остановку ими работы в качестве забастовки. Приведённые выше данные о стоп-акциях свидетельствуют о том, что подобная ситуация во всей стране.

Во-вторых, в реальной жизни при фактическом отсутствии законных забастовок растёт число забастовок «незаконных», то есть, если следовать российским юридическим канонам, — «незабастовок», так как суды в соответствии с действующим законодательством их забастовками не признают. Организованные рабочие требуют отменить законы, ограничивающие проведение забастовок. Именно такое решение было принято, например, на съезде Совета рабочих города Москвы в 2012 году. Но реалии таковы, что каждое новое изменение, вносимое в Трудовой кодекс, приводит лишь к сужению возможностей рабочих защищать свои права и интересы. Однако законы, принимаемые буржуазным парламентом, не в состоянии остановить гражданское возмущение пролетариев. Оно требует борьбу действием. Значит, нужны боевые понятия.

Ясно, что «стоп-акция» не из этого ряда. Никакие Советы рабочих комитетов никогда не поднимут лозунг «Начнём подготовку к проведению всероссийской стоп-акции!». Это понятие годится для статистики, но не для классовой борьбы, в которой должны участвовать миллионы.

Значит, российскому пролетариату уже на нынешней стадии становления борьбы за свои интересы целесообразно взять на вооружение испытанную в классовых битвах стачку. Кто-то возразит: это игра в слова. Но, во-первых, слова обозначают реальные предметы и явления. И в русской истории стачка была даже более эмоционально заряженным понятием, чем понятие «забастовка», которое теперь к тому же обгадила антинародная власть. Во-вторых, слово является серьёзным оружием в классовой борьбе, уже потому, что оно способно стать лозунгом и вести за собой массы.

Но капиталисты и их государство развели эти слова-понятия. Забастовка стала формой протеста, огороженной частоколом параграфов буржуазного законодательства. Стачка же остаётся (воспользуемся, пока остаётся) не занесённой в узенькие для пролетариев физического и умственного труда коридоры буржуазного права. Речь идёт не о самообмане, а о пролетарской готовности к защите интересов человека труда. Водораздел вполне определённый. Кто не хочет выходить за рамки буржуазного жизнеустройства, тот по-прежнему будет ориентироваться на «законную забастовку». Кто жаждет вырваться из рамок капиталистической кабалы, тот будет ориентироваться на стачку.

Нет, это не игра в слова. Это одно из наглядных проявлений уровня классового сознания работников наёмного труда. Общественное сознание эксплуатируемых масс не избавится от пресса буржуазных канонов, пока эти массы не преодолеют в себе привычку смотреть на мир глазами тех норм и стандартов, которые навязал его

препохабие капитал. Узенькие коридорчики Трудового кодекса для того и сочиняются, чтобы держать трудящегося человека на цепи привязного содержания.

Если мы, коммунисты, зовём порвать эту цепь, то, как указывал В.И. Ленин, задача Компартии помочь «в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 105*). Для этого надо, учил Владимир Ильич, содействовать организации рабочих. «Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести её, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих...» (там же). Ясно, что всему этому надо учиться, а пролетариату — прежде всего у В.И. Ленина: более мудрого учителя у пролетариев пока нет.

К тому же когда оппозиционные политики слишком низкопоклонски ссылаются на параграфы буржуазного закона, вспоминается один фрагмент из продолжительной беседы И.В. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом в декабре 1931 года. Когда разговор коснулся отношения к буржуазной законности, Сталин рассказал одну историю: «Когда-то в Германии очень уважали законы. В 1907 году, когда мне пришлось прожить в Европе 2–3 месяца, мы, русские большевики, нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форштанд назначил на определённый день и час какую-то демонстрацию, на которую должны были прибыть члены делегации со всех пригородов, то группа в 200 человек из одного пригорода, хотя и прибыла своевременно в назначенный час в город, но на демонстрацию не попала, так как в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не решалась его покинуть: отсутствовал контролёр, отбиравший билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали шутя, что понадобился русский товарищ, который указал немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов...» (*Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 122*).

Впрочем, машинист «Нил» из пьесы М. Горького «Мещане» эту же ключевую мысль выразил компактнее: «Права не дают — права берут».

Политическая обстановка в России получила толчок к кардинальному изменению. Вот факты.

Первый. **Обнищание масс, продолжающееся уже 20 лет и усиленное кризисом, является научно установленным фактом.** К тому же в последние годы оно приобрело существенную, уникальную особенность: основную массу самых бедных слоёв населения составляют уже не пенсионеры, а наёмные работники. Учё-

ные ИСЭПН РАН такого противоестественного положения не обнаружили ни в какой другой стране планеты.

Второй. **Резко возросла активность масс.** Подтверждением этого стали выборы депутатов Государственной думы и президента РФ. Активность проявилась не в явке, а в гражданской позиции тех, кто пришёл на избирательные участки, и тех, кто пошёл на митинги против фальсификации народного волеизъявления. Эти акции стали надпартийными: значительная часть их участников пришла не по призыву партий, а под влиянием Интернет-сетей, которые пока ещё партиями не оседланы. Заметно заявила о себе считавшаяся прежде пассивной молодёжь.

Третье. **«Низы» не хотят жить по-старому.** Этим вызваны и общепризнанный рост общественно-политической активности, и готовность тех, кто прежде часто уклонялся от голосования, теперь участвовать в выборах.

И уже, оценивая политическую ситуацию в России начала 2012 года, аналитики разных направлений, в том числе решительно отторгающие коммунистическую идеологию, вспоминают известное теоретическое открытие В.И. Ленина из его знаменитой статьи «Крах II Интернационала». В ней великий революционер писал: «Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибёмся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде своё господство; тот или иной кризис “верхов”, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетённых классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется ещё, чтобы “верхи не могли” жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетённых классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в “мирную” эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, **так и самими “верхами”**, к самостоятельному историческому выступлению» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218*).

Всё сильнее проявляется **неспособность «верхов» управлять по-старому.** Думские и президентские выборы явно создали трещину, в которую прорывается массовое недовольство и возмущение. И всё же это можно списать на эмоции, на наэлектризованность толпы. Но вот рациональные точные аргументы:

1. Ещё до выборов **Кремль и «Белый дом» признали ненадёжность созданной ими вертикали.** Более чем в половине регионов «паровозами» на думских выборах у «партии власти» были члены

правительства РФ и другие федеральные чиновники. Многие губернаторы, которые на прежних подобных выборах возглавляли партийные списки кандидатов «Единой России» в региональных группах, на этот раз были отстранены Кремлём от «почётной роли».

Для удержания власти потребовалось новое политическое образование под лукавым названием «Общероссийский народный фронт» (ОНФ). Правда, В. Путин в этом лукавстве не первопроходец. На рубеже 80-х и 90-х годов антисоветские силы тоже часто именовали свои структуры «народными фронтами». Но изначально это высокое имя носили антифашистские объединения, более того — силы, ориентированные на социализм. Состоявшийся в 1935 году VII конгресс Коммунистического Интернационала, одобрив доклад Георгия Димитрова, придал именно тем, антифашистским, устремлённым к социализму, Народным фронтам своеобразную историческую святость, сакральность. Если власть идёт под чужим флагом, она, как правило, уже не способна «управлять по-старому».

Но сегодня заслуживают внимания не только лукавство и плагиат, связанные с созданием ОНФ, но и неспособность власти управлять, используя «традиционные» рычаги «Единой России», партии крупного и среднего капитала. Образование ОНФ свидетельствует о кризисе власти уже потому, что она вынуждена привлекать «дополнительные» массы к политической активности. Массы, на которые она не надеется. А массы начали действительно проявлять активность без всяких приглашений. И обстановка накалилась.

2. Уровень фальсификации результатов голосования вышел за рамки буржуазной демократии. На предыдущих выборах нарушения носили тоже массовый характер. Достаточно вспомнить 600 тыс. голосов, «отнятых» в Татарстане на президентских выборах 1996 года у Г.А. Зюганова и «приписанных» Б.Н. Ельцину. Этот факт был подтверждён в судебном порядке — правда, почти через три года после выборов. Но нынче вбросы и «перекладывания» бюллетеней носили настолько бесцеремонный характер, что в печати публикуются даже фотокопии протоколов, демонстрирующих вбросы пачек бюллетеней. **Буржуазная демократия всё очевиднее перестаёт быть политическим инструментом реставрации капитализма в России.** Среди либералов ширится число сторонников возвращения в избирательное законодательство имущественного ценза.

3. Недовольство фальсификацией волеизъявления избирателей наблюдается даже в президентских структурах. Так, Совет при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека выступил с «Заявлением по поводу нарушения избирательных прав и митинговой активности». В нём говорится: «Фальсификато-

ры должны предстать перед судом, поддельные протоколы избирательных комиссий — признаны недействительными, а бюллетени, ставшие орудием преступления, — пересчитаны. Если допущенные нарушения не позволят с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, необходимы повторные выборы». Но это не всё. Лидер избирательной кампании «Единой России» президент РФ Д.А. Медведев призвал пересчитать голоса всюду, где есть сомнения в правильности объявленных результатов. Так растерявшийся президент даёт противоправные указания, ибо после объявления Центризбиркомом окончательных результатов их отменить, по закону, может только суд. Это всё — признаки того, что **власть запуталась в собственных действиях**.

Таковы некоторые проявления неспособности нынешней власти «сохранять в неизменном виде своё господство». Это не означает, что революционная ситуация постучится в дверь в ночь с завтра на послезавтра: история — не стрела Невского проспекта. Но даже если постучится, то будет ли дверь сразу приветливо распахнута...

В.И. Ленин отмечал: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации», однако «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного **класса** на революционные **массовые** действия...» (там же. С. 218—219).

Роль революционного класса по-прежнему по плечу только пролетариату. Но сегодняшний российский рабочий класс — в клубке противоречий. Тут и межотраслевые, и межрегиональные противоречия, и противоречия, связанные с тем, принадлежит ли предприятие государству или частнику, отечественным предпринимателям или иностранному капиталу... Каждый из этих факторов влияет на непосредственную жизнь труженика и его семьи, в том числе потому, что при одинаковых трудозатратах и квалификации получаемая зарплата порой различается в разы. И здесь личный, частный интерес работника весом и серьёзен. Он порой становится рассадником социального эгоизма и ложится поперёк пролетарской солидарности. Но всё это происходит только до тех пор, пока человек не осознает, что за каждым его интересом кроется антагонизм труда и капитала.

Исследование «ГМПР: развитие в условиях кризиса, модернизации и стабильности», проведённое по заказу горно-металлургического профсоюза России, показало не только классовое взросление российского пролетариата. Класс наёмных, эксплуатируемых работников был не единодушен и тогда, когда речь заходила об отно-

шении к общественно-политическим реалиям и о вытекающей из него потребности в общественной активности. Напомним показатели, характеризующие гражданскую позицию трудящихся горно-металлургической промышленности.

Первую группу составили работники, которые готовы отстаивать свои интересы акциями действия — прежде всего забастовками и остановкой работы. В 2011 году их доля достигла 25%. Существенно, что эта группа с каждым годом увеличивается.

Вторая группа — это те, кто готов защищать свои интересы в рамках, которые установили соглашательские профсоюзы. Представители этой группы намерены ходить на митинги, которые организуют боссы официальных профсоюзов, пишут письма в СМИ, депутатам, правительству, президенту. Иначе говоря, они совершают действия, которые в целом не угрожают их благополучию, но и, как правило, дают минимальный результат. В эту группу входит, по данным опроса, 10—12% респондентов.

К третьей группе можно отнести работников, которые во имя собственных интересов и интересов своих товарищей способны только просить. Их участие в коллективных действиях ограничивается только переговорами с администрацией тех предприятий и организаций, в которых они работают. Таковых оказалось 40—45% опрошенных.

Наконец, в четвёртую группу правомерно включать тех, которые не участвуют и не хотят участвовать ни в каких протестных акциях. Доля «довольных» в 2011 году, по данным социологов, едва превышала 20%.

Эти четыре группы выделены по их отношению к общественной активности, направленной на защиту собственных прав и интересов. Исследователи ИС РАН предложили другую классификацию опрошенных. В её основе лежит тоже их общественная деятельность. Но, во-первых, классификация социологов учитывает, в первую очередь, мотивы участия респондентов в протестных и иных проявлениях общественной активности, во-вторых, при оценке мотивов поведения учитывается деятельность преимущественно в рамках профсоюзной организации. Предложенная социологами классификация интересна уже тем, что она была использована в их эмпирическом исследовании.

Учёные ИС РАН дают следующую типологию участников исследования: 1) «рациональный» тип поведения членов профсоюза (наёмных работников); 2) «организационный» тип; 3) «традиционный» тип; 4) «инерционный» тип. Каждому из них они дают следующую характеристику.

«Рациональный» тип участия в общественной деятельности ориентирован «на защиту социально-экономических прав работника: сохра-

нение уровня заработной платы, противодействие необоснованному увольнению, другим возможным формам произвола со стороны администрации». Фактически речь идёт о группе сознательных участников экономической борьбы за классовые интересы пролетариата. Правда, сами социологи рассматривают их роль уже, сводя её к «пониманию роли современного профсоюза в системе трудовых отношений, его задач и функций» и отмечают у работников, относящихся к этой группе, «рациональное отношение к профсоюзу и членству в нём». К этому типу социологи отнесли 30% участников проведённого ими опроса работников горно-металлургической промышленности.

Есть основания считать, что «рациональное отношение» у работников этого типа проявляется ко всем общественным структурам общества. Более того, речь скорее идёт здесь даже не о «рациональном» (в смысле «расчётливом»), а о сознательном отношении к общественным процессам и своему участию в них, об осознании своей принадлежности к пролетариату и пониманию своих не только индивидуальных, но и классовых интересов. Именно представители «рационального» типа готовы не просить у собственника, а добиваться своих прав и интересов конкретными действиями, включая такие «радикальные», как забастовки и остановка работы. В 2011 году в них готовы были участвовать, по данным ИС РАН, 25% опрошенных работников горно-металлургической промышленности.

Второй, **«организационный»** тип исследователи характеризуют тем, что его представителям «важно чувство причастности к организации, а другие мотивы не имеют значения». Исследователи отнесли к этому типу 48% респондентов. Очевидно, к этому типу относятся как «довольные» своей сегодняшней жизнью, так и те, кого можно отнести к «недовольным просителям». В пользу такого вывода говорит и утверждение социологов, что «статусные профсоюзные позиции заняты прежде всего представителями организационного типа». О том, что лица, занимающие такие «позиции» склонны к социал-соглашательству, мы уже подробно показали.

Третий тип участия в общественной жизни определён социологами как **«традиционный»**. В него включены члены профсоюза, которые «видят в нём источник получения льгот, материальной помощи и других благ». К этому типу отнесён каждый десятый опрошенный. Авторы аналитического доклада «ГМПР: развитие в условиях кризиса, модернизации и стабильности» при этом берут на себя смелость утверждать, что работники этого типа «придерживаются характерного для прежних лет видения роли профсоюза». Действительно, советские профсоюзы активно участвовали в распределении общественных фондов потребления. Но не менее значимой бы-

ла их роль в организации социалистического соревнования, в обеспечении техники безопасности и охраны труда. Нынешние официальные профсоюзы чужды подобных проблем. Не случайно в этом исследовании вопрос о том, «каковы, на ваш взгляд, основные пути повышения производительности труда», выглядит инородным.

Усечённое представление о роли профсоюзов, «характерной для прежних лет», присуще, естественно, молодёжи. И социологи отмечают: «Видимо, до определённого возраста молодёжь преимущественно рассматривает профсоюз не в качестве института представительства (?) и защиты своих социально-трудовых прав, но скорее как источник разного рода социальных льгот». Беда в том, что сегодня в трудовых коллективах нет ни одной организации, которая заботилась бы о повышении общественной активности молодёжи, а официальные профсоюзы в этом не заинтересованы, так как энергия молодёжи может подтолкнуть её к выбору активных, радикальных форм отстаивания своих прав и интересов. Исследователи фактически подтвердили это предположение, отметив, что после 30 лет «около трети молодёжи вряд ли проявляет особую активность». Выходит, повзрослев, две трети работников начинают более энергично защищать свои интересы, что при определённых условиях могли бы делать и раньше.

Наконец, четвёртый, «**инерционный**» тип общественной активности работников. Его «олицетворяют люди, которые особенно не задумываются над причинами своего пребывания в профсоюзной организации, находятся в ней исключительно по привычке». Такими социологи считают 12% респондентов. Их «инерционное» отношение к профсоюзам совсем не означает, что они безразличны к своим правам и интересам. Просто они в этой сфере пока инерционны, то есть проявление их недовольства не выходит за «офлажкованное» профсоюзами пространство.

Охарактеризовав типы активности, исследователи ИС РАН делают вывод: «Главный результат и хорошая новость в том, что сохраняется положительная динамика качественного роста профсоюза». В этом с ними можно согласиться, если они имеют в виду существенный рост доли работников «рационального» типа. Во время исследования 2003 года социологи зафиксировали наличие 19% таких респондентов, через 4 года — 27%, а во время прошлогоднего опроса — уже 30%.

Социологи ИС РАН удачно начали характеристику гражданского поведения выделенного ими «рационального» типа участников коллективных способов защиты своих профессиональных и классовых интересов с оценки ими получаемой зарплаты. Металлургов и гор-

няков попросили оценить значение разных факторов на размер получаемой ими заработной платы. Можно предположить, что при выборе факторов, влияющих на зарплату наёмных работников, исследователи решали прагматические задачи: стремились указать заказчику (горно-металлургическому профсоюзу) те «узкие места», которые необходимо если не «расшить», то обратить на них внимание. Посмотрим оценку выделенных социологами факторов, влияющих на зарплату, в динамике.

Самым существенным фактором, определяющим размер заработной платы, во время всех опросов, проводимых ИС РАН в горно-металлургической промышленности с 1999 года, наёмные работники называют результаты работы предприятия. Но при этом, по данным опросов всей совокупности респондентов, трудно сказать, как меняется весомость этого фактора во времени: он «прыгает», находясь в зависимости от «субъективных» особенностей отвечающих индивидов. «Пляшущая» динамика обнаружилась и при оценке зависимости заработной платы от непосредственного начальника.

Зато опрос показал, что, по мнению респондентов, размер получаемой наёмными работниками заработной платы всё в большей степени зависит от «активности профсоюза», то есть его способности защищать интересы трудящихся, от «результатов деятельности моего коллектива» и «результатов моей личной работы». Если анализировать мнение всех опрошенных, то они убеждены, что за последние 4 года размер заработной платы резко (доля указавших этот фактор увеличилась в 2,25 раза) попал в зависимость от «экономического положения страны». Возможно, советы директоров компаний заинтересуются данными опроса, хотя столь же вероятно, что на динамику ответов на вопрос, от чего зависит зарплата наёмных работников, они вообще не обратят никакого внимания.

Мы же посмотрим на данные социологического опроса под иным углом зрения. Указанные в анкете факторы влияния на размер заработной платы можно разделить на три группы. Первую группу образуют факторы, отражающие влияние собственников компаний на зарплату наёмных работников («работа предприятия»; «активность профсоюза, сотрудничающего с работодателем»; «поведение непосредственного начальника»); во второй группе собраны факторы, отражающие влияние государственной власти на зарплату нанимаемых собственниками трудящихся («экономическое положение страны», «решения органов власти»); в третьей — личная трудовая активность работника и его ближайшего окружения на производстве («результаты личной работы», «результаты деятельности моего коллектива»). Воспользовавшись такой группировкой факторов,

влияющих на заработную плату, сравним оценки работников с разными типами общественной активности: «рациональным» (РТ), «организационным» (ОТ), «традиционным» (ТТ), «инерционным» (ИТ). Их оценки представлены в *таблице 29*.

Таблица 29.

Оценка факторов, влияющих на зарплату

Факторы, влияющие на зарплату	РТ	ОТ	ТТ	ИТ
Работа предприятия	75	71	65	54
Активность профсоюза	30	21	10	10
Результаты деятельности моего коллектива	26	20	10	14
Результаты моей личной работы	25	24	18	18
Влияние непосредственного начальника	24	25	27	31
Экономическое положение страны	16	18	25	15
Решения органов власти	11	10	14	15
Другие обстоятельства	8	9	17	10
Затруднились ответить	5	5	8	12

Из таблицы видно, что наёмные, эксплуатируемые работники, осознанно относящиеся к своей общественной активности («рациональный» тип), считают главным фактором, определяющим уровень оплаты труда, капиталистическое жизнеустройство. И этим они решающим образом отличаются от работников других типов, включая «организационников», которые часто находятся в тесной связи если не с работодателями, то с формируемой ими администрацией. Особенно велико различие людей, осознанно относящихся и к своей общественной позиции, и к мотивации своего труда, от тех, кто продолжает до сих пор относиться к общественному мироустройству «по старинке» (на языке социологов, «инерционный» тип отношения к общественной работе). Работа предприятия определяется, безусловно, интересами владеющего им собственника. Он устанавливает правила назначения заработной платы, его воле и классовым интересам подчинены и администрация, и карманный официальный профсоюз. Работники «рационального» типа считают, что солидарность трудящихся в отстаивании своих прав и интересов способна серьезно влиять не только на личный заработок, но и на систему оплаты труда. Нежелание же шмаковско-исаевских профсоюзов выполнять свои исконные функции тем более делает профсоюзы фактором, влияющим на заработную плату наёмных работников. Но влияние это, при всей его масштабности, негативное.

Ещё большей определённой отличается оценка работниками «рационального» типа от оценок коллег, которые нерационально или иррационально мотивируют своё участие в общественной жизни, когда дело касается влияния непосредственного начальника на оплату их труда. Действительно, именно с ним рабочий постоянно общается, в нём видит представителя администрации, который в одних ситуациях бывает душевным, а в других — бездушным. Поэтому и оценка зависимости оплаты труда от непосредственного начальника за последние 12 лет была неустойчивой, «прыгающей». Например, по сравнению с 2007 годом она выросла в 1,5 раза, но при этом мало отличалась от показателя, зафиксированного социологами в 2003 году.

Как видно из исследования, работники «рационального» типа убеждены, что заработная плата не может не быть связанной с результатами их личной работы и результатами первичного производственного коллектива, в котором они трудятся. И эта убежденность у работников данного типа явно глубже, чем у представителей других выделенных социологами типов.

Наконец, работники «рационального» типа не считают, что государство играет заметную роль в решении вопросов, касающихся уровня заработной платы на предприятиях, находящихся в частной собственности (в горно-металлургической промышленности практически все предприятия были приватизированы ещё в 90-е годы). И этому есть чёткие объяснения. Во-первых, государство отказалось от какой-либо ответственности в «контроле меры труда и потребления», то есть оно не считает нужным сколько-нибудь вмешиваться в регулирование как цен на потребительские товары, так и оплаты труда.

Во-вторых, принимая законы, которые хоть как-то связаны с оплатой наёмного труда, государственная власть полностью стоит на стороне капитала. Именно поэтому минимальный прожиточный уровень определяется минимальными физиологическими потребностями человека, а минимальная заработная плата учитывает не стоимость рабочей силы, а установленный прожиточный минимум только самого работающего человека. Другим убедительным подтверждением обслуживания современным российским государством интересов крупного и среднего капитала является система налогообложения. Так называемый плоский подоходный налог с физических лиц означает, что все, кто получает зарплату, независимо от её размера, платят 13% в пользу государства. А с доходов от частной собственности и предпринимательской деятельности капиталистов, включая получаемые ими дивиденды, государство взимает только 9%.

В-третьих, самая низкая в стране оплата труда у бюджетников, то есть у той части рабочей силы, которую нанимает государство, чтобы выполнить свои конституционные обязанности перед гражданами.

Выходит, абсолютное большинство работников «рационального» типа, поняв, что государство отказалось контролировать оплату труда, считает, что оно тем самым не может существенно влиять на заработную плату наёмных работников. Социологическое исследование убеждает, что «рациональный» тип наёмных работников более полно, по сравнению с остальными пролетариями, осознаёт свои классовые интересы и наиболее готов их защищать.

Но исследование ИС РАН, проведённое в горно-металлургической промышленности, оказалось (скорее всего, помимо воли его авторов) убедительным подтверждением правоты ленинских идей. На старте прошлого века, когда российское рабочее движение тоже находилось в стадии становления, В.И. Ленин писал: «Для социалиста экономическая борьба служит базисом для организации рабочих в революционную партию, для сплочения и развития их классовой борьбы против всего капиталистического строя. Если же брать экономическую борьбу как нечто самодовлеющее, то в ней нет ничего социалистического, и опыт всех европейских стран показывает нам массу примеров не только социалистических, но и противосоциалистических профессиональных союзов» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 318*).

До чего же актуально это ленинское положение! Как точно оно характеризует нынешнюю ситуацию! Официальное объединение российских профсоюзов выступает не только как откровенно противосоциалистическое, но и саботирует экономическую борьбу наёмных работников. Становится всё очевиднее, что без внесения социалистического сознания в формирующееся рабочее движение ему грозит долгое гниение. А исторический опыт убеждает, что в российских условиях развёртывание экономической борьбы может одновременно сопровождаться политическим наступлением пролетариата.

Исследование ИС РАН даёт возможность попытаться выяснить, есть ли на современном этапе реставрации капитализма в России возможность соединения классом наёмных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда экономических и политических форм борьбы. С одной стороны, в условиях экономического кризиса трудящимся становится всё очевиднее, что в обществе экономическое развитие лишь подменяется его симуляцией. Но у проблемы есть и другая сторона: готовы ли рабочие в нынешних условиях к политической борьбе против всевластия частной собственности? Думается, ответы на вопрос социологов о партии, которая несёт с точки зрения наёмного тру-

да наиболее правильные идеи, позволяет сориентироваться в политических настроениях пролетариата современной России.

Социологи поставили вопрос так, чтобы отвечающий размышлял не о своём электоральном поведении, а сопоставлял своё видение классовых интересов с идеологией и политикой реально функционирующих партий. При этом есть возможность видеть динамику политических симпатий наёмных работников.

Начнём с того, что у нас нет оснований самообольщаться насчёт высокой политической активности класса наёмных работников. Да, доля людей, утверждающих, что они не поддерживают ни одной политической партии, по сравнению с 2003 годом, сократилась вдвое. Но, во-первых, грустно от абсолютных значений, полученных в ходе опроса. В 2003 году высказывали безразличие (не электоральное, а сущностное) к идеям политических партий 60% опрошенных наёмных работников горно-металлургической промышленности, а в 2011 году, после двукратного сокращения, «безразличных» осталось целых 30%. И, во-вторых, при сокращении доли тех, кто «не поддерживает никакую партию», существенно увеличилась доля респондентов, которые «затруднились ответить» на вопрос о том, идеи какой партии им ближе. Едва ли можно списать затруднения ответить на вопрос только боязнью репрессий со стороны администрации предприятий за симпатии к оппозиции. Впрочем, и этот фактор нельзя полностью исключать.

Однако на нынешнюю ситуацию следует, видно, посмотреть под другим углом зрения: опрос позволяет увидеть существование в современном российском пролетариате его политического авангарда. В самом деле, разве можно расстраиваться, что каждый второй пролетарий России сориентировался в политическом пространстве нашего общества? Пожалуй, ситуация может даже вызвать чувство исторического оптимизма. Более того, идеи «партия власти» за последние четыре года потеряли 15% поддержки в среде наёмных, эксплуатируемых работников России. В 2007 году её позицию считали правильной 36% рабочих, специалистов и служащих, а в 2011 году — лишь 21%. Отношение к идеям остальных парламентских партий остаётся стабильным: с КПРФ связывают исторические перспективы нашего общества 14—15% участников опроса, с партией «Справедливая Россия» — 7%, с ЛДПР — 6%. Что касается праволиберальной оппозиции во всех её разновидностях, то её идеи привлекательны для 3% наёмных работников. Причём доля тех, кто ей симпатизирует, с каждым опросом падает.

Однако особый интерес представляет оценка ведущих партий России в зависимости от типа общественной активности работников.

При этом социологи сопоставляли уже не отношение к идеологическим концепциям (точнее: к представлениям об этих концепциях), а электоральные предпочтения. В результате обнаружилось, что **самая привлекательная динамика у КПРФ: она более всего соответствует классовым интересам значительной части наёмных работников физического и умственного труда** (см. таблицу 30).

Таблица 30.

**Электоральные предпочтения в зависимости
от типа мотивации общественной активности,
% опрошенных**

	Все		РТ		ОТ		ТТ		ИТ	
	2007	2011	2007	2011	2007	2011	2007	2011	2007	2011
Ед. Россия	42	25	41	26	48	30	45	31	36	17
КПРФ	14	15	15	17	13	15	11	9	17	14
ЛДПР	8	8	10	8	6	6	9	8	8	7
СР	6	9	8	11	6	9	3	8	3	4
Яблоко	1	1	2	2	1	1	1	0	1	1
Патриоты Р.	0,3	1	1	1	0	1	2	1	...	1

Результаты электоральных предпочтений, полученные исследователями ИС РАН, оказались весьма выразительными. Прежде всего они свидетельствуют о резком (как минимум полуторакратном) падении авторитета «Единой России» среди работников наёмного труда. Не собрали для себя лавров и либеральные силы. Авторитет «Патриотов России» в среде наёмных работников также находится на уровне статистической погрешности. Не прибавилось в пролетарской среде влияния и у ЛДПР. Это легко объясняется тем, что перечисленные политические силы усердно служат буржуазному строю. Даже на словах дистанцирующиеся от капитализма «Патриоты России» на деле являются приверженцами косметического ремонта антинародного режима.

Опрос убедительно продемонстрировал сдвиг влево пролетарских масс. Его обеспечили в первую очередь работники «рационального» типа, которые подходят наиболее осознанно к общественно-политическим процессам в стране. При этом логично допустить, что «Справедливая Россия» для трудящихся на современном этапе выполняет роль своеобразного буфера на пути россиян от поддержки «партии власти» к поддержке КПРФ. Как следует из результатов, полученных исследователями ИС РАН, среди наёмных

работников физического и умственного труда складывается определённое равновесие между сторонниками существующего режима и его оппонентами. Впрочем, ещё существеннее не сегодняшнее состояние, а динамика процесса. А она ещё раз подтверждает, что страна является свидетелем превращения протестного движения в классовую борьбу между трудом и капиталом.

В складывающихся общественно-политических условиях остро встаёт новая проблема: требуются пролетарские вожаки. В поисках их не будем кивать на исторические примеры: они были порождены другой эпохой. Но как бы ни менялись эпохи, для защиты интересов и прав наёмных работников физического и умственного труда в их противостоянии с толстосумами-эксплуататорами всегда будут нужны пролетарские вожаки. Бабушкины и Заломовы, Калинины и Ворошиловы современной эпохи. И не потому, что почётно встроиться в один ряд с ними.

Там, где появляется трудовой конфликт, неизбежна солидарность тех, кто трудится рядом. А это — зачатки классовой борьбы, стянутой воедино общим интересом, общим супостатом, пролетарским единодействием и солидарностью. Как только встаёт вопрос о единодействии, требуется координация поступков, инициатив, объединяющих идей, лозунгов. Следовательно, нужны вожаки. Пролетарские вожаки. Пролетарские по своей сущности, то есть способные устоять против буржуазных соблазнов — привилегий, почитания, стремления возвыситься над массой своего класса, жажды бронзового многопудья и мраморной слизи... Да разве все соблазны перечислишь...

Пролетарские вожаки вырастают обычно не в кабинетах, а в гуще борьбы за интересы униженных и эксплуатируемых. В среде наёмных работников, потому что именно в ней сейчас идёт выделка и закалка будущих бескорыстных борцов за социализм. Да, в этом утверждении есть и мечта, и надежда, и исторический оптимизм. Но он покоится на объективных, материалистических основаниях, которые не из пальца высасываются, а вытекают из нынешних реальных процессов.

Учёные ИС РАН совершили большой научный и гражданский прорыв, поставив в своём социологическом исследовании вопрос о вожаках, которых ныне стало модно именовать на англо-американский манер лидерами. Шут с ним, лидеры так лидеры. Если, конечно, они из пролетарского теста.

Самый главный вопрос дня поставлен в лоб: «Есть ли лидер в вашем коллективе?». В 2007 году не желали на него отвечать или затруднялись с ответом 28% респондентов, спустя четыре года —

26%. Что это — статистическая погрешность или тенденция? «Нет» тоже стало говорить на 2% меньше. А наличие лидера признавали перед началом экономического кризиса 58%, а в 2011 году — 61%. Похоже, становление лидеров в рабочих коллективах можно воспринимать как осторожно пробивающую себе дорогу тенденцию. Хотя сдвиги тоже на воробыный скок. Но когда из каждых трёх человек два говорит, что в коллективе есть лидер, то отмахиваться от таких заявлений не стоит.

Да, в современной России представление о лидерах во многом деформировалось, ими стали называть столоначальников. Восшествовал человек по велению президента на пост губернатора — и тут же, оказывается, стал сразу «лидером региона». Облапошил менее расторопных соперников и захватил компанию — готовы сразу назвать лидером. И так почему-то повсюду. А кого лидерами считают на предприятиях? Социологи ИС РАН тоже этим заинтересовались и задали работникам горно-металлургической промышленности вопрос: «Если такой лидер есть, то какую позицию он занимает?».

Воистину, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. А тут ещё ненавязчиво побуждают следовать моде. Вот и вышел на первую лидерскую позицию председатель профкома. Так в 2007 году заявили 32%, а в прошлом — и того больше, 37%. Поскольку инициаторами опроса были профсоюзные боссы, то неудобно удивляться такому результату. По их логике на втором месте должен быть руководитель подразделения (цеха, отдела, на худой конец, группы или участка). Соответствующий результат и был получен при анкетировании: 14% так писали в анкетах в 2007 году, 17% — через 4 года. Трудно тут установить, были названы вожаки или столоначальники. В принципе-то эти роли могут совмещаться.

И всё же следующие позиции куда интереснее. Их заняли председатель профсоюзной ячейки и рядовой сотрудник, рабочий. Строго говоря, председатель ячейки — тот же рядовой сотрудник или рабочий, только с профсоюзной нагрузкой. Так вот этих «рядовых» в 2007 году считали своими лидерами 15% опрошенных, а в прошлом году — уже 22%. Вот эта тенденция уже существенна! Даже если масштаб коллектива, который за каждым из них идёт, невелик. Всё равно: они — вожаки. У них есть замечательные перспективы роста. Они могли бы стать, должны стать надёжной опорой Коммунистической партии. Но процесс сближения здесь может быть только взаимным.

На каком основании можно говорить об их перспективности? Во-первых, в категорию лидеров они попали не в силу занимаемого кресла. Во-вторых, требования к вожакам, которые предъявляют

пролетарии физического и умственного труда, весьма серьёзные. Вот результаты социологического опроса (см. таблицу 31).

Таблица 31.

Качества, необходимые лидеру

	2007	2011
Решимость в отстаивании интересов людей	54	61
Авторитет	43	67
Чувство справедливости	59	44
Чувство ответственности	37	53
Умение считаться с мнением людей	33	36
Честность	32	28
Умение находить общий язык с администрацией	31	39
Умение увлечь людей, развить инициативу	30	30

Примечателен не только набор качеств, необходимых, по мнению наёмных работников, их лидерам. Не менее существенно и то, что требования масс возрастают. Зримее всего становится требование пролетариев к таким качествам, как авторитет (за четыре года повышение требований к этому признаку составило 24%), чувство ответственности (прирост требовательности к нему 16%) и решимость в отстаивании интересов людей (прирост за четыре года на 7%).

Верно, что эти требования пока не перевоплощаются в реальное умение возглавить трудящихся и повести на решительную защиту их классовых интересов. Но подвижки начались. А В.И. Ленин в пору, когда только зарождалось рабочее движение в России, писал: «Движение низов поднимает революционную силу; оно поднимает такую массу народа, которая, во-первых, способна произвести настоящую ломку всего гнилого здания и которая, во-вторых, никакими особенностями своего положения не привязана к этому зданию... В силу этого самое маленькое движение пролетариата, как бы скромно оно ни было вначале, из какого бы мелкого повода ни исходило, неминуемо грозит перерасти свои непосредственные цели и стать непримиримым, разрушительным для **всего** старого строя» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 196). Не забудем эту чрезвычайно актуальную для бегущего дня мысль. Более того, давайте ей руководствоваться: ведь она, как показала история, — победоносная.

Неизбежное восстановление экономики России по сравнению с её нынешним кризисным состоянием наверняка будет повышать

спрос на рабочую силу, особенно на работников квалифицированного труда. Такие изменения с неотвратимостью ведут к подъёму рабочего самосознания, а значит — к росту классового пролетарского сознания наёмных работников. Исторический поворот неуверенно, медленно, с оглядкой по сторонам, но уже начался. Протестные выступления экономического характера могли бы оказаться мощнее и результативнее, если бы был влиятельный организатор. Его роль в капиталистическом обществе на стадии экономической борьбы обычно выполняют профессиональные союзы. В России эту функцию из-за откровенно соглашательской позиции ФНПР придётся брать на себя коммунистам. Это не значит, что КПРФ будет выполнять функции профсоюзов. Но ей придётся приложить колоссальные усилия, чтобы создать новые профсоюзы, которые занимали бы чётко классовые позиции. В Западной Европе в первые послевоенные десятилетия в такой ситуации происходило расслоение профсоюзного движения, создавались профсоюзные объединения, тесно связанные с разными политическими партиями, в том числе с коммунистическими. Это к тому же обеспечивало атмосферу конкуренции между профсоюзными объединениями в их борьбе за интересы наёмных работников.

Второй путь достижения кардинального влияния на экономическую борьбу наёмного труда против капитала — качественное повышение влияния КПРФ в действующих профсоюзах. Но в обоих вариантах требуется завоевание коммунистами авторитета в пролетарской среде.

Однако сегодня, как самокритично признавалось в «Очередных задачах КПРФ», принятых VII съездом, «партия до сих пор не стала ведущей силой в рабочем движении. Вследствие недостаточно активного влияния коммунистов рабочее движение, ослабленное развалом крупных трудовых коллективов, страдает половинчатостью и непоследовательностью, легко гасится мелкими подачками новых хозяев. Основной формой усиления влияния партии на трудовые коллективы и рабочее движение должна стать работа коммунистов в профсоюзах. При всех их нынешних недостатках они остаются единственными массовыми организациями трудящихся. Поэтому завоевание влияния в профдвижении и тесное сотрудничество с профсоюзами — задача для партии не менее важная, чем борьба за голоса на выборах в органы власти» (VII съезд Коммунистической партии Российской Федерации. 2–3 декабря 2000 года. Материалы и документы. — М.: ИТРК. 2001. С. 83).

Опыт сотрудничества с профсоюзами, занимающими выверенную классовую позицию, — дело наживное. Но оно сдвинется с ме-

ста, если КПРФ озаботится тем, существует ли нацеленность первичных, местных и региональных отделений на каждодневное участие в рабочем движении, на авангардную роль в нём. В.И. Ленин обращал самое серьёзное внимание на чрезвычайно важную роль борющейся за социализм партии: «Тут идёт речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности... будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата...» (там же. Т. 26. С. 221).

Не будем гадать, какие извивы ждут надвигающуюся революционную ситуацию в России, которая сейчас едва выходит из эмбрионального состояния. Но один вывод сделать уже можно: время аморфно определяемого **протестного движения** заканчивается. Оно неизбежно будет перерастать в **революционное движение класса наёмных работников физического и умственного труда и солидарных с ним всех трудящихся**.

В проклёвывающемся пролетарском революционном движении нам не обойтись без Маркса, Энгельса, Ленина, без их сугубо научной теории неизбежного перехода от капитализма к социализму. Антикапитализм без их идей, без этих имён куций, комолей, яловый. Правда, поклонникам здравого смысла неодолимые помехи создаёт настойчивое подчёркивание классиками научного коммунизма ведущей роли рабочего класса, снова ставшего пролетариатом, и классовой борьбы в поступательном движении истории. Поэтому «смыслократы» очень жаждут разбавить классовый подход чем-нибудь очень «цивилизационным», «культурно-историческим», а то и религиозным. Тогда им жить будет спокойнее.

Покой — вещь, конечно, приятная. К тому же борьба как самоцель симпатична только, извините, оловянными солдатикам. Но у нашей борьбы цель величайшая, историческая. За социализм, к которому побуждает, подталкивает вся логика общественно-экономического развития и России, и человечества. А социализм сам собою в руки не упадёт. Не потому, что этот идеал ущербен, а потому (и только потому), что в истории нет других субъектов, кроме живых людей, деятельных, неизбежно вступающих в отношения между собой, каждодневно стремящихся отстаивать свои интересы. Приоритетные же общественные отношения, то есть отношения производственные, базисные, с необходимостью порождают классы. А несовпадение их интересов ведёт к классовой борьбе. К ней подталкивает частная собственность, культ прибыли, создаваемой эксплуатацией труда капиталом.

А если в истории действуют только люди, то, следовательно, те, кто берётся прокладывать лоцию в социализм, должны точно уста-

новить, кто не просто способен, а всей логикой своей жизни заинтересован ни в коем случае не заблудиться на пути к жизнеустройству, при котором господствует общественная собственность на средства производства. Выбор не велик. Частному собственнику любого масштаба — хоть крупного, хоть среднего — социализм не только не нужен, но он при всяком удобном случае стремится с ним расправиться. Иначе не случилось бы контрреволюции 1991—1993 годов. Странно, что какие-то иллюзии ещё гнездятся в головах тех, кто был свидетелем и жертвой той трагедии. Мелкая буржуазия по своей природе двойственна: её представители — не только собственники, но и труженики (впрочем, мелкобуржуазное необузданное половодье, как замечал В.И. Ленин, ежедневно и ежечасно рождает капитализм).

Наиболее устойчиво **в социализме заинтересованы наёмные работники физического и умственного труда**. Других надёжных приверженцев у него нет. Но реальность социализма тем и обеспечивается, что таких работников — пролетариев — большинство. От капитализма их отталкивает эксплуатация человека человеком, груз которой давит прежде всего на их плечи. Но дело не только в этом. Основной смысл приверженности пролетариев социализму в ином. Квалифицированные наёмные работники физического и умственного труда не питают ненависти к тому труду, которым они заняты. Наоборот, они гордятся своим трудом. Они негодуют, что созидание материальных и духовных ценностей капитал низводит до униженного занятия, третировает его, несмотря на то, что живёт его плодами. Поэтому единственной альтернативой обществу эксплуатации и унижения труда пролетариат считает социализм. Только социализм.

Движение к социализму — классовый процесс. И его ничем не заменить, не подменить. Однако классы делятся на объективно заинтересованные в социализме и беспощадно отторгающие его. Третьего здесь не дано.

Вот он, не просто истинный, но единственно приемлемый, единственно возможный стержень сплочения антикапиталистических сил. Организационно-политическое укрепление КПРФ достижимо лишь на позициях пролетариев физического и умственного труда, которые только и способны быть материальной силой возрождения социализма. Значит, идеологическим стержнем организационно-политического укрепления КПРФ неизбежно является теория пролетарского социализма. А это — марксизм-ленинизм.

Послесловие

В Программе КПРФ достаточно ясно определены стратегические направления политики нашей партии, вытекающие из характера господствующих в российском обществе социально-экономических отношений. В ней записано: «Реставрация капитализма неизбежно породила эксплуатацию человека человеком, привела к глубокому расколу общества... В Россию вернулось антагонистическое противоречие между наёмным трудом и капиталом... Углубляется пропасть между богатыми и бедными, между новоявленными толстосумами и большинством народа. Трудящиеся лишились большей части своих социально-экономических и гражданских прав. Пролетаризация большинства соотечественников происходит одновременно с их социальным расслоением. Продолжается абсолютное обнищание значительной части трудящихся, ветеранов и пенсионеров».

Принципиальный вывод КПРФ из сложившейся ситуации, сущность которой вытекает из реставрации капитализма, в партийной Программе сформулирован совершенно недвусмысленно: «КПРФ убеждена: спасение Отечества — только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма». Любой иной подход был бы равнозначен ревизии основного партийного документа и сползанию на позиции оппортунизма.

Эти очень правильные положения воплотятся в жизнь только тогда, когда в России поднимется мощное рабочее движение, одухотворённое социалистическим сознанием, то есть учением марксизма-ленинизма. Овладение этим великим учением — задача двудеятельная, адресованная как сплочённому едиными интересами революционному рабочему движению, так и Коммунистической партии, которая самой историей назначена быть авангардом пролетарской борьбы за свои коренные интересы, то есть за социализм.

Октябрьский Пленум Центрального Комитета КПРФ (2012 г.) поставил перед партией задачу превращения работников наёмного труда в тот «революционный класс, что способен довести зарождающийся массовый протест до общенациональных масштабов»

(Правда. 2012. № 111). Общество безоговорочно признаёт, что КПРФ является единственной в России партией, которая может и должна стать авангардом борьбы за преодоление реставрации капитализма. Думается, этап, когда от коммунистов требовалась «стрельба по площадям», когда приоритетной была задача добиться узнаваемости партии как силы, отторгающей буржуазный антинародный режим, остался позади. Решив в целом эту задачу, коммунисты могут перейти к прицельной работе по формированию того революционного класса, о котором говорилось на октябрьском Пленуме ЦК партии.

Новый этап борьбы потребует корректировки образа КПРФ. Предстоит от партии протестных действий превратиться в партию пролетарской классовой борьбы. В этой ситуации наполняется новым конкретным содержанием, серьёзно обогащает содержание программной установки на внесение социалистического сознания в пролетарские массы. Приоритетной по-прежнему остаётся задача, поставленная ещё классиками марксизма-ленинизма: помочь работникам наёмного труда осознать свою принадлежность к пролетариату и свои коренные классовые интересы. Но её нам предстоит дополнить заботой об освоении пролетариатом методов и форм классовой борьбы за его интересы. А для этого придётся учиться и самим коммунистам, и убедить рабочих, осознавших свои классовые интересы, в необходимости учиться борьбе за их реализацию.

Освоение опыта противостояния большевиков всевластию капитала в дооктябрьский период, борьбы европейских трудящихся за свои права превращается из теоретической задачи в практическую потребность. При этом не будем высокомерно относиться к опыту рабочего движения в 1989–1991 годах, отбирая в нём крупинцы ценного, что может быть использовано в противостоянии трудящихся нынешнему всевластию частной собственности, и решительно отбрасывая всё, что начинено буржуазными предрассудками. Даже в опыте нынешней борьбы между двумя кланами приверженцев капитализма могут оказаться ценные для пролетарской борьбы зёрна.

Обучение классовой борьбе и практическое применение освоенных знаний превращается в первостепенную задачу, которая под силу только КПРФ. Сегодня снова острая нужда в школах типа ленинской Лонжюмо. Теперь потребность в сети таких школ на просторах России. Они призваны сформировать новое поколение вожаков, которому придётся взять на себя бремя практического преодоления капиталистической реставрации. Вероятно, наступает не меньшая потребность в подготовке рабочего актива. Неправильно было бы забывать о привлечении к борьбе за интересы трудящихся инженеров и

техников, которые в своей повседневной трудовой деятельности постоянно общаются с рабочими. Такого же внимательного отношения со стороны Компартии требуют профессорско-преподавательский состав вузов, педагоги среднего и начального профессионального образования, мастера производственного обучения.

С каждым днём обостряется идеологическая борьба. Режим использует весь арсенал средств для одурманивания трудящихся. В таких условиях от коммунистов потребуется принципиальная, непримиримая, последовательная работа, у которой не будет ни сезонности, ни отпусков, ни праздных выходных. Придётся следовать прекрасной поэтической формуле:

*Всё испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг.*

На новом этапе борьбы нам предстоит постоянно помнить, что сердца и умы – это «высоты, которых отдавать нельзя».

Подписано в печать 31.10.2012. Тираж 4 000 экз.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций —
свидетельство ПИ № 77-16383 от 22 сентября 2003 г.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография». Заказ №
143400 Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.

